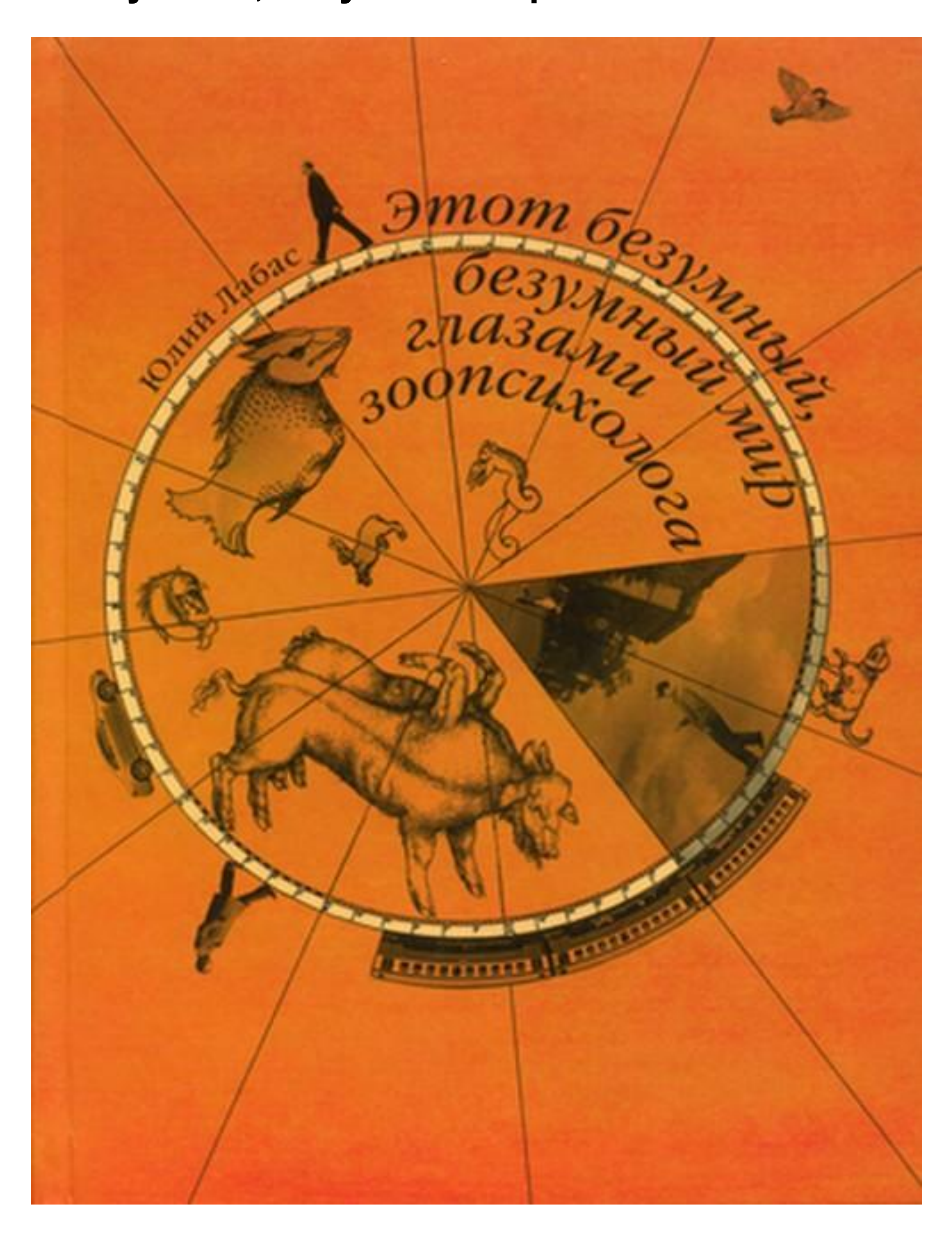
Юлий Александрович Лабас
Игорь Владимирович Седлецкий
Этот безумный, безумный мир глазами зоопсихолога

http://www.etologia.narod.ru/
«Этот безумный, безумный мир глазами зоопсихолога»: 1992

Аннотация

Учебное пособие для власть имущих, нынешних и грядущих. Этнопсихологические очерки. Эта книга написана в 1992 году. Многое из описанного здесь сбылось, многое устарело…

Юлий Александрович Лабас, Игорь Владимирович Седлецкий
Этот безумный, безумный мир глазами зоопсихологов

Введение

По мере развития цивилизации изменяются условия жизни людей, и увеличивается убойную мощь их оружия. Эти прогрессивные изменения осуществляются несравненно быстрее. чем эволюционирует информация, хранящаяся в генах человека и, в частности, та ее часть, которая ответственна за врожденные программы поведения — инстинкты. Особенно большие изменения в человеческое бытие внесла, как известно, научно-техническая революция. Она началась всего-то около двух с половиной веков тому назад, причем прогресс науки и техники идет в самоубыстряющемся темпе.

Казалось бы, этому прогрессу следует только радоваться. Однако прекраснодушным мечтам о поступательном развитии человечества от первобытного варварства к высоким технологиям и гуманизму положили конец ужасы двух мировых войн и тоталитарных режимов XX века, бездумная расточительность и духовное оскудение потребительского общества, надвигающаяся угроза глобального экологического кризиса, Чернобыль, все новые вооруженные конфликты и постоянный риск ядерного Апокалипсиса.

Почему же прогресс науки и техники сыграл с людьми такую злую шутку? В этом, прежде всего, виновата наша низкая мораль или, если сказать точнее, ее полное несоответствие нашим современным условиям жизни, знаниям и интеллекту. Беда в том, что даже самые просвещенные и умные люди, помимо своей воли, пожизненно обречены, оставаться рабами «греховных помыслов»: эмоциональных порывов и вожделений, побуждающих к аморальным поступкам. Одни владеют собой лучше, другие — хуже, третьи вообще не способны или не считают нужным «рассудку страсти подчинять». Но это — только детали. Общее же состояние общества в наши дни позволяет прийти к следующему пессимистическому выводу.

Нечего надеяться, что исправление общественных отношений, гуманное вероучение, хорошее воспитание и образование, высокий уровень жизни, бытовой комфорт, рано или поздно улучшат саму природу людей: сделают всех благородными, честными и добрыми, пусть даже заметных успехов в этом направлении все-таки удается добиться в обществе, основанном на более или менее разумных началах.

Трагическое фиаско социальных утопий прошлого века в значительной мере связано с тем, что тогда еще вообще не существовало эволюционно-генетического подхода к психологии. А потому многим даже величайшим мыслителям казалось, будто достаточно построить на развалинах старого «мира насилия» коммунистическое «Царство разума», и человеческие пороки сами собой исчезнут. На всей нашей планете воцарятся справедливость и искренность, взаимное доброжелательство, братская любовь. За такую светлую мечту о земном рае заплатили своей жизнью многие десятки миллионов наших дедов и отцов.

Между тем, коренным образом улучшить человеческую нравственность в исторически обозримый срок — в принципе невозможно потому, что она, к величайшему сожалению, имеет врожденную, заложенную в генах эмоциональную основу. Это в равной мере относится и вообще ко всем эмоциям человека. поскольку биологическая эволюция оперирует временами, несоизмеримыми с историческими периодами. Ее временные масштабы — не какие-нибудь там десятки или сотни-тысячи, а сотни тысяч и миллионы лет. В результате же, эмоциональные мотивы взаимоотношений людей, их общественного поведения, и ныне, в наш ядерно-компьютерный век, все еще остаются во многом такими же, каким были у австралопитеков — наших дочеловеческих двуногих предков, когда-то (2–3 миллиона лет тому назад) бродивших стадами по африканской саванне.

Ученые считают, что по своему образу жизни человекообразные обезьяны-

австралопитеки мало, чем отличались от остальных так же «спустившихся с дерева» стадных обезьян африканской саванны, например, от современных павианов.

Стадность наземным обезьянам необходима из-за того, что поодиночке или в малой семейной группе они не в силах защитить себя от леопардов и других крупных быстроногих хищников. В то же время взаимоотношения отдельных индивидов в обезьяньей стае строятся на жестком иерархическом принципе. Иерархический ранг устанавливается в конфликтах, стычках, подчас даже жестоких драках между самцами. Сильные старшие властвуют и часто измываются над слабыми и младшими отбирают у них пищу, самок. Вместе с тем, каждое стадо кормится на вполне определенной территории, которую коллективно защищает от других аналогичных стад.

Врожденная «обезьянья мораль» не особенно высока, поскольку эти родственные нам животные не вооружены от природы такими орудиями смертоубийства как, например, мощные клыки и когти стайных хищных зверей, куда бережливее, чем люди относящихся к своим собратьям по виду. С эволюционной точки зрения эта разница вполне понятна. Ведь. скажем, волки, просто-напросто вымерли бы, истребив друг друга, если бы дрались между собой так же безоглядно и яростно как стадные обезьяны!

Тяжелое «обезьянье наследие» постоянно дает себя знать в таких неизлечимых пороках и бичах человеческого общества как взаимная агрессивность, завистливость и мстительность людей, их вечная борьба за власть и территорию — «место под Солнцем», социальное неравенство, лизоблюдство и обожествление тиранов, их черная неблагодарность, самодурство и мнительность, коллективная травля «белых ворон» и этническая либо идеологическая вражда, война, легковерие и беснования толп, разжигаемых демагогами, объединяющее действие общей мишени ненависти — «образа врага» и разрушительные революционные взрывы.

Эволюционно-психологический подход полезен и при рассмотрении столь, на первый взгляд, далеких от естествознания феноменов и проблем как альтруизм, совесть, личная и политическая свобода, механизм восприятия произведений искусства, происхождение собственности и государств разного типа.

Таким образом, несмотря на все необозримое богатство человеческого внутреннего мира, современной наукой бесспорно доказано, что в нашей психике много общего с животными: млекопитающими, птицами и т. д., в особенности же, с обезьянами — представителями отряда приматов, к которому мы сами принадлежим.

Всякий знает: в поведении высших животных проявляются отнюдь не только врожденные программы-инстинкты, но и последствия разного рода процессов обучения-накопления и обобщения. переработки индивидуального опыта. К тому же, хотя у животных отсутствует речь, у них имеются более или менее похожие на человеческие врожденные способы выражения эмоций, а также, несомненно, наличествует в его неречевой форме мышление, рассудочная деятельность. Не даром же, общаясь с обезьяной, с собакой или с кошкой, с попугаем и т. д., мы запросто понимаем друг друга в тех или иных пределах. Можем даже дружить.

А как же все-таки появилась духовная пропасть между людьми и «бессловесными тварями», если многие врожденные программы поведения у нас с ними — сходные? Все знают, что решающую роль сыграл здесь беспрецедентный в животном царстве речевой способ общения и связанный с ним коллективный опыт, постоянно обогащающийся от поколения к поколению.

Сама наша способность выучивать и понимать язык — тоже, впрочем, врожденная. Ею всецело определяется наличие у людей несравненно более высокого, чем у любых животных, интеллекта-духовной жизни.

«В начале было слово…». Человек без информации, получаемой с детства посредством речи, — не человек. Как продукт общественного развития люди обрели уникальную способность мыслить и действовать. видя себя как бы со стороны и самокритически оценивая свои поступки. Эта самооценка постоянно удерживает цивилизованных людей от

действий, диктуемых животными инстинктами, но не соответствующих нормам поведения, принятым в данной культурной среде.

Как известно, отдельные (во все века, увы, немногочисленные) волевые личности, руководствуясь своими жизненными принципами, способны действовать наперекор любым инстинктам, включая даже самые мощные из биологических мотиваций поведения: страх смерти и стремление избавиться от физических страданий. И у животных наблюдается альтруизм, но безотчетный. Рискуя жизнью при защите потомства и т. п., они не размышляют о возможно фатальных для них последствиях своих действий, продиктованных инстинктом. Поэтому такое человеческое поведение как жертвенное служение идее, героические подвиги, совершаемые на трезвую голову, вполне осознанно, а не в состоянии эффекта даже, если цель их совершенно неразумна, все-таки не имеют полного аналога в животном царстве.

То же можно сказать и о взлетах человеческого духа, творческих озарениях, даже, по всей вероятности, о сложносюжетных снах и о фантазии — этом мире словно второй («виртуальной») реальности, рождаемой в мозгу. Для таких высших проявлений свободы человеческого «Я» как добровольное восхождение на крест или на костер, зоологические параллели, попросту говоря, непристойны.

Одним словом, в практически любом человеке, наряду с животным началом, уживается еще и другое, духовное, неодинаково развитое у разных личностей. В результате, наш внутренний мир по самой своей сути трагически противоречив. Что именно представляет собой духовное, «надбиологическое» начало (чисто человеческий «разум», «сознание», «душа»), наука, несмотря на все ее успехи, толком ответить не может. Однако только в нем — источник последней надежды на выход человечества из того тупика, в который оно само себя загнало к концу XX века.

Вот таков вкратце перечень проблем, с которыми авторы этой книги хотели бы ознакомить читателей. Но, тем не менее, наша книга — вовсе не научный труд и не учебное пособие. Она даже — не научно-популярное произведение обычного типа. Дело в том, что в ней нарушены два следующих основных канона научно-популярного жанра.

Во-первых, авторы научно-популярных произведений обычно стремятся излагать доходчивым языком нечто, относящееся исключительно к какой-то одной более или менее узкой области науки и не вторгаются в другие области.

Во-вторых, считается дурным тоном совмещать в едином тексте проблемы естествознания с так называемой «гуманитарщиной», как-то: философия, история, экономика, политическая публицистика, цитаты из литературных произведений или применение в качестве примера литературных персонажей, собственные воспоминания сочинителей о виденном и пережитом.

Мы, авторы, убеждены, что при попытке внести научные представления в столь сложные и запутанные проблемы как взаимоотношения людей в коллективе, конфликты в нем, этика и нравственность, социально-психологическая подоплека политики, экономики и исторического процесса, требуется, по возможности, всесторонний охват. Не грех при этом черпать информацию из любой области знаний, если от того могут родиться хоть какие-то дельные мысли по подобного рода вопросам. Нет криминала и в мемуарных отступлениях либо же — в цитатах из художественной литературы, будь только и таковые к месту.

В то же время из всех наук авторы книги по вполне, надеемся, понятной читателям причине больше всего опирались на этологию: эволюционную биологию поведения животных, его, преимущественно, врожденных форм — инстинктов. Этология вычленялась из зоопсихологии (изучающей поведение в целом) в тридцатые годы XX века и превратилась в совершенно самостоятельную научную дисциплину. Большая заслуга этологов: они на громадном фактическом материале доказали, что даже у высших животных и у человека, несмотря на его разум, все, приобретенное в личном, индивидуальном опыте, — не более, чем «надводная часть айсберга». Прочее же составляет гигантский «архив» врожденных программ поведения, полученный с генами от предков, причем наш мозг устроен так, что

сами мы субъективно не ощущаем присутствие там этого древнего «архива».

Только благодаря этологам был сравнительно недавно окончательно похоронен миф, будто человек при рождении, словами английского философа XVIII века Джона Локка, «чистая доска» — «*tabula rasa* ». Все личностное, якобы, происходит от воспитания и превратностей судьбы.

Опровергнуты данными этологов и представления ортодоксальных приверженцев павловского учения об условных рефлексах как, будто бы, главном механизме поведения. Ассоциация («временная связь» по терминологии акад. И. П. Павлова) типа: звонок-пища-слюноотделение при одном только звонке, — не более, чем один из многих частных вариантов дрессировки. Подобного рода ассоциациями отнюдь не исчерпывается все, что хранится в индивидуальной памяти, вопреки тому, что еще недавно проповедовали некоторые из наших отечественных нейрофизиологов.

Как научное направление этология очень далека и от американской школы исследователей, так называемых бихевиористов (от «behavior» — поведение). Эти последние увлекаются приборными методами наблюдений за обучением животных в искусственных, лабораторных условиях и практически игнорируют эволюционные проблемы, совершенно не интересуются инстинктами.

Наконец, мало точек соприкосновения у этологов с психиатрами психоаналитической фрейдовской школы. Фрейдисты склонны строить свои умозаключения, основываясь на знании одной лишь человеческой психики, т. е., опять-таки в отрыве от биологической эволюции. Отсюда — разного рода субъективистские трактовки и много-много хитроумных терминов, из которых любому читателю, вероятно, известны знаменитые «либидо» и «Эдипов комплекс». Однако и фрейдисты признают большую роль подсознательного, согласно этологам, инстинктивного начала в поведении человека, в его мыслях, эмоциях, фантазии и снах.

Оба мы — авторы книги — московские биологи, доныне публиковавшие научные работы, исключительно, о водных животных — беспозвоночных и рыбах. Писать впервые о людях, причем для широкой аудитории, нас, откровенно говоря, побудило чувство страха. Поясним: это страх не за себя, хотя кому же сейчас на Руси спится спокойно, особенно, если есть семья, дети, а за все наше распавшееся и кровоточащее отечество, за вас, дорогие читатели. Пугает реальная угроза превращения нашей великой державы в нищую «банановую республику» с мощным ядерным оружием и АЭС, опасность гражданской войны в общероссийском масштабе и людоедской нацистской диктатуры. Хотелось, по мере сил, просветить соотечественников, особенно тех из них, кто делает «большую политику», растолковать им «что к чему», дабы не «баловались с огнем». Не исключаем, что наша книга может заинтересовать кое-кого и в зарубежье, хотя бы — как лишний случай заглянуть в «загадочную российскую душу», лучше понять, что творится ныне у нас в стране.

Глава 1. Этология, этологи и этот «безумный» мир

1.1. В чем суть учения этологов?

Мы постараемся ответить на этот вопрос предельно популярно и кратко.

Этологи не видят особой разницы между морфологическими признаками — строением организма и врожденными формами его поведения. С какой стати, спрашивают они, эти формы поведения должны быть пластичнее тех нервных морфологических структур головного мозга, в которых заложены соответствующие программы? Возьмем для аналогии компьютер. В нем — набор программ. Что в вызываемых файлах, то и на дисплее. Почему бы это вдруг на дисплее будет разное, если в хранимой записи одно и то же?

Врожденные формы поведения, в конечном счете, определяет переданная по наследству морфология нервных связей и режимов работы отдельных нервных клеток.

В доказательство приводят многочисленные наблюдения за животными разных видов в

естественных условиях обитания и в экспериментах.

Инстинкт слеп. Реакция запущена — она и пошла. Ей «нет дела» до того, что повод к ней отпал. Скажем, одиночная оса строит гнездо: сперва соты, над ними — крышу. Экспериментатор «украл» соты из под носа осы, а она, знай себе, строит крышу над пустым местом.

К тому же побуждение к инстинктивному акту постепенно нарастает под влиянием сигналов из внутренних органов организма или в зависимости от длительности своего неосуществления либо сезона, времени суток. В какой-то момент он может быть запущен слабыми или несоответствующими раздражителями, а в конце концов — даже вхолостую. Скажем, животное «сексуально озабочено». Самец ищет готовую к соитию самку, а ее, как назло, поблизости нет. Начинаются, так сказать, реакции «по ошибке» и все прочее, о чем в применении к человеку так любят писать те противные журналы и газетки, которыми у нас сейчас, к сожалению, так бойко торгуют в подземных переходах и метро.

То же самое с голодом. Если нечего есть из нормальной пищи, будут предприниматься попытки скушать нечто все менее и менее съедобное. Начнут нарушаться и инстинктивные запреты, например, на поедание детенышей своего же вида. Прекрасный пример появления «ошибочных» реакций по мере нарастания разных потребностей (мотиваций) обнаружен в поведении раков-отшельников, пресмешных морских существ, которые прячут свою мягкую как у гусеницы заднюю половину тела в пустую раковину улитки. Рак постоянно таскает с собой этот домик, а на него сажает с помощью клешней своего верного союзника: сидячее животное актинию, вооруженную стрекающими щупальцами. Замечено, что не в меру «сексуально озабоченный» рак пытается совокупиться с… актинией, слишком сильно проголодавшийся — пожирает ее, а лишившийся раковины-домика тщетно пытается запрятать задик в актинию.

Что лежит в основе таких явлений? Очень часто — накопление в мозгу и крови особых веществ — нейромедиаторов и гормонов — производимых специальными клетками желез внутренней секреции и самого же головного мозга. Поэтому некоторые из таких состояний можно простимулировать инъекцией соответствующих веществ, что многократно и делали ученые в экспериментах на животных. Сам процесс накопления таких веществ по мере нарастания той или иной потребности хорошо доказан. Когда соответствующая потребность удовлетворяется, концентрация побуждающего вещества в мозгу и крови резко падает. Кроме того, в зависимости от мотивации меняется электрическая активность некоторых вполне определенных центров мозга. Их можно раздражать электрическим током и тогда животное начинает, например, проявлять непомерную половую возбудимость, дикий аппетит или столь же неутолимую жажду.

Раз начавшись, инстинктивная реакция часто разыгрывается по принципу «все или ничего». Это — нечто вроде пистолетного выстрела. Нажал на спуск, а дальше уже все пошло «само собой»: от удара бойка взорвался пистон, от него, детонировал порох в гильзе. Пороховые газы вытолкнули пулю из ствола. Остановить этот процесс на полпути уже не просто.

Что завершает инстинктивную реакцию? Информация о том, что ее запрограммированная цель достигнута: произошло извержение спермы, пища или питье заполнили желудок, опорожнился мочевой пузырь.

В самом ходе инстинктивной реакции, характере ее осуществления у разных видов могут быть свои специфические вариации. Им посвящено громадное число работ. Для разных видов насекомых, рыб, птиц и млекопитающих подробнейшим образом описаны типичные особенности осуществления отдельных инстинктивных актов.

Например, описан процесс ухаживания за самкой и откладки икры у рыбки — трёхиглой колюшки. Самец строит для икры специальное гнездо на водяных растениях, а затем своего рода «танцем» завлекает туда самку. Самка откладывает икру, а самец эту икру оплодотворяет, после чего прогоняет самку и принимается охранять, а также вентилировать гнездо, помахивая плавниками. Завидев другого самца, самец его атакует.

Вся эта последовательность стереотипна как мелодия на грампластинке. Однако, весь процесс, как оказалось, вырубает конечная информация: вид икры в гнезде. Если экспериментатор подсовывает неоплодотворенную икру в еще пустое гнездо колюшки, самец тотчас прогоняет еще не отнерестовавшую самку и принимается бессмысленно охранять гнездо с неоплодотворенной икрой!

А как узнаются самка, самец, икра и так далее?

Как выяснилось, даже рыбки, выращенные в полной изоляции, все это распознают по внешнему виду, причем признаки для распознавания довольно грубы и приблизительны. Рыбку можно обдурить разными подделками, о чем мы расскажем несколько позже.

Врожденное узнавание, зрительное, по запаху, звукам и так далее, играет громадную роль в поведении самых разных живых существ и даже, как оказалось, человек не составляет в этом отношении исключения. Кое-что, правда немногое, о том, как выглядят человеческая физиономия, «мама», «мужчина», «женщина», «страшилище»-чужак; как отыскать мамину грудь и так далее мы знаем без всякого обучения уже от рождения. Даже улыбку или насупленное выражение лица младенец без обучения распознает на картинках типа: «точка, точка, запятая, минус — рожица кривая».

У птиц по части врожденного узнавания — чудеса. Некоторые без научения узнают даже вполне определенные созвездия на ночном небе или в планетарии, когда приходит пора лететь на юг и надо ночью определять направление полета.

Маленькие ракообразные животные бокоплавы с учетом фаз Луны умудряются по ее положению определять направление, в котором надо прыгать по влажному песку во время отлива, чтобы добраться до воды. Днем они точно также умеют ориентироваться по Солнцу.

«Хорошо яичко к пасхальному дню». Эта поговорка вполне применима к инстинктам. Птицы, ориентирующиеся по звездам во время осеннего перелета, вглядываются в звезды только осенью. Интерес к особям другого пола и стремление к соитию появляются лишь когда в крови и мозгу накапливаются половые гормоны, во вполне определенный сезон. При наличии мотивации животное начинает искать то, что нужно, чтобы от нее избавиться. Голод побуждает к поискам пищи. Половое влечение стимулирует активный поиск брачной пары.

Поисковое поведение очень сложно. Вот в нем как раз много нестереотипного, оригинального, громадную роль играет обучение, индивидуальный опыт. Все виды творческой деятельности происходят тоже от поискового поведения. Слышали стишок А. Заходера?

> У червяка спросил чудак:
> Чего ты ползаешь, дурак?
> А я не просто ползаю,
> А непременно с пользою.

Грустно, но факт: даже у наших самых возвышенных творческих порывов и поисков всегда есть прячущаяся где-то глубоко в подсознании мотивационная, то есть инстинктивная подоплека. Словами есенинского «Черного человека»:

> Ах, люблю я поэтов!
> Забавный народ
> В них всегда нахожу я
> Историю, сердцу знакомую, -
> Как прыщавой курсистке
> Длинноволосый урод
> Говорит о мирах,
> Половой истекая истомою…

Простите, дорогие читатели, за эту неаппетитную цитату из творения большого поэта. В ней, конечно, явный перебор, но доля истины, разумеется, есть. И не будем упускать из

виду, что скрытым мотивом творчества, по-видимому, является не какой-то один инстинкт — например, половой, как утверждают некоторые слишком рьяные последователи З. Фрейда, — а сложный комплекс разных мотиваций. Об этом мы еще поговорим.

В процессе поиска его цель: раздражители, запускающие инстинктивную реакцию. Напомним еще раз: в отличие от поискового поведения, она стереотипна и более специфична для разных видов. Специфична и та информация, которая ее запускает: в мозгу работает как бы фильтр, отсеивающий все несущественное. Пусковая информация словно ключ, отпирающий определенный замок. Здесь к месту английский детский стишок:

— Где ты была сегодня, киска?
— У королевы, у английской.
— А что видала при дворе?
— Видала мышку на ковре.

Инстинктивное поведение как бы созревает в процессе индивидуального развития, но существенным образом не изменяется в результате обучения, в отличие от стратегий поиска.

К примеру, до достижения зрелости животное «не обременяет себя» проблемами секса и не проявляет к ним ни малейшего интереса. Однако, бывает, что соответствующие нервные механизмы уже созрели. Дело только за накоплением в мозгу соответствующих гормонов. Так, если только что вылупившемуся из яйца индюшонку инъецируют мужской половой гормон тестостерон, это покрытое пухом крохотное существо тут же начинает преследовать взрослых индюшек и пытаться с ними спариваться.

Очень большое внимание этологи уделяют сигналам социального характера, так называемым социальным релизерам. Дело в том, что эти сигналы произошли от разного рода движений, например, хватательных, связанных с бегством, полетом, но давным-давно утратили всякий смысл, кроме сигнального. Такова, в частности, вся наша мимика. Она выражает многие чувства, передает общающимся с нами обширную информацию.

У некоторых птиц, например, у разных видов уток, изучены многие десятки ритуализированных сигнальных движений и, что характерно, у каждого вида они свои. Другой вид утки может их не понять или понять совершенно превратно. То же самое — у разных рыб (например, очень хорошо исследованы разные виды аквариумных рыб — цихлид), ракообразных, насекомых и так далее, и так далее. Особенно тщательно изучены пчелы. У них есть набор жестовых сигналов о расстоянии, направлении и цели полета пчелы-разведчицы: так называемый «язык», за расшифровку которого, как мы уже говорили, Карл фон Фриш получил Нобелевскую премию.

Интересно, что очень многие ритуализованные сигналы произошли от так называемых перемещений активности: бессмысленных движений, возникающих при сшибке разных побуждений, например, к броску вперед на врага и к бегству. У нас из такого рода движений хорошо известны почесывание затылка в состоянии растерянности, поднятие вверх бровей, пожатие плечами.

Описаны длинные «диалоги», осуществляемые у разных животных при посредстве обмена различными ритуализованными выразительными движениями. Например, такой «диалог» между самцом и самкой предшествует всегда соитию у птиц и у рыб, причем у каждого вида он свой и прочим видам непонятен, полностью или частично. И у нас, если разобраться по существу, тоже не без такого диалога: тут и поцелуи, и улыбки, и многое другое. Не будем отбивать хлеб у сексологов. Этологи пишут при этом о демонстративном характере многих движений и о том, что, несмотря на видовые различия, у близкородственных видов все-таки в подобного рода «диалогах» всегда есть много общего.

Что вообще характерно для ритуализованных демонстративных движений? Для их понимания без обучения существуют особые генетически закрепленные программы, своего рода врожденная предварительная «договоренность» между посылающим и принимающим сообщение, будь то движение, звук или определенный запаховый сигнал, как то часто бывает у насекомых.

И в обучении, о котором так много было известно уже до этологов, они обнаружили его особую разновидность: раннее запечатлевание, по-английски «импринтинг». Выяснилось, что кое-какая информация прочно запоминается животными вскоре после рождения, во вполне определенный период индивидуального развития, а потом уже необратимо «сидит в мозгу» и не поддается переделке.

Мы об этом еще расскажем весьма подробно.

Наконец, последнее, о чем мы сейчас сообщим, рассказывая об этологах. Учеными этого направления убедительнейшим образом доказано, что агрессия — инстинктивное поведение со своей вполне определенной мотивацией. Это означает, что существует и особая потребность в отыскании предлогов для агрессии. Такие предлоги разные живые существа, включая и нас, ищут точно так же, как ищут еду, питье, особь другого пола. Роли агрессии в человеческом обществе посвящена значительная часть нашей книги.

1.2. Обезьяньи процессы

Казалось бы, какое дело политикам до науки о поведении животных? Этологией можно с равным успехом заниматься при любом государственном строе. Огорчительное заблуждение! Ограничимся несколькими примерами.

1. В начале этого века в Берлине на тихой улочке Грибенофштрассе что ни день толпились титулованные особы, иностранные туристы и ученые психологи. Всем хотелось хоть одним глазком взглянуть на широко разрекламированных в прессе «говорящих лошадей», явных предшественников Полиграфа Полиграфовича Шарикова из «Собачьего сердца». Лошадей дрессировал чудаковатый старец фон Остен, отставной кавалерийский офицер, который, надо отдать справедливость, четырнадцать лет скрывал от всех свои эксперименты и, судя по рассказам современников, вовсе не стремился к саморекламе.

С упорством маньяка он пытался доказать, что психическая пропасть между людьми и животными — фикция. При надлежащем педагогическом подходе и лошадь, и собаку можно обучить всему тому, что знает немецкий школьник в младших классах или, Бог весть, может, и того более? С такими-то идеями он взялся преподавать лошадям понимание устной речи и чтение, арифметику и другие школьные предметы. Обучение шло приблизительно так. При лошади произносили какую-либо одну букву алфавита, тут же показывая ее на грифельной доске, и одновременно обучали животное бить копытом по помосту определенное число раз. За правильный ответ кормили. Потом учили словам, числам и так далее.

В конце концов, Умный Ганс и другие воспитанники фон Остена, а после его смерти (1909) — продолжателя этого дела Карла Краля в Эльберфельде дошли до такой премудрости, что, будто бы, могли в уме возводить в степень большие числа и извлекать из них квадратный либо даже кубический и так далее корень, а также отвечали на многие другие вопросы восхищенных посетителей, стуча копытами.

— Ганс, что ты видел на лугу?

— Милую госпожу Краль, которая меня кормила.

Разгорелась научная дискуссия. Некоторые ученые, посетившие чудо-лошадей, в том числе студентка Московских высших женских курсов Надежда Николаевна Лодыгина-Котс (1889–1963), в будущем крупнейший советский специалист по поведению обезьян, писали о новой эре в психологии. Некий революционно мыслящий автор восклицал:

— Раньше реакционеры утверждали, что дети низших сословий органически неспособны получить образование… Теперь точно так же огульно в этой способности отказывают животным!

Немецкое министерство просвещения прислало комиссию: а вдруг для лошадей придется теперь открыть средние школы? В дискуссию ввязался даже германский кайзер Вильгельм II. Он заявил:

— Достоверность опытов фон Остена и Краля не вызывает сомнений, поскольку немецкий кавалерийский офицер не может лгать.

Тем не менее, подавляющее большинство тогдашних немецких и других ученых постепенно пришли к заключению, что прорыва в новые сферы психологической науки все-таки не произошло. Лошади просто-напросто начинают и перестают стучать копытом, реагируя на какие-то едва уловимые поощряющие или, напротив, неодобрительные движения дрессировщиков, предумышленные или даже, возможно, непроизвольные. Дело, таким образом, сводится к обыкновенной дрессировке.

Какой-то налет неразгаданной тайны на всей этой забавной истории так, однако, и сохранился по сей день… Она долго служила темой салонных разговоров, породила многочисленные газетные статьи и анекдоты, в частности, английские.

На улице к прохожему подошла лошадь.

— Сэр, я — говорящая лошадь герцога Беррийского. Не затруднит ли вас сказать, где здесь ближайший водопой?

Человек еще не успел ответить ей, как к нему обратился другой прохожий:

— Сэр, не верьте ей. Она лжет. Она вовсе не лошадь герцога Беррийского, а самая обыкновенная говорящая лошадь.

2. 1943 год. Кенигсбергский университет вступил в свое трехсотлетие. На кафедре философии, той самой, которую некогда возглавлял Иммануил Кант, новый профессор, уже нам знакомый зоопсихолог Конрад Лоренц, австриец, но, между прочим с 1940 года кандидат в члены НСДАП — нацистской партии. Лекция о выразительных движениях обезьян, известной работе Дарвина об общности этих движений у животных и человека. В частности, профессор рассказывает о том, что разгневанные горные гориллы бьют себя в грудь своим здоровенным кулачищем так сильно, что гулкие удары слышны издалека, разносятся по всему лесу.

Лекция закончилась. Студенты высыпали в коридор и вдруг кто-то прячет улыбку или силится не улыбаться, а кто и хохочет в голос. На плакате фюрер бьет себя в грудь кулаком точь в точь как горная горилла!

Разумеется, последовал донос. Профессора арестовали. Допрос в Гестапо показал: этот чудак ничего плохого не имел в виду. Оставить такого не от мира сего болтуна на кафедре сочли, однако, невозможным. Не посчитавшись с возрастом, уже не призывным — сорок лет — и профессорским званием, Лоренца забрили в солдаты и послали на уже трещавший Восточный фронт. Там, по его словам, он сделал карьеру, достойную Наполеона: ротный санитар — солдат — полковой психиатр… А потом произвели уже несмотря на звание младшего лейтенента в дивизионные психиатры, да толку было мало. Сумасшедших к тому времени стало так много, что лечение просто потеряло смысл.

Позже, Лоренц вспоминал те дни в Белоруссии как какой-то дурной сон. Бежали, драпали, вырывались из русских котлов. Шли на Запад. Не было сапог, но в кармане зато был компас. Двадцать восьмого июня 1944 года заночевали в моховом болоте под Витебском. Разбудили русские автоматчики. Назвался младшим лейтенантом второй санитарной роты двести шестой пехотной дивизии. В этом качестве этапировали в жуткий лагерь военнопленных под Кировом, а оттуда на достаточно долгий срок в Халтурин, где лечебной работы было хоть отбавляй. Несмотря на это, именно там была написана замечательная книга «За зеркалом». Сам факт ее написания в таких условиях и то, что после долгих перипетий она-таки дошла до читателей — поразительное подтверждение того, что рукописи не горят. Затем Лоренца после недолгой остановки в Баку, отправили в Армению, а из нее, учитывая его антифашистские взгляды и неожиданно для него самого, в привилегированный подмосковный лагерь в Красногорске.

О том, когда и как появились такие взгляды — чуть позже. А пока суд да дело, «пленный антифашист Конрад Лоренц» написал письмо из лагеря известному русскому коллеге академику Леону Абгаровичу Орбели в Ленинград, человеку в то время с генеральскими погонами. Каким-то чудом письмо дошло и Орбели отреагировал. По его ходатайству основатель науки этологии, будущий Нобелевский лауреат в конце 1947 года был освобожден досрочно.

В поезде Москва-Киев-Вена ехал оборванный репатриант, все имущество которого состояло из сплетенной из прутиков самодельной клетки с ручным скворцом. В таком-то виде Лоренц вскоре появился на квартире своего венского друга Карла фон Фриша, а оттуда направился в отчий дом в Альтенберге под Веной. Потом злые языки говорили, что в Кировском лагере Лоренц уцелел якобы потому, что, в отличие от прочих пленных, бесстрашно ел мух, тараканов и других кишевших там насекомых. Прочие пленные мерли от голода, но разделить его трапезу не решались. А больше всех повезло в этой истории Л. А. Орбели. Когда его громили на Павловской Сессии 1950 года, этот страшный грех — участие в судьбе основателя «лженауки этологии» К. Лоренца — никто ему за неведением не припомнил. Иначе бы, уж точно, не сносить ему головы.

3. В июле 1925 года в Дейтоне (США, Тенесси) гремел обезьяний процесс. Судили школьного учителя биологии Д. Скопса. «Преступление» его состояло в том, что он развращал умы американских школьников, излагая им «богохульное» учение Ч. Дарвина и, в частности, осмелился утверждать, будто люди произошли от обезьян, а не созданы вместе с другими божьими тварями, Землей, Солнцем, звездами и галактиками около семи с половиной тысяч лет назад на шестой день творения. Общественным обвинителем был один из лидеров демократической партии У. Брайан. Учителя приговорили к большому денежному штрафу, причем ученых, которых пригласила защита, не допустили на процесс.

Многие влиятельные люди в Америке тех лет были убеждены, что дарвинизм и большевизм — одно и то же. Советская пресса торжествовала: Вот она хваленая буржуазная демократия! Мракобесие! Царство тьмы! Поповщина!

У нас в стране в те годы выгоняли за рубеж или отстреливали как рябчиков нежелательных гуманитариев: вышвырнули большую группу философов-идеалистов, в том числе и Бердяева, расстреляли за участие в несуществующем заговоре поэта Н. Гумилева, но к знаменитым естественникам, натуралистам относились с явным почтением.

Двадцать пятого июня 1920 года Ленин писал в Смольный Зиновьеву:

Знаменитый физиолог Павлов просится за границу. Отпустить Павлова вряд ли рационально, так как он и раньше высказывался в том смысле, что, будучи правдивым человеком, не может в случае соответственных разговоров, не высказаться против советской власти и коммунизма в России. Ввиду этого желательно было бы, в виде исключения, предоставить ему сверхнормальный паек.

В одном, как видно, вожди революции ни на секунду не сомневались: за сверхнормальный паек любой буржуазный интеллигент, пусть он хоть тысячу раз будет великим ученым, конечно уж, согласится попридержать язык за зубами или даже поменять на сто восемьдесят градусов свои убеждения! Пожалуй, эту точку зрения отчасти подтвердил дальнейший путь развития нашей науки. Однако тогда времена еще были для естественников довольно идиллическими. Творили корифеи, а Т. Д. Лысенко, И. И. Презент и компания еще никому не были известны.

4. С начала тридцатых годов ситуация явно начала меняться к худшему. Везде и всюду требовались классовый подход и немедленные практические результаты. Все маломальски непонятное полуграмотным вождям объявляли идеализмом и антинаукой. Уже появилось «табу» на З. Фрейда, а также многих других западных психологов. Начались первые наскоки на генетику. Вот, например, какой уморительный диалог в лицах, воспроизводя интонацию, как-то пересказала Ю. А. Лабасу уже упомянутая профессор Н. Н. Ладыгина-Котс.

В 1939 году ее вызвали повесткой в НКВД и начали расспрашивать о ее коллеге профессоре Н. Ю. Войтонисе.

— Хороший специалист, — сказала она.

— А известно ли вам, — спросил следователь, — что этот ваш «специалист» написал злобный антисоветский пасквиль? — С этими словами он сунул прямо в лицо Надежде Николаевне недавно появившийся труд Войтониса «Господство и подчинение в стае павианов».

— Помилуйте, — удивилась Лодыгина-Котс, — это же научная работа.

— Какая уж научная, — прошипел следователь, — ведь у павианов нет классового общества, нет политической борьбы, а, значит, не может быть и нет господства и подчинения. Это все не о павианах, а о советских людях!

— Но ведь у нас социализм, а, следовательно, ликвидированы эксплуататорские классы, — не сдавалась она.

— Не валяйте дурочку, — заорал взбешенный следователь. — Разве вам не известно, что, как показал великий Сталин, озверелое сопротивление остатков эксплуататорских классов непрерывно усиливается по мере нашего перехода в светлое коммунистическое завтра? Или, может быть, вы считаете, что мы, чекисты, зря едим народный хлеб?

Тут уж профессор не на шутку испугалась.

— Что же вы посоветуете делать, — робко спросила она, — если о господстве и подчинении у павианов и других животных писали многие ученые, а не только Войтонис. Об этом явлении писали еще до революции и пишут сейчас за рубежом.

— Да, — покачал головой товарищ следователь, — еще Ильич правильно указывал, что ваша ученая братия ни черта не смыслит в марксистской философии. Чтобы не было неприятностей впредь, рекомендую не пользоваться применимыми только к людям понятиями «господство и подчинение». Когда пишете о животных, употребляйте вместо того, к примеру, «согосподство и соподчинение», чтобы не путалось с людьми.

Так с тех пор и пой сей день все советские зоопсихологи и этологи, знай себе, пишут согосподство и соподчинение, хотя о происхождении этих «научных» терминов и не подозревают, просто позаимствовали их у Ладыгиной-Котс.

Тогда еще худо-бедно обошлось, а после войны поведенческие науки у нас вообще запретили вместе с другими «лженауками, платными девками американского империализма» — генетикой и кибернетикой.

5. Четвертого июля 1950 года состоялась Научная сессия АН СССР и АМН СССР, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова. На ней одни ученые выступали как доносчики-обличители. Другие униженно молили о пощаде, поливая грязью собственные научные труды, а заодно и своих учеников, якобы совративших учителя с пути истинного (были и такие!). «Идея», с позволения сказать форума, сводилась к одному: нету Бога, кроме величайшего гения всех времен и народов товарища Сталина, а пророк его во всех областях физиологии, психологии и медицинских наук — умерший в 1936 году академик И. П. Павлов (который, кстати, будь он жив, конечно, открестился бы от этакой чести, ибо, действительно, верил в Бога, не переваривал большевиков, о чем мы еще порасскажем, а, главное, не страдал недооценкой собственной личности, но все-таки был далек от самообожествления). Посему предали анафеме и запретили любые направления, кроме одного: изучения павловских условных рефлексов. Вот что, к примеру, говорил на сессии тогдашний президент АН СССР академик С. Вавилов, родной брат загубленного Николая:

Павловская материалистическая прямолинейность оказалась не всегда и не всем по силам… Впору бить тревогу… Наш народ и все передовое человечество не простят нам, если мы не используем должным образом павловского наследия… Нет сомнения, что возвращение на верную павловскую дорогу сделает физиологию наиболее действенной, наиболее полезной для нашего народа, наиболее достойной сталинской эпохи строительства коммунизма.

Любой интерес к проблемам врожденного и приобретенного поведения животных и, тем более, человека сделался после павловской сессии почти таким же опасным занятием как антисоветская пропаганда. Само слово «этология» можно было произносить, разве что, в сочетании с несколькими бранными словами, а, того лучше, вообще забыть.

Полагаем, ни в каких комментариях не нуждается нижеследующий текст обращения участников Сессии к товарищу Сталину, цитируемый нами с небольшими сокращениями.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Участники научной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященной проблемам физиологического учения И. П. Павлова, шлют вам, корифею науки, гениальному вождю и учителю героической партии большевиков, советского народа и всего прогрессивного человечества, знаменосцу мира, демократии и социализма, борцу за счастье трудящихся во всем мире, свой горячий привет. Настоящая научная сессия войдет в историю передовой науки как начало новой эпохи и развития физиологии и медицины, который призваны беречь и укреплять здоровье трудящихся, служить делу построения коммунизма в нашей стране. Мы все с глубокой радостью отмечаем, что сессия происходит в обстановке небывалого общего подъема науки в СССР, связанного с неуклонным ростом могущества нашей Родины, с дальнейшим улучшением жизни советских людей, с Вашей неутомимой титанической деятельностью.

Благодаря повседневным заботам большевистской партии, Советского правительства и лично Вашей, товарищ Сталин, наука в СССР переживает бурное развитие, обогащается все новыми открытиями и достижениями.

Вы, товарищ Сталин, продолжая великое дело Ленина, обеспечиваете науке большевистскую идейность, оказываете громадную поддержку всему передовому, прогрессивному в науке.

Великий Ленин и Вы, дорогой товарищ Сталин, оказали неоценимую помощь работам И. П. Павлова, создали все необходимые условия для творческого развития его физиологического учения.

Как корифей науки, Вы создаете труды, равных которым не знает история передовой науки. Ваша работа «Относительно марксизма в языкознании» — образец подлинного научного творчества, великий пример того, как нужно развивать и двигать вперед науку. Эта работа совершила переворот в языкознании, открыла новую эру для всей советской науки…

Вы, товарищ Сталин, поднимаете и творчески решаете самые насущные вопросы марксистко-ленинской теории, мощным светом своего гения озаряете путь к коммунизму.

Вместе со всем советским народом мы горды и бесконечно счастливы, что Вы, дорогой Иосиф Виссарионович, стоите во главе мирового прогресса, во главе передовой науки.

Вы, товарищ Сталин, постоянно учите нас не останавливаться на достигнутом. Следуя Вашему великому примеру и Вашим указаниям, мы отдаем себе полный отчет, что учение И. П. Павлова не застывшая догма, а научная основа для творческого развития физиологии, медицины и психологии, рационального питания, физической культуры и курортного дела, направленного на укрепление здоровья советского человека…

Мы обещаем вам, дорогой товарищ Сталин, приложить все усилия для быстрейшей ликвидации недостатков в развитии павловского учения и всемерно используем его в интересах строительства коммунизма в нашей стране.

Да здравствует наш любимый учитель и вождь, слава всего трудящегося человечества, гордость и знамя передовой науки — Великий Сталин!

Американский ученый Лорен Грехем в своей книге, посвященной истории естествознания в СССР пишет, что Павловская сессия (наряду с позорной Сессией ВАСХНИЛ 1948 года, той, на которой громили генетику) вписала в эту историю одну из самых мрачных страниц.

Как известно, гонения на кибернетику, а затем генетику постепенно ослабли у нас после XX–XXII съездов КПСС. Однако, этологии повезло меньше. Рецидивы налицо: этологи не имеют ни одной академической кафедры в университетах стран СНГ. Недоброжелательное отношение официального научного руководства, несомненно, сохраняется в нашем отечестве и по сей день. Удивительного в этом мало. Слишком уж очевидно, подчас, смешное сходство между поведением человека и других животных. Это сходство, если многие начнут чуть-чуть разбираться в этологии, может поставить сильных мира сего в пикантное положение «раздетого на сцене».

— Нет такой науки, — твердят и сегодня многие наши генералы от биологии, те, в чьих руках находятся реальные рычаги по исправлению этологической неграмотности, хотя бы среди студентов биологических факультетов.

Как-то в 1991 году в одном московском биологическом институте читал лекцию председатель американского «Общества креационистов» (от creation — творение) — ученых, верящих, что все живые существа не эволюционировали постепенно, а созданы из ничего за короткий срок в соответствии с буквально понятой библейской версией. Лекция началась с демонстрации слайдов. На первом была изображена комната со множеством мебели. Отец семейства, восседая за столом, спрашивал домочадцев:

— Как вы полагаете, эта мебель создана Творцом или возникла путем естественного отбора?

На втором слайде оказалась фотография отпечатка на сланце археоптерикса — вымершей птицы с рядом характерных признаков пресмыкающихся животных, жившей около ста пятидесяти миллионов лет назад в юрском периоде мезозойской эры. Лектор кричал:

— Дарвинисты — лжецы! Как этот допотопный урод мог быть предком современных птиц и переходной формой, если их окаменелые останки обнаружены в еще более древних слоях?!

Эдаким аргументом можно доказать, что и белые жители Америки там и зародились, а не являются потомками европейцев. Ведь в Европе до сих пор живут англичане, испанцы и португальцы!?

А тут уже (август 1993) и по «Радио России» зазвучали призывы отменить преподавание дарвинизма в средней школе, поскольку эволюция Вселенной, Земли и жизни на ней — не более чем сенсационная выдумка, опровергнутая, оказывается, всей современной мировой наукой. Так-то вот. Дожили.

Обезьяньим процессам несть конца. Как уж не вспомнить по этому поводу великого нашего баснописца И. А. Крылова: Мартышка в зеркале увидя образ свой…

1.3. Пророк в своем отечестве

О гражданской позиции академика И. П. Павлова

У нас в стране за всю ее историю, начиная с появления Нобелевских премий, их удостоились только два биолога: Иван Петрович Павлов в 1904 году (премия по физиологии и медицине за новые методы изучения работы пищеварительной системы) и Илья Ильич Мечников (1845–1916) — в 1908 году (за открытие фагоцитоза). Ивану Петровичу довелось прожить довольно длительный срок при большевиках.

За этот срок ему удалось добиться громадных успехов в изучении высшей нервной деятельности животных. Была показана универсальность принципа условных рефлексов как одной из форм обучения. В те годы, когда их открыли, естественно, казалось, что это единственная форма удержания в мозгу информации, поскольку сами представления о его устройстве принципиально отличались от теперешних.

После того, как ученым стало ясно, что психические процессы протекают в головном мозгу, его в каждом веке уподобляли самым сложным техническим устройствам данного времени. Р. Декарт (1596–1650) усмотрел в нем аналогию с простейшим механическим или гидравлическим автоматом. Павлову, а также его современникам, английскому физиологу Ч. Шеррингтону (1856–1952) и испанскому нейрогистологу С. Рамону-и-Кахалю (1852–1934) виделась аналогия с автоматической телефонной станцией. В наши дни мозг уподобляют системе сложных компьютеров, в частности, новых их моделей с так называемой виртуальной действительностью, но и эта аналогия по ряду причин не проходит.

Ведь в компьютерах циркулирует и обрабатывается только информация, передаваемая

электрическими импульсами. В мозгу же психические процессы сопряжены со сложными феноменами обмена веществ и энергии, как-то подчеркивает современный биолог член корреспондент РАН Л. М. Чайлахян. Главное же, как нам кажется: исторический опыт свидетельствует о том, что все попытки проводить аналогию между мозгом и техническими устройствами со временем воспринимаются как очень наивные. Это одно позволяет опасаться, что и нынешние компьютерные модели скоро признают несостоятельными. По сформулированной уже после смерти Павлова так называемой теореме Геделя:

Ни одна система не может, как бы выскочив за собственные рамки, познать, объяснить, понять саму себя.

В связи с тем теперешние ученые в этом отношении далеко не так оптимистичны как Павлов и его современники. Не будем, конечно, за то осуждать ни тех, ни других.

Разумеется, Павлов не был этологом, да и не мог им быть: этология как особая наука только начала зарождаться в последние годы его жизни. Зоопсихологов же он, будучи очень строгим экспериментатором, но отнюдь не толкователем естественного поведения животных в природе, даже и за ученых-то не считал, о чем неоднократно и без всяких обиняков высказывался. Дескать, «описатели», «балаболки».

В то же время, что бы там ни говорилось, И. П. Павлов внес громадный вклад в развитие современной науки о поведении животных и человека. В том, что наши власти через четырнадцать лет после смерти Ивана Петровича попытались превратить его в идола, классика марксизма-ленинизма от биологии, личной вины великого физиолога, конечно, нет. Институты имени И. П. Павлова есть не только у нас, но и в западных странах.

При жизни Ивана Петровича советские власти, в общем, относились к нему с большим почтением. Революция застала его в должности заведующего кафедрой физиологии Петербургской Военно-хирургической академии и, одновременно, руководителя физиологической лаборатории Института экспериментальной медицины. В 1925 году он возглавил Ленинградский институт физиологии, при котором в 1926 году основал всемирно известную биологическую станцию в селе Колтуши.

Внешне, не в пример многим, жизнь Ивана Петровича, таким образом, складывалась при большевиках весьма благополучно. Чины и звания так и сыпались как из рога изобилия, эксперименты получали вполне по тем временам приличную финансовую поддержку государства. Были многочисленные ученики. Из-за рубежа наведывались коллеги и друзья. Казалось бы, чего уж жаловаться? Радуйся и благодари предержащую власть. Но вот тут одна беда. Не того сорта человеком был Павлов! Помните, выше цитировалось письмо Ленина Зиновьеву? Вождь революции отметил, что Павлов — правдивый человек, ссылаясь на высказывания самого же Ивана Петровича.

Да, это было именно так. Во всем, и в высказываниях, и в поведении Павлов не платил взаимностью советскому режиму. С первых же дней революции он упорствовал в своем неприятии новой действительности. Это проявлялось буквально во всем.

Часто вспоминают, что Павлов демонстративно крестился, проходя мимо церквей, чтил православные престольные праздники, вообще был верующим человеком, хотя, иной раз, мог поразить собеседника крайним материализмом своих воззрений на работу мозга. Что там было всерьез, а что — фрондой, своего рода игрой, — трудно сейчас сказать. Иван Петрович был нетерпим, вспыльчив, взрывался иногда по пустякам, но, в основном, был очень справедлив и умел извиняться, когда бывал не прав. Он органически не переваривал подхалимов и партаппаратчиков, внедренных в научную среду, соглядатаев, сплетников, стукачей и никогда этого не скрывал.

Однако, многие его письма и высказывания, в которых проявилось поразительно глубокое понимание нашей действительности тридцатых годов и будущего страны, стали известны только сейчас. Многие годы из официальных изданий все это тщательно устранялось. Поэтому позволим себе процитировать некоторые материалы из недавно изданного сборника «Своевременные мысли или пророки в своем отечестве» Лениздат 1989 г. После всего, нами рассказанного о Павловской сессии 1950 года, это все звучит

особенно удивительно.

Шестого октября 1935 года, за год до смерти, Павлов направил позже расстрелянному Н. Бухарину письмо с личной просьбой. В Ростове на Дону жили две вдовы-старушки — сестры его жены — бывшая мелкая помещица и бывшая жена городского головы. Обе они были иждивенками, жили в страшной нужде, и их единственную кормилицу, дочь одной из них, арестовало ГПУ… Ручаюсь головой, пусть арестуют меня самого, если я оказался бы не прав — так кончается письмо, — за ничто. Это или низкий донос как какого-либо шкурника, или теперь применяемое государственное вымогательство ценностей, которых в данном случае нет и нет. Помогите, если можете. В отрицательном случае сообщите об этом. Я напишу в Совнарком. Боже мой, как тяжело теперь сколько-нибудь порядочному человеку жить в Вашем социалистическом Раю. Тут не родственные связи, а обязательность порядочности вмешаться, раз в этом случае знаешь все доподлинно; как оно есть — вопиющее попрание человеческого достоинства и издевательство над человеческой судьбой?

Бухарин добился освобождения женщины, помог.

А через три недели после убийства С. М. Кирова, двадцать первого декабря 1934 г. И. П. Павлов писал в Совет Народных Комиссаров СССР:

> Революция застала меня почти в семьдесят лет. А в меня засело какое-то твердое убеждение, что срок дельной человеческой жизни именно семьдесят лет. И поэтому я смело и открыто критиковал революцию. Я говорил себе: «Черт с ними! Пусть расстреляют. Все равно жизнь кончена, а я сделал то, что требовало от меня мое достоинство». На меня поэтому не действовало ни приглашение в старую Чеку, ни правда кончившиеся ничем, угрозы при Зиновьеве в здешней «Правде» по поводу одного моего публичного чтения: «Можно ведь и ушибить».
>
> Теперь дело доказало, что я неверно судил о моей работоспособности. И сейчас, хотя раньше часто об выезде из отечества подумывал и даже иногда заявлял, я решительно не могу расстаться с родиной и прервать здешнюю работу, которую считаю очень важной, способной хорошо послужить не только репутации русской науки, но и толкнуть вперед человеческую мысль вообще. Но мне тяжело, по временам очень тяжело жить здесь — и это есть причина моего письма в Совет.
>
> Вы напрасно верите в мировую революцию. Я не могу без улыбки смотреть на плакаты: «Да здравствует мировая социалистическая революция, да здравствует мировой Октябрь!» Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До вашей революции фашизма не было. Ведь только политическим младенцам Временного правительства было мало даже двух Ваших репетиций перед Вашим Октябрьским торжеством.
>
> Все остальные правительства вовсе не желают видеть у себя то, что было и есть у нас, и, конечно, вовремя догадаются применить для предупреждения этого то, чем пользовались и пользуетесь Вы, — террор и насилие. Разве это не видно всякому зрячему?
>
> Сколько раз в Ваших газетах о других странах писалось: «Час настал, час пробил», а дело кончалось лишь новым фашизмом то там, то сям. Да, под Вашим косвенным влиянием фашизм постепенно охватит весь культурный мир, исключая могучий Англо-саксонский отдел (Англию, наверное, Соединенные Штаты, вероятно), который воплотит-таки в жизнь ядро социализма: лозунг — труд как первую обязанность и главное достоинство человека и как основу человеческих отношений, обеспечивающую соответствующее существование каждого — и достигнет этого с сохранением всех дорогих, стоивших больших жертв и большого времени приобретений культурного человечества.
>
> Но мне тяжело не оттого, что мировой фашизм попридержит на известный срок темп естественного человеческого прогресса, а оттого, что делается у нас и что, по моему мнению, грозит серьезной опасностью моей родине.
>
> Во-первых, то, что Вы делаете, есть, конечно, только эксперимент и путь даже грандиозный по отваге, как я уже сказал, но не осуществление бесспорной насквозь жизненной правды и, как всякий эксперимент, с неизвестным пока окончательным результатом.

Во-вторых, эксперимент страшно дорогой (и в этом суть дела), с уничтожением всего культурного покоя и всей культурной красоты жизни.

Мы жили и живем под неослабевающим контролем террора и насилия. Если бы нашу обывательскую действительность воспроизвести целиком без пропусков, со всеми ежедневными подробностями, — это была бы ужасающая картина, потрясающее впечатление от которой на настоящих людей едва ли бы значительно смягчилось, если рядом с ней выставить и другую нашу картину с чудесно как бы вновь вырастающими городами, днепростроями, гигантами-заводами, бесчисленными учеными и учебными заведениями. Когда первая картина заполняет мое внимание, я всего более вижу сходство нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. А у нас это называется республиками. Как это понимать? Пусть, может быть, это временно. Но надо помнить, что человеку, происшедшему из зверя, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым существам участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человечно.

И, с другой стороны. Тем, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного человеческого достоинства.

Когда я встречаюсь с новыми случаями из отрицательной полосы нашей жизни (а их легион), я терзаюсь ядовитым укором, что оставался и остаюсь среди нее.

Не один же я так думаю и чувствую?

Пощадите же родину и нас.

Академик Палов. Ленинград 21 декабря 1934 г.

За такое письмо любого человека, кроме академика Павлова, наверняка, поставили бы к стенке. Да и не одного. Убили бы всех родственников и близких друзей. Вот вам и «идол» с Павловской Сессии! Удивительны превратности судьбы человеческой в нашем «безумном, безумном мире»!

Письмо прочли. Холодно-корректным посланием ответил председатель Совнаркома В. М. Молотов. Не будем цитировать целиком…

Должен при этом выразить свое откровенное мнение о полной неубедительности и несостоятельности высказанных в Вашем письме политических положений…

Можно только удивляться тому, что Вы беретесь делать исторические выводы в отношении принципиально-политических вопросов, научная основа которых Вам, как видно, совершенно неизвестна. Могу лишь добавить, что политические руководители СССР ни в коем случае не позволили бы себе проявить подобную ретивость в отношении вопросов физиологии, где Ваш научный авторитет бесспорен…

Последние слова особенно «хорошо» звучали накануне тотального вмешательства советской власти в искусство и науку: постановлений о журналах «Звезда и Ленинград» в 1947 году, затем — сессий ВАСХНИЛ и Павловской, гонений на ряд направлений физиологии, генетику, кибернетику, «формалистическое» искусство, погромного вмешательства в языкознание.

История рассудила.

А Павлов, мужественный и неистовый человек, до самой смерти, не в пример многим, оставался верен своим взглядам. Однажды он прилюдно заявил, что строительство социалистического общества — эксперимент, на который он не пожертвовал бы… и одной лягушкой! На торжественном заседании, посвященном столетию со дня рождения Ивана Михайловича Сеченова 26 декабря 1929 г. Павлов говорил:

Мы живем под господством жестокого принципа: государство, власть — все. Личность обывателя — ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище,

> одежда, — все это в руках государства. А обывателю только беспрекословное повиновение. Естественно, господа, что все обывательство превращается в трепещущую массу, из которой — и то не часто — доносятся вопли: «Я потерял или я потеряла чувство собственного достоинства, мне стыдно за самого себя!»
>
> На таком фундаменте, господа, не только нельзя построить культурное государство, на нем не могло бы держаться долго какое бы то ни было государство.

Без Иванов Михайловичей с их чувством собственного достоинства и долга, всякое государство обречено на гибель из внутри, несмотря ни на какие Днепрострои и Волховстрои. Потому что государство должно состоять не из машин, не из пчел и муравьев, а из представителей высшего животного царства…«Эти пророческие слова обращены к нам. Актуальны как никогда для нас, свидетелей предсказанной Павловым «гибели из внутри». Не одолели нас ни белогвардейцы, ни интервенты, ни гитлеровцы. Рухнули сами, и донельзя глупо в очередной раз искать виновников на стороне, чтобы оправдать свои безответственность, эгоизм и легковерие.

Наши нынешние мечты: жизненный уровень американцев или шведов, такое же вкусное и калорийное питание, такие же общедоступные цены на автомобили, «видаки» и шмотки, такие же шикарные квартиры… А Павлов из всех потерянных нами ценностей на первое место ставил человеческое достоинство. Там, где оно попрано и не имеет никакой цены, все прочее утрачивает смысл. Так думали и чувствовали лучшие люди России, в отличие от нынешних жалких демагогов, воображающих, что они «демократы» и (или?) «патриоты»!

1.4. Еще о Конраде Лоренце и других этологах

Конрад Цахариус Лоренц родился в 1903 году в Австрии. Он изучал медицину в Вене, занимался также сравнительной анатомией, психологией и философией. В юности он работал демонстратором, а затем читал курсы по сравнительной анатомии и зоопсихологии. Поведение животных он изучал преимущественно, в своем фамильном доме в Альтенберге. С 1940 года он стал профессором философии Кенигсбергского университета, но в 1943 году, как мы только что рассказали, был призван в армию и, провоевав всего несколько месяцев, попал в советский плен. После освобождения из плена (конец 1947 года) он какое-то время преподавал в Мюнстерском университете и, наконец, его пригласили в Зеевизен (Шлезвиг Гольштейн), институт физиологии поведения им. Макса Планка, который он возглавлял до 1973 года, после чего вышел на пенсию. Скончался он в 1986 году, дожив до нашей перестройки, но на все предложения посетить Советский Союз в годы, когда официальные гонения на этологию уже прекратились, отвечал вежливым отказом:

— Спасибо. Я у вас уже побывал.

У нас еще при Брежневе опубликовали три его популярные книги: «Кольцо царя Соломона», М., «Знание», 1970; «Человек находит друга», М., «Мир», 1971; «Год серого гуся», М., «Мир», 1973. Однако, до самой перестройки оставалась под запретом самая знаменитая и вызвавшая очень много споров за рубежом книга «Агрессия (так называемая злоба)» [*K. Lorenz. (1963). Agressie (Das Sogenannte Bose). Borotha-Sohoeler, Wien (нем); K. Lorenz. (1966). On agression. Methuen & Co. Ltd., London (англ)*]. Ее и по сей день нет в подавляющем большинстве наших даже научных библиотек. Не повезло и «Сравнительному методу изучения врожденных форм поведения». (*Lorenz K. The comparative method in studying innate behaviour patterns. 1950. In: «Phsiological mechanisms in animal behaviour», Cambridge*). Эту классическую работу сразу же перевели на многие языки, но на русский она не переведена по сей день. Да и в оригинале ее не сыщешь в большинстве наших библиотек: год издания — 1950 — совпал с Павловской сессией!

Только в 1992 году в «Вопросах философии» за № 3, наконец-то появились переводы хотя бы предисловия книги «Агрессия» и обширные выдержки из более поздней работы «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» — «Die acht Todsunden der

zivilisierten Menscheit», Munchen, 1978. Шансы на издание у нас в ближайшем будущем русского перевода «Агрессии», учитывая плачевное состояние государственных научных издательств, не слишком велики. Однако хотелось бы надеяться.

Как уже было сказано, создателями науки-этологии считают двух человек: Конрада Лоренца и Нико Тинбергена. Оба они вместе с открывателем языка пчел Карлом фон Фришем удостоились Нобелевской премии по медицине в 1973 году. Лоренцу ее присудили за «исследования социального поведения животных».

В общем-то, Лоренц был очень сложной и противоречивой личностью. Многие не могли простить ему того, что в 1938 году он, в отличие от большинства других австрийских интеллигентов, приветствовал аншлюс Австрии с гитлеровской Германией, а в 1940 году даже вступил в национал-социалистическую партию. В том же году он опубликовал явно конъюнктурную статью, в которой доказывал: цивилизация ослабила действие естественного отбора не только на домашних животных, но и на самих людей. Поэтому человеческий генофонд необходимо очищать от вредных мутаций путем селекции. Надо установить типовую модель наших людей, а тех, кто от нее сильно отличается, элиминировать во имя блага остальных.

Позже пришло прозрение. Только в лагере военнопленных Лоренц, наконец-то узнал, что понимают гитлеровцы под словом «селекция» и, по его словам, сразу стал убежденным антифашистом. Хотя первые сомнения появились гораздо раньше. Пришло и раскаяние. Однако, прошлого не вернешь. После возвращения Лоренца из плена многие американские и даже немецкие коллеги сторонились его. Особенно большим ударом было охлаждение отношений с Тинбергеном. Тот участвовал в голландском движении Сопротивления и встретил конец войны в гитлеровском концлагере.

Уже стариком Лоренц с болью и стыдом вспоминал о предвоенных годах. Конечно, я надеялся, что-то хорошее может прийти от наци. Люди, лучшие, чем я, более интеллигентные, и в том числе — мой отец, верили этому. Никто и не думал, что они подразумевали убийство, когда говорили «селекция». Я никогда не верил в нацистскую идеологию, но подобно глупцу, я думал, что мог бы усовершенствовать их, привести к чему-то лучшему. Это была моя наивная ошибка. О пребывании К. Лоренца в советском плену только что опубликована интереснейшая статья В. Е. Соколова и Л. М. Баскина «Конрад Лоренц в советском плену», «Природа», 1992, N7.

Ох, до чего же нам сейчас знакомы такие рассуждения! Какой контраст с И. П. Павловым!

В своих наблюдениях и экспериментах Лоренц стремился выявлять врожденные компоненты поведения. Выявлял и сравнивал у животных, более и менее родственных друг другу в эволюционном отношении. В частности, человеческие действия, продиктованные потребностями или эмоциональными аффектами, Лоренц постоянно сравнивал с аналогичными действиями других существ, причем не только обезьян, но и, например, птиц, которыми занимался особенно много еще с ранней юности.

Сходство часто, действительно, разительно. Тем не менее, неосмотрительно принимать все, что пишет Лоренц об агрессивном поведении человека, за истину в последней инстанции. Он часто отказывался от прежних взглядов и публикаций, сомневался, искал и, конечно, как все слишком увлеченные своими идеями ученые, иной раз пытался «укладывать» факты в прокрустово ложе схем. От этого греха мало кто свободен, особенно, когда речь идет о поведении человека. Слишком уж плохо по сей день знаем мы самих себя. Что вся современная наука по сравнению с бесконечной сложностью устройства нашего собственного мозга? (См. *Ewans R. I., Lorenz K. The man and his ideas. N. Y.-L., 1975*).

Как совершенно справедливо пишет отечественный исследователь поведения животных Е. Н. Панов, …претензии некоторых этологов объяснить сущность человеческого поведения вне контакта с традиционными науками о человеке совершенно несостоятельны. Имеются в виду, прежде всего, науки, смежные с этологией: социобиология и психология.

Теория К. Лоренца скорее описывает, чем объясняет механизмы возникновения

конфликтных ситуаций в животном мире и предлагает некоторые гипотезы о поведении человеческого сообщества. Между тем, упрощения и пристрастные объяснения хороши в пылу полемики, но, чаще всего, «однобоки», и не совсем верны. Даже там, где схематизированное объяснение выглядит гладким и логичным, оно обычно пасует перед житейской практикой. Человек слишком нестереотипен даже в тех поступках, которые диктуются подсознательными инстинктивными побуждениями. И в них чисто человеческое то и дело берет верх над животным началом и это может сделать бесперспективным чисто этологический как и любой другой концептуальный подход к индивидууму рода человеческого.

В свое время у нас было принято объяснить все на свете с классовых позиций. Как сказано у Б. Л. Пастернака:

В зияющей токийской бреши
Сумела разглядеть депеша,
Такой ученый водолаз,
Класс спрутов и рабочий класс…

В связи со знаменитым Токийским землетрясением (сентябрь 1923 года) Москва не придумала ничего лучше, как официально заявить о своей полной классовой солидарности с японским пролетариатом!

Нет смысла возрождать ту же традицию идеологического подхода к фактам на новой, этологической основе, просто заменяя, где следует, слова, класс и классовая борьба этологическими терминами: инстинкт, мотивация, территориальное поведение, коллективная агрессия и так далее.

Наша задача — не агитировать за или против этологии, не утверждать свои и чужие предположения, а, рассказав немного о специфических различиях между психикой человека и прочих живых существ, обсудить вместе с читателем те особенности нашего социального поведения, из-за которых еще у древних римлян появилась дошедшая до наших дней поговорка: «Homo homini lupus est» — «человек человеку волк».

Речь далее, как мы уже обещали, пойдет о подсознательных инстинктивных побуждениях, которые плохо контролируются разумом и постоянно проявляются в нашем социальном поведении, делая его не только иррациональным, глупым, бессмысленным и смешным, но порой и очень страшным для окружающих. Как много в повседневной жизни ситуаций при которых в человеке словно бы просыпается зверь: срабатывают врожденные формы поведения — инстинкты, унаследованные от хвостатых и волосатых предков.

На рубеже нашего века большой популярностью пользовались взгляды немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788–1860). За сто лет до появления этологии он писал в «Афоризмах»: Простой трезвый взгляд на натуру человека показывает, что ему так же свойственно драться, как хищным зверям кусаться, рогатым животным — бодаться; человек — «дерущееся животное»… Но поистине жестоко внушать нации или какому-либо классу, что полученный удар — ужаснейшее несчастье, за которое следует отплачивать убийством. На свете слишком много настоящего зла, чтобы стоило создавать еще воображаемые бедствия, приводящие уже к реальным. — Вполне, с этологической точки зрения, грамотно сформулированный совет, нашим сегодняшним политикам.

1.5. Конрад Лоренц о восьми смертных грехах цивилизованного человечества

1. Грех первый: безудержное размножение. Перенаселенность Земли — фактор прямой, экологической, а также косвенной, этологической опасности. Скученность провоцирует агрессию в связи со стремлением человека насильственно отгородиться от чрезмерно частых вынужденных контактов с себе подобными.

Краткий комментарий к сему.

Данные спутниковой съемки показывают, что зоны сельскохозяйственных угодий успели заметно сократиться даже за время наблюдений. Еще быстрее исчезают леса. Если население земли будет и далее расти с теперешней скоростью, оно начнет голодать уже через несколько десятилетий. А через 500 лет люди, стоя впритык, покроют сплошным слоем все континенты. Через 1000 лет этот слой будет уже в миллион раз превышать средний человеческий рост.

2. Грех второй: разрушение внешнего жизненного пространства как, опять-таки, двоякий фактор: подрыв экологической базы нашего бытия, истощение природных ресурсов, а в то же время отчуждение человека от первозданной природы. Уродство индустриального пейзажа, по мнению Лоренца, калечит душу людей. Там, где нечем утолить эстетический голод, страдает и нравственный облик человека, он сам становится моральным уродом.

3. Третий грех: безумный бег и суета. Самоускоряющийся процесс развития науки и техники, а, заодно — рост производственных мощностей и подстегиваемых рекламой вовсе не жизненных потребностей (это уже не Лоренц, а мы считаем необходимым подчеркнуть) — бич нашего времени, непосредственно связанный с потребительской идеологией технической цивилизации вкупе с рыночной экономикой.

Люди нашего века так спешат, что им некогда думать. Отучиваясь мыслить и чувствовать за недостатком времени, они постепенно перестают быть полноценными личностями. Их духовная жизнь, в значительной степени, сводится к потребительским импульсам: «хочу купить то-то, достать то-то, иметь то-то…» Общество в целом превращается в подобие чеховского Ионыча.

Человек — не только разговаривающее и мыслящее существо. Он также существо, постоянно накапливающее новые знания, а, заодно с ними, в чем, собственно, и есть корень многих бед, — и новые неуемные желания приобрести то, чего пока у него нет, но уже появилось у соседа. Еще раз подчеркнем: речь при этом идет о вещах отнюдь не первой необходимости. На их изготовление транжирятся природные ресурсы, которые не восполняются, а убывают подобно шагреневой коже. До чего же современно звучит пушкинская сказка о золотой рыбке, исполнительном старике и жадной старухе, которой всего было мало, пока не доигралась она до разбитого корыта. Цивилизованное человечество ведет себя сейчас ни на йоту не умнее. И перспективы — те же самые. За последние пол столетия мы израсходовали (выбросили на ветер) больше природных ресурсов, чем бесчисленные поколения наших предков за всю предшествующую историю Гомо сапиенс!

Процитируем по сему поводу Курта Воннегута — «Бойня № 5»:

> Настанет день, настанет час — придет земле конец
> И нам придется все вернуть, что нам вручил Творец.
> Но, если мы, его кляня, подымем шум и вой,
> Он только улыбнется, качая головой.

Процитируем и «Ветхий завет»: Екклезиаста, Гл. IV, 10: Умножается имущество, Умножаются и потребляющие его; и какое благо для владеющих им, разве только смотреть своими глазами? — Это уж точно при теперешнем телевизионно-компьютерном буме…

И оттуда же, Гл. IV, 14: Как вышел он (человек) нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмет от труда своего, что мог бы он понести в руке своей.

4. Четвертый смертный грех человечества по К. Лоренцу: исчезновение всех сильных чувств и аффектов в результате гедонистического нетерпения, изнеженности. Техника и фармакология делают людей нетерпимыми к любым мелким неудобствам. Стараясь от них избавиться, (что, вообще-то несложно в условиях теперешнего западного быта), люди отучиваются испытывать подлинную радость, преодолевая серьезные препятствия. Вместо сменяющихся волн радости и страдания жизнь превращается в серое однообразное прозябание, «зыбь невыносимой скуки».

5. Пятая напасть: генетическая деградация. Ничто, кроме правовых норм и традиций, интуитивного чувства справедливости, не оказывает ныне на нас селекционного давления в пользу нравственного поведения перед аморальным. Напротив, некоторые типы паразитического, безнравственного поведения могут давать селективные преимущества, так что теперешний упадок культуры, умственных способностей и нравственности молодежи может иметь и генетическую основу.

6. Шестой грех: разрыв с традицией. Молодые люди в связи с быстрыми изменениями бытовых реалий по мере научно-технического прогресса и его политико-экономических последствий (как мы видим, в основном, — негативных) утрачивают взаимопонимание со старшим поколением и ценности былой культуры. Будучи ей чуждыми, они отвергают ее, не умея и не желая приобщиться к культурному наследию прошлых веков. В результате, общество погружается в варварское состояние.

7. Седьмой грех: унификация культур и взглядов, благодаря обезличивающему действию современных средств массовой информации. Слияние региональных культур в единую космополитическую систему. Глобальная и возрастающая ендокринация человечества, его превращение в единую, серую и хорошо управляемую массу, уничтожение индивидуальности. Зондирование общественного мнения, рекламная техника и искусно направляемая мода помогают власть-и капитал-имущим держать массы в своей власти.

8. Восьмой и последний грех: ядерное оружие, опасностей которого, по мнению К. Лоренца, избежать легче, чем уйти от расплаты за семь других перечисленных выше смертных грехов, подтачивающих цивилизацию незаметно и потихоньку, но — верно.

1.6. Конрад Лоренц о разрыве с национальной культурой

Итак одним из восьми бедствий XX века К. Лоренц, как и многие другие этологи, считал стандартизацию человеческой культуры, утрату национальных и племенных культурных традиций, смешение всех языков и культур в единое «Вавилонское столпотворение».

Цитируем К. Лоренца «Так называемое зло»: …Консервативность в сохранении однажды испытанного принадлежит к числу жизненно необходимых свойств аппарата традиции, выполняющего в развитии культуры ту же задачу, какую в развитии вида выполняет геном. Сохранение не просто столь же важно — оно гораздо важнее самого приобретения; и не надо упускать из виду, что без специальных исследований мы вообще не в состоянии понять, какие из обычаев и нравов, переданных нам в наследство культурной традицией, представляют собой ненужные устаревшие предрассудки, а какие — неотъемлемое достояние культуры. Даже в случае норм поведения, дурное воздействие которых представляется очевидным, — как, например, «охота за головами» у многих племен Борнео и Новой Гвинеи, — вовсе на ясно, какие реакции может вызвать их радикальное устранение в системе норм социального поведения, поддерживающей цельность такой культурной группы. Подобная система норм служит в некотором смысле остовом любой культуры и без проникновения во все многообразие ее взаимодействий в высшей степени опасно удалять из нее хотя бы один элемент… Заблуждение, будто прочное достояние человеческого знания доставляет лишь то, что можно постигнуть разумом, — или, тем более, лишь то, что можно научно доказать, — приносит гибельные плоды. Оно побуждает «просвященную» молодежь выбрасывать за борт бесценные сокровища мудрости, заключенные в традициях прежних культур и в учениях великих мировых религий«.

В связи с такими словами одному из авторов этой книги припомнилось недавнее посещение кафедрального собора Фрауенкирхе в Мюнхене, оплоте немецкого католицизма. На стене там начертано: «С собаками и мороженым вход воспрещен». Письменно запрещают там, где запреты постоянно и нагло нарушаются. Одного взгляда по сторонам было, увы, достаточно, чтобы убедиться: это именно так, хотя в Западной Германии, вроде бы, не было семидесятитрехлетнего владычества «безбожных» большевиков! Там же удалось подметить,

сколь часто немецкая молодежь, общаясь, вдруг переходит с немецкого языка на английский; не хватает слов на родном языке, слишком уж напичканы мозги американскими фильмами. Точно то же сейчас происходит и у нас, и в Таиланде, Египте и Китае.

Научно-техническая революция, спутниковая связь, глобализация электронных средств массовой информации породили, по мнению К. Лоренца, веру в то, что современная наука может создать новую культуру со всеми ее атрибутами чисто рациональным путем, из ничего, хотя это так же немыслимо, как, например, улучшение природы человека с помощью переделки его генов. Хотя это мнение высказано до появления генной инженерии, оно отнюдь не утратило актуальности в наши дни. Правда, в последние годы во всем мире наметились и тенденции, диаметрально противоположные тем, которые так тревожили Лоренца.

После краха коммунистического колосса утратили притягательную силу раньше геройски противостоявшие ему идеи либеральной демократии. Они перестали служить пропуском на политический олимп для всех, желающих туда взобраться или там усидеть. Свято место пусто не бывает. Поэтому возникший идеологический вакуум быстро заполнила самая агрессивная и примитивнейшая из идеологий: этническая ненависть, комплекс ущемленного национального достоинства. Она стала одной из причин распада полиэтнических стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза на дерущиеся между собой моноэтнические куски и сделала реальной угрозу перерастания локальных конфликтов в новую мировую войну. Призрак бродит по сегодняшней Европе. Призрак нацизма!

Глава 2. О сущности человека

2.1. Кем был Адам, кто мы?

Напрасно меня обвиняют в том, что я очеловечиваю животных. Просто человек — один из представителей животного мира, — слова К. Лоренца. Что же послужило основанием для такого утверждения?

Конечно, тот бесспорный факт, что все мы — биологические индивиды вида *Homo sapiens* (Человек разумный), рода *Homo* (люди) семейства *Hominidae* (людеобразные). все представители которого, кроме нас, давным-давно вымерли (мы их назовем чуть позже). К тому же мы из подотряда *Catarrinha* (узконосые обезьяны), отряда *Anthropoideg* или *Primates* (обезьяны), класса *Mammalia* (млекопитающие), под типа *Vertebrata* (позвоночные), типа *Chordata* хордовые).

Этот факт убедительно доказывают: анатомическое строение нашего тела; протекающие в нем биохимические и физиологические процессы; структура молекул наследственности ДНК в ядрах наших клеток (нуклеотидная последовательность этих молекул у нас всего на 1,1 % расходится с ДНК шимпанзе, но уже на 35 % с ДНК насекомоядных млекопитающих, таких как еж или крот); палеонтологические и сравнительно-эмбриологические данные.

Имеются, к тому же, и другие доказательства. О них мы уже говорили неоднократно. Это — явное, подчас весьма нелестное для нас сходство многих форм нашего поведения, особенно, эмоционального, плохо контролируемого разумом, с инстинктивными реакциями наших «братьев меньших» (расхожее определение животного царства, не слишком нам импонируещее) и, в первую очередь, разумеется, обезьян. В частности (на это обратил внимание еще Ч. Дарвин), у нас сохранились в более или менее неприкосновенном виде типично обезьяньи выразительные движения, их мимика, передающая разные эмоции. В этом любой читатель может легко убедиться сам при ближайшем посещении зоопарка.

Ну, а как быть в таком случае с «души прекрасными порывами?» Не кощунство ли признавать в нашем поведении наличие не только божественного, но и скотского начала?

Специально для тех, кто очень обиделся, позволим еще раз процитировать «Ветхий

завет» — священную книгу христиан и иудеев, уважаемую также мусульманами. Екклезиаст, гл. III, стихи 18–21:

> 18. Сказал я в сердце своем о сынах человеческих, чтоб испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе — животные.
>
> 19. Потому, что участь животных и участь сынов человеческих — участь одна;
>
> как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех и нет человека преимущества перед скотом; потому, что все — суета.
>
> 20. Все идет в одно место; все произошло из праха и все возвратится в прах.
>
> 21. И кто знает: дух ли сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных восходит ли вниз, в землю?

Так-то вот. А посему оставим-ка хоть на время в покое злополучный вопрос: «Произошли ли мы от обезьян?» С какой стати нам обсуждать его, если для любого маломальски объективного мыслящего биолога или медика мы и сейчас продолжаем оставаться обезьянами, правда, голыми, подрастерявшими свой шерстяной покров, а также разгуливающими на задних ногах (подобно тушканчикам, кенгуру, птицам, некоторым вымершим ящерам-динозаврам) и, наконец, конечно же главное, — разумными.

Как известно, у прочих обезьян нет ни членораздельной речи, ни общественного разделения труда, ни научно-технического прогресса, ни политики, ни войн, ни экологически вредных производств. Впрочем, — стоп. Где же гарантии, что живи на Земле какие-либо другие цивилизованные организмы, помимо человека, например, умеющие писать и философствовать дельфины, слоны или муравьи, они тоже признали бы нас существами высшего порядка? Не исключено, что они усомнились бы в наличии разума у существ, которые всеми возможными способами портят, себе же на погибель, среду обитания; ради сиюминутных выгод транжирят напропалую невосполнимые природные ресурсы, а также, и того хуже, истребляют миллионы себе подобных, непрерывно изобретая и совершенствуя средства своего уничтожения.

Сограждане читатели, поверьте, что, если так дела пойдут и дальше, вполне реальна угроза, что лет эдак через пятьдесят от человечества останется одно воспоминание. Впрочем, и вспоминать-то будет некому.

Наша книга, однако, как вы уже знаете, не о грядущем конце света, а о тех наших действиях, которые, образно говоря, его приближают, об их инстинктивной подсознательной основе.

Инстинктивной, подсознательной? А откуда взялись в нашем мозгу самые разные, в том числе довольно несимпатичные инстинкты? Почему бы, собственно, «царю природы» не обходиться во всех житейских ситуациях одним только разумом, помноженным на знания и опыт, плюс, конечно, «нравственное чувство?» Этот вопрос способны задать, понятно, только те, кто не верит в эволюцию нашего вида и не желает ничего о ней слышать. Мы знаем, что таких людей немало и число их в последнее время неукоснительно растет. Специально для них мы решили включить в книгу совсем коротенькую и очень популярно написанную справку о происхождении человечества. Она набрана мелким шрифтом, и мы просим всех читателей, кроме, разумеется, их вышеозначенной категории, его пропустить

Семейство людеобразных — из числа семейств-долгожителей. Долго-долго существует на земле и наш биологический вид.

Многие другие виды млекопитающих, например, мамонт, саблезубый тигр и пещерный медведь, появились и вымерли на глазах человечества. Менялись очертания континентов. Изменялся и климат нашей планеты. Наступали ледниковые периоды. Они чередовались с временными потеплениями. А мы все жили и жили, постепенно обретая те человеческие черты, которыми так гордимся сейчас, и расселяясь, мало-помалу, из первичного ареала в саваннах Восточной Африки на все континенты, кроме Антарктики, и на почти все океанические острова Земного шара.

Нашим вероятным общим предком с современными человекообразными обезьянами был проконсул, окаменелые останки которого обнаружили в 1948 году англичане Л. и М. Лики на острове Рузинга (озеро Виктория в Кении) в третичных плейстоценовых отложениях, датируемых, приблизительно, в 25 миллионов лет. В черепе проконсула чисто человеческие черты (большой округлый лоб без надглазных валиков, строение зубов и так далее) сочетаются с типичными обезьяньими признаками. Судя по сохранившимся костям конечностей, это существо бегало еще на четвереньках.

Куда ближе нам австралопитеки, особенно, их вид «Австралопитек изящный», он же афарский, отстоящий от нас во времени на 2,9–0,6 миллионов лет. Эти двуногие обезьяно-люди, по-видимому, уже пользовались для защиты и нападения природными орудиями: палками, костями, камнями, которые иногда, похоже, и раскалывали.

Очень существенно, что австралопитеки, судя по частому обнаружению их и, рядом же, павианьих черепов с характерными проломами, были свирепыми хищниками и охотно лакомились мозгом жертв, в том числе, не исключено, своего же вида. Интересно, что проломы чаще слева — свидетельство праворукости. У всех обезьян, кроме людеобразных, одинаково развиты обе руки.

Собственно человеческая эволюция началась, по пока имеющимся данным тех же Л. и М. Лики, 2,6–2,3 миллиона лет тому назад с появления, опять-таки, на востоке Африки «Человека умелого» (*Homo habilis*). Рядом с его костными останками обнаружено уже до восемнадцати типов вполне сносно обработанных каменных орудий, хотя, доживи этот «умелец» до наших дней, споры о нашем родстве с обезьянами отпали бы автоматически. Слишком уж явно он смахивал на них!

Сие «постыдное» сходство с обезьянами, хотя и менее выраженное сохраняли разновидности «Человека прямоходящего» (*Homo erectus*): знаменитый питекантроп (остров Ява, 1,9–0,5 миллионов лет), «Гейдельбергский человек» (Германия, около 0,8 миллионов лет) и «Китайский человек» — синантроп (0,8–0,3 миллионов лет). Этот последний — пещерный житель, он уже не только умел делать разнообразные орудия, но и, по-видимому, пользовался огнем.

Средний объем мозга у всех упомянутых выше предков человека был приблизительно в два раза меньше, чем у нашего вида: у них шестьсот пятьдесят, у нас — тысяча кубических сантиметров. Этого, однако, никак не скажешь об еще одном вымершем виде людей: неандертальцах (*Homo neandertalensis*); мускулистых, узколобых, весьма мозговитых коротышках, но без подбородка и почти без шеи, обитавших в Африке и в Евразии, включая ее северные районы, на протяжении очень длительного периода, примерно от 300 до 35 тыс. лет тому назад. Неандертальцы уже, по-видимому, изготавливали, помимо каменных и костяных орудий, кое-какие сосуды из глины и одежду из звериных шкур, конечно, умели получать огонь, делали кое-какие украшения, и даже хоронили своих мертвых с какими-то обрядами: найдено захоронение, засыпанное цветами! Они мумифицировались и чудом сохранились в сухой почве. Почему вымерли неандертальцы? — Неизвестно, но пока, по крайней мере, вроде бы, не обнаружены их останки с явными признаками насильственной смерти и людоедства: типичными проломами в черепах и так далее.

То ли дело первые представители нашего вида — кроманьонцы! Они появились в Африке и Евразии около, соответственно, семьдесят и сорок тысяч лет назад, задолго до полного вымирания неандертальцев. Эти люди, похоже, постоянно воевали между собой и, весьма вероятно, что не брезговали человечиной, хотя по-настоящему в моду, как это ни странно, людоедство вошло совсем недавно: всего за каких-нибудь десять тысяч лет до наших дней. От кроманьонцев, живших как и неандертальцы, в пещерах, остались шедевры живописи, в том числе прекрасные изображения мамонтов и волосатых носорогов; красивые, хорошо обработанные орудия из камня и кости, черепки различных сосудов.

Речь, ее первые зачатки, появились, как допускают, уже у австралопитеков или, во всяком случае, у «человека умелого», причем вначале она могла быть, преимущественно, жестовой. Возможно, у неандертальцев и, наверняка, у кроманьонцев, были членораздельные

языки уже со вполне солидным словарным запасом. Живи те люди в наши дни, они, скорее всего, смогли бы нормально учиться в наших средних и высших учебных заведениях.

История материальной культуры человечества подразделяется на ранний (от человека умелого), средний и поздний палеолит (древнекаменный век) от двух миллионов до восьмидесяти тысяч лет. В позднем палеолите жили последние неандертальцы и первые кроманьонцы. Затем — мезолит (среднекаменный век), 80–10 тысяч лет, и, наконец, неолит (новокаменный век), от X до V тысячелетия до нашей эры. Далее: медный и бронзовый века, с V по II тысячелетия до нашей эры, и, наконец, — век железный, наш, от I тысячелетия до нашей эры по сей день. Монотеистическим религиям неполных три тысячи лет. Научно-техническая революция началась всего полтора века назад (если по большому счету), а компьютерная — в наши дни. Нетрудно видеть, что процесс развития технологий, таким образом, идет сперва крайне медленно, а затем все сильнее ускоряется. Первые поселения городского типа (Иерихон, Шумер, Индия) и, почти одновременно, первая письменность, иероглифическая, на глиняных табличках и т. п. возникли в V–IV тысячелетиях до нашей эры. Уже на четыре-пять тысячелетий раньше люди научились сеять хлеб, воздвигать мегалитические постройки, а еще на несколько тысячелетий раньше, по-видимому, зародилось скотоводство. Еще в мезолите человек приручил волков, от которых произошли многочисленные породы домашних собак (7-13 тысяч лет до нашей эры).

Одомашненные животные и растения отличаются, как известно, от своих диких предков крайней степенью внутривидовой изменчивости: обилием разных способных между собою скрещиваться сортов или (у животных) пород. Это явление объясняют тем, что в условиях одомашнивания ослаблена роль естественного отбора, а в то же время действует неосознанный или целенаправленный искусственный отбор. В частности все домашние животные явно отличаются от диких предков разнообразием и пестротой мастей: раскраска под окружающий фон утратила защитную функцию и белые вороны перестали быть смертниками.

Этологи полагают, что не только домашние животные, но и сам человек, подчиняя себе природу, сделался жертвой такого ослабления отбора, «безнаказанной» изменчивости. Мы «коллекционируем» в себе всевозможные вредные и даже летальные (смертоносные) гены, что приводит к обилию у нас разного рода врожденных аномалий, в том числе наследственных отклонений психики, таких как, например, наследственная шизофрения. Этому процессу накопления вредных мутаций, несомненно, способствовали в последние десятилетия, испытания ядерного оружия в атмосфере, развитие атомной энергетики (Чернобыль!) и другие работы, связанные с применением радиоактивных веществ, разнообразные источники ионизирующей радиации (рентген и тому подобное), а также химических мутагенов (веществ, воздействующих на наследственную информацию в ДНК) в нашем окружении, стрессы, повреждение озонового слоя, прогресс медицины, приведший к снижению детской смертности (больше выживает детей с наследственными заболеваниями) и ряд других факторов, связанных с научно-техническим прогрессом. Таким образом, мы — невольные виновники неукоснительной «порчи» собственного генофонда.

К сожалению, в нашей стране эту порчу усугубили в XX веке еще три обстоятельства, связанных с выпавшими на нашу долю тяжелейшими испытаниями. Это гибель десятков миллионов людей на фронтах Гражданской, Великой Отечественной войн, избирательное уничтожение лучших в годы массовых репрессий, а также четыре многомиллионных волны эмиграции, — катастрофическая «утечка мозгов».

Говоря о сущности человека, необходимо особо отметить еще следующее обстоятельство. Относительный вес головного мозга у человека в четыре раза больше, чем у антропоидных обезьян, не говоря уже о прочих. Однако, за это преимущество приходится расплачиваться долгим развитием. Человеческое дитя родится с недоразвитым мозгом, развитие которого продолжается несколько лет после рождения. Все это время ребенок нежизнеспособен без родительского ухода. Он, в основном, осуществляется матерью, но для прокормления семьи, особенно многодетной, совершенно необходимо участие отца. Этим

обстоятельством определяется, по-видимому, своеобразие менструального цикла у человеческих женщин, как, впрочем, и самок у прочих приматов. Цикл делает возможным половые сношения в течение практически всего года с малыми перерывами, в чем существенное отличие от многих других млекопитающих с их одногодичными эстральными циклами и коротким брачным сезоном. Биологический смысл таких круглогодичных сношений очевиден: он привязывает у людей мужчину к семье, а у обезьян — самца к семейной группе или стае.

По той же причине медленного развития детей человек везде, где бананы сами не прыгают в рот, — моногамен (у одного мужа одна жена). В этом он подобен птенцовым птицам (тем, которые родят беспомощных голых птенцов — певчим и др.), а также очень немногим из млекопитающих, а именно: человекообразным обезьянам гиббону и сиамангу, пяти видам низших обезьян Нового Света, а кроме того, бобрам, лисам, шакалам и некоторым другим хищникам. Таким образом, то, что кое-кому представляется выдумками лицемерных попов, имеет, глубокую эволюционную основу. Пресловутая «сексуальная революция» представляет собой бунт против естественных инстинктивных форм брачного поведения человека, выработанных в процессе естественного отбора.

2.2. Разговаривающие обезьяны и немые "маугли"

(В чем же все-таки мы — особенные?)

Более шестидесяти лет назад Н. Н. Ладыгина-Котс, уже нами упомянутая, поставила героический эксперимент. Она вскормила и взрастила вместе со своим новорожденным сыном Руди младенца шимпанзе Иони, только что родившегося в зоопарке. Молочные братья росли и воспитывались в совершенно одинаковых условиях. Что же получилось в результате?

На первых порах дитя шимпанзе развивалось быстрее, чем человеческое. Оно не только начало раньше играть в кубики и шарики, разбирать и собирать пирамидки, но и проявило изрядную техническую смекалку. Дали ребенку и обезьяненку длинные трубочки, внутрь которых глубоко загнана конфета — пальцами никак не достать. Иони попытался ее извлечь, убедился, что не получается. Тогда он отыскал подходящую палочку, сунул ее в трубку. Ррраз — и конфета, выбитая из трубки, уже во рту! Достать конфету удавалось даже, если палочки поблизости не было. Зато рядом лежала фанерка. Попробовал, обломил край — вот и готова палочка. Выходит, шимпанзе при необходимости может даже изготовить простейшее орудие труда. Благо, руки есть. А ведь не всякий человек так быстро сообразил бы! Что же делал в аналогичной ситуации Руди? Бессмысленно тряс трубкой и орал. «аааа», мол, «мама, достань конфету!».

Прошло, однако, еще некоторое время и полутора-двух годовалый ребенок, уже научившийся ходить на двух ножках, постепенно заговорил. Короче, начал развиваться так же, как все обыкновенные дети. Что же сталось с Иони? Увы, но он как был, так и остался обезьяной. Речь у него не появилась, даже на «мама» и «папа» никаких намеков. Да и умственный прогресс был не велик. Конечно, обезьяна росла ручной, очень любила приемных родителей и молочного братца. Она усвоила к тому же многие человеческие бытовые «хитрости», но… их осваивают, как известно, и другие млекопитающие, выросшие под боком у человека: кошки, собаки и так далее. Они тоже бегут к двери, когда в нее звонят или стучат. Открывают ее лапой, если хватает сил. Канючат: «пойдем гулять», «открой», «дай», а кошек некоторые хозяева учат даже ходить в сортир и спускать за собою воду.

У человекообразных обезьян деревянные орудия используются и в природе: обломанные ветки, палки. Отнюдь нельзя сказать, что умению такого рода их обучает человек.

Чтобы выяснить сравнительную роль врожденного и приобретенного в общении с

другими особями своего вида, этологи широко используют метод изоляции. Его называют «каспар-гаузеровым» по имени Каспара Гаузера (1812–1833) — жертвы династической интриги, — которого вырастили в одной швейцарской деревне в хлеву, в полнейшей изоляции от людей, кроме одного кормившего его крестьянина. Этот последний все-таки выучил Каспара кое-каким словам и даже буквам. В 1828 году, когда К. Гаузера выпустили на свободу, он умел ходить и кое-как изъясняться, хотя координация движений была у него нарушена, а позже, с грехом пополам, даже окончил школу и получил мелкую чиновническую должность. Его убили во время прогулки. Полагают, что он был сыном баварского монарха.

Жестокий эксперимент, поставленный за много веков до этого в Индии, свидетельствует: большая группа детей, не обученных в младенчестве речи, сами не в состоянии «изобрести» ее, общаясь только между собой, и остаются немыми на всю жизнь. О экспериментах такого рода, поставленных на людях самой природой, мы ниже расскажем особо.

Но, как бы там ни было, животные, выращенные людьми и с момента рождения ни разу не встречавшиеся с особями своего вида, все равно сохраняют многие типичные для него повадки, хотя в кое-чем, конечно, и отличаются от сородичей, не изолированных от родителей. Эти отличия обычно не так велики и постепенно исчезают после устранения изоляции или, во всяком случае, ограничиваются какими-то отдельными аномалиями в сексуальной сфере и тому подобное. Природу, как говорится, не обманешь. Кот, как его ни воспитывай, останется котом, собака — собакой, шимпанзе — шимпанзе.

Вот, например, одно из свидетельств психологической пропасти между нами и обезьянами:

Петербургский зоопсихолог Л. А. Фирсов на глазах у нескольких шимпанзе положил в ямку сосуд с обожаемым ими вареньем, а сверху с помощью двух лаборантов навалил тяжелый валун: непреодолимое препятствие для одной обезьяны, но не для двух или трех при совместных усилиях. Обезьяны гурьбой кинулись к валуну и долго, но тщетно пытались сдвинуть его с места. Не хватало ума объединить усилия. Каждый толкал в свою сторону. А ведь два человека, даже не понимая языка друг друга, шутя справились бы с этой задачей, объясняясь жестами!

Выходит, сигнализация обезьян, жестовая и голосовая, не годится для решения даже самых элементарных задач, связанных с какими-то совместными трудовыми действиями. Все — лишь в пределах команд типа: Иди сюда! Отстань! Бежим! В атаку! Прочь! Враг! Почеши спину! Дай мне! и т. п., вроде наших междометий, жестов и мимики, выражающих эмоции. Общее число таких сигналов у обезьян — не более нескольких десятков. (См. напр. Линден. Ю. «Обезьяна, человек и язык», «Мир», 1981 и Якушин Б. В. «Гипотезы происхождения языка», «Наука», М., 1984).

Все попытки научить обезьяну выговаривать хотя бы отдельные слова (кроме, от силы двух-четырех простых в произношении), неизменно заканчивались провалом. И неудивительно. Сам обезьяний голосовой аппарат, в отличие от такового у попугаев и некоторых других птиц, не пригоден для произнесения звуков человеческой речи.

А что получится, если приемные родители начнут обучать ребенка шимпанзе жестовому языку глухонемых?. Такая мысль пришла в голову американским ученым супругам Беатрикс и Аллену Гарднерам в начале семидесятых годов. Приблизительно тогда же американцы Д. Примак и др. начали учить своих питомцев шимпанзе общаться с людьми с помощью выкладываемых жетонов разных цвета и формы. Наконец американка Сью Саваж-Рамбо для той же цели приспособила компьютер с особой программой: нажмешь на нужную клавишу, на дисплее появляется та или иная символическая картинка-иероглиф, обозначающая определенное понятие. Например, одна картинка — «еда», другая — «дай», третья — «яблоко», четвертая — «кошка» и так далее.

Во всех трех случаях получилось нечто совершенно удивительное. Обезьяны, шимпанзе, гориллы «заговорили»-таки на нашем, на человеческом языке! Правда «речь» их,

особенно на первых порах, сводилась, в основном, к простейшим просьбам или командам, вроде: «дай» или «дайте, пожалуйста» (так уж учили), тот или иной конкретный предмет — яблоко, конфету, апельсин и так далее, иногда — с дополнением: «Дай, пожалуйста, банан и положи его в тарелку». Когда просьба выполнялась, следовал, возможно, не понимаемый, а просто выученный сигнал: «спасибо». Реже, впрочем, задавались и вопросы типа: «можно мне?» или «это кто (что)?» при виде разных незнакомых предметов и живых существ, в том числе, и на картинке.

Сигнал — новый символ прекрасно запоминался, подчас, — с первого раза, и далее обезьяны успешно пользовались им во всевозможных комбинациях с другими символами, точь в точь как это происходит при усвоении речи у детей.

Более того, обезьяны оказались способны выражать некоторые нехитрые мысли с переносом действия в будущее. Так, когда воспитательница Джейн садилась в машину, обезьяна Люси просигналила ей руками в окошко: «Я плакать», — то есть: «Когда уедешь, буду горевать». Выразить эту мысль в такой вот внятной форме не позволял сам жестовый язык американских глухонемых негров-амеслан: в нем имелись только обозначения предметов и действий, вроде: палец к уху — «слышу», «слух», «ухо», хлопок по бедру — «собака», «лай», тыльная сторона руки к подбородку — «дерьмо», «грязь»; палец в грудь, свою или собеседника — «я» и «ты».

Поразительно, что, несмотря на такую убогость самих сигналов (вина людей), обезьяны, подобно человеческим детям, вскоре занялись и словотворчеством. Холодильник, в котором хранились фрукты, шимпанзе Уоши обозначила комбинацией известных ей жестов: «ящик» + «фрукт» = «фрукто-ящик», лебедя, впервые увиденного на пруду, она назвала «водо-птицей», а арбуз «водояблоком» или «сладкопитьем». Между прочим, впервые увиденных в зоопарке диких собратьев Уоши не признала за своих и обозвала «черными тварями».

Все «разговаривающие» обезьяны самих себя считали людьми. Когда одной из них предложили игру: рассортировать фотографии людей и животных, включая ее же вид, собственные изображения она отложила к «людям», а прочих своих собратьев — к «зверям». На вопрос: «Почему?» — последовал ответ: «Я разговариваю». Умно! Даже не верится.

Еще свидетельства ума. Горилле Коко, тоже обученной языку глухонемых, с возмущением показали разорванную губку:

— Что это?!

— Неприятность.

Ту же Коко в присутствии ее воспитательницы Дж. Паттерсон и служителя спросили:

— Кого ты больше любишь?

— Это нехороший вопрос, — тактично ответила горилла.

Подобно нам, «говорящие» обезьяны, как оказалось, способны и врать, и ругаться, причем сами изобретают сходу всевозможные ругательные слова. Так, Коко, когда ей устроили нагоняй за то, что она пожирает мел, просигналила:

— Я играть женщина красить губы.

В другом случае эта же обезьяна выломала из пола металлическую воронку для стока воды и, когда ее начали за это корить, попыталась свалить вину на уборщицу Кэт: «Кэт-там-плохое».

А Уоши, обращаясь к служителю, который, несмотря на ее многократные просьбы, не приносил питье, показала руками:

— Ты, дерьмо, дай пить!

Этот пример ругани — один из очень многих. Другой шимпанзе обозвал чем-то досадившего ему чернокожего служителя «белым унитазом».

Обучившись сами, молодые самки шимпанзе пытались, хотя и не особенно успешно, передать свои познания детенышам- приемным детям.

Обнаружились и явные признаки понимания обезьянами (без всякой подготовки!) грамматических конструкций речи. Например, если экспериментатор сигналил: «я щекотать

ты», обезьяна подставляла спину, а после сигнала «ты щекотать я» сперва возражала: «нет, ты меня», а потом все-таки принималась щекотать человека.

Детеныша карликового шимпанзе Канци никто языку не обучал. Саваж-Рамбо учила его маму изъясняться с помощью нажатий на клавиши с разными символическими рисунками. Тем не менее, обезьяненок освоил эту премудрость сам, как бы играючи., и проявил при этом совершенно поразительные лингвистические способности. Он начал воспринимать и на слух английские слова, правильно реагируя на 660(!) разных устных просьб типа «Положи дыню в миску», «Достань морковку из микроволновой печи», и заметно превзошел в этом отношении свою ровесницу-двухлетнюю девочку Элли. Только еще через пол года человеческое дитя, наконец, перегнало обезьяну по уровню понимания устной речи!

Мы рассказали довольно подробно об этих экспериментах потому, что они в значительной мере изменили издавна сложившееся представление о бездонной духовной пропасти между людьми и прочими живыми существами. Пусть с наступлением половой зрелости обезьяны «дурели» настолько, что дальнейшая работа с ними становилась опасной, да и забывали они при этом многое из того, что раньше выучили. Пускай полный словарный запас Уоши и ее собратьев достигал всего ста семидесяти-трехсот слов, как у двух-двух с половиной-годовалого ребенка из интеллигентной семьи или, пожалуй, — на уровне взрослого воина у некоторых первобытных племен. У «людоедки» Эллочки из «Двенадцати стульев» запас употребляемых слов был, как всем известно, и того беднее. Пусть даже и в грамматическом отношении «язык» обезьян существенно отличался от нормального человеческого: в нем практически отсутствовали какие-либо времена, кроме настоящего (отмеченное исключение см. выше), тем более, не было придаточных предложений, которые, кстати, отсутствуют в языках народов, не имеющих письменности. Все равно, то, о чем мы только что рассказали, — настоящее «чудо из чудес». Ведь до недавнего времени считалось, что сам механизм формирования понятий и их ассоциирования с сигналами — суть членораздельного языка, — непреложная и исключительная привилегия человека.

Подумать только: у обезьян нет общественного труда, — той обязательной предпосылки речи о которой писал Ф. Энгельс в своем известном произведении «Роль труда в превращении обезьяны в человека». Нет у них «за плечами» и тех миллионов лет эволюции, которые привели к появлению в височной области коры левого (у правшей) полушария человеческого головного мозга особого речевого центра. Кровоизлияние (инсульт) в этом центре лишает человека способности говорить: нарушается механизм перекодировки понятий-представлений в речевые сигналы.

В естественных условиях обезьяны пользуются врожденными сигналами, набор которых у них, как у других животных, весьма невелик. Откуда же взялась эта потенциальная способность говорить у человекообразных обезьян? — Загадка!

А нельзя ли в таком случае обучить чему-то, похожему на человеческую речь, и каких-либо других высших животных?

Как известно, попугаи, скворцы, вороны и т. д. прекрасно имитируют звуки человеческой речи, абсолютно не понимая ее смысла. Тем не менее, недавно появились сообщения Ирене Пеппенберг из Университета Аризоны (США) о том, что и серый попугай-жако, если поощрять его довольно своеобразным способом за правильный ответ (спрашивают лаборанта, к которому птица очень привязана, и тот многократно отвечает впопад, а потом вдруг молчит, за что его выставляют из комнаты, если попугай не подскажет), в конце концов, обучается отвечать осмысленно, хотя и однозначно. Например: «Что это?» — «Дерево» (показали карандаш). «А это?» — «Авто»(показали игрушечный автомобиль) — «А это?» — «Ключ» «Цвет?» — «Желтый», «Сколько здесь ключей?» — «Три».

Всего попугаи, как и все прочие исследованные в этом отношении высшие животные, включая «говорящих» обезьян, могли считать только до 6–7. Шимпанзе различали даже соответствующие арабские цифры!

Оказалось, что серый попугай по имени Алекс может, так натренировавшись, пользоваться человеческой речью и для того, чтобы выражать свои желания: «Дай пробку!», «Хочу воздушную кукурузу!», «Хочу домой!» или даже — чувства: «Я тебя люблю». Попугаю показывают разноцветные карандаши. «В чем разница?» — «Цвет». А теперь демонстрируют связку одинаковых ключей, повторяя тот же вопрос — «Нет» после некоторого раздумья отвечает попугай! Он здоровается и прощается со своей хозяйкой. Всего попугаям удается осмысленно запомнить более 70 слов.

А не пора ли в связи с этими новыми открытиями серьезнее отнестись и к старым байкам о «гениальных» лошадях? Наблюдательная Ладыгина-Котс до конца своих дней дивилась тому, что видела собственными глазами. Однако, как помнится, рассуждала так: нельзя же поверить, что лошадь способна решать арифметические задачи, такие, что не под силу и человеку, например, извлекать кубические и четвертой степени корни из четырехзначных чисел. Значит, явно что-то там «не то», какая-то мистификация, хотя и по сей день так и осталось загадкой, какая именно. Дело, конечно, темное.

Выходит, с лошадьми лучше пока отставить. Ведь вполне достоверных данных с обезьянами и попугаями и так более чем достаточно для того, чтобы по-новому подойти к давно уже волнующему ученых вопросу: где же в таком случае пролегает барьер между психикой животных и человека? Справедливо ли считать, что речь идет только о количественных различиях? Мы, мол, такие же как и они, но только неизмеримо «умнее»?

Нет, конечно. Пропасть между нами и ими, действительно, существует, но проявляется она в другом. Вот, пожалуй, одно из наглядных подтверждений ее существования.

В настоящее время описано уже несколько десятков случаев, когда человеческих младенцев похищали при разных обстоятельствах и вскармливали своим молоком животные: обезьяны, иногда по некоторым сообщениям, даже хищные звери: волки, медведи, леопарды, причем дитя каким-то непостижимым чудом выживало. Все эти случаи происходили в тропических странах: в Африке, Индии, Индонезии. Результат таких опытов, поставленных самой природой и уже достаточно многочисленных для того, чтобы можно было сделать обобщающий вывод, во истину сенсационен.

Животное, вскормленное человеком, сохраняет многие повадки своего вида, в том числе — свойственные ему способ передвижения, врожденные выразительные движения.

Что же происходит с людьми, которых, подобно киплинговскому Маугли, Тарзану или мифическим основателям Рима Рему и Ромулу, вскормили животные? У этих детей после их возвращения в человеческое общество уже никогда не развивается речь (разве, каких-нибудь несколько слов) или даже способность нормально передвигаться на двух ногах. Они ловко бегают на четвереньках, подобно, например, павианам, и издают нечленораздельные звуки, едят из поставленной на пол миски, срывают с себя одежду. Обычно такие «маугли» живут в неволе недолго, не более нескольких лет, оставаясь до конца своих дней не людьми, а, если судить по поведению, — животными, какими-то обезьянами, что ли. Их повадки и голосовые сигналы, в частности, напоминают таковые приемных родителей. Какой же из всего этого следует вывод?

Наше умение ходить на двух ногах, речь и способность с ее помощью накапливать знания имеют, несомненно, врожденную основу. Тем не менее, соответствующие нервные механизмы включаются только в том случае, если ребенок после рождения, общаясь со взрослыми, постепенно перенимает их поведение. Упущен определенный критический срок, по-видимому, от нескольких месяцев до полугода-двух лет после рождения, и все пропало. Возможность дальнейшего развития в нормальную человеческую личность уже исключена. Если в этом возрасте приемными родителями были животные, то уже пожизненно усваиваются их повадки. Раннее обучение, в отличие от последующего, носит более или менее необратимый характер.

Конечно, можно выучить иностранные языки, зная родной, который маленькие дети подчас и забывают. Однако, если не было своевременного раннего обучения, теряется сама

врожденная способность говорить и даже — ходить на двух ногах.

Аналогичные явления необратимости раннего обучения — так называемого «запечатления» — свойственны и ряду других животных, кроме человека. Например, утенок или гусенок следует как за матерью за первым же попавшимся ему на глаза после выклевывания из яйца крупным подвижным предметом; будь то хоть человек, хоть футбольный мяч, который тянут за веревочку. Далее переучиться на подлинную мамашу они уже не способны. Так же обстоят у них дела и с выбором брачной пары. Например, селезень, если вырос в компании гусей, ухаживает только за гусынями. Лососи возвращаются из моря нерестовать в ту реку, в которой выклюнулись из икры. Рабочий муравей признает за «своих» только тот вид, в муравейнике которого он вывелся из куколки.

И все-таки, похоже, ни у одного существа, кроме человека, последствия раннего запечатления не играют такой всеобъемлющей роли, как у нас во всех формах поведения и даже в способе передвижения.

Второе наше отличие: информация, хранящаяся в памяти любой человеческой личности и, в значительной мере, определяющая все поведение человека, — продукт не его индивидуального, а коллективного опыта, накопленного многими поколениями людей. Любое человеческое «Я» — как бы «ячейка памяти» громадной надличностной информационной системы, имя которой Общество. Общественный информационный фонд растет подобно коралловому рифу веками и тысячелетиями на всем протяжении человеческой эволюции.

Ничего подобного ни у одного животного нет.

Конечно, коллективное обучение играет важную роль в поведении всех животных. К примеру, английские синицы-лазоревки после второй мировой войны научились через подражание проклевывать насквозь фольговые крышечки бутылок и воровать сливки. Макаки в Японии выучились мыть овощи, которые им дарят люди, и даже красть газировку из автоматов. Однако, это — лишь подражание, не более.

Мы копим опыт, главным образом, благодаря языку, а в нем громадную роль играет именно возможность изложения событий прошлого.

В некоторых современных человеческих языках, например, индейцев хопи, никаких понятий, обозначающих прошлое или будущее не существует. Однако, выражать события в прошлом они, как и все люди, конечно, могут, только получается это, на наш слух, диковато: «Я нахожусь здесь пять лет (тому назад)».

Бойцы вспоминают минувшие дни

И битвы, где вместе рубились они…

Можно полагать, что такими воспоминаниями делились уже наши доисторические пращуры, умелые и прямоходящие, когда еще и кроманьонцев на земле не существовало. Речь, скорее всего, была то где еще, преимущественно, жестовой и многие действия, в виду ее скудного словарного запаса, передавались пантомимой, этим древнейшим из всех человеческих искусств.

Одной из самых поразительных особенностей человеческого интеллекта является способность в определенном возрасте ассоциировать сигналы с их смысловым содержанием («слово-смысл») даже, если сигналы не обычные звуковые или хотя бы зрительные (как в жестовом языке глухонемых и в письменности), а… осязательные. Это доказывают поразительные достижения некоторых слепо-глухонемых людей, в их числе — известной шведской писательницы Хеллен Келлер. Она в раннем детстве лишилась слуха и зрения в результате тяжелого заболевания, но талантливый педагог обучил ее языку осязательно ощущаемых сигналов и передал с его помощью громадную информацию. Впоследствии Х. Келлер научилась читать пальцами «осязательные» книги для слепых и сама начала писать такие тексты, создаваемые проколами в бумаге. Эта женщина имела оригинальный литературный стиль, прекрасно формулировала глубокие мысли, дошла до интереснейших философских обобщений. Ее долгая творческая жизнь — достойный пример для всех, потерявших веру в себя, отчаявшихся и заблудших.

Характерно: в своей наиболее известной книге Х. Келлер повествует о том дочеловеческом состоянии, в котором пребывала ее душа до овладения: «осязательным» языком. Где литература, там, неизбежно и воспоминания о прошлом.

Между тем, напомним: у шимпанзе, научившихся «говорить», точно так же как у полутора-двухгодовалых детей, прошлое как бы отсутствует. У них, по-видимому, просто нет столь свойственной человеку потребности делиться информацией о том, что было раньше. Едва ли у обезьян возможны и какие-нибудь высказывания о будущих совместных действиях. Не ясно и то, может ли помочь человекообразным обезьянам освоенная ими жестовая сигнализация координировать трудовые действия, например, общими усилиями все-таки свалить тот валун над сосудом с вареньем, о котором мы недавно рассказали? Ведь, как отмечают многие зоопсихологи, у этих обезьян в природе отсутствует даже столь типичный для нас и легко ими перенимаемый указательный жест пальцем или рукой: «Глянь-ка, что там такое»? Впрочем, человекообразные в этом отношении, возможно, не лучший пример, поскольку они — не стайные животные, в отличие от, скажем, павианов и мартышек, способных к кое-каким совместным манипуляциям.

2.3. Семиотические революции и основные закономерности развития культур

Науку о знаках, символах, кодах, языках, используемых для передачи и хранения информации, называют семиотикой. Символ не имеет никакого смысла, кроме того, о котором «договорились» сообщающая и принимающая сообщение стороны (так называемый принцип конвенции). К. Лоренц и Н. Тинберген, сравнивая брачное поведение разных видов уток и аквариумных рыб-цихлид, приметили, что в обоих случаях сигнал, обозначающий, к примеру, у одного вида приглашение самке подойти ближе, у другого вида может выражать, напротив, угрозу, ничего не значить и так далее. Сказав болгарину спичка, можно схлопотать по фейсу. Красота по-польски — урода. Опыт по-сербохорватски — вредность. Стакан по-турецки — бардак. Автобусная остановка на том же языке — дурак и так далее.

«Знак» у нас вполне справедливо ассоциируется с дорожными знаками. Однако, и брачная окраска у бойцовой рыбки — тоже «знак»: самец готов к брачному поведению. Птичья песня — «знак»: «территория занята гнездующейся парой и чужих своего вида выгоним». Пес виляет хвостом, кот — тоже, но смысл этого «знака» у них противоположный.

Язык — система знаков, обозначающих объекты (лексика) и между объектные отношения (грамматические конструкции).

Языков, только доживших до наших дней, — тысячи. Кроме так называемых естественных языков, которые служат людям для общения существуют многочисленные машинные языки для ЭВМ. И наследственную информацию, записанную в длинных цепевидных макромолекулах дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) разными комбинациями по три из четырех веществ — нуклеотидов (цитозина, гуанина, тимина и аденина), ныне ученые признают за «язык» — древнейший из всех. На примере ДНК хорошо видна разница между «языком» и «кодом».

«Код» — способ выражения информации в знаковой системе, каковой является любой язык.

Так, каждому сочетанию из трех нуклеотидов в цепочке ДНК соответствует одна аминокислота в также цепевидной макромолекуле белка. Всех возможных комбинаций из четырех по три — шестьдесят четыре, а аминокислот всего двадцать. Поэтому в генетическом коде много синонимов, за что его называют «вырожденным». Мы приносим глубокие извинения нашим читателям-небиологам за этот, возможно, им не совсем понятный пример.

Что такое «код», без наших разъяснений прекрасно знают все разведчики. Ведь им приходится сообщения на родном языке делать непонятными для непосвященных, заменяя

отдельные буквы, слоги или даже слова, фразы, разными другими символами: буквами, числами и так далее. Смысл же от этого не меняется.

Когда мы строим фразу, в мозгу мгновенно появляется план ее содержания (смысл). Он преобразуется в план выражения (как подать информацию, подобрать получше слова и грамматическую конструкцию) и… все это происходит так быстро, причем вне нашего сознания, что мы частенько сами узнаем, что хотели сказать, только когда уже слышим собственные тирады, одновременно с нашим собеседником!

Элементам языка соответствует их семантическое (т. е. смысловое) содержание. В мозгу существует некая «семантическая карта» — громадный набор понятий, — обобщенной информации об объектах внешнего мира, типа «стул вообще», «лошадь вообще».

«Вообще» здесь означает: не какая-то одна конкретная, а «любая». Все стулья подпадают под понятие «стул», все лошади — под понятие «лошадь».

Этого разъяснения, полагаем, достаточно, чтобы читатель понял все, о чем будет говориться далее о языках, знаковых системах, эволюции культур и так далее.

Кроме языков вышеупомянутых, ученые еще говорят о «языках» общественных насекомых: термитов, муравьев и пчел. У первых двух он, в основном, химический и пока не расшифрован. У пчел же их уже упомянутый нами «язык» — своего рода «танец», сообщающий работницам, в каком направлении и как далеко летала пчела-разведчица. Изучен этот «язык» хорошо, но он врожденный, так что особой общности с нашими языками здесь нет.

Выходит, человеческие языки — нечто новое и особенное в истории органической жизни на земле. Посему их появление, развитие (в масштабах истории Земли все это — момент) можно справедливо назвать Первой великой семиотической революцией.

Родившись, языки развиваются подобно биологическим видам. От какого-то одного общего праязыка постепенно ответвляются новые. Сперва зарождается новый местный говор, например, питерцы и москичи говорят чуть по-разному. Затем уже возникает диалект, как, например, у волжан. А там уже мало помалу из одного языка получаются несколько новых. Так, древне-славянский язык дал начало польскому, чешскому, сербско-хорватскому, древнерусскому и другим языкам славянской группы. От древнерусского произошли наш русский, украинский и белорусский языки. Славянские языки, наряду с романскими, германскими, летто-литовскими, индо-иранскими и так далее, образуют индо-европейскую языковую семью. Некоторые семьи удалось объединить в надсемейства, выявив еще более отдаленные отношения родства. По типу грамматик языки подразделяются на флективные (есть склонения, спряжения — как в русском, немецком), аналитические(более или менее обходящиеся без падежей, спряжений, как, например, китайский) и удивительные для нас инкорпоративные, как, к примеру, чукотский, в которых каждое предложение — как бы одно слово. Несмотря на это, перевод смыслового содержания фразы с одного языка на другой возможен в практически любом случае.

Язык всегда — часть культуры. Культура же — совокупность самых разных взаимосвязанных семиотических систем или то, что мы в предыдущем разделе назвали «информационным фондом» («мимофонд» по Р. Доккинзу — с м. ниже).

У нас в последнее время очень много говорят и пишут о нациях и национальных культурах, не очень-то затрудняясь проблемой: а что это, по сути дела, такое?

Собственный язык, в отличие от информационного фонда, — далеко не обязательное условие существования единой национальной культуры. То же можно сказать даже о территории. Известно немало народов, говорящих на нескольких языках, но, тем не менее, имеющих единую национальную культуру. Это, например, можно сказать о франко- и валлоноязычных бельгийцах, швейцарцах и даже о норвежцах, у которых языков несколько, а этнос один. Курды живут на нескольких территориях плотно, а в других местах — в диаспоре, но остаются единой нацией. Англичане и американцы или немцы, австрийцы и германоязычные швейцарцы — разные народы.

Между информационными фондами разных народов постоянно происходит обмен

компонентами. По разным обстоятельствам, включая и численность, у одних народов этот фонд грандиозный, а у других — очень маленький.

То же относится и к словарному фонду языка. Не на каждом, прямо скажем, языке прочитаешь лекцию по теоретической физике! На юге острова Суматра, например, живет племя кубу, у которого в языке всего несколько десятков слов, меньше, увы, чем у недавно упомянутых «говорящих обезьян», хотя, надо полагать, выучив английский или какой либо другой язык эти люди вполне могут оказаться ничуть не глупее нас с вами. Пример многих отсталых племен, шагнувших в XX век из каменного за буквально одно поколение, это убедительно доказал назло расистам.

Как бы то ни было, Второй семиотической революцией стало появление письменности, сперва иероглифической, слоговой, позже (от финикийцев) — фонетической, «нашего» типа. Первые обнаруженные письменные памятники — уже довольно сложная клинопись и иероглифы на глине или камне — Шумер и Махенджо-Даро (Индия) — 4,5–4 тысячи лет до нашей эры. Бронзовый век. Об этом мы уже говорили.

Третья и Четвертая революции произошли сравнительно недавно. Это, как читатель уже вероятно догадался, изобретение Гутенбергом печатного станка (XV век, на тысячелетие без малого позже, чем в Китае, но там книгопечатание мало использовали) и первых печатных периодических изданий — Англия, XVII век. (В древнем Риме была, правда, во II веке рукописная газета).

Дальнейшие очередные семиотические революции совершились и продолжаются уже буквально на наших глазах во все убыстряющемся темпе. Так, появились средства проводной (XIX век) и затем беспроволочной (начало XX века) связи, вскоре превратившиеся также в новые, причем основные средства массовой информации (первая четверть-середина XX века), возникли космические средства связи и началась всеобщая компьютеризация (сейчас). Всевозможные информационные и семиотические системы как бы переплелись в планетарном масштабе. При этом большую роль сыграли создание и быстрый рост хранилищ информации на разного рода «внемозговых» материальных носителях (библиотеки, музеи, кино- и фонотеки, в последние годы — гигантская память ЭВМ, их глобальные системы связи через электронную почту и информационные сети с глобальной базой данных типа «Интернет» и т. п., развитие каналов оптической передачи посредством волоконной оптики). Все эти плоды прогресса, в совокупности, изменили облик человечества и быстро продолжает изменять его на наших глазах.

Изменяется основная система ценностей, кардинальным образом трансформируется психика человека. Национальные «информафондовые ручейки» все больше сливаются в единый, невероятно мощный информационный поток, который несется все быстрее и быстрее, Бог весть куда.

2.4. Развитие цивилизации как частный случай эволюционного процесса

Чтобы обозреть процесс развития нашей цивилизации, оглянемся назад, на его истоки.

Еще столетие тому назад глобального «информационного пространства» не существовало. Соответственно, не было оснований, следуя за академиком В. И. Вернадским, называть это пространство «ноосферой». Однако, и тысячелетия назад человеческая личность с ее языком, культурными навыками, знаниями, представляла собой как бы часть единого целого. Вне этого целого, то есть общества с его фондом информации, копившимся много поколений, человек уже тогда не мог нормально развиваться после рождения и существовать вообще. Он уже тогда приспосабливал к своим нуждам среду, безжалостно изменял ее и не умел, в отличие от других существ, жить в первозданной природе. Нарушение биологического равновесия — результат деятельности человека — уже тогда выступало в роли глобального геофизического фактора.

Человек разумный — человек, разрушающий!

Громадные пустыни Северной Африки и Средней Азии, в значительной мере,

антропогенного происхождения, хотя возникли очень давно.

Одна из важнейших закономерностей развития человечества (мы ее уже коснулись вскользь в конце предыдущего раздела) следующая.

У всех живых существ, кроме человека, эволюция связана только с изменениями наследственной информации в молекулах ДНК: случайными мутациями и естественным отбором. Последний контролирует результат мутаций через выживание потомства по принципу обратной связи, для вредных вариантов — отрицательной, а для полезных — положительной. У людей же есть еще и второй, внегенетический информационный фонд, это культура, включая, в частности, язык как ее компонент и, конечно, науку.

Информация, хранимая в этом фонде (английский ученый Р. Доккинз по аналогии с генами, генофондом предлагает термины: «мимы», «мимофонд» — от корня «мим» — подражание, имитация) эволюционирует неизмеримо быстрее генетической и независимо от нее. К тому же, она, в отличие от генофонда, имеет тенденцию постоянно наращивать свой объем за счет лепты, вносимой отдельными поколениями. Такое наращивание издревле давало себя знать во всем, что относится к технологиям изготовления орудий, навыком и приемам труда. Изобрел, например, кто-то в незапамятной древности гончарный круг, пращу, лук и стрелы. Все это осталось в коллективной памяти человечества, наряду с последними открытиями в лазерной технике, ракетостроении и квантовой физике.

Аналогом мутаций изменений генотипа в культурной и языковой эволюциях являются, соответственно, культурные и языковые инновации (отклонения от культурной или языковой «нормы»). Инновации возможны во всем, что относится к культуре: науке и технике, фольклоре, национальном костюме, архитектурных стилях и модах, даже в религиях.

Как известно, христианство, изначально порвав с иудаизмом; вскоре претерпело ряд расколов и ересей. В 1054 г. оно окончательно разделилось на две большие ветви: восточную (православную) и западную (католическую), от которой в XVI веке изошли несколько протестантских церквей, продолжавших дробиться и далее. И православие раскололось на ортодоксальное и никонианское (XVII в.), а также дало начало множеству толков и сект. Некоторые христианские церкви на Востоке (несторианство, монофазиты) отделились от общего ствола еще более тысячи лет назад. Число христианских конфессий продолжает расти и по сей день. Например в США насчитывается уже более двух тысяч христианских конфессий. Точно таким же ветвлениям подвергаются и другие мировые религии.

Кому уж «сам Бог» велел множиться расколами и ветвлением, так это конечно, политическим партиям. Кажется они только на то и созданы, чтобы подобным образом «размножаться!»

Новации в языке и культуре — аналог мутаций в полном смысле этого слова. Для них тоже есть контроль «тиражей» по принципу обратной связи. Одни новации тиражируются, обретая право на долгую жизнь. Другие, как родились, так и не приживаются, быстро сходят на нет, на манер наших послереволюционных словосокращений Комбед, Профсож, Губтремод, Главкомснаб и многих других — кто сейчас их помнит?

Подобно близкородственным биологическим видам, которые произошли от общего предка, обитают в сходной «экологической нише» и потому ожесточенно конкурируют между собой, родственные культуры и идеологии тоже вступают в жестокие взаимно-конкурентные отношения.

Беспощадно «воюют» между собой разные виды муравьев и даже, очень часто, соседние колонии одного и того же вида. Если в доме заводятся крысы, мышам в нем не жить. Уничтожат.

Когда в Европе впервые появились серые крысы-пасюки, мигрировавшие туда из Азии, у них разгорелась своего рода «война» против местных черных крыс-конкурентов. Оба вида друг друга беспощадно уничтожали (см. далее). Вероятно, не лучшими были и отношения наших давних предков с неандертальцами. Точно так же ведут себя друг с другом близкородственные религиозные конфессии (война за души верующих!) и идеологии. Против кого был направлен весь запал ненависти христиан и иудеев, когда христианство

только-только отделилось от общеиудейской ветви? А потом эта ненависть стала уже не такой острой (хотя и сохранилась) как вражда между христианскими конфессиями: никейцев с арианами, католиков с православными, старо- и новообрядцев, католиков и лютеран и так далее.

Марксисты, едва народились, передрались между собой, позабыв о «буржуях». Вспомним как ненавидели друг друга большевики и меньшевики, а потом уже всякие там «правые» и «левые» уклонисты, троцкисты, сталинисты, бухаринцы, «Рабочая оппозиция». Кровь лилась реками. Взаимная ненависть была куда острее, чем, например, между коммунистами и монархистами!

В недавнем прошлом КПСС видела врага номер один вовсе не в «империалистах», а, конечно же, в раскольниках: тито-фашистах«, маоистах, полпотовцах и пр. Те отвечали полной взаимностью. Вспомним остров Доманский! В Веймарской республике 1929–1933 годов коммунисты видели своего главного врага не в гитлеровцах, а в либеральных социал-демократах, на большевистском языке тех лет «социал-фашистах». Те, в свою очередь, окрысились на большевиков. Эта взаимная грызня и открыла Гитлеру путь к власти.

Сейчас у нас, кажется, уже 8 или 10 коммунистических партий. Они ожесточенно воюют между собой! Такая же малопочтенная драка идет между «демократами» или внутри «патриотического» лагеря.

И другие закономерности эволюции культур, языков, религий, технологий во многом напоминают закономерности биологической эволюции. Так, в изоляции происходит задержка эволюционного развития. На островах и в горах часто встречаются чудом уцелевшие древние (реликтовые) виды животных и растений. Подобным же способом сохраняются и древние (реликтовые) культуры, например, некоторых индейских племен, затерявшихся в дебрях Амазонских тропических лесов, центрально-африканских пигмеев, бушменов, австралийских аборигенов — народов, все еще живущих в каменном веке. В Приуралье обитает малочисленная народность манси, сохранившая до наших дней язык, многие обычаи и верования того древнего угро-финского племени, большая часть которого около семнадцати веков назад откочевав оттуда в Европу, дала начало венгерской нации. Канадские французы и поволжские немцы говорят на том допотопном языке, которым их соотечественники пользовались в XVII–XVIII веках.

Отрыв от общенациональной культуры породил неизбежный застой. То же касается науки и техники в условиях изоляции. От этого в былые годы очень страдали наши «почтовые ящики» и провинциальные вузы. Причина везде одна: в большом количестве голов вероятность того, что хоть одну из них посетит умная мысль, конечно, выше, чем в малом их количестве. То же — с языковыми новациями и биологическими мутациями: в больших скопищах вероятность их появления выше, как следует из только что рассказанного.

И биологическая, и языковая, и культурная эволюции выглядят как ветвящееся древо. Биологи и, подражая им, филологи, историки и этнографы называют это явление «дивергенцией» (ветвлением, расхождением).

Есть и другое общее явление — «конвергенция».

В сходных ситуациях эволюция избирает сходные пути и находит аналогичные решения.

Так, млекопитающие дельфины и киты с виду очень похожи на рыб. И вымерший ящер ихтиозавр внешне напоминал рыбу. Что поделаешь? Плавать надо!

Точно то же явление наблюдается в эволюции культур. Древние люди монгольской расы около тридцати восьми тысяч лет назад перебрались в Аляску по льду Берингова пролива и, расселяясь на юг, дали начало всем индейским племенам. Пришли они в Америку дикарями еще в палеолите, а уже там создали со временем великие цивилизации майя, ацтеков, инков и др. И вот чего только не изобрели краснокожие совершенно независимо от людей Старого света: письменность, способы строительства сложнейших архитектурных сооружений, гончарный круг, холодную и горячую ковку металла, точнейший в мире

календарь, органические и минеральные красители. Там тоже как и в Старом свете, появились государства с чиновничеством, аристократией, налоговой системой, регулярной армией, сложные религии, храмы, развитое сельское хозяйство, хотя, по-видимому, из-за отсутствия тягловых животных не использовались колесо и плуг. Индейцы первыми освоили многие сельскохозяйственные культуры, позже вывезенные в Европу, в том числе картофель, кукурузу, табак; научились выделывать прекрасные ткани. Больших высот достигло мастерство ювелиров, расцвели изобразительные искусства, строились громадные города. Все это — поразительный пример конвергенции с культурной эволюцией Старого света. Американский психолог и психиатр Р. Юнг (1875–1961) связывает такие совпадения с «архетипами» человеческого сознания. Разные цивилизации развиваются весьма сходно даже никак не контактируя между собой.

Сравнительно недавно биологи открыли эффекты так называемой «горизонтальной» эволюции: переноса генов от одних организмов другим, иной раз, совсем неродственным. Известны и случаи возникновения новых групп организмов через взаимовыгодное сожительство (симбиоз) и далее слияние неродственных живых существ. Лишайники — продукт сожительства сине-зеленых водорослей и низших грибов. В культурной и языковой эволюциях аналогичных примеров очень много. В любом языке позаимствованных слов вроде наших «почтамт», «кино», французского «бистро» от нашего «быстро». Известны и языки продукт слияния: «пиджин-инглиш» от английского и малайского, английский от древне-английского языка германской группы и французского, креольские языки Вест-Индии и так далее. В культурах, обрядах, обычаях, религиях и технологиях подобных же явлений без числа. Ряд культур, этносов, наций — продукт слияния.

Известны и народы, остающиеся веками этническими химерами: в одном народе несколько несмешивающихся этнических групп языков, религий как например, древние хазары, народы США, ЮАР, Зимбабве, Руанды, Сингапура, Ливана. В химерах часто возникают межэтнические и межконфессионные конфликты, порой какая-то группа вылезает вверх, но все-таки кое-как живут.

Даже такое, вроде бы, чисто биологическое явление как паразитизм имеет, как известно, некоторые аналогии в социально-исторической сфере. Мало ли помнит история завоевателей, живших за счет покоренных народов? В любом обществе хватает паразитических социальных групп, а также отдельных индивидов-захребетников.

В чем же все-таки причина единства многих закономерностей эволюции, биологической, языковой, культурной и так далее? Един основополагающий принцип.

Эволюция через изменчивость и отбор — общее свойство самовоспроизводящиеся или тиражируемых систем (живые организмы, языки, культуры, технологии и так далее), у которых копии (потомство) могут отличаться от оригинала (мутации, новации) по отдельным признакам, влияющим на дальнейшее размножение (тираж). Все системы такого рода называют «конвариантно репродуцирующимися» т. е. «неточно копируемыми» системами.

Какие-то ненаправленные изменения этих систем, приводящие к их расхождению (дивергенции) могли бы происходить даже, если бы изменения признаков (опечатки) не влияли на численность потомства (тираж), а носили, так сказать, «нейтральный» характер. Действительно, известно что многие мутации организмов и новации, например, в языке, носят как раз такой характер. Однако подобный процесс без отбора был бы по последствиям равнозначен многократным переизданиям книги без исправления в ней опечаток. Очевидно, что конечным результатом стала бы хаотическая смесь букв.

Фактически же идет отбор: одни отклонения от оригинала ведут к уменьшению численности новых копий или вообще прерывают дальнейший процесс копирования. (Эффект отрицательной обратной связи). Другие варианты отклонений, напротив, способствуют росту численности копий (потомства) в данных условиях. (Эффект положительной обратной связи). В соответствии с тем, эволюция носит приспособительный и направленный характер.

Так, понятно, что, если одну и ту же книгу выпускают в нескольких разных переплетах

и она хорошо раскупается при этом только в одном из них, далее ее предпочтут издавать именно в нем, пока не придумают очередной того лучше раскупаемый вариант. В разных ситуациях и странах вкусы покупателей могут оказаться разными. Это неизбежно и на книжных обложках. Весьма обыденная житейская проза, но в нейто общее с биологической, культурной и прочими эволюциями.

В. Еременко в статье «Мессия» (В сб.: «Вождь. Ленин, которого мы не знаем», Саратов, 1992) пишет: Годами выковывался образ вождя, все дальше уходя от живого прототипа. Кто много путешествовал по нашей стране, наверно, заметил сходство Ленина на портретах с типами лиц коренных жителей республик. В Закавказье он типичный горец — чернобородый, нос с горбинкой. В Средней Азии преобладают черты монголоида. Это не отклонение от стандарта. Портреты одни и те же. Это своего рода приближение ленинского облика к народным массам.

Чем не пример приспособительной эволюции через изменчивость и отбор? Ведь первыми оригиналами были одни и те же фотографии. Здесь налицо даже дивергенция в условиях географической изоляции. Через сбыт сработал известный всем технически грамотным людям эффект обратной связи, тот же, что и в дарвиновской естественном отборе.

В капиталистическом производстве этот фактор сбыта всегда был движителем научно-технического прогресса, а также причиной того, что капиталисты не жалеют денег на рекламу.

Возьмем язык — там то же явление. Сейчас, к примеру, молодежь охотно говорит вместо «хорошее» «клевое». Пройдет лет сто, и не исключено, что все уже привыкнут к новому слову. Оно постепенно вытеснит слово-конкурент. Такой процесс идет тысячелетиями. Слова рождаются и отмирают, а заодно с ними и весь язык постепенно изменяется до неузнаваемости.

Характерно, что Карл Маркс, по-видимому, хорошо понимая эту общность разных типов эволюции, первоначально намеревался написать на титульном листе «Капитала»: «Посвящается Ч. Дарвину». За соответствующим разрешением он обратился к самому автору «Происхождения видов», но тот наотрез отказал.

Многие совпадения закономерностей биологической и культурной эволюции рассматриваются в трудах американского психолога Эрика Эриксена, а также в работах ряда других ученых. Их обзор приведен в статье А. К. Скворцова «Механизмы органической эволюции и прогресса познания» («Природа», 1992, N7). Та же проблема осещается в недавно оявиво появившейся у нас в русском переводе книге уже упомянутого Р. Доккинза «Эгоистичный ген» (М., «Мир», 1993).

В числе таких совпадающих закономерностей — прогрессивный (направленный к усложнению) и самоускоряющийся характер эволюции. Первая закономерность объясняется тем, что усложняющие изменения, как и любые другие, в принципе, возможны. Поэтому в рядах поколений эволюционирующих систем то и дело происходят, в частности, и такие изменения. В следующих аналогичных рядах возможен новый усложняющий шаг от уже достигнутого уровня сложности. Так, шаг за шагом, какая-то часть систем делается все сложнее и сложнее, если отбор сохраняет усложняющие изменения, т. е. они способствуют выживанию потомства. Таким образом, прогрессирует только какая-то часть параллельно эволюционирующих систем. Прочие же остаются на прежнем примитивном уровне. Эту закономерность хорошо иллюстрируют и биологическая и культурно-техническая эволюции. В языках такая тенденция выражена гораздо слабее, поскольку усложнение может идти в ущерб понятности, особенно-в устной речи, но тоже наличествует. Развивается грамматика, обогащается словарный запас в связи с появлением новых понятий.

Высшие млекопитающие и в том числе человек — только ничтожная часть ныне живущих организмов. Так, на нашей планете неизмеримо больше примитивнейших живых существ: вирусов, бактерий и сине-зеленых водорослей. Как мы уже только что отметили, в дебрях Амазонии, на Суматре и Новой Гвинее, в Австралии, на Филиппинах и так далее до

наших дней сохранились племена, живущие в каменном веке. Среди современных языков, опять-таки, наряду с высокоразвитыми такие как только что упомянутый язык кубу с его ничтожным словарным запасом и ряд других не намного богаче.

В чем причина самоускорения многих эволюционных процессов?

Если эволюция системы носит прогрессивный характер, по мере ее усложнения нарастает объем информации. А чем больше информации, тем богаче и потенциальные возможности дальнейших изменений. Сравните с только что нами рассмотренным эффектом задержки биологической и языковой эволюции в малых изолированных коллективах.

Напомним: возраст человечества — более двух миллионов лет. Наш вид Человек разумный существует уже около семидесяти тысяч лет. Швейцарский философ и инженер Г. Эйхельберг предложил более шестидесяти лет тому назад такую вот образную картину темпов прогресса человечества.

От времени появления в Европе Гейдельбергского человека прошло около шестидесяти тысяч лет. Представим дальнейшее развитие человеческих существ в Европе как марафонский бег на шестьдесят километров. Большая часть этого пути пролегает через непроходимые девственные леса и только на сорок пятом-пятидесятом километре появляются, помимо все время попадавшихся первобытных орудий, пещерные рисунки — начальные признаки культуры. Лишь на последних четырех-трех с половиной километрах к ним добавляются первые возделанные поля. За два километра до финиша дорога уже покрыта каменными плитами — бегун минует древнеримские крепости. За километр повстречаются средневековые города. За пятьсот метров на бегуна взглянет всепонимающим взглядом Леонардо да Винчи. Остаются последние двести метров. Они преодолеваются при свете факелов и чадящих масляных светильников. Наконец, когда до финиша осталось менее ста метров, ночную дорогу заливает ослепительный свет электрических лампионов. Под ногами асфальт. Машины шумят на земле и в воздухе. За пятьдесят метров до бегуна доносится голос радио-диктора, сообщающего о взрыве в Хиросиме. Остались считанные метры до финиша, где в свете прожекторов столпились теле- и фотокорреспонденты! Естественно, последние фразы дописали уже мы. Научно-техническая революция началась полтора-два века тому назад. За последние десятилетия прогресс принял невиданно быстрый характер. Столь же ускорились потребление человечеством невосполнимых природных ресурсов и ухудшение экологической обстановки в глобальных масштабах. Мы, похоже, уже у финиша. Только радоваться этому нет у нас ни малейших оснований. Ведь похоже, что в в конце марафонского бега нашу цивилизацию ожидает самоубийство, если не произойдет чудо. К этому вопросу мы еще вернемся в заключительной главе нашей книги.

В любой приспособительной эволюции с участием отбора большую роль играют эффекты, названные биологами «замещением функций».

Несколько странно, но факт: наши конечности — продукт эволюционного преобразования грудной и брюшной пар плавников рыб — предков наземных позвоночных. И жаберные артерии рыб — та система, из которой развились сонные артерии у позвоночных, перебравшихся на сушу.

Слова вратарь, самолет, ошеломить были очень хорошо знакомы русским людям былых веков, но смысл имели не тот, что ныне: церковный служка при царских вратах в православном соборе, ковер-самолет, удар по шлему мечом или палицей.

Удивительны превращения гончарного круга. Вероятно, он послужил техническим прототипом для колеса. В древних возах и колесницах колеса, сперва, были сплошные, без спиц. Колесо и сделанные на его принципе устройства — колеса всевозможных разновидностей современного транспорта, ветряки, турбины, пропеллеры — нашли бесчисленные технические применения. Автомобиль сперва называли самодвижущимся экипажем. Он и выглядел как карета или пролетка. Та же замена функций происходит со многими современными изобретениями.

Есть еще и такое важное свойство систем, эволюционирующих через отбор, как неустойчивость, недолговечность, относительная малочисленность большинства переходных

промежуточных форм.

Новые биологические виды развиваются иногда постепенно: локальная популяция, раса, подвид, наконец, новый вид. Этому способствуют условия изоляции, например, географической. Но бывает и иначе: одна или немного мутаций порождают нескрещиваемость с прежними сородичами. Потом, если естественный отбор совершенствует получившихся «отщепенцев», если им повезет остаться жизнеспособными. То же происходит с культурами, языками, идеологиями.

Напомним: местный говор — диалект — подъязык — язык. Но что же такое полуязык, например, полуукраинский-полурусский или полупольский-полуукраинский? Такой глупости не бывает в сколько-нибудь устойчивом виде. В чем причина? Конечно, в конкуренции близких форм. Ни рыба, ни мясо быстро выбраковываются отбором. Человека, говорящего на смеси русского и польского, и русский, и поляк спросят:

— На каком это волопюке ты болтаешь?

Полуправославному-полукатолику неизбежно придется выслушивать обвинения в ереси от приверженцев обеих конфессий, что, как известно, и происходит с униатами. Полусобака-полуволк (гибрид) для собак — волк, а для волков, скорее всего, — собака. И для собачьей, и для волчьей жизни он не очень-то приспособлен. Вспомним «Белый клык». Естественно, и в политике то же самое. Больше всего пинков и толчков достается соглашателям. Об этом так красочно повествует бессмертное творение И. В. Сталина с анонимными соавторами» Краткий курс истории ВКП(б). О том, что промежуточный формы не жильцы на этом свете, достаточно ярко свидетельствует палеонтология. В массах окаменелых раковин, скелетов и так далее обычно один какой-нибудь вид в последующих напластованиях осадочных горных пород сланца и известняка как бы «скачком» сменяется другим близкородственным. Межвидовых, промежуточных останков — кот наплакал.

Эволюционистам такая закономерность кажется вполне понятной и объяснимой. Ее связывают с особой формой естественного отбора, способствующей устранению промежуточных форм. Ведь каждый биологический вид приспособлен жить в своей специфической, как говорят биологи, экологической нише — варианте природной среды, отличном от тех, в которых по соседству живут другие близкородственные виды.

Разнообразие видов определяется или множественностью вариантов экологических ниш в одном месте, или географической изоляций.

Так же обстоит дело с культурами, языками, этносами. Там тоже к взаимному обособлению привели те или иные факторы взаимной изоляции: социально-экономической, политической, географической. Об этом мы уже вскользь сказали в связи с явлением дивергенции.

Но вот антиэволюционисты редкую встречаемость промежуточных форм используют постоянно как свой главный козырь. Дескать, между биологическими видами вообще и не было никогда никаких переходов. Каждый вид возник из ничего одновременно со всеми прочими. Городской воробей был создан одновременно с остальными птицами уже на Четвертый день Творения, а после того, очевидно, бедовал без свойственной ему среды многие тысячелетия, пока люди не построили первые города. Ведь в сельской местности городской воробей не живет. Там другой вид — полевые воробьи.

Следуя той же логике, нетрудно убедиться, что и языки, на которых говорит современное человечество, за отсутствием промежуточных форм родились все сразу и одновременно после крушения Вавилонской башни! Да и все нынешние христианские конфессии, выходит, появились одновременно. И между ними же промежуточных форм почти нет!

Наконец, еще одна закономерность, общая для разных сложных конвариантно репродуцируемых систем со множеством способных взаимонезависимо изменяться признаков: ее практическая необратимость. Слова Гераклита «нельзя дважды войти в одну реку» к любому процессу эволюции применимы вполне.

Так, все породы домашних собак произошли от волков или также, возможно, шакалов. Однако, одичав в Австралии, собаки не стали ни волками, ни шакалами. Появилась новая порода диких животных: динго. Отдаленными предками всех наземных позвоночных животных являются кистеперые рыбы. Однако, те из четвероногих, кто вернулся к водному образу жизни (киты, дельфины, вымершие рыбоящеры-ихтиозавры и др.), сохранили легочное дыхание и остались типичными представителями своего класса (млекопитающие, пресмыкающиеся). И язык «Слова о полку Игореве» вовек уже не станет живым русским языком.

Для биологической эволюции это правило необратимости впервые сформулировал бельгийский зоолог Луи Долло (1857–1931).

Необратимость весьма просто объяснить с помощью теории вероятности. Если мы будем много-много раз переиздавать книгу с опечатками, да еще при этом какие-то их варианты приведут к изменениям тиража, велика ли вероятность, что когда-нибудь повторится первый вариант? Ведь вероятности независимых событий перемножаются. Поэтому-то невероятно, скажем, тысячекратное падение подброшенной монеты одной и той же стороной вверх — «решкой» или «орлом». То же можно сказать о мутациях и новациях.

Независимо друг от друга и случайным образом изменяющихся признаков у организмов, культур, языков, технологий и прочих конвариантно репродуцирующихся систем слишком много. К тому же, если эволюция носит прогрессивный характер, то есть сопровождается обогащением системы разнообразной информацией, выкинуть эту информацию «за борт», как Стенька Разин персидскую княжну, — задача не из простых. В этом все подобного рода системы отличаются от памяти компьютера, из которой при желании можно вычеркнуть что угодно одним нажатием на клавишу. Отделаться от ранее накопившегося информационного груза сразу и полностью практически невозможно, даже если он совершенно бесполезен. Обычно он «вычеркивается» лишь медленно, по частям, теряется лишь небольшими случайно не скопированными порциями, а в основной своей массе как бы «переводится в архив», где-то и как-то хранится, хотя это может никак не проявляться до поры до времени. У организмов, в их признаках, проявлена лишь какая-то, у высших животных крайне незначительная часть наследственной информации, скрытой в ДНК (менее десяти процентов). Прочее — «спящие гены».

То же самое можно сказать и об информационном фонде любой развитой человеческой культуры. Многое, накопленное ею за века и тысячелетия, хранится в устных преданиях, пылится в архивах и на книжных полках, одним словом, сберегается в коллективной памяти общества, долго, а порой и никогда, не находя себе применения. Так, при большом желании, мы могли бы и ныне в деталях воспроизвести многие языческие обряды дохристианской Руси, технологию изготовления луков, копий и кольчуг, древних судов. Вопрос только, кому это нужно?

2.5. Кто умнее: люди или бактерии?

(Случайный поиск — универсальная стратегия живых существ)

Ленинградское социологи М. Б. Борщевский и В. В. Руденко (1946–1970), очень рано погибший в автомобильной катастрофе, попытались описать поведение людей на улицах большого города, наблюдаемое сверху, с вертолета, с помощью известных из физики газовых уравнений, уподобляя человека молекуле газа, движущейся по случайной траектории. Конечно, каждый, казавшийся сверху черной точкой человек прекрасно осознавал цель своего движения. Петр Иванович спешил на службу, Мария Петровна шла за покупками, а их сосед Пенкин уже с утра мчался к приятелю опохмеляться. Однако, на сделанных сверху фотографиях все эти человеческие личности были просто перемещающимися в пространстве черными точками, а совокупность их движения — общая

толчея в рабочий день — могла служить, например, показателем качества работы городского транспорта и среднего расстояния от работы до жилья. Города по этому признаку делились на объекты с большой и малой толчеей — аналог «высокой» и «низкой» температуры в газовой системе.

Точь в точь такой же предстает толчея одноклеточных микроорганизмов ученому, наблюдающему за ней в микроскоп. На первый взгляд, она кажется совершенно бессмысленной. Однако, и у них это вовсе не так. Например, если поместить в сосуд с культурой бактерий или инфузорий очень тонкую стеклянную трубочку, заполненную привлекательным для них веществом, у торца трубочки вскоре скопится громадная масса этих одноклеточных организмов.

Как они туда добрались? На первый взгляд, сложного объяснения не требуется. Из трубочки в сосуд понемножку проникает за счет диффузии привлекающее вещество. Организмы чувствуют химический градиент и плывут вдоль него туда, где вещества больше, с помощью своих двигательных органов: жгутиков или ресничек. Однако, в действительности все совсем не так. Микроорганизмы — существа размером в несколько тысячных или сотых долей миллиметра, не способны измерять разницу между концентрациями какого-то вещества на противоположных концах своего крохотного тела. Она слишком мала и постоянно нарушается за счет разного рода течений в воде: конвекции и так далее.

В то же время есть другое, несравненно более разумное решение. Микроорганизмы плывут куда попало и при этом ощущают, как меняется концентрация привлекающих, а также избегаемых ими веществ во времени на протяжении проделанного пути. Если ощущается, что концентрация привлекающих веществ нарастает, а (или) избегаемых — падает, движение в этом направлении затягивается. В противном же случае микроорганизм вдруг меняет направление своего движения на новое, тоже избранное совершенно «наобум». Затем следует новая проба среды, — опять смена направления и так вновь и вновь. Для того, чтобы изменения происходили именно в случайном направлении, бактерии, проплыв немного прямо, принимаются крутиться на месте. Потом снова плывут прямо, но понятно, что уже не туда, куда плыли раньше. Это все равно как, пройдя какое-то расстояние, закрутить волчок с нарисованной на нем стрелкой и куда она укажет, туда и двигаться. Потом опять его закрутить и снова идти по той же стрелке.

Разумно ли такое поведение? Конечно, разумнее любого другого, если нет ни малейшей информации о том, куда надо идти, но по дороге можно оценить, становится лучше или хуже. На этом принципе основана детская игра «тепло» и «холодно».

Что лежит в основе всех подобного рода поисковых стратегий? Конечно, уже не раз упоминавшийся нами принцип обратной связи, отрицательной (тормозящей) для неудачных попыток и, напротив, положительной (усиливающей, продлевающей) для попыток удачных. Бактерия добирается именно туда, куда ей «надо», например, к кончику капилляра, именно, потому, что плыла заведомо «куда попало», проверяла много-много разных вариантов. Никакого другого способа отыскать нужное направление у нее не было и, в принципе, не могло быть.

Нетрудно сообразить, что подобного же рода поиск; проба — проверка результата — новая проба — новая проверка и так далее без конца может осуществляться не только в пространстве, но и во времени. И там он безошибочно приводит к искомой цели, если, разумеется, она вообще достижима. Другие же виды поиска — наметил цель и сразу же иди к ней напролом вперед — годятся только там, где средства достижения цели ЗАРАНЕЕ хорошо известны. А часто ли так бывает в жизни? Пусть читатель хорошо подумает прежде, чем ответит сам себе на этот вопрос.

Во всяком случае, у всех видов эволюции, о которых мы писали в предыдущем параграфе, «цель» сохранение, выживание, а способы ее достижения в постоянно меняющихся условиях одному, как говорится, Богу известны. Вот ничего другого и не остается как изменяться «наугад» (напомним: мутации, новации) и проверять результаты

изменения на практике. Повезло измениться удачно, уцелеешь до возраста, в котором оставляют потомство, да и оно выживет, растиражирует свои новообретенные признаки. Ну, а что делать, если эти признаки ведут к уменьшению числа потомков, понижают прибыль от сбыта товара, делают слово менее удобопроизносимым, чем в прежнем его варианте? В таких случаях извини, но пеняй на себя. Неудачные изменения происходят куда чаще удачных. А того чаще изменения бывают никакие, нейтральные, от которых ни холодно и ни жарко. Что поделаешь, опять-таки?

Эволюции без жертв не бывает. Все требует жертв: эволюция, революция, наука, но одна разница есть. В первом и третьем случаях жертвы неизбежны, а, следовательно, разумны. Во втором же случае этого не скажешь никак.

Решили мы, к примеру, в 1917 году построить коммунизм, а, как его строить, об этом никакой у нас информации не было. Построили неслыханно дорогой ценой нечто совсем иное и саморазрушающееся. «Оно» постепенно загнило, а потом и рухнуло на восьмом десятке. Теперь точно так же уверенно мы прем напролом обратно к капитализму, беря за образец западные страны с их совершенно непохожим на наше историческим прошлым! Бактерии на нашем месте, конечно, так неосмотрительно себя бы не вели. Они бы двигались к цели, способ достижения которой им не известен, испытанным методом «проб и ошибок».

Один из «отцов» нашей перестройки в самом ее начале изрек: У нас нет времени на пробы и ошибки! Результат: сплошные ошибки в пути напролом Бог весть куда.

В «Войне и мире» можно прочитать о тактике австрийского командующего под Аустерлицем: все до мелочей было спланировано заранее и дальше действовали строго в соответствии с планом: «эрсте колонне марширт, цвайте колонне марширт…» Кончилось, разумеется, разгромом, как только и могло кончиться…

Как это ни удивительно, но самые разные биологические процессы и механизмы: механизм мутаций — скачкообразных изменений наследственной информации в молекулах ДНК, двигательные системы одноклеточных микроорганизмов и мозг животных или, тем более, человека, таят в себе те или иные как бы специально, нарочито созданные источники непредсказуемости, случайности (как сказали бы «технари» — генераторы белого шума). Природа не может себе позволить глупость действовать напролом там, где способ достижения цели не известен заранее. В математике описанные выше методы достижения цели называют СЛУЧАЙНЫМ ПОИСКОМ.

Случайный поиск — одна из главных стратегий жизни.

Мы в развитии цивилизации этому поиску обязаны практически всем. Как люди еще в древности добрались до дальних островов в океане? Что побудило человека впервые попробовать обжаренное на огне мясо? Как появились разные способы добывания огня? Гончарный круг? Лук со стрелами и бумеранг — гениальное изобретение австралийских аборигенов?

По преданию порох открыт алхимиком Бертольдом Шварцем. Как-то он нагрел в ступке неизвестно зачем смесь угля, серы и селитры. Произошел взрыв, пестик выбило подобно пушечному ядру. Любое положительное знание восходит в своей истории к так же случайно сделанным открытиям. Этому утверждению вовсе не противоречит то, что, по словам астронома Кепплера, случай благоприятствует только подготовленным умам.

Мало ли кто до Ньютона видел как падает яблоко? Сколько, небось, людей до Архимеда наблюдали как вытекает вода из переполненной ванны? Тем не менее, до теории тяготения первым додумался Ньютон, а удельный вес — открытие Архимеда. Бывает еще и так. Ищут одно, а натыкаются на другое. Искали путь в Индию, а открыли Америку.

Есть два разных варианта случайного поиска.

Один — так называемый локальный поиск. Мы бы его, назвали «поиском минера», который, как известно, может серьезно ошибаться только один раз. Цель проста и сурова: удержать теперешнее состояние, уцелеть, не погибнуть с голоду и так далее, и тому подобное. В природе этим поиском обеспечивается, например, то, что организмы, несмотря на непрерывную неопределенную изменчивость — мутации, долго-долго сохраняют свои

признаки, если внешняя среда не изменилась и нет повода приспосабливаться к ее изменениям. Биологи в таком случае говорят о стабилизирующем естественном отборе. Изменения невыгодны. Наилучшее выживание обеспечено потомкам, ничем существенным не отличающимся от родителей.

Другой вариант — глобальный случайный поиск: по тем или иным причинам удачные попытки сулят большое вознаграждение, а вот опасность от неудачных попыток не так уж и велика. На организмы в изменившейся среде действует «движущий» естественный отбор. «Белые вороны», плохо кончившие в прежних условиях, в новых, скажем, попав в заполярье, где белый цвет маскирует жертву от хищника и хищника от его добычи, наоборот, могут преуспевать. Так, из всегда возможных мутаций-альбиносов получились белый медведь, белая полярная сова, белая полярная куропатка, белая пуночка (поляный «воробей») и так далее. Отобрались мутации, изменяющие цвет шкуры по сезону, как у белеющих зимой зайцев и белок.

Примеры локального и глобального поиска в человеческой деятельности: ухищрения крестьянина-бедняка получить на своем крохотном земельном участке хоть какой-то урожай в засушливый год и эксперименты помещика, решившего посеять на половине своих полей новую для данного места сельскохозяйственную культуру: авось повезет? Бедняк, как и минер, может ошибаться только один раз и, чтобы не слишком рисковать, пробует лишь разные дедовские способы полива, вспашки и так далее. Поиск налицо, но цель скромна и ни малейших открытий не предвидится. Не до них. Богач рад бы еще больше разбогатеть, вырастив у себя нечто сногсшибательное, а если дело не выгорит, риск не велик. В следующий год попробует еще какое-нибудь новшество.

В науке больше перспектив сулят стратегии глобального поиска. А в обществе социальные эксперименты желательно проводить, соизмеряясь с обстоятельствами: «по одежке протягивай ножки».

Нашим властителям это было всегда невдомек, как и многое другое, например, что есть цель поиска, а что — только средство ее достижения? Первое они постоянно путали и путают со вторым. Вот мы теперь и пожинаем злонравия достойные плоды, сидя у разбитого корыта, и снова одержимы грандиозными планами.

Кто же выходит, на поверку, умнее: мы или одноклеточные микроорганизмы?

2.6 Краткий урок истмата на примере Римской империи

В связи с необратимостью эволюции приходит на ум вопрос: а можно ли, в принципе, создать в стране с семидесятичетырехлетним стажем командно-административной системы и, без малого, тысячелетней традицией полного неучастия народа в решении своей судьбы, маломальски стабильное правовое государство с процветающей экономикой западного типа?

Ход событий пока говорит, что это задача, в самом лучшем случае, не из простых. То, что получалось у нас в этом плане пока, напоминает такую ситуацию. В Зоологический институт РАН является верблюд и приносит заявление в дирекцию:

— Прошу считать меня лошадью с начала следующего финансового года по собственному желанию«.

Пора понять — наши нынешние беды — результат исторически неизбежного процесса саморазрушения, а не злой воли каких-то внутренних или внешних врагов. Этот вопрос мы специально рассмотрим в конце книги. Рухнуло подгнившее у корня больное дерево — мировая социалистическая система.

Кто же виноват? Те, кто стояли возле дерева в момент его падения или, может быть, давно умершие садовники посадившие это дерево по невежеству на дурную почву и не помешавшие жучкам-древоточцам многие десятки лет точить древесный ствол? Люди, призывающие к топору, ничего не желают знать о нашей истории. Для них не существует прошлого. Во всем случившемся сейчас виновен кто-то из современников, из ближних. Это,

мол, они, «враги народа», составив тайный заговор за иностранные деньги, сгубили нашу страну. Все беды, якобы, начались в последние несколько лет, а до этого наши дела шли прекрасно. Происки! Заговоры! Внутренние враги! Иностранное вмешательство! Шпионы!

Об этом мы слышим ежедневно. Как видно, марксистско-ленинское материалистическое учение, которое столько лет вбивали в наши головы, не пошло нам впрок. Не сумели мы усвоить, что не по воле отдельных личностей рушатся и сменяют друг друга общественно-политические формации. Исторический материализм рано сдавать на свалку. В нем имеется много рациональных зерен.

Когда погибала Римская империя, тоже хватало людей, воображавших, что ее сгубили чьи-то происки. Теперь-то любому историку очевидно, что все это было совершенно не так.

Сам расцвет рабовладельческой сверхдержавы таил в себе причины ее неминуемой грядущей гибели.

В чем же заключались эти причины?

Римская республика изначально была страной с необычайно эффективным сельским хозяйством и довольно умеренной степенью урбанизации. Земля обрабатывалась, в основном, руками свободных земледельцев и их немногочисленных рабов. Армия представляла собой гражданское ополчение. Отечество защищали мелкие собственники. Однако, завоевательные войны, расширение территории, обусловили приток в страну громадного количества рабов и потребовали создания большой профессиональной армии. Такая армия всегда и везде верна не столько земле отцов и ее законам, сколько своему военачальнику.

Изменившееся соотношение общественных сил породило вооруженную борьбу за власть между отдельными полководцами и замену республиканских институтов военной диктатурой. Чехарда свергающих друг друга императоров привела к тому, что они, желая задобрить своих ветеранов, принялись раздаривать большие земельные участки, отобранные у мелких земледельцев. Рим превратился в страну гигантских поместий-латифундий (сравни совхозы, укрупненные колхозы), где все делалось нерадивыми руками рабов.

Города начали быстро расти из-за притока туда обезземелевших крестьян. Эти бывшие крестьяне, основная их масса, становились люмпенами, дармоедами, живущими на государственное пособие. Армия же лишилась необходимых ей человеческих резервов. Неимущие горожане, в отличие от крестьян, были плохими солдатами. Между тем, нерадивые рабы не могли заменить крестьян на полях. Римская империя в конце ее истории питалась, почти исключительно, импортными продуктами. Так, столица не смогла бы просуществовать без подвоза египетской пшеницы, вина со средиземноморских островов, мяса из Галлии и так далее.

Латифундии сделались настолько экономически нерентабельными, что рабовладельцы сочли целесообразным превратить рабов в колонов-крепостных. Эта запоздалая мера не помогла. Империя превратилась в колосса на глиняных ногах.

Добили ее не явившиеся из-за рубежа варвары, а иноплеменные римские наемники, которых государство вынуждено было приглашать на воинскую службу потому, что сами римляне стали нацией белобилетчиков. Рекрутские наборы регулярно срывались. А наемники бунтовали: правительству нечем было им платить! Кризис неплатежей, столь знакомый нам ныне, довел их до белого каления!

Характерно, что бегство крестьян в города принудило императора Диоклетиана (284–305 гг.) ввести даже нечто вроде нашей постоянной прописки и лимита! Был объявлен и запрет на смену профессий: их сделали наследственными. Сыну горшечника полагалось лепить горшки, а сыну свинопаса — пасти свиней. Но и это не помогло. Бегство из деревни в город продолжалось в таких масштабах, что, в конце-концов, некому стало бежать. Колоны и крестьяне-арендаторы бежали в города, спасаясь от налогов, точно так же как наши колхозники при Хрущеве. Параллельно происходило еще и смешение разных этнических групп. Италию и Рим наводнили выходцы из завоеванных провинций, рабы и вольноотпущенники, просто переселенцы, беженцы из и там многочисленных «горячих

точек». Это привело к окончательному исчезновению последних остатков римского великодержавного патриотизма. Если раньше жители провинций и союзных государств мечтали хотя бы за большую плату обрести римское гражданство, теперь уже от того гражданства с радостью избавлялись даже некоторые родовитые римские патриции. Ведь у соседей-«варваров» жизненный уровень был выше, да и человек ощущал себя в большей безопасности, чем в своем былом римском отечестве.

Те же причины привели к экономической, культурной и военно-политической дезинтеграции гигантской империи. Отдельные провинции спешили одна за другой отделиться от метрополии и стать независимым государством. Центральная власть ослабла, а зависимость от нее не сулила провинциалам решительно ничего, кроме новых безобразных поборов, участия в дальних, а потому бессмысленных для них войнах и чувства постоянного страха: «Что там еще учинят при очередных разборках эти скудоумные и чехардой сменяющие друг друга столичные владыки, не способные ни себя, ни нас защитить от варваров?»

Такими видятся причины саморазрушения Римской империи непредвзятому наблюдателю. Наши теперешние политики консервативного толка, если бы их удалось спровадить в тогдашний Рим в машине времени, наверняка, объяснили бы все иначе: «заговор масонов и ЦРУ».

Конечно, читатель при желании быть чуть-чуть объективным, разглядит совершенно явную аналогию тогдашних событий с нашей современностью. Наша империя сгнила на корню и развалилась подобно древнему Риму. Что же сгубило нас, почему так велика печальная аналогия? Рим тоже был агрессивной империей, хотя, конечно, не тоталитарной и не социалистической. Даже законы и частную собственность там все-таки временами чтили, хотя упадок нравов в той погибшей империи был, пожалуй, под стать нашенскому.

Еще раз к этой проблеме мы вернемся в конце книги. Не все сразу.

2.7. В мире несуществующих вещей

Прекрасно в нас влюбленное вино,
И добрый хлеб, что в печь для нас садится.
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.
Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?
Ни есть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти все мимо, мимо…
(Н. Гумилев, «Шестое чувство»)

С древнейших времен и до наших дней человека постоянно окружает иллюзорный мир его собственных фантазий и снов, а также созданные для него другими людьми многих поколений и народов миры живописи, литературы, музыки, театра и прочих искусств. Тот, кто не вхож в эти нематериальные миры, вероятно, не хуже других прокормит свою семью и себя, но, по большому счету, конечно, не является гармоничной личностью.

Итальянский философ XVI века Николай Кузанский утверждал, что человек в своем творчестве подобен Богу. Разница в одном. Идеи Бога воплощаются в материальные объекты окружающего нас мира, а наши идеи находят выражение в образах этих объектов.

Что же такое «образ»?

Если уж совсем просто, то пожалуй, так образы — это обобщенная (абстрактная) информация о признаках объектов и процессов в окружающей нас мире. Она хранится в

памяти, позволяя распознавать то, что встречается на жизненном пути, и обозначать это словами, имеющими смысл. Образы могут воплощаться в виде представлений, снов, галлюцинаций, картин или скульптур, они обязательно нужны, чтобы появилась членораздельная речь.

Одна из самых замечательных способностей нашего мозга заключается в следующем. Он может произвольно (фантазия) или непроизвольно (сны, галлюцинации) мгновенно создавать из множества абстрактных образов вполне реальные «индивидуализированные» представления даже о никогда не существовавших вещах. Эти представления встают «как живые» перед нашим «внутренним взором», природу которого пока толком не могут понять ни психологи, ни физиологи, ни философы. Привиделся, скажем, художнику Илье Репину Иван Грозный, убивший сына. А Ивану Карамазову приснился черт во всем своем прозаическом обличье, причем затеял весьма премудрую беседу с Иваном, говорил кое-что такое, что сам Иван, вроде и не сообразил бы!

Хотим представить «стол» вообще, а в представлении тотчас явилась какая-то комната с кучей разной мебели, в ней — вполне конкретный стол, раскладной, не накрытый, дубовый; мгновенное усилие фантазии — и это уже иная комната с венской мебелью, посреди — круглый черный стол на одной ножке и с плющевым зеленым верхом, виденный когда-то в детстве. Так за несколько секунд перед тем самым «взором» могут промелькнуть десятки «столов», но каждый — конкретный, пусть даже нарисованный или мысленно произнесенный вслух. Но вот абстрактного «стола вообще», понятие о котором хранится в нашей памяти, мы так никогда и не представим себе. Представления всегда конкретны. В этом — суть разницы между абстракцией и «конкретикой». Зато, не будь абстрактных понятий, не было бы и языка с его соответствующими понятиям словами. Не было бы и основы для тех мысленных команд, по которым возникают конкретные представления.

Надеемся, мы понятно это объяснили?

К абстракции вполне способны, помимо людей, также и высшие животные.

Это доказано довольно давно в опытах с обучением узнавать определенный образ, например, треугольник, независимо от его размера, цвета, углов, положения в пространстве и пр. Однако последние сомнения отпали лишь после только что упомянутых экспериментов супругов Гарднеров и других ученых на шимпанзе, попугаях и так далее. Чему уж тут удивляться, если и современные компьютеры, устроенные, несомненно, проще, чем мозг высших животных, вполне способны распознавать, классифицировать, называть и даже изменять, как бы творить заново на своем дисплее, сложнейшие образы разных объектов и процессов, что, кстати, вовсе еще не говорит о наличии «машинного разума».

Не так давно появились так называемые компьютеры с виртуальной действительностью (интерактивные программы, мультимедиа). На их дисплее возникают реальные как в кино картины, в которые, однако, человек, сидящий за пультом, может как бы войти, вмешаться, например, повлиять на сюжет показываемого фильма — нечто вроде управляемого сна! В ближайшем будущем на западные экраны выйдет игровой фильм с участием… компьютерного призрака киноактрисы Мэрлин Монро, умершей около 30 лет тому назад. Она там движется, говорит и т. д. точь-в точь как живая. Немало виртуальных движущихся изображений можно сейчас наблюдать ежедневно на нашем телеэкране.

С философской точки зрения важно, что биологические эксперименты в технические открытия такого рода утвердительно отвечают на волновавший еще древних греков вопрос: могут ли в мозгу или моделирующих его устройствах формироваться обобщенные образы-понятия или, по терминологии Платона, «идеи» объектов внешнего мира и отношений между ними, то есть то, что соответствует смысловому (семантическому) содержанию нашего языка: его, соответственно, лексике и грамматическим конструкциям?

Другой вопрос: что же первично — материя или сознание (информация) — вечный предмет споров между материалистами и идеалистами. Мы не хотим мешаться в этот спор. Но, во всяком случае, никаких образов, понятий не существует вне воспринимающего, кодирующего, запоминающего, анализирующего, обобщающего и так далее устройств некой

единой, формирующей эти образы системы, будь то хоть мозг, хоть ЭВМ. Не может, конечно, существовать и информация вне материальных ее носителей или каналов передачи — нервных структур, книг, дискет, нервных импульсов или электромагнитных волн, хотя все это, конечно же, не сама информация, которая имеет нематериальную природу.

Таковы факты. Прочее — интерпретации.

Распознавание образов животными — особая наука, один из разделов современной нейроэтологии и нейрофизиологии. Чтобы исследовать механизмы зрительного или слухового восприятия, ученые используют сложную электронную аппаратуру. Они вводят тончайшую стеклянную пипетку, заполненную электропроводящим раствором — микроэлектрод — в нервные клетки головного мозга и регистрируют их электрическую активность. Оказывается, характер этой активности меняется, когда животное смотрит или слушает.

Американцы Д. Х. Хьюбел и Т. Н. Визел около тридцати лет назад так изучали зрительные центры кошек. Обнаружено, что часть нервных клеток первичной зрительной коры больших полушарий высокоспециализированы. Каждая из этих клеток возбуждается только, когда кошка видит нечто, обладающее вполне определенным абстрактным признаком. Например, есть нейроны, активные только, когда что-то в зрительном поле кошки, (неважно, что именно), движется влево, но не вправо, вверх либо вниз. Другие клетки, напротив, отвечают лишь на движение вправо. Третьи клетки реагируют только на прямые линии, четвертые, исключительно, на любой (какой, несущественно) выпуклый предмет, пятые — на надвигающийся край любого предмета, шестые — на вертикальную линию, седьмые — на аналогичные горизонтальные линии и пр., и пр., и пр..

Такие опыты, удостоенные Нобелевской премии, подтверждают, что в мозгу не только человека, но и других высших животных, не имеющих членораздельной речи, зрительные образы, тем не менее, классифицируются по признакам, носящим сугубо абстрактный характер.

Не будь этой уже издревле существовавшей классификации, не смогла бы появиться и наша речь. Платон был во многом прав! Мы способны говорить потому, что мозг наших еще не говоривших отдаленных предков уже обладал способностью формировать обобщенные образы типа «шар» (вообще), «зверь» (вообще), «дерево» (вообще или с детализациями вроде: «с листьями», «хвойное» и пр.), «двигающийся объект» и так далее, и так далее, и так далее.

Есть и другой подход к той же проблеме распознавания образов. Животным предлагают на выбор муляжи пищи, особи другого пола детеныша и ждут, обманутся они или нет. Кое-что о таких экспериментах мы уже рассказали выше.

Оказалось, что распознавание независимо от того, какой характер оно носит: врожденный или связанный с обучением, вполне возможно даже при самом отдаленном сходстве. Вовсе не нужно точно копировать натуру. Напротив, — лучше преувеличить характерные особенности и тогда подделка может вызвать гораздо более сильную реакцию, чем подлинник!

Например, самец рыбешки колюшки узнает готовую к нересту самку по выпуклому брюшку и паре темных пятен «глаз», а другого самца-соперника по красному пятну на боку. Опустите в аквариум на рыболовной леске «пузатый» свинцовый муляж с подрисованными «глазами» или же нарисуйте на консервной серебристой крышке красное пятно в два-три раза больше рыбки, и самец в обеих случаях будет непомерно возбужден, не замечая отсутствия жабр, плавников, чешуи и прочих характерных деталей рыб своего вида. Такое же «надувательство» вполне удается с насекомыми, птицами, млекопитающими, и, главное, из-за чего мы завели весь разговор, — с людьми.

Не исключено, что кому-нибудь из читателей посчастливилось наблюдать пьяного, обнимающего и целующего фонарный столб. Однако, зачем такие крайности? Мы каждый день «сталкиваемся» с рукотворными заменителями подлинных объектов либо ситуаций… Это — рисунки и скульптуры, фотографии и компьютерная графика, литература, театр, кино

и телевидение. Вот здесь, наконец-то, мы приблизились к той животрепещущей проблеме, для обсуждения которой потребовалось столь обширное предисловие. Мы, как и прочие животные, легко поддаемся на «обман».

Удивительной особенностью психики человека является то, что его можно «обмануть» не только с помощью изображений разных объектов или звукоподражанием, но и посредством слов, обозначающих эти объекты, если такие слова произносятся очень твердым убеждающим тоном, причем много раз подряд. Одни легко подаются на такой обман. Другие ему совсем не подвержены, но их меньшинство.

Восточная поговорка: Сколько ни говори «халва» во рту сладко не станет, — справедлива только отчасти. Существует магия слов. Иногда она проявляется в достаточно ясной форме:

— Вы на пляже, вокруг — красивые девушки. Вы на пляже. Вы на пляже… — глянь, а человек уже раздевается до трусов прямо на сцене.

Это, как известно, называют гипнозом. В какой-то более или менее скрытой форме гипнозоподобное внушение часто наблюдается и в быту. Так ведь действуют и реклама, и политическая пропаганда. В театре, в кино, у экрана телевизора, в уличной толпе, всюду и везде личность современного человека не свободна от внушающих влияний. Подобного рода влияния, в значительной мере, определяют поведение людей. Так было уже в первобытном обществе с его шаманскими заклинаниями, ритуальными танцами, песнями, исполняемыми хором, прыжками и выкриками под мерные удары там-тама. Однако, и современный человек в этом отношении весьма недалеко ушел от дикарей. Более того в XX веке появились новые мощные средства массового внушения. Это, разумеется, средства массовой информации, не говоря уже, конечно, о художественной литературе, театре, живописи, кино, музыке, митингах и демонстрациях.

Большевики говорили: Религия — опиум для народа. Э. Хэмингуэй в «Зеленых холмах Африки» перечислил добрый десяток куда менее благотворных «опиумов». Там и искусство, и политика, и наука, и пресса и вообще все, что угодно. Даже «половую любовь» помянул. Дескать, «тоже опиум для народа», но только для «лучших его представителей»…

Однако, что же из всего этого следует?

Шедевры искусства, несомненно, благотворно действуют на человека. Это — прописная истина. И проповедь талантливого и благородного священника, такого, как, скажем, умученный от большевиков отец Павел Флоренский или недавно убиенный отец Александр Мень, естественно, несла пастве только слово благое. Однако же, неисчислим вред от ораторского гения таких исчадий как Марат и Робеспьер, Гитлер, Муссолини, или же им подобные современные демагоги. Сколь многих толкнула на смертоубийства и прочие преступления злокозненная агитация французских якобинцев и пропагандистов нашего кровавого века!

Ясное дело, в пропаганде, как и в искусстве, широко используется принцип утрированного подобия, о котором мы только что писали. Что ни день, с нами происходит то же, что с колюшкой, которой вместо настоящего самца, показали жестянку с красным пятном! Опять-таки. Это не значит, что именно «во вред».

Хорошая художественная литература издревле способствовала воспитанию хороших людей, будила в душах прекрасное, доброе, вечное. Будила и будит, но не следует забывать: сопереживание при восприятии произведения искусства далеко не всегда укореняет в душе человека нравственное чувство, переносимое в житейскую практику. Есть люди, которые с гадливостью глядят на голодного ребенка, просящего подаяния в переходе метро, но через пять минут, сев в вагон, не могут без слез читать рассказ Леонида Андреева «Петька на даче».

Увы, но способность эмоционально воспринимать произведения искусства и элементарное чувство сострадания к ближнему далеко не всегда связаны между собой.

«Злодейство и гений — суть вещи несовместные?» Как знать? Как знать?

Тем более уже, отнюдь не гарантирует высокой нравственности необычайно высоко

развитое эстетическое чувство.

В самом конце XV века изощренным злодейством обессмертили себя Римский Папа Александр Борджиа и властолюбец Цезарь Борджиа, отец и сын. Однако, их славу злодеев затмила иная: слава меценатов. Они ведь покровительствовали Леонардо да Винчи! Среди нацистских и чекистских палачей было немало тонких ценителей искусства. Сам Гитлер был не только гениальным оратором, но и большим любителем симфонической музыки, неплохо играл Вагнера с листа, хорошо рисовал. Гейдрих был одаренным скрипачом. Юношеские стихи И. Сталина удостоились включения в тогдашнюю грузинскую хрестоматию. Славились артистичностью гнусные римские императоры Калигула, Нерон и Каракалла. Сказочная архитектура Самарканда — свидетельство тонкого вкуса такого кровавого чудовища, как Тамерлан. Иван Грозный обладал ярко выраженным литературным даром. Записки талантливейшего итальянского скульптора и ювелира XVI века Бенвенутто Челлини — убедительное доказательство подлости их автора. Подобный перечень, вероятно, можно продолжить до бесконечности. Стоит ли?

И все-таки, тем не менее, психологи утверждают: если руководствоваться статистикой, можно убедиться, что эстетическое и нравственное чувство тесно связаны между собой.

При прочих равных, нравственность в среднем, выше у людей, не лишенных способности предпочитать красивое уродливому.

Современная урбанизация лишает человека возможности наслаждаться видом природных ландшафтов, да и красотами архитектуры, поскольку строящиеся ныне здания сугубо утилитарны: «коробка с окнами». Большинство современных городских пейзажей выглядят одинаково отвратно в любой стране и на любом континенте. Высотные многоквартирные дома повсеместно смахивают на бройлеры для выращивания кур.

Словами К. Лоренца: Клеточное содержание кур-леггорнов справедливо считается мучительством животных и позором для нашей культуры. Однако, содержание людей в таких же условиях находят вполне допустимым, хотя именно человек менее всего способен выносить подобное обращение, в подлинном смысле унижающее человеческое достоинство. Самоуважение нормального человека побуждает его утверждать свою индивидуальность, и это его бесспорное право. Филогенез (эволюционный процесс-пер.) сконструировал человека таким образом, что он способен быть, подобно муравью или термиту, анонимным и легко заменимым элементом среди миллионов таких же…

Обитателям стойл остается единственный способ сохранить самоуважение: им приходится вытеснять из сознания самый факт существования многочисленных товарищей по несчастью и прочно отгородиться от своего ближнего. Часто в многоквартирных домах балконы разделены стенками, чтобы нельзя было увидеть соседа. Человек не может и не хочет вступать с ним в общение «через забор» потому, что страшиться увидеть в его лице свой собственный отчаявшийся образ. Это еще один путь, по которому скопление людских масс ведет к изоляции и безучастности.

Как считает К. Лоренц, для духовного и душевного здоровья человека необходимы красота природы и красота созданной человеком культурной среды. Всеобщая душевная слепота к прекрасному, так быстро захватывающая нынешний мир, представляет собой психическую болезнь и ее следует принимать всерьез уже потому, что она сопровождается нечувствительностью к этическому уродству.

2.8. Жертвы информационной революции

В наше время человек без активных действий, риска и творческих усилий, как пассивный потребитель, почти непрерывно получает зрительную и звуковую информацию, которая его предкам доставалась, как правило, очень дорогой ценой, в реальной жизненной борьбе. Эта информация перенасыщена утрированными образами, «муляжами», подобными тем, которые у самца колюшки вызывают большее возбуждение, чем реальная самка или подлинный соперник-самец. С телеэкрана людей, их бедный мозг, непрерывно

бомбардируют стимулы, вызывающие «вхолостую» сильнейшее половое возбуждение, реакции агрессии на «образ врага» и стадный инстинкт. Жизненно необходимое общение с друзьями и близкими, чтение и размышления, наконец, все больше подменяют диалоги с компьютером и имитация общения с героями бесчисленных «мыльных» опер и «семейных» телесериалов.

Революций без жертв не бывает. Информационная революция — не исключение. Что сулят человечеству распространение видеотехники и всеобщая компьютеризация? С одной стороны — несомненный прогресс. Это известно всем. С другой стороны беднеет, говоря языком этологов, поведенческий репертуар человека. У людей, увлеченных компьютерными играми и телепрограммами, обычно нет ни охоты, ни времени для чтения, бесед и других занятий, требующих больших эмоциональных, умственных и физических усилий. Возможно, что это и есть «*Homo informaticus* »? Чего доброго, грядущие Робинзоны вполне смогут обходиться без Пятницы. Живого человека им заменит ЭВМ.

Н. Р. Мюллерт с соавторами писал в книге «Компьютеры делают глухонемыми» (Mullert N. R., Solle A., Geffers S. G., Jungk R. «Kompjuter machen taubstumm und Uberleben in Komputersog» Landes-regierung Nordhein-Westfalen Verlag, Ratingen, 1987): Изоляцию через новую технику люди ощущают, прежде всего, на своем рабочем месте… Печатающие устройства, текст-автоматы и персональные компьютеры затрудняют прямые контакты с коллегами… разговоры и обсуждения делаются излишними. Взгляд на дисплей требует сосредоточенности, поэтому социальные контакты отклоняются. Навыки с рабочего места переносятся и в электроннофицированное жилище. Обращение с техникой погружает человека в одиночество, устраняя потребность в содержательном общении с соседями… Хотя спутниковая телетрансляция приводит в дом к человеку практически весь мир, утрачивается человеческая близость в непосредственном социальном окружении… Человек пребывает всюду и нигде… Таким образом развиваются эгоизм, завистливость, привычка пробивать себе дорогу с помощью локтей. Особенно велика опасность для детей и молодежи, которые воспринимают внешний мир опосредованно через отношение к себе. У них утрачивается ощущение общности с окружающими, способность к совместной работе, потребность во взаимодействии с близкими… Таким образом, потребление новой техники превращает людей как бы в вечных грудных младенцев, которые без компьютера уже не способны ни мыслить, ни фантазировать, ни творить…

Компьютерно-телевизионный бум формирует нового «человека толпы» с незнакомыми людям прошлых поколений маленькими огорчениями и радостями. Одна из характерных черт, пожалуй, мы ее еще обсудим в другом месте, жизнь как бы в двух измерениях. За телеэкраном и в лице компьютера у человека появляется вторая жизнь, вторая семья, иной круг собеседников и друзей, причем все это — фиктивное!

Р. Бредбери в антиутопии «451 по Фаренгейту» описывает вполне возможные грядущие последствия. Муж (один) работает. Домочадцы с утра до ночи глазеют на гигантские, во всю стену, телеэкраны. Там идет своя, причем совершенно бездумная и отучающая думать жизнь. Сцены откровенного секса чередуются с глубоководными съемками и телерепортажами: где-то война, взрывы. Далее — пляски полуголых или вообще голых девиц, соответствующая музыка, снова война, мордобои или секс, снова тропические рыбы или птицы и так далее, и так далее. Однако, главное — не это. За одним из экранов все время — самая обыденная жизнь такой же скудоумной семьи: болтают за столом о всяких глупостях, едят, спят, глазеют в телеэкран, а там… зрители. К ним обращается как к родственникам семья за экраном, а нехитрое устройство в каждом доме позволяет, когда там открывают рот, произносить имена зрителей, балдеющих в данной комнате у экрана: «мистер Джонс», а в соседней квартире: «мисс Кэтлин» — в тот же самый момент. И так сутки, месяцы, годы. Муж — жене, возвращаясь с работы:

— Как провела день?

— Чудесно. Правда, огорчилась: У мисс… (там, за экраном), сильно подгорел пудинг (или была мигрень). Какая чудесная программа по двадцать второму каналу!!

— А о чем?

— Уже забыла…

Чем же занят муж? Он — пожарник. В этом земном раю пожарные занимаются не тем, чем они заняты в наши дни. Еще кое-где, оказывается, есть лица, которые, вопреки государственному запрету, держат в своем доме и (о, ужас!) читают книги! Пожарные по доносам соседей разнюхивают такие дома, врываются туда с полицией и сжигают литературу.

Кем сейчас приходится Изаура, Марианна или «просто Мария» миллионам наших сограждан? Сестрой? Дочерью? Матерью? Возлюбленной?

В том романе Бредбери, если, например, умирал муж, жена звонила в службу быта. Оттуда приезжали и увозили труп, чтобы сжечь. Жена, не отвлекаясь, продолжала глазеть в телеэкран: там — настоящая родня, а здесь — так, ерунда…

Сколь многие наши юноши и девушки ныне там, за экраном, завели себе идеал, сильного, умного, красивого покровителя-отца, любовника, мужа, друга…

Жила-была когда-то милая девочка Алиса и вот по воле писателя Кэрролла угодила она в зазеркалье. Сейчас место Алисы — в Заэкранье.

Конечно, человеку, присосавшемуся к телеэкрану, мало знакомы творческие порывы: не до них! И любознательность незнакома. Все, что надо и хочется узнать, поднесут «на блюдечке» телевизор и видеомагнитофон. В избытке поднесут, так что на прочее душевных сил не хватит. Ну, а все-таки, если приспичит, захочется творить или просто интеллектуально поиграть, — к услугам бесчисленные программы компьютерных игр! Они дают необходимую разрядку уму.

Многие стайные рыбы очень плохо чувствуют себя в одиночку. От чувства одиночества их полностью избавляет зеркало. Им теперь мерещится, что они — вдвоем. И люди перед телеэкраном точно так же избавляются от одиночества, а, в результате, теряют контакт друг с другом, даже со своими близкими в семье. Они чудовищно одиноки, хотя сами не понимают этого!

Каковы перспективы всеобщей компьютеризации и массового производства бытовой видеотехники? Пока сказать трудно. Благие последствия очевидны. О них мы наслышаны в избытке. Они и, правда, очень велики. Современное общество — производство, бизнес, наука — уже никак не могут обходиться без компьютеров. Вопрос только: компенсируют ли эти благие последствия тот громадный вред, который видео-компьютерный бум приносит детям, молодежи, нарушая их нормальное развитие?

Почему у нас все больше пустеют музеи и библиотеки? Почему недобор во многих высших учебных заведениях? Почему школьные учителя плачут: до чего же поглупели многие школьники? Ничего им не интересно и знать они ничего не хотят, даже природу разлюбили, За город поехать отказываются. Почему ветераны Афганской войны, вернувшиеся из Чечни, с ужасом рассказывают, что творили там с гражданским населением и пленными восемнадцати-девятнадцатилетние «крутые парни», наглядевшиеся кинобоевиков? Почему так участились бессмысленные преступления и разного рода зверства на сексуальной почве?

Не мешает помнить: античную цивилизацию разрушили не варвары, а сами греки и римляне: Не варвары, а местные жители спалили Александрийскую библиотеку. Как бы и сейчас наша информационная революция не повернулась против нас…

Все хорошо в меру.

2.9. Культ высшего существа

Религиозное чувство нельзя обойти молчанием, обсуждая природу человека. Однако, мы не решаемся, не хотим распространяться на эту вечную тему. Ограничимся самыми общими представлениями.

Французский писатель П. Веркор в фантастическом романе «Люди или животные»

повествовал о встрече современных людей с где-то чудом уцелевшими доисторическими обезьянолюдьми вроде австралопитеков. В связи с убийством одного из этих существ затеялся судебный процесс: люди или животные? Решили: люди. Признак: наличие каких-то ритуальных действий, которые сочли за религиозные обряды. Само слово «культура» происходит от «культ».

Любая культура в ее изначальной форме обязательно включает как своего рода стержень определенные формы религии.

Это относится даже к самым отсталым племенам. Атеистических культур не бывает. Общность религиозных представлений объединяла людей уже в глубокой древности. Об этом можно прочитать в уже упомянутой нами статье В. Р. Дольника «Кто создал творца?».

Бог или Боги в любой религии — бессмертные существа высшего ранга, распределяющие и дарующие блага, но способные и жестоко покарать за ослушание.

Характерно обращение к высшей силе: «Отче!» Характерны и такие формы бунта как, например, в «Антихристианине» Ф. Ницше. Этому философу-индивидуалисту претил Бог униженных и оскорбленных, сам моливший в Гефсиманском саду и погибший на кресте. По Ницше, такой Бог не может быть авторитетом для арийцев, западных людей. Первая ипостась арийского Бога в том, якобы, что он — высшая сила, неодолимая, капризная и без малейшего нравственного начала.

Таковы, действительно, были боги древних германцев — Один, Тор и другие. Не случайно поэтому гитлеровцы хотели разделаться с христианством и возродить древне-германское язычество. Им, как, кстати, и большевикам, претил христианский «гнилой гуманизм».

Не даром и персонаж Ф. М. Достоевского, отринув идею Бога, приходит к логическому выводу: все дозволено.

Таким образом, богоборчество во многом родственно бунту против отца и культурно-нравственных ценностей старшего поколения, — вопрос, к которому мы вернемся в IV главе этой книги, см. раздел «Молодежный бунт».

Все народы пяти континентов, обращаясь к Богу или богам, принимают молитвенную позу подчинения (см. далее).

Более или менее несомненна историческая связь всех древнейших религий с тотемами и табу, чему посвящена специальная работа З. Фрейда.

Действительно, во всех древнейших религиях боги зооморфны или представляют собой синкретические существа: одни части тела человеческие, другие — звериные. Часто богов представляли в виде животных, имеющих самое прямое отношение к жизни человека: бык, телец, пес или человек с головой пса: реже — слон, вепрь либо сильные хищники: орел, лев, медведь, леопард; дракон, непостижимым образом похожий на динозавров, вымерших еще задолго до появления человека на земле.

Жертвы изначально, по-видимому, были почти везде человеческими. Отголосок в Библии: несостоявшееся жертвоприношение Исаака Авраамом.

В Междуречье, колыбели трех мировых религий, с древнейших времен Шумера, царил генотеизм: каждый народ, каждый город поклонялись своим богам, чьи изображения ставили в храмах. Стоило завоевателям убрать из храма и увезти с собой идола-изображение божества, и население города переставало ощущать себя особым народом. Именно так было в Вавилоне после того как ассирийский царь Синаххериб в 689 г. до н. э. разрушил город и увез в Ассирию идола бога Мардука. Наследник этого царя Асаргаддон возвратил Мардука в восстановленный храм и к вавилонянам вернулось самоощущение особого народа! Вскоре они разгромили Ассирию.

После похищения Ковчега завета филистимлянами иудеи, по-видимому, тоже рисковали оказаться в положении народности, утратившей свое самоосознанное «Я». Спасла идея Бога единого, вездесущего, незримого, вечно ведущего свой «избранный» народ, подобно тому как пастырь ведет стадо. Эта идея Бога единого брезжила уже у древнеегипетского фараона Эхнатона, (1400 г. до н. э.), который, как известно, провозгласил

единым богом в Египте Солнце — Гелиос. Однако, в совершенной и законченной форме она встречается впервые в истории человечества только в текстах Библии, Ветхого завета, книге Бытия и др.

Идея Бога вездесущего и бесплотного обеспечила древним иудеям своеобразное историческое преимущество. Сознавая себя народом «избранным» вездесущим и бесплотным Богом, они, благодаря этой вере, не растворились в массе других народов даже после военных разгромов, двукратного разрушения Иерусалимского храма и рассеяния по всему миру. Уже в древности, до разрушения первого храма и позже в разные века иудейскую веру, хотя прозелитство не поощрялось, приняли выходцы из разных этносов. Поэтому говорить о каком-то генетическом единстве всех людей (белых, черных и желтых), исповедующих иудаизм, мало оснований, вопреки утверждениям расистов. Вопрос этот запутанный, больной, что ни скажешь, кого-нибудь непременно разозлишь. Но и ничего не сказать нельзя, говоря о человеческой цивилизации. Ведь от иудаизма — начало двух мировых религий, опирающихся на библейские сказания: христианства и ислама.

Нам как биологам, конечно, лучше держаться от этих опасных проблем подальше. А вдруг скажем что-нибудь «не то», заденем чьи-нибудь религиозные или национальные чувства, вовсе не желая этого?

Применительно к основным мировым религиям рискнем коснуться только еще одного вопроса. Многие верующие отрицают эволюционное учение как, противоречащее библейской версии, изложенной в «Книге бытия». Между тем, некоторые богословы всех трех основных монотеистических конфессий считали, что Бог-творец Вселенной вмещает в себя ее пространство и время, подобно тому, как мы — существа трехмерного мира — вмещаем в себя его трехмерность. Таким образом, допускалось что, для Бога иудеев, христиан и мусульман любые процессы, начавшиеся и протекающие во времени, а также и предстоящие, уже как бы одновременно и предстоят, и идут, и завершились. Для него практически не существует непредсказуемости и случайности. Будущее так же прозрачно и детерминированно, как и прошлое. Бог — вневременной творец и наблюдатель Вселенной. Он «видит» от начала до конца весь процесс, идущий во времени, подобно тому как мы обозреваем лежащий на нашей ладони трехмерный предмет! Любую деталь этого процесса он может изменить с такой же легкостью, с какой мы управляем представлениями, возникающими в нашей фантазии, где фактор времени — полностью в нашей власти.

Так интерпретируется идея божественного управления миром например, в трудах Николая Кузанского (Италия XVI в.) и в «Иконостасе» П. Флоренского.

От этой управляемости вытекает возможность пророчества, причем характерно: прорицать, не совершая при сем смертного греха, может, по понятиям всех трех мировых религий: иудаизма, христианства и ислама, только боговдохновляемый пророк.

Само собой понятно, что такая концепция (мы о ней рассказали, воздерживаясь от собственной оценки) устраняет кажущееся противоречие между идеей бытия Божьего развития Вселенной, в частности, органической эволюции.

В середине прошлого века зародился бахаизм — конфессия, отделившаяся от ислама. Характерные отличительные черты этого вероучения — величайшая терпимость, гуманизм и полное признание всех научно установленных фактов. Как пишет Абдул-Баха, один из основателей бахаизма: Религия и наука идут рука об руку и любая религия, противоречащая науке, не истинна.

Таких же, приблизительно, взглядов на науку, включая эволюционное учение, придерживаются многие современные индуисты и буддисты, в особенности, последние. Ч. Дарвин вовсе не был атеистом. Не был им, как уже говорилось, и И. П. Павлов. Грегор Мендель, заложивший основы современной генетики, был католическим монахом, так же как и крупнейший палеоантрополог середины XX века Тейяр де Шарден, автор знаменитой книги «Феномен человека». Бытие Божие стремился обосновать в книге «Что такое жизнь с точки зрения физики?» (ИЛ, Москва, 1948) один из «отцов» современной квантовой физики Эрвин Шредингер. В этой классической книге, сыгравшей громадную роль в развитии

молекулярной биологии и биофизики, конечно же, полностью признавался факт органической эволюции. Некоторые из крупнейших современных биологов — глубоко верующие люди. В их числе известный российский биофизик Е. А. Либерман.

Как первоначально зародилось религиозное чувство доисторического человека? Об этом подробно в статье В. Р. Дольника «Кто создал творца?»

Конечно, на многие мысли наводит наблюдаемая часто, в особенности у древних народов, связь между структурой общества, его иерархической организацией, и религиозными представлениями. Эта связь обсуждается в других разделах нашей книги. В то же время, нельзя считать случайным совпадением поразительное сходство основных верований у подавляющего большинства первобытных народов разных континентов. Везде боги или духи, (в каком бы зверином или человеческом обличье их ни представляли) — высшие вожди и покровители племени, как бы его «отцы», чему вполне соответствует и культ обожествленных животных или растений-«предков», тотемы (см. далее).

Самое принципиальное во всех культурах и религиях отсталых народов, живущих еще ныне как бы в каменном веке, это системы табу: ограничений и запретов, а также многообразные ритуалы.

Как возникают табу, приметы, многие ритуалы?

В чуть ли не любом совпадении во времени разных, между собой часто не связанных событий и обстоятельств первобытным людям мнилась какая-то зависимость, закономерность. Так возникали бесчисленные ассоциации типа: «Перед тем как случилось это, было то, то и то. Значит если повторятся сами или будут специально воспроизведены предыдущие события, последует и все дальнейшее».

В. Р. Дольник по этому поводу пишет: Слабому интеллекту лучше не искать причинные связи (до них, добавим, он все равно не докопается), а связи совпадений и воспринимать причинную связь как двустороннюю, обратимую.

Если читатель еще помнит то, что только что рассказали мы о локальном («консервирующем») случайном поиске, то, вероятно, сам догадается: здесь типичный пример применения стратегии именно такого поиска. При полном незнании истинных причин природных явлений, действительно, целесообразно воспроизводить «на всякий пожарный» все детали тех ситуаций, после которых следовала удача, или, наоборот, остерегаться абсолютно всего, что хотя бы однократно предшествовало беде. Скажем, однажды охотнику перед очень неудачной охотой повстречался на пути навозный жук-скарабей. Вот и появилось «табу». Теперь уже и этот охотник, и его соплеменники, и их потомки после встречи с навозником будут сразу же возвращаться домой. «Пути не будет, охота обречена на неудачу». Повстречается тот же жук перед удачной охотой, и все будет наоборот. Жука перед охотничьим походом будут ловить и высаживать на тропу или изображать на стене пещеры, носить на шее как амулет.

Заметим, что у животных по точно такому же принципу вырабатываются так называемые цепные или (если сигналы действуют одновременно) комплексные условные рефлексы. Мы, люди, в этом отношении не исключение.

Спасение минера — в консерватизме его стратегий поведения.

Недаром даже современные люди, если профессия их сопряжена с риском для жизни, обычно бывают довольно суеверными. Знаменитый летчик-испытатель М. М. Громов однажды рассказал одному из нас (Ю. А. Л. — знакомство состоялось в поезде), что всегда отказывался от испытательных полетов, если по пути на аэродром дорогу ему перебегала черная кошка. Полное неверие в подобного рода приметы, по словам М. Громова, нечто вроде духовной махновщины.

Действительно, следует признать, многие ритуализированные запреты издревле имели глубокий смысл. Они вынуждали людей обуздывать себя, воздерживаться от опасных для окружающих импульсивных порывов. Члены любого первобытного племени воздерживаются от действий, осуждаемых жрецами, шаманами, колдуна-ми, и так далее чьими указаниями руководствуются во всех сферах частной и общественной жизни. При

этом, как правило, никто не задается опасным вопросом: а почему, собственно, мне нельзя делать то-то и то-то, вопреки моему желанию? Бунт против предписаний религии появляется на более поздних этапах исторического развития.

Борьба с религиозным сознанием и атеистическая пропаганда в наши дни обычно носят явно выраженную политическую окраску. То же можно сказать еще с большим основанием о межконфессионных конфликтах и крестовых походах против научных знаний, попытках «отменить» те из них, которые почему-либо не устраивают какую-то группировку священнослужителей, а также их паству.

Как писал Э. Фромм (1990–1980), крупный немецкий психолог-неофрейдист: Не пришло ли время прекратить споры о Боге и вместо этого объединиться в деле разоблачения современных форм идолопоклонства. Сегодня это не Баал и Астарта, это — обожествление государства и власти в странах с авторитарным режимом; и обожествление машины и успеха в нашей собственной культуре, угрожающее наиболее ценным духовным обретениям человека. (Из «Психоанализ и религия», по переводу в сб. «Сумерки богов», Политиздат, 1990).

2.10 Извращения религиозного чувства

Затронув проблему религиозного чувства, нельзя обойти молчанием такое его комичное извращение нашего времени как религия Карго.

В годы Второй мировой войны на Тихом океане союзники, высаживаясь на некоторые острова Микронезийского архипелага, строили там аэродромы и одаривали туземцев съестными припасами, мелкими зеркалами, бусами, иногда даже кое-какой полезной техникой, посудой и так далее. Каково же было удивление путешественников, когда лет через сорок после войны на этих островах обнаружился новый культ. В глубине тропических зарослей туземцы расчищали площадку, устанавливали на ней деревянное подобие самолета, иногда даже с явным признаком мужского пола, и вокруг этого странного идола плясали, пели, приносили ему жертвы. В чем суть веры?

— Эта птица много лун тому назад принесла на землю наших бледнолицых предков с обильными дарами. Мы молим ее: «Принеси их опять». Мы точно знаем: они посетят нас снова и тогда мы вместе с ними улетим туда, откуда они принесли дары, на Второе небо.

Похоже, и у нас в стране появился этот культ. Вера в НЛО, сакрализация (превращение в предмет веры) разнообразных антинаук, часть из которых тоже залетели с «дикого Запада», ожидание «пришельцев» с обильными дарами, будь то хоть гуманитарная помощь, хоть инопланетяне, хоть выходцы из оккультного «параллельного мира» или из Шамбалы, ритуальные пляски. Появился идеологизированный рок. Он приводит в состояние экстаза, подобно камланиям шаманов. На эти действа молодежь идет в подпитии или наколовшись наркотиков — еще одна аналогия. Шаманы и участники их действ во многих странах, например, у ряда народностей нашего Дальнего Востока и индейских племен, вкушали наркотики: настойку мухомора или других грибов, тех, в которых содержится ЛСД. Этот и некоторые другие грибные яды вызывают удивительные галлюцинации: мерещатся как во сне совершенно реально видимые человеческие существа, разговаривают, общаются; нарушается чувство времени. «Рокоманами» тоже нередко овладевает массовое безумие. Самоконтроль утрачивается полностью. Все очень напоминает радения хлыстов, описанные, например М. Горьким в «Климе Самгине».

Удивительные мы переживаем времена. В нашу вчера еще безбожную страну начала возвращаться религия, но, как видно, «и бес не дремлет».

К извращениям религиозного чувства, несомненно относится не только то, о чем мы сейчас рассказали. Есть и другое извращение: политический фанатизм. Поклонение идолам в лице земных тиранов, их обожествление (см 4.8).

Культ Сталина, Гитлера и Мао, несомненно, носил религиозную окраску. Говоря точнее, эти культы паразитировали на естественном религиозном чувстве. Бог земной

тщился подменить собой Бога небесного.

Все мы жили под Богом,
У Бога под самым боком.
Он был не в небесной дали.
Его иногда видали,
Живого на мавзолее.
Он был намного умнее и злее
Того, другого,
По имени Иегова,
Которого он низринул,
Извел, пережег на уголь,
А после из гроба вынул
И дал ему хлеб и угол…

(Б. Слуцкий. «Все мы жили под Богом»)

Именно в этом крылась причина ненависти тоталитарных правителей к церкви и религии. Изничтожали опасных конкурентов! Не удалось! Руки коротки.

Ю. Богомолов («Искусство кино», № 8, 1991) писал: Большой террор требовал не только большой лжи, но и новой мифологии, и нового фольклора. Мир реальные переворачивался, собственно жизнь не считалась реальностью — она подменялась ирреальностью, мифомиром. В этом мифомире государство приобретает статут цели и становится объектом религиозного культа, а человек утилизируется как материал для построения нового мира… В сталинском мифомире есть свой Олимп — это Кремль. И есть свой Тартар — это застенки тюрем и необозримый архипелаг ГУЛАГ. Боги — обитатели Олимпа бессмертны, но не гарантированы от низвержения в Тартар — Бутырки. Троцкий, Бухарин и другие, изгнанные с Олимпа, не лишаются статуса бессмертных. Они обречены на вечное присутствие в мире, но с клеймом вульгарного злодея.

Весьма символический, по сути дела, исторический эпизод. Самым высоким зданием предреволюционной Москвы был, как всем известно, ныне восстановленный Храм Христа Спасителя. Большевики его взорвали в 1932 году, чтобы воздвигнуть не где-нибудь, а именно на этом самом месте свое капище: Дворец Советов, увенчанный грандиозной статуей Ильича. Здание по проекту должно было стать самым высоким в мире. Работы начались. Вырыли гигантский котлован, как в известном романе Андрея Платонова. Но и кончилось все как там. Годами огороженная забором стройплощадка являла собой зрелище запустения. Котлован постепенно превратился в большой затянутый ряской пруд. Потом в этом месте построили зимний бассейн. Здание Дворца Советов в архитектурном проекте: параллелепипед, на нем второй поменьше, третий — еще меньше и так далее, явное подобие Зиккурата-Вавилонской башни. И смех, и грех… Нарочно не придумаешь!

2.11. Где начинается совесть?

Текст этой книги был уже подготовлен к печати и был представлен на суд тех читателей, чье мнение нам особенно не терпелось услышать, когда нам вдруг подумалось о величайшем упущении в главе о природе человека. Есть еще нечто очень важное, что отличает нас от бессловесных наших предков, поскольку неразрывно связано с нашим умением мысленно возвращаться в прошлое и с внутренней речью…

Ах, чувствую, ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто… едина разве совесть.
Так здравая она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою.
Но если в ней единое пятно,

Единое случайно завелось,
Тогда — беда! Как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек…
Так говорит сам с собой пушкинский Борис Годунов.

Способно ли какое-либо живое существо, кроме человека, испытывать длительные угрызения совести?

Конечно, чужая душа — потемки, тем более бессловесная. Собака, укравшая котлету в отсутствие хозяина, когда он возвращается в дом, вроде бы, переживает свой грех: скулит, ползет к его ногам, извиваясь на брюхе, поджимает хвост, в отличие от, например, кошки, всегда склонной действовать по принципу не пойман — не вор. Однако, что это? Переживания, подобные человеческим, или ожидание и страх грядущего наказания? Скорее уж, все-таки, второе.

В следующих главах будет рассказано о действующих у животных инстинктивных запретах: не ешь детеныша, корми его, не добивай сдавшегося соперника, не нападай на него исподтишка, не разоряй гнезд или нор собратьев по виду, не буди спящих, не воруй пищу у своих, уважай чужую территорию и так далее. Это все, надо полагать, зачатки того нравственного чувства, которое у людей Эммануил Кант назвал категорическим императивом. Как известно, великого философа нравственное чувство, заложенное внутри нас, волновало не в меньшей степени, чем вид звездного неба. В том и другом виделись ему подтверждения бытия Божьего.

Способность к длительным угрызениям совести, как нам кажется, — еще одно существенное отличие человека от животных.

Конечно, и они испытывают отрицательные эмоции, нарушая свои врожденные моральные запреты. У некоторых видов, например, у гиеновых собак или врановых птиц, эти запреты определяют социальное поведение куда в большей степени, чем у человека (см. далее). В то же время и высшие животные, подобно нам, нередко преступают свои моральные нормы, о чем будет говориться в 3.8. Бывает, случается, что, например, самка по неопытности или с голодухи пожирает своих детенышей или, играючи, убивает их. Разошедшийся самец в пылу драки убивает сдавшегося соперника или даже умерщвляет собственную подругу жизни, повздорив из-за какой-нибудь ерунды. У галок, подобно людям, моногамных (один муж — одна жена) и объединяющихся надолго в супружеские пары, случаются и «разводы», «супружеские измены». Известно немало случаев, когда собаки или (гораздо чаще) воспитанные человеком шимпанзе умерщвляли или калечили своих, вроде бы, любимых хозяев. Описан случай когда шимпанзе, откусивший вдруг ни с того ни с сего палец своему приемному отцу, очень после этого огорчался и даже пытался приставить палец на прежнее место.

Все это, вроде, так. Но вот все-таки. Многие, еще, вероятно, помнят трагическую историю в Баку с семьей любителей животных Берберовых. Они вырастили в своей квартире львенка и еще нескольких крупных хищников. В один не прекрасный день эти звери неожиданно разбушевались и расправились со всей семьей: одних растерзали до смерти, другим нанесли тяжкие увечья. Ворвавшаяся милиция была вынуждена перестрелять весь домашний зоопарк. Спрашивается, а как бы себя вели в дальнейшем эти хищники, если бы их оставили в живых? Опомнились бы, мучились бы длительными угрызениями совести? Нет, отвечаем уверенно. Тосковали бы, возможно, по загубленным людям, но так и не поняв, куда они делись и вообще, что произошло. Ведь ни одному живому существу, кроме человека, не понять, что такое смерть. Животные, таким образом, не смогли бы осознать, что были ее причиной.

Известно, правда, немало случаев, когда собаки даже околевали от тоски, потеряв хозяина, выли на его могиле, отказывались от пищи. Но тем не менее, только мозг «вооруженный» речью, способен осознать вину даже перед теми, кто ушел давно в «мир иной» и никого ни в чем не может укорить. Страданиям Раскольникова или Ивана

Карамазова нет никаких аналогов в животном мире.

Приведем исповедь одного знакомого Ю. А. Л., физика. В годы войны он, тогда десятилетний мальчик, оказался в оккупированной немцами Виннице. Кто-то донес на его родителей. В квартиру ворвались полицаи и всех членов семьи, которых застали дома, повели на расстрел. На глазах у ребенка убили его младшую сестренку, бабушку и деда, который в последний момент подсадил внука на забор и тем помог убежать. Вслед стреляли, но пуля только оцарапала бок. Родители сыскали его потом и вместе с ним укрылись в деревне у свояка. Через два года, когда подступили наши, мальчик, уже двенадцатилетний, пробегая мимо развалин какого-то кирпичного строения, услышал из-под стены стоны и крики:

— Хельфен зи мир, вассер, вассер, тринкен… — Помогите, помогите, воды, пить…

Взглянул, за стеной лежит раненый в живот эсесовец, а рядом пулемет и стрелянные гильзы. Мальчик перелез через стену и своим большим, не по размеру, солдатским ботинком наступил на живот немца, прямо на рану. Наступил и начал медленно давить, глядя с усмешкой прямо в глаза раненому. Даванет, остановится, снова придавит. Немец дико взвыл. Лицо его позеленело. Руки судорожно корябали землю. Через минут пятнадцать все кончилось. Мальчика вид агонии и смерти врага ни чуточки не испугал. Напротив, развеселил. Он ощущал себя тогда мстителем за бабушку, дедушку и сестренку.

Но вот мальчик повзрослел, и с каждым годом проклятое воспоминание все больше сверлило его душу. Начались почти еженощные ужасные сны. Прошли школьные годы, университет, аспирантура, а на душе делалось все поганее. С третьего курса аспирантуры этот физик запил и бросил учебу. Немец продолжал сниться почти каждую ночь! Теперь уже они во сне познакомились, разговаривали, и все кончалось иногда лучше, чем в жизни. Подъезжали санитары, забирали раненого. Их обоих куда-то везли. Поразительно, что не снился расстрел, не снились убитые родственники. А снился раздавленный немец, вероятно, такой же изверг, как и прочие эсесовцы. Разумом физик, конечно, понимал: велик ли спрос с озлобленного двенадцатилетнего мальчишки после всего им пережитого? Да, понимал, но толку-то от этого не было никакого. Совести не прикажешь. Душевные муки продолжались, и в жизни, карьере, в результате, все пошло прахом.

Известна трагедия некоторых, хотя и далеко не всех, членов экипажа знаменитой летающей крепости «Энола Гей», той, которая бросила атомную бомбу на Хиросиму. Из палачей, творивших расправу в Катынском лесу, некоторые (опять-таки только небольшая часть) потом покончили с собой: видно, совесть заела. Другие, напротив, до конца жизни похвалялись тем, как пускали в расход «белополяков», «по секрету» весьма охотно рассказывали подробности.

В массе гитлеровских убийц процент раскаявшихся, по-видимому, ничтожен, хотя, несомненно, были такие. Подавляющее большинство, включая доживших до наших дней, ни о чем не жалели и не жалеют, но просто боятся разоблачения и расплаты. То же можно сказать и о многих чекистских палачах, которым по сей день и бояться-то нечего.

Убийцы царской семьи Я. М. Юровский и компания, все, кажется, за одним единственным исключением, очень гордились содеянным и даже грызлись между собой, спорили, кто именно первым стрельнул.

Не стоит продолжать этот перечень. И так ясно.

Мучительное сознание своей вины, отнюдь не исчезающее в силу таких обстоятельств, как гарантированная безнаказанность и невозможность возместить жертве принесенный ей ущерб — чисто человеческая черта. К тому же свойственна она далеко не всем человеческим индивидам, а только некоторым, как бы избранным.

Заметим, что евангельский Иуда, памятуя конец его, стоял на голову выше многих нераскаянных преступников былых времен и нынешних. Для них даже уподобление Иуде — незаслуженная честь. Они ведь и его намного хуже.

Ясность в вопросы совести внесло учение Христово. Как известно, христианская Церковь отпускает даже самые страшные грехи кающимся грешникам, если только покаяние

их искренне и глубоко. Однако, если даже Церковь, именем Божиим, простит именно человеческую душу, и это отпущение грехов, конечно же, не может освободить ее от чувства вины. Для совестливой души великие грехи не имеют срока давности и продолжают ее угрызать раскаянием до самой гробовой доски. Христа окружали среди других и такие совестливые души: прощеные им, но самих себя не способные простить раскаявшиеся грешники.

В послевоенной Германии многие лучшие ее люди томились и томятся по сей день чувством общей великой вины. Одна из главных причин наших бед, возможно, в том, что мы на такое покаяние пока оказались неспособны. А ведь на почти каждом народе и человеке нашей распавшейся империи лежит доля вины за гибель и страдания многих наших соотечественников. Все мы повязаны кровью, как сообщники Петруши Верховенского, весь советский народ в той или иной степени, словами Людмилы Ивановой сам участвовал в изготовлении собственной удавки. Система была заинтересована, чтобы никто не остался чистеньким. Конечно, речь идет о современниках кровавых лет и застоя, но и более поздние поколения далеко не безгрешны. Достаточно вспомнить Афганскую авантюру, кровавый октябрь 1993 г. и бездарную Чеченскую войну, все те гнусности, которые творятся сейчас не только «наверху», но и повсеместно.

Глава 3. «Человек человеку — волк?»

3.1. «Агрессия» — что это такое?

Что ассоциируется у любого человека с этим словом? — Разумеется, 22 июня 1941 и 1 сентября 1939 годов. Начало Второй мировой войны, пакт «Молотов-Риббентроп», прелюдия нападения Гитлера на Польшу, Мюнхенский сговор (1938) западных держав с тем же Гитлером — длинная цепочка подлостей и преступлений, тянущаяся еще ко временам Первой мировой войны, от убийства австрийского престолонаследника Фердинанда в Сараево до Версальского договора, последующего обнищания и дикого озлобления немецкого народа.

Все однако, может быть и проще.

«Комсомольская правда» за 16 января 1993 года, заметка «Все равно кого убивать. В слепой ярости он мстил случайным людям».

В подворотне многоквартирного дома в подмосковном поселке Ховрино беседовали несколько подвыпивших молодых людей. К ним подошел незнакомый, по-видимому, трезвый парень, представился:

— Я из Солнечногорска — сказал Чужак, — и начал разговаривать вызывающе, по-хамски, явно напрашиваясь на скандал.

Один из беседующих, в конце-концов, потерял терпение:

— А, ну-ка, пойдем, поговорим.

Парень словно этого и ждал, хотя выступал, вроде один против четырех. Отошли за угол вдвоем и в ту же секунду незнакомец выстрелил в лицо случайному противнику из газового баллончика, после чего убежал. Видно, не терпелось испробовать на ком-нибудь приобретенное оружие. Жертва нападения — некто Руслан Баранов — тут же лишился сознания и какое-то время пролежал без движения на асфальте. Затем пришел в себя и на подвернувшемся автобусе помчался на железнодорожную платформу вдогонку за обидчиком, сжимая в кармане большой складной нож. На платформе Баранов особо разбираться не стал, а просто принялся убивать первых попавшихся на глаза людей: случайными жертвами стали двое мужчин и девушка.

Очень похожий случай, но с участием зверя.

На Белом море, возле Кемлудского островного заповедника, рыбак в моторной лодке заметил переплывающего протоку бурого медведя. Дело было летом, когда медведи крайне

редко первыми нападают на людей, если поблизости нет медвежат. Не долго думая, рыбак подплыл к медведю и с размаху огрел его по голове топором. Видно понадеялся: «добуду шкуру и мясо», но забыл, какой у медведей крепкий череп. Зверь тотчас положил переднюю лапу на борт лодки. Та чуть не перевернулась, и рыбак, в ужасе, дав полный газ, умчался с этого места. Между тем, раненый медведь доплыл до острова. Случайно повстречались ему двое: егерь-обходчик с двенадцатилетним сыном. Зверь кинулся на обходчика, поломал ему кости, изгрыз и изломал ружье, после чего убежал. Мальчик с громадным трудом дотащил отца до лодки, отвез, спас, но человек на всю жизнь остался инвалидом… Зло порождает зло.

Оба трагических случая — классические примеры так называемой переадресованной агрессии, о которой как о нейрофизиологическом явлении мы подробнее расскажем несколько позже.

Пока же рассмотрим несколько самых главных черт агрессивного поведения.

Во-первых, агрессия очень часто связана с неприятными эмоциями, практически любыми. Это могут быть и зубная боль, и служебные неприятности, и болезнь или смерть близкого человека и так далее, и т. д. Вполне, однако возможна и агрессия без всяких видимых причин. Просто хочется нападать, драться, убивать, а ни малейших поводов к тому вроде бы, и нет. Приспичило и все тут. Характерно, что в основном, эта немотивированная агрессия наблюдается у мальчиков и юношей в переходный период: двенадцать-шестнадцать лет. Таким образом, совершенно ясно: агрессивное состояние как-то связано с гормонами, в частности, с мужским половым гормоном тестостероном, но отнюдь не только с ним.

Есть и вторая черта. Случай с медведем — не редок, но и не типичен. Конечно, и агрессивная собака, без всякого видимого повода атакующая незнакомого человека где-нибудь вне охраняемой ею территории, на улице или в лесу — явление обыденное. (Для собак мы «собаки». Кошка же — не столько «враг», сколько убегающая добыча).

В основном же, тем не менее, агрессия и соответствующее ей эмоциональное состояние: злоба, ярость, гнев (хотя, опять-таки, и это состояние не обязательно, хватает случаев «агрессии просто, смеха и забавы для) направлена против особей своего вида. Нормальный человек не может испытывать подлинное чувство злобы, ненависти, ярости (не в счет, разве, минутная досада за украденную со стола котлету или испачканный ковер) на какие-либо другие существа, кроме себе подобных. Вспомним еще раз древнюю поговорку человек человеку — волк. Фактически — совсем не так. Вся беда именно в том, что человек человеку — человек.

И у любых других живых тварей — точно так же. У всех у них агрессия направлена чаще всего против себе подобных.

У агрессивного поведения, как и у любого другого, имеется и своя патология. Это как раз и есть всякие, смакуемые газетами, случаи ничем не мотивированных нападений, избиений и убийств «Просто так», без малейшего повода, в особенности, когда преступник не подросток или юноша, а зрелый человек, старик либо, того уж патологичнее, женщина.

Давайте, однако, по порядку.

Ученые установили, что у всех позвоночных животных в стволовой части головного мозга, в его особом образовании, называемом гипоталамусом, локализуется специальный центр агрессивного поведения представленный и в некоторых других мозговых структурах. Нервные клетки этого центра возбуждаются при неприятных ощущениях., образуя и выделяя в момент возбуждения особые вещества — нейрогормоны и нейромедиаторы определенных типов (дофамин, норадреналин, серотонин, а также некоторые нейропептиды). Эти вещества, распространяясь в структурах головного мозга, избирательно стимулируют именно те нейроны, которые заправляют неприятными ощущениями и агрессией или, в несколько иных комбинациях, — страхом, побуждением к панике, к бегству. Агрессия и страх взаимосвязаны и часто чередуются друг с другом.

В регуляции обоих состояний участвуют еще и особые (так называемые хромаффиновые) клетки «мозговой» (внутренней) ткани надпочечников, контролируемые нервной системой. Эти клетки продуцируют «гормон стресса» адреналин, выбрасываемый в

кровь и регулирующий физиологические процессы, связанные с подобного рода состояниями. (Характерные внешние проявления: учащение сердечного ритма, покраснение кожи, рост тонуса скелетной мускулатуры, расширение зрачков, поднимание шерсти дыбом и так далее.)

В каких случаях проявляется агрессия в норме?

1. Охрана территории (см. ниже много и подробно).

2. Выяснение отношений в группе, типа «Кто здесь начальник? Ты или я?»

3. Нападение, как лучшее средство защиты. Вспомните как Остап Бендер «крыл» грабивших его румынских пограничников, как «собачился» он с контролером, когда у него не было билета. К сему следует отметить, что некоторые животные и люди склонны начинать защищаться раньше, чем на них напали. Весьма малосимпатичная черта, у людей особенно ярко проявляющаяся при некоторых душевных заболеваниях.

4. Вымещение злобы. Два вполне наглядных примера мы только что привели. А вот и третий: вас грубо оскорбили по телефону, а вы ударили изо всех сил кулаком по столу или, того хуже, вдребезги разбили о стену телефонную трубку. Плохо, когда так себя начинает вести правительство и, потерпев в чем-то крупную неудачу, объявляет войну.

5. Защита потомства: поведение разъяренной наседки, возмущенного папаши в детской песочнице

6. Агрессия сексуальной природы в случае строптивого поведения партнера при соитии, его нерасторопности и прочее (От любви до ненависти один шаг). Как известно, существует и садизм — особое извращение.

7. Ситуации, связанные с конкурентной борьбой за обладание особью противоположного пола.

Наиболее известны случаи, когда самцы сражаются за самку, хотя природа знает и исключения. В типичных ситуациях самки сами активно выбирают более агрессивных и активнее ухаживающих самцов. Вспомним расхожие снимки турнирных поединков оленей, лосей и зубров, деревенских петухов, аквариумных драчунов хемихромисов-красавцев и бойцовых рыб-петушков. Необходимо подчеркнуть: даже у самых драчливых животных, в отличие от людей в некоторых ситуациях, до физической расправы часто не доходит, если только они вступают в единоборство в природе, а не в тесных аквариумах или клетках, где побежденному и удрать некуда. Впрочем, конечно, бывает и всякое. Грех не вспомнить рыцарские турниры и дуэли былых времен. Из-за чего стрелялись Онегин с Ленским, а Пушкин с Дантесом? Турниры очень даже смахивали на тетеревиные тока, где самки также наблюдают со стороны за поединками самцов.

8. Агрессия ради выгоды или для потехи, удовольствия, получаемого от сознания безнаказанности. Типичные примеры: поведение наших рэкетиров на туристских бизнес-тропах в восточной Европе (сбор дани), издевательства упоенного властью местного начальника (сержанта) над немногочисленными подчиненными.

9. Групповая агрессия в стае, где это поведение носит подражательный характер и запускается призывными сигналами вожака или других особей: «Делай как я!» Не дай Бог оказаться объектом агрессии пчелиного роя, своры разъяренных собак или оголтелой толпы, в которой потом, на следствии, любой скажет: «А я-то в чем виноват? Ведь все себя так вели?»

О групповой агрессии еще предстоит у нас особый разговор.

10. Месть как отсроченная агрессия против тех, кто однажды покусился на собрата по группе или виду.

11. Агрессия, мотивированная завистью. Об этом и предыдущем видах агрессии, столь свойственных не только человеку, но и многим видам животных мы поведаем в особом разделе настоящей главы.

12. Все-таки, межвидовая агрессия. Вас, к примеру, изводит муха: то сядет на нос, то ползает по лбу и веку… Вы едете в автомобиле, спешите по важному делу, а поперек дороги разлеглась корова… Вы пришли в гости к любимой женщине, а в ее подъезд вас не впускает

овчарка ее соседа, выгуливаемая без намордника и поводка… Конечно, во всех трех случаях можно дойти до «белого каления». Самец дрозда, отгоняющий ворону от своего гнезда, пес, прогоняющий незнакомого человека со своего двора; муравей, атакующий мышь-полевку, забравшуюся в муравейник — все это тоже примеры межвидовой агрессии.

3.2. Четыре основных закономерности агрессивного поведения

1. Неразрывная связь со страхом. Агрессия и страх — как северный и южный полюса магнита. Разделить полностью эти два состояния невозможно. Любой враг, будь то залетевшая в дом оса, соседская собака, начальник или хам-продавец, политический противник, появившийся на телеэкране — неизбежно вызывают не только злобу, но и страх. Чем больше страх, тем больше и злоба. Если стадо животных испугано, оно становится агрессивнее.

Точно то же происходит и с человеческой толпой. Самое опасное состояние — агрессивно-трусливое. Оно, овладев массами, делается страшной разрушительной силой. Этим умело и коварно пользуются демагоги, натравливая толпу как собачью свору на своих политических соперников.

Связь между страхом и агрессией хорошо видна в характерных сценах «драки» через забор. Две собаки бегут вдоль забора и злобно лают друг на друга. Добежали до дыры в заборе и отпрянули с рычанием, попятились, но впереди опять забор; обе бросились туда и снова бегут со злобным лаем. Два лося бодаются через загородку. Вдруг жерди лопнули. Оба соперника отскочили друг от друга, а затем подбежали к следующему пролету, где загородка цела, и снова давай бодаться.

2. Агрессия может накапливаться внутри подобно электрическому заряду в лейденской банке, и потом возбуждаться все более слабыми стимулами или, наконец, без всяких видимых внешних причин, вхолостую.

3. Если агрессия не может разрядиться на «чужих», ее объектом становятся «ближние». В то же время главным объединяющим фактором для группы или коллектива часто оказывается именно общий враг.

Классический эксперимент К. Лоренца. В аквариум с парой весьма задиристых семейных рыб цихлид тиляпий или акар подсаживают третью рыбу, того же или другого вида. Цихлиды, образующие семейную пару, с нею дерутся, а между собой — «не разлей-вода». Уберите третью рыбу, и самец через некоторое время начинает нападать на самку.

Разделите аквариум пополам стеклянной перегородкой и за нею подсадите еще одну семейную пару цихлид. Мир между супругами тотчас восстановится. Оба они зато начнут атаковать соседей, видимых через стекло. Сделайте перегородку между парами непрозрачной. Вскоре семейные скандалы опять возобновятся! Последствия этой закономерности для человеческих коллективов бесчисленны и омерзительны. Мы еще неоднократно вернемся к ним в этой и следующих главах.

Весь ужас в том, что от инстинкта никак нельзя отделаться. Огради агрессивного человека от вызывающих агрессию раздражителей. Он начнет их выдумывать, выискивать, найдет и глупые предлоги для своей агрессии. В условиях полной изоляции он направит агрессию против …самого себя. Известно, что люди, разозленные до крайности, иной раз, бьются головой о стенку, кусают в кровь губы и кулаки, царапают себе лицо и даже кончают жизнь самоубийством.

Одному из нас (Ю. А. Л.) как-то довелось услышать такую историю от Маруфа Хазнадара эль Бакра — деятеля курдского освободительного движения в Ираке (дело происходило в 1968 году). Курдские снайперы засели в окопе и из винтовок с оптическим прицелом обстреливали наступающую мотопехоту тогдашнего диктатора Карима Кассема. Один снайпер поставил себе норму: ежедневно убивать семь врагов. Шесть пуль попали в цель. Седьмой выстрел оказался мимо. «Все равно выполню норму!» — закричал снайпер и… выстрелил себе в голову.

В нашем ГУЛАГе зеки-уголовники подчас в знак протеста отрезали себе куски тела и бросали под ноги конвоирам. Об этом можно прочитать в воспоминаниях покойного правозащитника Анатолия Марченко «Мои показания».

4. Агрессия может переадресовываться. Об этом мы еще расскажем подробно в 3.4. Но все-таки, забегая вперед, приведем несколько наглядных примеров.

Многие птицы, разъярившись, клюют землю, листья и так далее. Копытные бодают кусты, поваленные стволы и тому подобное. Не дай Бог повстречать в сентябре самца лося в состоянии гона. Ю. А. Л. как-то повстречался с таким лосем на Беломорской биостанции. Тот с ревом бодал и бил передними копытами трухлявый пень. Затем, когда от пня ничего не осталось, налетел на большой муравейник и в мгновение ока разметал его. Попадись человек на глаза такому самцу, это могло бы кончиться очень плохо.

Два примера переадресованной агрессии мы уже привели в начале этой главы. Нелепое самоубийство курдского снайпера — тоже переадресовка агрессии.

Приглядитесь к поведению, своему и ближних. Переадресованная агрессия наблюдается постоянно. Человеку нахамили, а он пнул собаку. Обругали извозчика, — он огрел кнутом лошадь. Этот пример и некоторые другие далее мы позаимствовали из статьи В. Р. Дольника, которую еще неоднократно процитируем в следующих главах.

3.3. Злоба с кнопочным управлением

Немецкий ученый Эрих фон Хольст со своей ученицей Урсулой Сент-Пауль вживлял тонюсенькие электроды в разные зоны головного мозга петуха. От этих металлических до острия изолированных электродов шли надежно закрепленные на черепе длинные и гибкие провода. При раздражении слабым импульсным электротоком некоторых областей основания мозга петух взъерошивался как в разгар драки с другим петухом и… мгновенно бросался в лицо экспериментатору, который в первом таком опыте едва успел отскочить.

Позже аналогичные опыты начали ставить на кошках, быках, обезьянах и так далее. Всегда с одинаковым результатом. При раздражении некоторых зон — дикий приступ ярости, проходящий, когда раздражение прекращают.

Между тем, в аналогичных экспериментах выявились и другие центры. При раздражении одних животному явно делалось «плохо на душе», проявлялись тревога, страх, но агрессии как таковой не наблюдалось. В некоторых же опытах электрод попадал в зону, где стимуляция, по-видимому, изменяет настроение животного в лучшую сторону: оно вело себя так, словно ест вкусную пищу или его гладят. Коты принимались мурлыкать, потягивались, щурили от удовольствия глаза.

Белая крыса, которая, нажимая на педаль, замыкающую электрический контакт, сама себе могла раздражать такие центры «неудовольствия» или «удовольствия», раз случайно попробовав, в первом случае начинала затем всячески избегать нового невольного замыкания. Во втором же случае все наоборот: животное жало и жало на педаль, забывая и есть и пить. (Эксперименты американских ученых Олдза, Милнера и многих других.)

Постепенно происходило привыкание. Как и при наркомании, действие ослабевало, требовались большие дозы, более сильное раздражение.

Ну, а как себя поведут в подобной ситуации люди?

Специальных экспериментов, Бог миловал, не ставили, но больных эпилепсией пытались излечить, раздражая электротоком разные участки стволовой области мозга. Иной раз, электрод попадал в такую зону, при раздражении которой у больного возникали сразу же приятные или наоборот, весьма тяжелые душевные состояния без видимых причин.

Шведский нейропатолог Хийз как-то беседовал с больным, в мозг которому вживили два тоненьких золотых электрода. Один из них попал, как видно, в «центр удовольствия». Другой оказался, напротив, в центре отрицательных эмоций. Врач незаметно для пациента раздражал то один, то другой «центр», а больной в это время разглагольствовал приблизительно так:

— Врач, вы подонок, дрянь, скотина, но… — начали раздражать «центр удовольствия, — вы мне, однако, очень, очень и очень нравитесь. Приятно побеседовать с добрым и всепонимающим человеком… — новое переключение — …беда только в том, что вы — мелкая, подлая тварь…

Согласитесь, страшно читать о таких экспериментах. Что же получается, мы — рабы инстинктов? Где свобода воли, воспитание, наконец? Если бы правительства овладели секретом такого управления поведением сразу больших масс людей посредством, например, рассеиваемых в воздухе психотропных веществ, то получилось бы, пожалуй, нечто не менее страшное, чем ядерная бомба.

Между прочим, в природе, у которой военная наука многое заимствует, психотронное химическое оружие уже существует. Так, самки паразитических муравьев *Monomorium santschii* , проникая в чужевидовой муравейник, выделяют не исследованное пока вещество, побуждающее тамошних рабочих муравьев убивать собственных самок, после чего те начинают выхаживать чужое потомство.

В последние годы у нас рассказывали и писали много всякого о так называемом психотронном оружии. Его реально существующий вариант: мощные генераторы инфразвука, вызывающего у человека ощущение дискомфорта и паники, имеют довольно ограниченный радиус действия. В то же время, получили широкое распространение слухи о неких приборах совершенно иного типа, способных выводить из строя психику вполне определенного человека или группы, массы людей, действуя на громадные расстояния и при этом очень направленно, например, из московского КГБ в какую-то отдельную квартиру в другом городе. Хотя эти слухи рассматривала специальная комиссия, они, по всей вероятности, не соответствуют действительности.

Мы уже поговорили, и еще многое расскажем о древних как мир способах возрождения агрессивных настроений масс и той неоценимой помощи, которую оказывают демагогам современные средства массовой информации. Однако, химическое или электрическое раздражение соответствующих центров мозга пока, слава Богу, удается осуществить только у отдельных индивидуумов при непосредственном контакте и не более того.

Вот еще пример из области электроэтологии. Кадры из фильма показанного на одном научном съезде американским нейрофизиологом Хосе Дельгадо. Коррида… На неприкрывшегося торреодора, наклонив голову, мчится разъяренный бык. Кажется, человек обречен, но вдруг бык встал как вкопанный, мотает башкой. О своей стремительной атаке словно позабыл. Причина: в центр мозга, угнетающий агрессивное поведение, вживлены электроды от крошечного радиоприемника, закрепленного на голове. У торреро вместо шпаги — радио-передатчик.

Кадры другого фильма. В стае макак-резусов злобствует доминантный самец: всех терроризирует, чуть что кусается, никому не дает и притронуться к пище, даже когда сыт. Вдруг поведение деспота неожиданно меняется, он становится вялым и апатичным. Стая вышла из подчинения, хватают пищу у него из под носа, и, что более возмутительно, ухаживают за его самками, а он — хоть бы хны. Что случилось? Оказывается, в передний мозг самца, зону, откуда подавляется агрессия, ввели раздражающий электрод от аналогичного радиоприемника на голове. Рычаг, включающий соответствующий передатчик, — в клетке, и обезьяны сами могут при необходимости на него нажимать, чему быстро и научились. Как только самец начинает над кем-нибудь измываться, жертва кидается к спасительному рычагу! Сей случай поучителен тем, что показывает: атмосфера страха перед вышестоящими и стремления избавиться от нее характерны не только для человеческих коллективов. И в сообществах животных могут наблюдаться подобные явления.

В последнее время электрическое раздражение мозга и даже выжигание электродами отдельных его участков начали все чаще применять вместо лекарственных средств для подавления патологической агрессивности некоторых душевнобольных. Подтверждена связь такой агрессивности с гормональными сдвигами, в частности, у женщин с нарушениями

менструального цикла, а у мужчин — с избытком мужского гормона-тестостерона. Так, оказалось, что аномально большое количество этого гормона содержится в крови многих особо опасных преступников: убийц рецидивистов, садистов-насильников и тому подобное.

Убедительнейшим подтверждением того, что и у человека агрессия относится к числу инстинктивных побуждений, способных вдруг вырываться из-под контроля сознания, являются состояния буйного помешательства. Как известно, на некоторых буйно помешанных приходится даже надевать смирительную рубашку. Они кидаются без малейшего к тому повода на кого попало и несколько дюжих санитаров едва справляются с этой задачей. Кое-кому, чтобы так себя повести, достаточно просто напиться.

Удивительный и страшный пример необузданной агрессии являет собой также бешенство (водобоязнь) — инфекционное вирусное заболевание высших животных, включая и человека. Вирус, поражая головной мозг, „внушает“ своей жертве неодолимое стремление агрессивно бросаться на любые крупные живые существа и жестоко кусать их. Такая сверх-агрессивность выгодна вирусу, поскольку с укусами передается зараза, но совершенно бессмысленна для его жертв. Заболев бешенством, не только собаки и волки, но даже и мелкие животные — грызуны или летучие мыши — становятся необычайно агрессивными и начинают кусать первого встречного. Это еще один пример, подтверждающий, что агрессия запускается „изнутри“ и для нее вовсе не обязательно требуется хоть какой-нибудь предлог.

Патологически высокую агрессивность, некое подобие буйного помешательства, как у животных, так и у человека, можно вызвать инъекциями вышеупомянутых нейрогормональных веществ: тестостерона, норадреналина или дофамина, а также их химических аналогов.

В то же время получен ряд доказательств того, что уровень агрессивности определяется наследственно, а также, по-видимому, может изменяться в результате гормональных воздействий на развивающийся зародыш. Так, роль этих воздействий только что подтвердил в экспериментах на развивающейся икре цихлиды-акары (Aequidens pulcher) московский физиолог И. В. Нечаев. В воду, в которой инкубировалась икра, добавляли галоперидол — лекарственное вещество, препятствующее связыванию нейрогормона дофамина с клеточными мембранами. Оказалось, что в этом случае у развивающихся из икры рыб гипертрофируются те нейроны головного мозга, которые вырабатывают дофамин, и это делает таких рыб сверхагрессивными на всю дальнейшую жизнь. Подобного рода эксперименты дают основание предполагать, что и у людей стрессы, переживаемые матерью в период беременности, а также некоторые принимаемые в этот период нейрофармакологические препараты и даже алкоголь в солидных дозах могут нанести непоправимый ущерб психике ребенка, в частности, сделать его на всю жизнь патологически агрессивной личностью.

В 1989 году в Москве проходила Международная конференция по вопросам ненасилия. Затея, конечно, была прекрасной, но едва ли многие из участников конференции представляли себе, насколько безнадежны попытки избавить мир от агрессии одним лишь словом Божьим, да и вообще с помощью хороших слов. Например, один из докладчиков с большим апломбом утверждал: „Агрессивность — продукт дурного воспитания“. Между тем, это все равно как уверять, будто продуктом дурного воспитания являются половое влечение или голод. Агрессию можно переадресовать, ослабить, устраняя стимулирующие ее ситуации, а также, как бы переключая мозг на другие настрои, например, на легкое эротическое возбуждение. Сильное эротическое возбуждение, наоборот, сопряжено с агрессией. Однако, никакое воспитание не освобождает от агрессивных состояний. От них отделаться в принципе невозможно. Разве что прибегая к фармакологии.

Воспитание же прививает человеку нечто совсем иное, а именно искусство обуздывать свои эмоции, никак не проявлять их внешне даже тогда, когда внутри „все кипит“. На то нам даны разум и воля.

В самое последнее время, между прочим, иногда приходится читать или слышать, будто агрессию удается как бы гасить или разряжать вхолостую с помощью сцен насилия,

показываемых по телевизору или в кино. Это опасное заблуждение. Достигнутый результат, скорее уж, будет диаметрально противоположным, о чем мы уже говорили и к чему еще вернемся в дальнейшем, поскольку агрессивное поведение легко принимает подражательный характер. Гасить агрессию с помощью зрелищ, по-видимому, можно только, если зрители каким-то образом активно участвуют в них, например, безумствуя как болельщики на стадионе. Это сложный и довольно-таки запутанный вопрос, обсуждаемый специально с 7 главе нашей книги.

3.4. Переадресованная агрессия и козел отпущения»

Ну а что происходит, если настрой на агрессию вызвал индивид по рангу выше, или вообще у нас неприятности, неудачи, причину которых никак не устранить? Кое-что об этом мы уже рассказывали. Когда неприятные ощущения достаточно сильны, а излить их на того, кто из вызвал, невозможно, и у животных, и у человека появляется желание сорвать на ком-нибудь злобу.

Вспомните совсем уж повседневный случай. У вас служебные неприятности или ворох проблем. Пришли домой. Жена спрашивает:

— Костик, суп есть будешь?

— Как, опять? Идиотизм! В этом доме только еда. Меня тошнит от твоих супов!

Дочь:

— Папа, реши задачку.

— Что? Вы слышали? У всех дети как дети, сами учатся, сами чуть-чуть шевелят мозгами, а это создание, видите ли, хочет всю жизнь провести на чужом (моем) горбу!

Вот, к примеру, по сходному поводу у Александра Блока:

„Тошно жить“ бормочешь, лужу обходя.

Мокрый пес отскочит, калоши сыщика блестят.

Вонь кислая с дворов несется,

А „князь“ кричит: халат, халат». И встретившись лицом с прохожим, ему бы в рожу наплевал.

Когда б желания того же в его глазах не прочитал.

Морская биостанция, зима, ночь. Вдруг в темноте раздается:

— Сволочь, мерзавец. Попадись ты мне в семнадцатом, я бы тебя живо к стенке поставил.

Драка? Скандал? Нет, оказывается, станционный лаборант, забитый человек на побегушках, на мостках наскочил на металлический ящик. Напомним: такое поведение этологи называют «смещенной активностью». Ее частный вариант: переадресованная агрессия.

Еще один типичный случай, описанный К. Лоренцем. Самец шимпанзе спустился с дерева и тут на него с лаем накинулась немецкая овчарка. Перепуганный самец вернулся на дерево, где искусал до полусмерти свою самку: Бей своих, чтобы чужие боялись. Механизм такой реакции вполне понятен. Страх временно подавил одновременно включившуюся реакцию агрессии. Страх прошел, агрессивное побуждение осталось и реализовалось на первый же подвернувшийся объект, который не пугал — собственную самку.

А вот типичная парламентская ситуация в бывшем Верховном Совете СССР. Депутат от всесильного военно-промышленного комплекса грубо оскорбил крупного государственного деятеля. Деятель не возражал, а затем обрушился с обвинениями и угрозами на тогда еще худосочную оппозицию «так называемых демократов»: опять, чтобы чужие боялись!

Еще один пример переадресованной агрессии (смещенной активности). Дерутся два петуха, вошли в раж, перья летят во все стороны, а тут экспериментатор неожиданно между ними ставит непрозрачную стенку. Что делать беднягам, чтобы отвести душу? Они принимаются клевать воображаемые зерна, пить несуществующую воду и делать вид, что

засыпают от скуки, но если им на глаза подвернется что-то живое, например, котенок, его могут атаковать в качестве, так сказать, козла отпущения.

Из воспоминаний Отто Дитриха о Гитлере: …Однажды я наблюдал, как его собака Блонди отказалась повиноваться приказу. Кровь бросилась в лицо Гитлера и, несмотря на огромную толпу присутствующих, он начал бешено орать на одного из своих помощников, оказавшихся рядом с ним. Без всякого объяснения, несмотря на удивление толпы, он обрушил на него поток гневных слов.

Кстати, у древних иудеев козел отпущения был самым обыкновенным козлом. На него жители селения сваливали в конце года все свои грехи и прогоняли бедное животное в пустыню, обрекая на голодную смерть. Другое дело козел отпущения в широком смысле этого слова. Пожалуй это даже не социальное, а физиологическое явление.

Австралийские аборигены, если в их племени кто-то умер или просто заболел, отправляются «мстить» в ближайшее селение соседей. Там кого-нибудь калечат или убивают. По их понятиям умереть или заболеть «просто так» невозможно. Раз стряслась беда, значит, обязательно должен быть у нее и виновник: какой-нибудь злой шаман, наворожививший в соседнем племени!

Читая некоторые наши газеты и журналы, невольно вспоминаешь австралийских аборигенов. Буквально тот же ход мысли. Стряслась беда, значит, виноваты иноплеменные шаманы. Любые неприятные явления в нашем мире объясняются происками забугорных вражьих сил и их местной агентуры.

Точно так же в средние века все плохое объясняли происками Сатаны и его присных.

А вообще же во все времена и у всех народов власть имущие использовали «козла отпущения» для спасения от гнева народных масс в кризисных ситуациях-после проигранных войн, неурожаев, провалившихся реформ и т. п.

В частности, таким «козлом» часто оказывались «еретики», нацменьшинства, соседние небольшие державы, не способные как следует дать сдачи.

Классические примеры из недавнего прошлого: армянский геноцид в Турции в 1916 г. и та пропаганда ненависти,(«удар в спину» и т. п.), которая помогла прийти к власти Гитлеру. Он однажды проговорился: «если бы у нас не было евреев, их пришлось бы выдумать»

На протяжении 73 лет правления большевиков они прямо-таки скакали верхом на «козлах отпущения». Это, пожалуй, было самое излюбленное для них средство транспорта. Что плохое ни случись в стране, кто виноват? Конечно же, не «сознательный авангард рабочего класса», «ум, честь и совесть нашей эпохи, вдохновитель и организатор всех наших побед», а постоянно кто-то совсем другой: «буржуи, помещики и агенты Антанты», «троцкистско-зиновьевские вредители и диверсанты», «кулаки», «морганисты-вейсманисты и безродные космополиты», «буржуазные националисты и отщепенцы, продавшиеся ЦРУ».

И сейчас наше «демократическое» правительство вместе с «патриотической» оппозицией продолжают все те же старые песни. То и дело меняется только мишень нагнетаемой ненависти. А пропагандистские методы нагнетания-все те же, прежние. Об этих методах мы подробно расскажем далее — см. гл. 8 и 9.

3.5. Демонстративное поведение

К. Лоренц и другие этологи придают громадное значение демонстрациям угрозы и позам подчинения, покорности как средству предотвращения конфликтов. Естественный отбор закрепил эти позы для того, чтобы с их помощью предотвращать взаимное истребление. Как мы уже писали, агрессия и страх взаимосвязаны.

У всех животных с хорошо развитым зрением атаке на врага предшествует более или менее точная оценка его относительного размера: «кто крупнее — он или я?»

Эта оценка присутствует даже в реакциях на жертву у хищника, например, паука или

хищной рыбы. Если подвижная добыча превышает размер, ее атакуют уже с опаской или не трогают вообще. Еще более крупный подвижный объект побуждает к бегству. Чем голоднее хищник, тем он смелее, что сказывается на размерах жертвы, которую он пытается схватить.

Кроме того, у всех животных, способных зрительно распознавать свой вид, есть еще особая реакция на его средства защиты и нападения, такие как, например, зубастые челюсти, колючки, шипы, передние конечности, вооруженные когтями или копытами, рога, бивни, острый клюв. Наконец, в состоянии ярости, злобы, многие животные издают особые звуки, которые как бы предупреждают: «не трожь, а не то укушу, ужалю, затопчу, забодаю, заклюю».

На этой очень простой основе, собственно, и развились разные сигналы, спасающие животных от гибели в драках с себе подобными.

Само собой понятно, что такие сигналы лучше всего развиты и сильнее всего действуют именно у тех животных, которым, не будь подобной сигнализации, особенно легко спровадить друг друга на тот свет, то есть у хищных и хорошо вооруженных. Поэтому-то этологи и говорят с полным на то основанием: чем лучше вооружено животное, тем выше у него и внутривидовая «мораль». Кто слабо вооружен, у того и «мораль» слабая.

Еще раз напомним: до изобретения нами специальных орудий убийства мы, на нашу беду, были существами, довольно слабо вооруженными: ни хищных клыков, ни ядовитых зубов или колючек, ни орлиного клюва, ни когтей или хотя бы рогов и копыт у нас нет. В результате того и внутривидовая «мораль» по части драк у нас не ахти какая. Мы, как и наши дочеловеческие предки, довольно-таки аморальны. Причина же нашей аморальности такова: наши средства предотвращения драк с помощью выразительных движений существенно не изменились с тех времен, когда предки наши ходили голыми и не имели иного оружия, кроме зубов, кулаков, ног. Между тем, наша грозная боевая техника прогрессировала за срок, совершенно ничтожный для биологической эволюции. Инстинктивное отвращение к дракам за такой срок существенно измениться, конечно же, не могло. Оно осталось таким же, каким было во времена нашей полной безоружности!

Рассмотрим несколько конкретных примеров сигналов, предотвращающих драки.

Фиктивное увеличение размера: «Отстань! Я тебя крупнее». Многие животные, кто как умеет, при виде врага увеличивают свой размер. Простейший способ — раздуться, набрав в легкие побольше воздуха. Так ведет себя, например, мраморная лягушка. Возможно, что отсюда и пошел сюжет известной басни «Лягушка и вол», в русском варианте написанной И. Крыловым. Лягушка пожелала стать большой как вол. Дулась, дулась, да и лопнула!

Израильский этолог Амотц Захави утверждает, что обман действует только в межвидовых контактах (раздувание мраморной лягушки и т. п.). Во внутривидовых конфликтах животные, в отличие от человека, «честны». Все эти раздутые жабо из перьев куликов-турухтанов, красные зобы индюков и кожные складки круглоголовок своих обдурить не могут. Каждый из противников трезво оценивает соотношение сил с тем, с кем затевает дуэль. Так ли это на самом деле? — Весьма сомнительно. Слишком уж много способов фиктивного увеличения размеров тела закрепил естественный отбор. Зачем бы были эти ухищрения животным, не действуй они и на соперников своего же вида?

Обман, конечно, налицо, причем обоюдный и это, своего рода, «гонка вооружений», постоянно способствующая развитию все более и более эффективных средств обмана соперников в процессе эволюции. Как и оружие, применяемое в драках самцов, средства обмана могут прогрессировать, иной раз доходя до крайних, довольно-таки курьезных форм. Возьмем, к примеру, хотя бы хорошо известных всем аквариумистам бойцовых рыбок. До чего «доэволюционировали» их самцы: способность приобретать яркую окраску в агрессивном состоянии; плавники, гигантские, словно паруса, жаберные крышки, которые могут оттопыриваться так, что голова спереди кажется окруженной громадным нимбом. Прямо-таки выдуманное животное с китайской вазы, фантастическое чудовище. И все это для демонстрации самцу-сопернику или обольщения самок. Не удивительно ли? Павлины, индюки, турухтаны — не меньшее чудо природы. Конечно же, «не зря она старалась!»

Обманывать — так уж обманывать! А вдруг поверят?

Многие птицы и млекопитающие в угрожающей позе взъерошивают перья или волосы, которые при сильном испуге даже у нас встают на голове дыбом. Человек в состоянии ярости набирает воздух в легкие, раздувая грудную клетку. Разъяренные жеребцы встают на дыбы. Каждый старается подняться при этом выше, чем другой, и уронить соперника. Разозлившиеся грызуны: мыши, крысы, лемминги, хомяки, белки и так далее тоже встают на задние лапы и тянутся изо всех сил, пугая соперника: «Я выше!» — «Нет, я!» — «Все равно, я!» У многих птиц, водоплавающих и других, оба соперника, взъерошив перья и расправив крылья, стараются вытянуть шею вверх, придав и туловищу вертикальное положение. Так и стоят друг перед другом, сравнивая свою высоту, да еще и кричат при этом. А у кого есть хохол как у удода, чибиса, хохлатой синицы; хвост как у павлина, те еще и стараются все это поднять как можно выше, распушить: «гляди-мол, какой я большой!»

У кого есть что показать из оружия, стараются его продемонстрировать, чтобы устрашить врага, заставить сдаться без боя. Как это делается?

Ящерица ушастая круглоголовка оттопыривает зубчатые ярко красные кожаные складки по краям широко разеваемого рта. Противнику все видится одной громадной зубастой пастью.

Многие хищные звери — волки, львы, медведи — рычат, оскалив зубы, открыв пасть и до предела приподнявшись на всех четырех своих ногах, изогнув спину, взъерошив на ней шерсть. В частности, наша домашняя кошка ведет себя подобным образом, хотя не рычит, а мяукает. Медведи, придя в ярость, иной раз, еще и встают на задние лапы, пуская в ход передние. Лев-самец использует для устрашения врага, обычно такого же самца-соперника, свою величественную гриву, поворачиваясь в анфас.

Стратегия, таким образом, везде одна: максимально увеличить размер, видимый противником, показать ему свое боевое оружие и отпугнуть его издаваемыми страшными звуками. Бывает, разъяренный хищник еще и рвет или роет когтями передних лап землю перед собой. Это тоже демонстрация силы.

У многих обезьян угроза, в основном, того же типа, что и у хищников: оскаленные зубы, крик, вздыбленная шерсть, поза, создающая иллюзию увеличения размера при наблюдении спереди. У человекообразных проявляется стремление встать для того на задние ноги. Наблюдая все это, нетрудно сообразить, в чем суть угрожающей позы и у человека: выпяченная раздутая грудь, гордо распрямленная спина и поднятая голова, злобно оскаленные зубы (плохо, если в такой момент видно, что их не хватает или они не белые), расправленные плечи и «руки в боки» либо кулаками вперед. В обоих случаях ориентация рук такова, что шерсть, некогда встававшая дыбом на их наружной стороне у наших мохнатых предков, создавала максимальную иллюзию увеличения размеров тела для наблюдателя, глядящего спереди!

Понятно, конечно, и для чего вожди и воины всегда стремились водрузить на себя как можно более высокий головной убор. Что только не вспоминается в этой связи: перья индейских вождей, тиары и короны, высокие боярские шапки, фуражки гитлеровских офицеров с нелепо высокой тульей, наши буденовки с шишаком, рыцарские шлемы, офицерские широкополые шляпы XVII века с плюмажем из страусиных перьев, высокие меховые кивера наполеоновских уланов и знаменитая бонапартова треуголка, кепи современных французских офицеров и высоченные черные сооружения на голове английских бобби… Мы к этим ухищрениям еще вернемся в 6.5.

Есть и другой способ возвыситься перед соперником: взобраться по-выше. Реакция оценки размеров — врожденная. Ей нет дела до здравого смысла: «Ага, выше, — значит, крупней меня, надо удирать!» Так подсказывает инстинкт!

Птица, пугая соперника, старается взлететь и сесть на более высокую ветку. Копытные взбираются на подвернувшийся холмик, кочку. Ну, а мы с древнейших времен и по сей день использовали для той же цели постаменты, трибуны, троны, а иной раз, как известно, когда история требует, даже броневички или мавзолеи умерших владык. Всегда возвышение было

атрибутом власти. Начальники любого ранга, рода и племени во все века обращались к подчиненным хоть с большого валуна, хоть с табуретки, но уж обязательно сверху вниз.

Как пишет В. Р. Дольник, не было такого случая, чтобы властитель обращался к подчиненным из ямы! Цитируем из статьи «Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев» («Природа» 1993, N 1, стр. 72–85): Заставить подчиненных смотреть на себя снизу вверх — простое и действенное средство дать им почувствовать свое превосходство. «…Вознесся выше он главною непокорной александрийского столпа»… — Каждое слово точно бьет в одну точку подсознания.

Как мы уже сказали, угрожающую позу сопровождает еще и звук, пугающий соперника или врага чужого вида. Змеи шипят, звери ревут или рычат, мяучат, лают, люди, подобно их предкам-обезьянам, злобно кричат. В седой древности, вероятно, это был просто нечленораздельный крик: «Аааа!» Однако, наш интеллект прогрессировал. Поэтому агрессивные вопли и те приобрели членораздельность. Наши воины, например, кричат «Урааа!!!», как и многие другие европейцы, в Японии — всем известное «Банзааай!!!» Ну, и везде издавна, конечно же, ругательства. Так, судя по Гомеру, происходило уже в бронзовом веке. Герои «Иллиады» раньше, чем убивали друг друга, ругались, собачились, грозили своему врагу.

В истории известны случаи, когда противникам не приходилось даже скрестить оружие: крик решал все дело. Вспоминается из «Слова о полку Игореве»: …А поганые перегородили поле криком.

В наши дни, если не крик, то уж, во всяком случае, богатейшие возможности русского и ряда других языков по части произнесения слов, не совсем печатных, но очень выразительных, порой отличная замена боевых действий. Слова произносятся такие, что противнику только и остается что сдаться или придумать ответ того позабористей. Сам характер нашей матерщины свидетельствует о ее величайшей древности. Ругающийся матом человек как бы дает знать своему противнику: Я старше тебя по родовому рангу и, возможно, являюсь твоим папашей, а посему сгинь с моих глаз, мелюзга, или признай мое старшинство и моли о пощаде!

3.6. Пощади, сдаюсь!

Итак, похоже, что с позами и прочими демонстрациями угрозы мы более менее разобрались. Теперь рассмотрим другую сторону тех же самых взаимодействий враждующих соперников. Допустим, драки даже не было. Просто один из двух почувствовал: противник крупнее и, стало быть, шансов на победу — ноль. Иной вариант: кто-то из дерущихся ощущает, что явно проигрывает: вот-вот убьют. Что же делать?

В обоих случаях инстинкт подсказывает принять позу, резко ослабляющую агрессивное состояние врага, а заодно и его испуг. Страх от агрессии, как мы уже говорили, не отделить.

Побежденный или заранее себя признавший неспособным победить стремится поэтому принять позу, создающую у победителя иллюзию минимального относительного размера: «Ты большой, а я маленький и посему для тебя безопасный». К тому же все виды оружия, какие есть, надо спешно спрятать или отвернуть от врага: «Видишь, я безоружен». Врагу надо дать возможность ощутить, что при желании он, не встретив ни малейшего сопротивления, может убить того, кто изъявляет покорность. А для этого принимается поза,

такая, чтобы самая жизненно важная часть тела была обращена к оружию врага: «На, мол, кусай, клюй, рви». Естественный отбор выработал у всех хорошо вооруженных животных особое ощущение: «Стоп!» при виде подобной позы. Хотелось только что укусить, боднуть, лягнуть и вдруг, словно электрическим током ударило. Мигом расхотелось. Военные действия окончились. Как мы уже писали, у кого сильное оружие, у тех и высокая внутривидовая мораль. У кого оружие слабое, у тех и мораль слаба.

Проигравшим, как и победителям, без обмана не прожить. Только теперь уже обман преследует противоположную цель. Надо сжаться в комок, пригнуться к земле, попрятать

всякие там шипы, зубы, когти, рога, чтобы не пугать победителя. Шерсть и перья следует прижать как можно плотнее к телу, хохол и разворачивающийся веером или способный задираться хвост сложить, поджать.

Многие хищники, в том числе домашние собаки, на худой конец, переворачиваются беззащитным брюхом вверх: «Ай, сдаюсь!» Характерно, что этого не делают кошки: их главное оружие не зубы, а когти. Перевернувшись, кошка готова вцепиться когтями в морду врага, а поза ее вводит в заблуждение собаку. От этого у псов с котами бывают недоразумения. Так же как и от виляния хвостом. У кошек это проявление гнева, а у собак — дружелюбия. Однако, самое интересное, конечно: позы подчинения у хорошо вооруженных хищников.

3.7. «Ворон ворону глаз не выклюет»

Это именно так не только в поговорке. У всех хищных, хорошо вооруженных, и вообще потенциально способных мгновенно прикончить себе подобного при желании, природа, как мы уже рассказали, выработала особо эффективные способы предотвратить взаимное смертоубийство с помощью позы подчинения.

Мощные клювы, когти, рога, бивни, ядовитые зубы змей — все это, в основном, оружие для хищничества или для защиты от хищников, но отнюдь не для убийства своих собратьев по виду.

Как обеспечивается такой эффект?

Поссорились, к примеру два ворона-самца. Приняли позу угрозы, начали и драку, но клюют друг друга в крылья и спину, да и то не в полную силу. Вдруг один резко повернул голову: подставил другому незащищенный затылок: «На, клюй!» Второй тут же замер на мгновение, отвернулся, в свою очередь. Драка прекратилась. А в глаза врановые птицы друг друга, и правда. не клюют практически никогда, по крайней мере, в природных условиях (см. ниже). Высшее проявление ласки у этих птиц: чистить перышки возле глаз друг у друга.

Дерутся два матерых волка, здоровенные самцы. Один одолевает. Второй, поджав уши и хвост, вдруг закидывает голову, подставляет противнику незащищенное горло. Одно движение клыков победителя, и побежденному придет конец, но этого-то как раз чаще всего и не происходит. Победитель, хотя губы его еще дрожат, — признак ярости, вдруг отворачивается и отходит, дает побежденному ретироваться. Сработал врожденный моральный запрет.

Конфликтуют газели-ориксы. Их длинными и прямыми рогами, (не в пример оленьим и лосиным, ветвистым, не особенно острым), как копьями, можно проткнуть насквозь. Однако, дерущиеся самцы рога эти только от времени до времени скрещивают. Об ударе выпадом вперед не может быть и речи! Ориксы бодают только хищников.

Сражаются агрессивные рыбы-самцы цихлиды-цихлазомы. Удары и укусы могут кончиться гибелью одного из соперников. Однако, один вдруг подставляет другому незащищенный бок: «На, рви, кусай». У второго самца интерес к драке пропадает.

Как дерутся самцы у гремучих змей? Даже биологи долго принимали эти драки за брачную игру. Змеи обвивают друг друга, а далее все идет точь в точь как мужская игра борьбы правых рук с опорой локтем о стол: «Кто чью положит?» Взаимные укусы исключаются полностью!

Только у плохо защищенных животных или у коротко живущих, имеющих только единый шанс в жизни повстречать и оплодотворить самку (некоторые роющие осы, кроты, крохотные насекомоядные зверьки-землеройки и так далее) бывают поединки между самцами не на жизнь, а на смерть и все средства в борьбе хороши.

Конечно, это вовсе не означает, что у сильных долгоживущих хищников никогда не случается взаимного смертоубийства. В состоянии крайней ярости победитель, иной раз, не обращает внимания на позу покорности побежденного. Такие случаи довольно часты, например, у бурых медведей.

И все-таки, это, скорее, исключение из правила. Чаще же дело до трагической развязки не доходит. Срабатывает врожденная внутривидовая мораль. Она проявляется, кстати, не только в драках.

У многих хищных животных соблюдаются и другие моральные запреты, не только «не убий», но и вообще не трогай соперника, принявшего позу покорности, не трожь детенышей, не покушайся на чужую территорию, чужое гнездо, чужую самку, не нападай неожиданно или сзади, не отнимай пищу, не воруй ее. Мы воспроизводим этот список запретов из уже упомянутой статьи В. Р. Дольника.

Являются ли инстинктивными те же самые запреты у людей? Об этом пойдет особый разговор дальше. По-видимому, действительно, и нас ими снабдила природа, но все-таки, они у нас, увы, слабы по причине нашего происхождения от сравнительно слабо вооруженных существ.

Напомним по этому поводу уже процитированный стишок В. Хлебовича

Род ведем от обезьяны,
Краснозадой, узколобой.
От нее твои изъяны:
Жадность, зависть,
Секс и злоба.
Десять заповедей строже
Соблюдаются в природе,
Чем, поверьте, даже в самом
Христианнейшем народе!

И еще раз повторим (об этом говорилось уже в введении): чем слабее вооружение, которым данный вид снабдила природа, тем слабее и врожденные моральные запреты. Вот она наша беда, проклятая каинова печать!

Характерна в такой связи разница между, к примеру, вороном и «птицей мира» голубем. Голуби очень драчливы, но убивать друг друга им нечем. Их клювы слишком тупы и коротки. Если, однако, к клюву одного из голубей приклеить стоматологическим пластиком стальную иглу, он быстро научается использовать ее против других голубей и почем зря выкалывает глаза собратьям. Вон оно к чему приводит несоответствие между техническими средствами взаимоистребления и отсутствием внутреннего запрета, имеющегося у «хищных»: ворона, ястреба или волка. И милые зайцы, как отмечает в той же связи К. Лоренц дерутся совершенно безобразно. Заведи они, подобно нам, техническую цивилизацию, тоже небось, наделали бы делов!

Надеемся, теперь читатель уже подошел к пониманию одной из основных трагических закономерностей развития человечества. Дьявол, действительно, «постарался» снабдить интеллектом существа со сравнительно низкой видовой моралью. Яблоко, съеденное нашей прародительницей Евой, лучше бы уж досталось не нам, а кому-нибудь из «морально устойчивых товарищей» с более «приличными» хищными предками!

3.8. «Закон что дышло?»

Поговорка эта стара, сохранилась со времен лошадиного транспорта, дескать, «куда повернул, туда и вышло». Однако, нарушения морали даже теми, у кого она особенно строга, — явление еще более старое, куда старше рода человеческого.

Наблюдения показывают, что и высоконравственные хищники, нарушают врожденную мораль, если очень хочется кушать или вообще жизнь заставляет, либо данный индивид подтверждает своим «подлым» поведением другую тоже древнюю и вечно справедливую поговорку: «В семье не без урода». Житейские ситуации сложны, и абсолютная приверженность морали без учета обстоятельств, вероятно, обрекла бы любой вид на вымирание.

Животные из числа самых высокоморальных тоже, подобно людям, иногда и воруют чужое, и бьют слабого, и пожирают или умерщвляют детенышей своего вида, и, конечно уж, игнорируя позу покорности, беззастенчиво убивают своих соперников. Все бывает! При этом важно подчеркнуть, громадную роль играет как бы двойной характер моральных запретов для «своих» — членов своей семьи, стаи, соседей по территории — и «чужих», хотя и своего вида. У многих стайных хищников в отношении к собратьям по виду из чужой стаи решительно никакие моральные запреты не действуют.

Более или менее так обстоят дела, в частности, и у обезьян, сравнительно с человеком хорошо вооруженных видов: павианов с их мощными зубастыми челюстями, физически очень сильных и тоже клыкастых антропоидов: шимпанзе, горилл и др.

К тому же инстинктивные моральные запреты появляются отнюдь не сразу после рождения. У новорожденного детеныша их, как правило, нет и обезьяненок может стать весьма опасен своим сверстникам раньше, чем инстинкт запретит кусать в полную силу кого попало и где попало.

Все это, тем более, в полной мере относится и к нам, людям. Еще не умеющий говорить младенец со всех сил бьет мать по лицу, кусается, когда у него вырастают молочные зубы, царапается, пинается. Затем только постепенно эти действия замещаются угрожающими демонстрациями: криком, замахиваньем, топаньем ножкой.

Деление на «своих» и «чужих» тоже появляется задолго до научения речи. Младенцы, изолированные друг от друга хотя бы на несколько дней, уже взаимно-враждебны: хмурятся, топают ножкой, кричат, делают ручкой: «Прочь!» Далее с возрастом эта тенденция делить всех окружающих на «наших» и «чужих» по самым разным признакам (этнос, религия, культура, класс, родство, соседство, политические взгляды. отношение к алкоголю или к наркотикам и так далее, и т. п.) обычно только усиливается и усиливается. На этой программе нас, по словам В. Р. Дольника, ловят демагоги, натравливая на людей иного облика, класса, культуры, национальности, религии, взглядов.

В наши дни всякий мой соотечественник может ежедневно видеть по телевизору, как правы этологи, всегда утверждавшие, что разделение людей на «наших» и «не-наших» преступно, ибо снимает в человеке инстинктивные запреты не наносить ущерба ближнему, а освобожденный от них человек не просто, а изощренно жесток. Этологический смысл призыва Христа к всеобщей любви (в первую очередь, не «своих») в том, чтобы лишить врожденную программу материала для поиска чужих. К проблеме «свой»-«чужой» мы еще вернемся в 4.9.

3.9. Месть и зависть

Оба этих побудительных мотива агрессии свойственны отнюдь не только людям, но и многим высшим животным, у которых имеют ярко выраженный приспособительный смысл: полезны для вида.

Приведем для начала поясняющий пример даже не из области чистой этологии. Хищник схватил и попытался съесть жалящее, ядовитое или несъедобное животное — осу, жабу или отвратно пахнущего лесного клопа. Понятно, что при этом схваченная добыча, скорее всего, погибнет, будет раздавлена челюстями хищника. Спрашивается: каков же в таком случае смысл быть несъедобным или жалящим? Отвечаем: для погибшего индивида, разумеется, никакого, но для вида в целом — очень большой. Ведь у хищника есть память. А, значит, с первой-второй такой вот неприятной попытки он запомнит, что всех животных данного вида есть нельзя. Недаром для самых разных кусачих и несъедобных существ столь характерна очень яркая предупредительная окраска, облегчающая их распознавание и запоминание.

А вот уже чисто этологический пример. У Конрада Лоренца на чердаке его дома в Альтенберге жила большая колония галок, выращенных им и совершенно ручных. К Лоренцу они относились как к дружественному существу своего вида. Однако, если он

имел неосторожность взять одну из них в руки в присутствии остальных, взятая птица вела себя совершенно спокойно, но прочие поднимали страшный гвалт и принимались с налета клевать его руку, часто до крови. Затем отношения Лоренца со всей галочьей компанией надолго портились и стоило большого труда их снова восстановить. Дело в том, что у галок при этом срабатывала врожденная программа: Кто схватил нечто черное и мягкое размером с галку, (хотя бы черную тряпку, детали не важны), тому надолго впредь объявляется тотальная война как «пожирателю галок». Теперь уже, где только ни появится такой «пожиратель», галки, созывая друг друга злобным «металлическим» криком «грр, грр!», скопом бросаются в атаку, а, главное, так шумят, что у хищника портится вся охота. Аналогично мстят хищникам и другие врановые. Поэтому хищники запоминают: С этими черными птицами лучше не связываться. Съешь одну, а потом неприятностей не оберешься: придется менять место охоты.

Выходит, мстительность полезна для вида. Приносит она определенную пользу и отдельным генетическим линиям, которые внутри вида конкурируют между собой. Ведь и со своими собратьями по виду мстительные обязательно сводят счеты, что удерживает их от нанесения взаимного ущерба. Такое поведение тоже наблюдается у врановых птиц и не только у них. Например, весьма мстительны некоторые попугаи, а также хищники из семейства кошачьих.

Многие стайные обезьяны, в отличие от большинства прочих стайных млекопитающих, — необычайно мстительные твари. Мстят и чужим, и своим. В обоих случаях это — отсроченная агрессия на определенного врага, хорошо запоминаемого на очень длительный срок. В чем выражается обезьянья месть? Если объект ее — хищник, схвативший на глазах у стаи одну из обезьян, его коллективно преследуют, нередко принуждая бросить жертву, а в дальнейшем пытаются улучив момент, атаковать всей стаей и, главное, всегда начинают страшно шуметь, когда он появляется, мешая охоте. Конечно, хищники запоминают: «Лучше уж охотиться на мелких антилоп и других стадных копытных, которые при виде гибели собрата только отбегают подальше в сторону и снова щиплют травку».

Надеемся, читатель понимает, что здесь мы выражаем словесно решения хищника, который сам, конечно же обходится без всяких слов, запоминая «что к чему». И в отношениях между стаями обезьян одного и того же вида действует как сдерживающий фактор все тот же страх возмездия. Это проявляется, в частности, при межстайных территориальных конфликтах, приводящих к дракам.

Таким образом, имеются веские основания предполагать, что у людей мстительность — черта поведения, унаследованная от предков — стайных обезьян.

По В. Р. Дольнику, когда в глухой индийской деревушке вдруг появляется обнаглевший тигр-людоед, жители ведут себя, с европейской точки зрения, нелепо. Все они прячутся по своим хижинам и сидят там тихо как мыши. Тигр иногда осмеливается даже заглядывать в не застекленные окна таких хижин, выбирая себе добычу пожирней. Однако, едва тигр кого-нибудь действительно схватит, убьет да и потащит в укромное местечко, чтобы сожрать, жителей словно подменили. Все они выбегают из своих укрытий, кто, стуча в медный таз, кто с колотушкой, и крича благим матом, устремляются за медленно из-за тяжелой ноши удаляющимся зверем. В конце концов, перепуганный тигр очень часто бросает добычу и пускается наутек. При этом он, конечно, запоминает (срабатывает павловский условный рефлекс): «Человека хватать плохо. Потом не оберешься хлопот». В следующий раз тот же тигр, может быть, обойдет селение стороной.

А, если бы шум подняли до начала его охоты, разве не было бы лучше? Ведь никто бы в таком случае не погиб! С позиций европейской морали, несомненно, было бы лучше, но с эволюционно-этологической точки зрения, к сожалению, нет. Ведь тигр в таком случае убежал бы, лишь слегка раздосадованный. Такие афронты у него на охоте происходят очень часто, а посему ничегошеньки он бы не запомнил, снова и снова повторял бы свои набеги на деревню. Конечно, безграмотным индийским крестьянам все это невдомек. Они действуют

бессознательно, подчиняясь вековой традиции. А ту сформировала житейская практика. В деревнях, где жители, перетрусив, сидели тихо перед нападением тигра, а потом, когда погибал односельчанин, пересиливая страх, поднимали шум, уцелевало сравнительно больше людей.

Весьма возможно, что инстинктивную основу у человека имеет даже не только мстительность вообще, но и такая ее непривлекательная форма как вендетта: кровная месть за погибшего родственника, о которой много будет говориться далее. В племенах, где этот обычай постоянно практиковался, он становился важным сдерживающим фактором в межродовых и межплеменных отношениях. Так постепенно устанавливались определенные нормы этих отношений, конечно, постоянно нарушавшиеся, но не без опаски. Ведь каждый усваивал: Если соседи сильны, им нельзя вредить безнаказанно. К тому же возмездие может настигнуть не сразу, а через много лет. Поэтому небезопасен даже ныне слабый, а в будущем, возможно, сильный сосед.

Не исключено, что из мести развились древнейшие неписанные законы, а позже — своды их, записанные на каменных стелах и скрижалях, подушечках и пластинках из обожженной глины. Все древнейшие своды законов представляли собой, в значительной мере, перечни видов мести за разного рода зло, причиненное соседу-соплеменнику или неповиновение власть имущим. Например, такими перечнями изобилуют и ветхозаветные скрижальные заповеди, и знаменитые законы древневавилонского царя Хамураппи, и «Законы двенадцати таблиц», появившиеся в начальный период существования Римского города-государства.

Однако, следует подчеркнуть: каждый такой писанный свод законов представлял собой громадный шаг вперед по сравнению с обычаем кровной мести. Ведь любой пока известный древний писанный закон провозглашал для соплеменников принцип индивидуальной, а не коллективной ответственности! Коллективную вину, столь милую сердцу современных фюреров и демагогов, законодатели отвергали уже задолго до рождества Христова.

> 23. А, если будет вред, то отдай душу за душу.
> 24. Глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу.
> 25. Обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб.
> 26. Если кто раба своего ударил в глаз или служанку свою в глаз и повредит его; пусть отпустит их на волю за глаз.
> 27. И, если выбьет зуб рабу своему или рабе своей, пусть отпустит их на волю за зуб.
> 28. Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями, и мяса его не есть; а хозяин вола не виноват.
> 29. Но, если вол бодлив был и вчера, и третьего дня, и хозяин его, быв извещен о сем, не остерег его и он убил мужчину или женщину, то вола побить камнями, а хозяина его предать смерти.
>
> (Ветхий завет. Кн. «Исход», Гл.21.)

Во всех античных и средневековых городах на специально для того отведенных местах производились публичные казни и очень часто надолго выставляли для всеобщего обозрения трупы казненных. Это делалось для устрашения. В наши дни аналогичную функцию устрашения по идее призваны выполнять судебная хроника, репортажи из зала суда, но толку от этого, как все мы знаем, довольно-таки мало. Разгул безнаказанности часто чреват последствиями, не менее тяжкими, чем террор. Сознание потенциальным преступником безнаказанности, воистину «мать» большинства преступлений.

Поэтому показательно, что, например, древние греки весьма чтили свою богиню мести Немезиду…Лемносский бог тебя сковал для рук бессмертных Немезиды… У них же преступника преследовали и злобные духи мести-Эринии. В «Орестее» Эсхила эти «гневные птицы с сочащейся из глаз кровью» постоянно изводят Ореста после того как он, мстя за отца, убил свою мать. Трагедия Ореста как бы переинтерпретирована в «Гамлете».

Таким образом, месть, несомненно, относится к инстинктивным в своей основе поведенческим реакциям человека. Она, по-видимому, сыграла немаловажную роль в развитии нашего общества, его правовых норм, хотя любому современному правоведу такое наше утверждение, конечно, должно претить.

В то же время мстительность — один из самых отвратительных пороков, особенно, когда ему дают волю власть имущие.

Старый большевик Серебряков вспоминает, как однажды Сталин, обсуждая с товарищами, кто как представляет себе самый счастливый день, сказал: Я представляю его себе так: запланировать артистическую месть врагу, осуществить ее без промедления, пойти домой и спокойно завалиться спать.

Революционеры и террористы, на горе обществу, обычно ощущают себя мстителями. Одни горят жаждой мщения определенной этнической группе. Другие стремятся отомстить «эксплуататорским классам» за реальные и мнимые грехи. В обоих случаях замышляется огульная месть. За непреложную истину берется абсурдный принцип коллективной вины, тот же самый, что и при кровной мести. К возмездию призывают многие революционные песни:

Подняв знамена, ряды сплотили
И, шаг чеканя, идут штурмовики,
А в их шеренгах все, кого сразили
Реакционеры и большевики…
И, когда с ножа каплет кровь жида,
Это — благо, а не беда!..
(«Хорст Вессель», гимн нацистских штурмовых отрядов.)

Любовь к отечеству святая,
Дай мести властвовать душой.
Веди, свобода дорогая,
Своих защитников на бой…
(Марсельеза)
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
На нас все также Солнце станет
Сиять огнем своих лучей
(Интернационал)

Распаляя себя мстительным чувством, революционеры часто совершают страшные злодеяния, воображая, будто творят свои черные дела для блага общества.

Как это ни печально, но к инстинктивным, а потому извечным велениям человеческой души относятся, наряду с жаждой мести, также зависть и злорадство.

Зависть в сообществах и стаях высших животных — один из часто наблюдаемых мотивов агрессии, в частности, переадресованной.

Видел я также, что всякий труд и всякий успех порождает взаимную между людьми зависть. И это — суета и томление духа
(Ветхий завет. Екклезиаст. Гл. 4, стих 4.)

Ну, а яблочко в ответ:
«Ты красива, спору нет,
Но царевна всех милей,
Всех румяней и белей…»

Все знают: зависть вредна для здоровья, часто ведет к неврозам, стрессам. От зависти «сохнут» и «лопаются» — образные идиомы русского языка. Да и русские поговорки на ту же тему достаточно образны: Глаза завидущие, руки загребущие. Мужик радуется, если ему подарят корову, но еще больше его радует, если сдохнет корова соседа. В чужую гавань корабли да барки, а в нашу г… и палки.

Мерзкая черта человеческой личности. Презренный порок. Но не будь у этого порока каких-то положительных черт с эволюционно-этологической точки зрения, мы бы его просто не знали. Всех завистников из нашего общества давным-давно вымел бы в таком случае естественный отбор.

Какую же роль играет зависть в сообществах высших животных? На этот вопрос легко ответит всякий, у кого дома жили одновременно по несколько кошек или собак. Завистливый зверь, даже будучи очень сытым, не может спокойно видеть, что кто-то другой ест или пьет. Сразу же он устремляется к кормушке, оттирает всех остальных и спешит набить до предела свое и так уже полное брюхо. Скорей, скорей хватать, глотать, чтобы другим как можно меньше осталось! Еще! Еще! Еще! Булгаковский Полиграф Полиграфович Шариков, мечтавший все чужое разделить поровну, был как раз из таких, что вполне естественно для бродячей дворняги, вдруг повысившей свой ранг до невиданной высоты.

Какие же конкретные преимущества дает зависть конкурирующим между собою индивидам в едином сообществе? Кто энергичнее и расторопнее оттирает других от кормушки, у того больше шансов дожить до времени оставления потомства.

Наиболее выгодная стратегия для вида, как почти всегда, смешанная: иногда — крайний эгоизм: каждый против всех, иногда, наоборот, взаимовыручка, ибо в одиночку всем пропадать. К этой проблеме: «эгоизм-альтруизм» мы еще вернемся (3.12). Пока же ответим на более конкретный вопрос: к каким последствиям, в конечном счете, ведет зависть?

В коллективе животных одного вида она, разумеется, ведет не к уравниловке, а к тому, что сильные объедают слабых, причем все спешат. Иерархия, с которой связано такое неравенство, рассматривается в следующей (4) главе. И в человеческом обществе зависть толкает к тому же самому. За уравниловку ратуют, разумеется, только те, кто внизу. Однако, любое уравнительное распределение, как правило, ненадолго.

Все получается точь в точь как в «Скотской ферме» Дж. Оруэлла. Сперва после почти любой революции торжественно объявляется главный принцип: «Все равны». Вскоре, однако, выясняется, что некоторые «более равны, чем остальные» и все начинается сначала.

На белых крысах поставили такой эксперимент. Их рассадили попарно в клетки с двумя, разделенными сетчатой перегородкой отделениями: все, что ест сосед, видно, но перебраться к нему нельзя. Всех крыс кормили одинаково калорийной пищей, но некоторым при этом добавляли в рацион морковку, которую не получала сидевшая в той же клетке за перегородкой вторая крыса. Вскоре соседи крыс, получавших морковку, начали быстро тощать: «сохли от зависти». А их товарки, сосед которых не получал морковку, сохранили прежний вес!

Всякий, кто наблюдал за поведением обезьян в зоопарке, знает, до чего же это завистливые существа. Если обезьяна видит, что соседу за решеткой досталось лакомство, которое ей не дали, начинается подлинная трагедия. Тут и броски на решетку, и вопли, и умоляющие позы. Животюга и клянчит, и грозит, и мечется, пока сосед не доест свою порцию. Ну а как ведет себя при этом счастливчик-сосед? Наслаждается — это явно видно. Старается есть как можно медленнее, смакуя не столько еду, сколько именно душевные страдания обделенного собрата за решеткой.

Можно не сомневаться, что наши пращуры, бродившие по африканской саванне, были сверх завистливыми существами. Это было им необходимо, потому что в рацион их входили разного рода съедобные находки, в частности, как полагают в последнее время многие ученые, в том числе В.Р. Дольник, туши погибших животных, а также остатки пиршества хищников. Тут уж было не до джентльменства: «дам с детишками, стариков и инвалидов

просим без очереди». Ведь в любую секунду могли нагрянуть конкуренты своего же и чужого вида: грифы, гиеновые собаки, коршуны да и сам недообедавший хищник. Взять что-то про запас и унести было невозможно за отсутствием иной тары, кроме собственного брюха.

Наполеон как-то сказал: Что породило революцию? Честолюбие. Что положило ей конец? Тоже честолюбие. Перефразируем слегка.

Что порождает социальные революции? Зависть. Людей возмущает социальное неравенство. «Низы» хотят, чтобы не было богатых. «Всем все поровну». Что же кладет конец социальным революциям? А сами подумайте…

Зависть — мощнейший двигатель технического прогресса или, вернее, подстегивающего этот прогресс неуемного роста потребностей. Ах, у соседа наручный видео-телефон размером с электронные часы. Лопну, влезу в долги, но куплю такой же!!!

Как же конкретно проявляется при этом агрессия? Ответим отрывком из старой английской баллады в переводе С. Маршака.

Послушайте повесть минувших времен
О доблестном принце по имени Джон.
Судил он и правил с высокого трона,
Не ведая правил,
Не зная Закона.
Послушайте дальше:
Сосед его близкий
Был архиепископ Кентерберийский.
Он жил-поживал, не нуждаясь ни в чем,
И первым в народе прослыл богачом.
Но вот за богатство и громкую славу
Зовут его в Лондон
На суд и расправу.
Ведут его ночью к стене городской
В высокую башню над Темзой-рекой.
«Послушай, послушай, смиренный аббат,
Получше меня ты живешь, говорят.
Ты нашей короне презренный изменник,
Тебя мы лишаем богатства и денег….»

3.10. Поза подчинения и ее заменители в человеческом обществе

Итак, волк, моля о пощаде, подставляет противнику горло. У обезьян, например, у павианов и шимпанзе, позы подчинения совершенно иные. При одной из них они, пригибаясь к земле и повернувшись головой от противника, подставляют ему противоположную часть тела. Приблизительно такую же позу принимает у обезьян и самка перед готовым покрыть ее самцом. Для самца же эта поза — верх унижения. Другие позы: пасть ниц или пригнуть к земле голову и хвост.

Наши позы, по сути, точно те же, что и у прочих приматов, но, повернувшись лицом к победителю или, точнее, затылком к нему и лицом к земле. Руки при этом молитвенно сложены. На одном древнем (VII в. до н. э.) ассирийском барельефе царь демонстративно наступает ногой на плечо побежденному врагу, молящему о пощаде, простершись ниц, и прикасается копьем к его спине. На другом победитель треплет за волосы побежденного, стоящего на коленях, на третьем побежденные эламиты изъявляют покорность ассирийскому военачальнику: одни простерлись ниц, другие прильнули к земле, третьи стоят на коленях, раком или в молитвенной позе, распрямившись.

Поза покорности у человека, как и у прочих приматов, несомненно, врожденная, принимаемая инстинктивно. Это следует из того, что у народов всех рас, времен и

континентов она более или менее одинакова. Везде и всюду человек выражает разные степени покорности, склоняя голову, кланяясь все ниже и ниже, становясь на колени и, наконец, валяясь в ногах, иной раз еще и целуя ноги того, перед кем пресмыкается, или даже землю перед этими ногами, обнимая их. В таких позах часто проводили последние мгновения своей жизни приговоренные к смерти, умоляя их пощадить.

Вспомним, какую позу принимали русские простолюдины в присутствии царя в допетровские времена…

> Старики и старухи
> Перед ним повалились на брюхи.
> (А.К. Толстой «Поток-богатырь»).

Весьма вероятно, что на общей инстинктивной основе постепенно сформировались такие культурные наслоения как до малейших деталей разработанный, но все-таки сходный у разных народов и весьма, чего уж там говорить, курьезный придворный этикет. Всяческие позы, жесты, телодвижения, совершаемые при виде монарха, например, у древних египтян, вавилонян, хеттов, ацтеков и инков, византийцев, средневековых европейцев удивительно похожи между собой, хотя развились независимо от общего архетипа, вероятно, от общечеловеческой позы подчинения. Еще сравнительно недавно, например, во Франции при «Короле-Солнце» Людовике XIV об этикете писали длинные научные трактаты типа: «К вопросу о праве ношения головных уборов и зонтов в присутствии титулованных особ».

Естественно, что гордая, вызывающая поза — нечто противоположное позе подчинения: распрямившись, грудь колесом, взгляд — в глаза потенциальному противнику, плечи и руки — в позиции, свидетельствующей о готовности, при необходимости, вступить в единоборство (см. также 3.5).

Следует отметить, что «поза подчинения» вовсе не всегда обязательно «поза» в буквальном смысле этого слова.

Очень большое значение имеет мимика. В какой-то степени функцию агрессивной, угрожающей позы человека выполняет смех. Характерно, в литературе часто: «торжествующий смех», «нахальный смех», «ироническая усмешка», «гордый смех» и т. д, и тому подобное.

Напротив улыбка, скорее, аналог позы подчинения. Часто читаем у писателей: «жалкая улыбка», «заискивающая», «раболепная», «бессильная», «просительная», «вежливая», «предупредительная», «растерянная», хотя, правда, иной раз, и «самодовольная», «плутовская», «насмешливая», «ехидная». Одно выразительное движение и столько эпитетов! Они отражают реально существующие нюансы, которые внимательный наблюдатель легко может различить. В мимике обезьян много в этом отношении аналогий с нами, но их мускулатура лица подвижнее нашей и, в результате, мимика более выразительна. Понятно, почему для них это так важно: речи то ведь нет… «Улыбаться» умеют даже некоторые собаки. Так, у сибирских лаек края губ приподымаются как бы в «улыбке», когда животное ластится к хозяину и виляет хвостом.

В человеческом обществе существуют, как известно, и тысячи чисто человеческих способов простирания ниц перед вышестоящим.

Например, в былые века, да и до сих пор в армии громадную роль играли костюм и разного рода ритуализованные движения, явно не врожденные. Отчего пошла отдача чести? Перед вышестоящим поднимали забрало, открывая лицо. Рыцарских шлемов давно не носят, а жест сохранился!

Разным сословиям полагался разный костюм. Попробовал бы только недворянин нацепить на себя шпагу, чулки, парик, перчатки и прочее, вздернули бы или, может, заслали на королевские галеры в более либеральные времена. Могли и публично высечь.

Когда в 63 году до нашей эры Цицерон разоблачил заговор Катилины, первое, что сделали обвиненные сенаторы, это помчались домой и переоделись в скромненькие костюмы, «приличествующие их положению». Не помогло. Все равно казнили! О. Времена!

О, нравы!

Мы еще к этому вопросу вернемся в связи с социальным поведением!

А вот еще два примера:

Типичный эпизод из жизни большого академического института в годы застоя. Общежитие аспирантов. Трудяги-аспиранты из Средней Азии ночь напролет готовят плов для профессора. Проверяют каждое зернышко, сидя с пинцетами. Глядя в лупу, извлекают камешки: «у шефа больные зубы».

Тот же Дом аспирантов и студентов, но времен пост-перестроечных, наших. В комнату шикарно и модно одетого молодого парня входит далеко не молодой человек с аккуратно перевязанной папкой в руках.

— Извини, — долго оправдывается он перед смуглокожим хозяином комнаты, — не смог дописать «выводы» и «заключение». Понимаешь, в командировке был. Но к предзащите у тебя будет абсолютно все.

Наверное, искушенный читатель уже догадался: молодой человек — иноземный аспирант, способный оплатить услуги в СКВ, а пожилой — доктор наук, его руководитель.

Француз Жак Шаброль описывает современные японские нравы: Встретились выше- и нижестоящий по служебному положению. Затевается беседа. Нижестоящий:

— Как поживает ваша красавица-супруга?

— А ваша как?

— Спасибо, моя уродина здорова…

— А чем вы занимаетесь сегодня? — нисходит до вопроса начальник.

— Так, ерундой… — далее точный ответ.

А чего стоят наши и не наши былые и нынешние: Ваша светлость, Ваше высокопревосходительство, Ваше превосходительство, Ваше благородие и так далее. В русском языке был еще и, слава Богу, сплыл наш знаменитый «словоеръ»:

— Эй, человек, принеси водку и икорочки на закуску.

— Будет-с исполнено-с, Ваше Вашество.

— А еще цыган кликни.

— Как прикажете-с, Ваше Вашество.

Островский, Лесков, Достоевский, Салтыков-Щедрин, — вся русская литература второй половины XIX века — сплошные «словоеры»: «Как-с? Чего угодно-с? Не могу знать-с». На таком языке-с тогда изъяснялись с «превосходительствами» разные всякие «униженные и оскорбленные». Особливо же лакеям этот язык был «люб-с».

3.11. Есть такая наука — виктимология

Ее отношение к этологии самое что ни на есть непосредственное. Она изучает проблему взаимоотношений преступника и жертвы. В связи с врожденным характером позы подчинения у человека криминалисты заметили: разбойное нападение часто провоцирует, не подозревая об этом, сама жертва. Для этого, оказывается, достаточно одеть на себя что-нибудь яркое, модное, привлекающее внимание, хотя бы на мгновение взглянуть в глаза потенциальному преступнику или демонстративно пройти мимо него, выпрямив спину, да еще по-геройски выпятив колесом грудь.

Даже кратковременное ускорение или замедление шага: признак, что вы обратили внимание на подозрительную личность, ничего хорошего не сулит.

В чем причина? Да в том, что все это вместе или порознь инстинктивно воспринимается как вызов самца самцу, сигнал, что человек «вторгшийся на чужую территорию» (о территориальной агрессии см. дальше) может и готов за себя постоять или напротив, испугался. Немедленно из плохо освещенной подворотни раздается угрожающее:

— Папаша, дай прикурить…

В следующий момент можно ожидать удара или выстрела.

Виктимологи утверждают: преступление часто бывает продуктом как бы тайного

«соглашения» между преступником и его потенциальной жертвой. Сотня людей пройдет мимо проклятой подворотни, даже и не заметив стоящих в ней на стреме подонков (или сделав вид что не заметили). Сто первый же, на свою беду, к примеру, примется их с любопытством разглядывать или перепугается и побежит, гордо выпрямится и продемонстрирует бицепсы.

Совет этологов: когда приходится посещать явно криминогенный район, старайтесь выглядеть и вести себя так, чтобы ничем не привлечь к себе внимание: ни одеждой и прической, ни позой, ни жестами либо взглядами по сторонам, в лица и глаза прохожих. Старайтесь уйти как можно быстрее, но не бегите. Делайте вид, что просто спешите, например, опаздываете на транспорт. Даже на агрессивных собак действует тот же прием. Демонстрируйте полное отсутствие интереса, нарочито смотрите в сторону, не реагируйте на гневный окрик или лай. Притворяйтесь, что не поняли, к вам ли обратились.

По наблюдениям западной полиции, лучше всего идти со средней скоростью, не слишком сутулясь и расправив плечи, но и, Боже упаси, без всяких нарочитых демонстраций силы и спортивной подготовки. Главное же: смотрите куда угодно, но только, еще раз повторим, не в глаза постороннему человеку. Это особенно относится к женщинам!

Если же, тем не менее, вам взглянут в лицо и заговорят, держитесь раскованно и доброжелательно, улыбайтесь, но не угодливо, и отвечайте на вопросы спокойно, как ни в чем не бывало, старайтесь ничем не выдать свой испуг или, тем более, готовность к обороне, если рука сжимает в кармане газовый баллончик либо пистолет. Помните: вынутое оружие должно быть пущено в ход немедленно, в доли секунды и без промаха бить в цель. Известно, что многие были убиты своим же собственным оборонительным оружием, мгновенно вырванным преступником из рук нерешительной жертвы.

В то же время очень часто люди, наслышанные о разгуле преступности и впавшие в состояние паники, пускают в ход оружие против ни в чем не повинного прохожего, показавшегося им подозрительным. Поэтому каждому рекомендуем решить для себя вопрос: уверены ли вы сами, что, обзаведясь оружием, сумеете его с толком использовать для самозащиты в случае крайней необходимости, своевременно распознаете этот случай и наверняка воздержитесь от превышения средств необходимой самообороны?

3.12. «Не убий» — инстинкт или продукт воспитания?

Всем известно, что библейскую заповедь «не убий» вечно нарушали. Таким образом, не ясно: существует ли у человека врожденное отвращение к истреблению и пожиранию себе подобных?

У некоторых хищных животных, в том числе у низших беспозвоночных, например, у всем известной из школьного учебника пресноводной гидры, наблюдается врожденное отвращение к каннибализму, или вернее, есть физиологический механизм, запрещающий его. У человека, к сожалению, ничего подобного нет, а, если и существует, то выражено очень слабо, в зачаточной степени.

Кто не знает, что кое-где на тихоокеанских островах, по берегам Карибского моря и в Африке еще совсем недавно процветало людоедство?. Жрали человечину почем зря. Как же: Хотели кока, а съели Кука… Император Бокасса, да и у нас пара судебных процессов в последние годы. Надпись на воротах храма XI века нашей эры острова Хиос: Я — Изида, богиня всей Вселенной… Вместе с моим братом Осирисом мы остановили людоедство…

Тем не менее, по видимому, врожденное отвращение к убийству себе подобных при встрече лицом к лицу, особенно, если враг умоляет о пощаде, все-таки хранится где-то в «закоулках» человеческого подсознания

Ну, а как у наших братьев обезьян?

Они очень часто и жестоко дерутся, но при этом редко калечат или убивают друг друга. В ход в основном, идут руки, а не зубы. То же было, у наших далеких обезьяноподобных предков, пока кто-то из дерущихся не изловчился огреть своего соперника берцовой костью

антилопы по «кумполу». Так появился «Каин» и было положено начало «научно-техническому прогрессу». Кость и палка, грубо сработанное кремневое рубило, копье, кожаный щит, лук и стрелы, медный меч, бронзовые доспехи, оружие из стали, бомбарда, мушкетон, бомбардировщики, биологическое и ядерное оружие. Темпы органической эволюции не идут ни в какое сравнение с пресловутым прогрессом, который неимоверно опередил нравственное развитие людей. Мы этот вопрос уже обсуждали.

Выдвинута только что нами уже упомянутая гипотеза, согласно которой обезьянолюди в определенный период эволюции, когда они спустились с деревьев, начали ходить на двух ногах, стали надолго не столько каннибалами, сколько пожирателями падали, подобно гиенам, шакалам и кондорам. С питанием падалью связывают облысение тела человека — признак, действительно типичный для многих трупоядных животных. Однако, эту гипотезу возможно опровергает, например, явно врожденное отвращение подавляющего большинства людей к запаху падали. Тема для обсуждения, признаться, не из приятных даже биологам, авторам этих строк. Мы предпочитаем оставить ее специалистам.

К. Лоренц считает, что врожденное «не убий» все-таки существует, но очень часто не удерживает человека от убийства — жестокая расплата за то, что нашими предками были такие сварливые и не особенно хорошо вооруженные существа как обезьяны.

Три фактора, по-видимому, помогают человеку преодолеть врожденное отвращение к виду агонии и смерти себе подобных, содрогание, возникающее все-таки где-то в глубине души при нанесении смертельного удара или даже причинении боли другому человеческому существу. Это:

1. Сила примера, или тем более, приказа. То и другое чаще всего снимает всякое чувство личной ответственности. В нашем подсознании постоянно таится стремление кому-то подражать, унаследованное от стайных предков. Голос совести, если в таких ситуациях и просыпается, то, чаще всего, с громадным опозданием. Реакция на приказ «коли» или «пли!» срабатывает куда быстрей. А. Гитлер в свое время писал: В составе роты или батальона любой человек чувствует себя немножко защищенным, хотя тысячи причин свидетельствуют против этого.

Человек, марширующий в боевой колонне, надежно забронирован от укоров собственной совести. И в Петербурге в Кровавое воскресенье 1905 года, и во время Ленского расстрела 1912 г., и в Вильнюсе у Телецентра в 1991 году, и в 1993 г. у Белого дома солдаты, конечно, ничем не рискуя, могли подчиниться приказу «пли!», но стрелять мимо. Куда там! Они, наоборот, очень тщательно целились в не сделавших им ничего дурного безоружных людей!

Многие, по-видимому, недооценивают ужасающее действие силы примера в связи с постоянной демонстрацией сцен убийства и насилия в кино, по телевизору; смакованием этих сцен в прессе и детективной литературе. По такому поводу процитируем стихотворение С. Маршака:

Был у Джека строгий папа.
Вынул книжки он из шкапа.
Затопил большую печь
И давай романы жечь.
Сжег он книжек полтораста:
Мопассана, Скотта, Фаста,
И оставил на полу
От Золя одну золу.
Сжег он всю библиотеку
Но оставил сыну Джеку
Сто журнальных номеров
Про убийц и про воров.
Сорок книжек о бандитах,
О пиратах знаменитых…
Сын прочел их до конца,

А потом убил отца,
Мать зарезал, дядю с теткой,
И остался он сироткой.

2. Привычка. Многие ветераны войны с ужасом вспоминают именно первого убитого ими врага, особенно, если для убийства пришлось использовать холодное оружие. Кто не помнит ужас Григория Мелехова из шолоховского «Тихого Дона» при виде первого зарубленного врага?

Мальчик Нерон, в будущем прославившийся жестокостью римский император, горько расплакался, увидев в цирке как погиб возница. Этот плач возмутил наставника Сенеку: «Было бы из-за чего!» Подписывая первый в своей жизни смертный приговор, Нерон поморщился: «Лучше бы я не умел писать!» Через короткий срок Нерон велел казнить или убить исподтишка тысячи людей, включая почти всех своих родственников и близких друзей, даже собственную мать! Сенеке было велено покончить жизнь самоубийством.

3. Инстинкт самосохранения, желание отомстить и альтруистическое чувство. И солдат, стрелявший в гитлеровских оккупантов, и тот, кто пришел на помощь жертве насилия, убил бандита, и мститель, поднявший руку на убийцу своих родных и близких, едва ли когда-либо почувствуют укоры совести. Эта нравственная проблема не нуждается в особом обсуждении.

В русском языке, слава Богу, нет даже особого слова, обозначающего такое извращение человеческой психики как убийство для собственного удовольствия, по-немецки «люстморд». В палеоазиатских языках народов крайнего Севера и Дальневосточья, нет, впрочем, и особого слова, обозначающего человекоубийство. Чукчи говорят: «Я тебя убью как нерпу» («принерплю»), — явное свидетельство того, что у этого народа существовал до контакта с белыми строжайший, возможно, инстинктивный запрет на убийство себе подобных.

Да, кстати, еще пару слов о воронах. Экспериментально доказано: и ворон ворону все-таки непрочь выклевать глаз, если накормлен хлебом, размоченным в этиловом спирту, то есть, попросту, приведен в состояние подпития. Если даже и высоконравственные птицы в пьяном виде столь опасны друг для друга, чего ждать от пьяных особей нашего вида?

Частенько приходится слышать: «убил спьяну, а, следовательно, ни в чем не виноват».

Однако мы отвлеклись. Итак, у способных на убийство животных оно предотвращается видом жертвы в позе подчинения. Как же обстоят в этом отношении дела у людей? Вспомним еще раз простершихся ниц и униженно, но тщетно молящих о пощаде пленников на древнеассирийских и вавилонских барельефах, фресках древних египтян и ацтеков. Рабская поза у всех рас и народов, как уже говорилось, одинакова. Смотреть на нее и страшно, и противно, причем, мало ведь помогало и тогда, до нашей эры, и недавно, на краю чекистских расстрельных ям, и у порога гитлеровских газовых камер.

Эффективность рабских поз у человека ничтожна. И все-таки, убивать тысячи «врагов» нажатием кнопки, не видя их, издалека, куда как проще, чем проткнуть хотя бы одного противника копьем, глядя прямо в глаза.

Так у Пелида сверкало копье изощренное,
Коим в правой руке потрясал он,
На Гектора жизнь помышляя…

Наполеон в дни похода Эльба-бухта Жуан-Париж, расстегнул сюртук со словами:

— Стреляйте в своего императора!

Точно таким же театральным жестом некоторые наши воры в законе спасали жизнь от расстрела. Обнажали грудь, а на ней вытатуирован портрет Сталина! Юлию Цезарю «и ты Брут», как известно, не помогло. Многие подставляли, кто грудь, кто горло как побежденный волк. Горло, например, подставил Цицерон, но ни в данном случае, ни в 99 % других аналогичных толку, к сожалению, не было никакого.

Увы, мы не волки. Как писал поэт О. Мандельштам: Мне на шею бросается век-

волкодав, но не волк я по крови своей. Эх, право же, лучше бы быть нам цивилизованными потомками волков, воронов, а то и галок: у них, по утверждению К. Лоренца, особенно высока внутривидовая этика, хотя ведь не хищники!.

3.13. «Гены порядочности» и «гены альтруизма»

Из антиутопии Ю. Даниеля «Говорит Москва», когда-то прочитанной многими москвичами в Самиздате:

> Нет, ты не прав, Алкиной.
> Есть бесконечность в природе.
> Служат примером тому
> Глупость и подлость людей.

Можно бы согласиться, если бы было с кем сравнивать из числа таких же мыслящих существ «аки мы, грешные». А так это — один из бесчисленных примеров нашей человеческой самокритичности:

> С тех пор, как Высший судия дал мне всевиденье пророка,
> В сердцах людей читаю я страницы злобы и порока…
> …Кто жил и мыслил, тот не может
> В душе не презирать людей…

С какой нравственной позиции человек берется осуждать всех себе подобных за эгоизм и жестокосердие? А кто же он сам в таком случае?

А судьи кто?… Кто без греха, кинь в нее камень… Не судите и не судимы будете… Пожалуй, мы так и не выберемся из потока противоречивых цитат, пытаясь извлечь из кладезей человеческой мудрости ответ на простецкий вроде бы, вопрос: мы злые или добрые? И еще вопрос: а кем быть лучше — человеколюбцем или злодеем? Похоже, природа, у нас не спросясь, распорядилась нами сама и за нас придумала ответ на эти вопросы.

Если бы злодейство всегда вознаграждалось чадообилием, (то есть, говоря по современному, влекло за собой оставление более многочисленного потомства), на земле не было бы ни одного мало-мальски порядочного человека. Исчезло бы само понятие порядочность: для него не было бы эталонов. Точно то же, однако, относится и к высоконравственному альтруистическому поведению.

Сам факт существования злодеев — доказательство: естественный отбор не действует, увы, по принципу «сорную траву из поля вон». В каждом следующем поколении снова появляются святые и негодяи. Почему в человеческом генофонде не произошел сдвиг в пользу добрых и высоконравственных людей? Что этому мешает?

Наши эмоции носят врожденный характер. Их переделать трудно или невозможно. Они формировались в процессе эволюции многие миллионы лет, под влиянием естественного отбора в условиях, не имеющих даже отдаленного сходства с теперешним образом жизни. Не потому ли культура, религия и связанные с нею нравственные запреты: современные философские учения, проповедующие гуманизм и терпимость, не помешали появлению в XX веке Бухенвальда, Бабьего яра, Катыни, Куропат и Хиросимы; не послужили помехой ни Гитлеру, ни Сталину, ни Пол-Поту? И все-таки, с другой стороны; разве не бесчисленны примеры самоотверженности, самопожертвования, великого альтруизма, добровольной мучительной смерти «за други своя» и за все человечество?

Как увязать одно с другим? Каким образом на одном и том же континенте могли жить Гиммлер или Ежов и Ян Корчак, Альберт Швейцер, мать Тереза? Почему в карательных отрядах то и дело появлялся «парень, который не стрелял?»

Одного такого вспоминают в Югославии. В годы войны во время массового расстрела

заложников сыскался эсэсовец, который отказался стрелять и демонстративно бросил винтовку, за что его самого тут же прикончили. В Тбилиси 9 апреля 1989 года один из спецназовцев отказался рубить головы женщинам саперной лопаткой и даже помогал выносить раненых из оцепления. Примеров такого поведения не счесть в истории любого народа. Точно так же как и примеров полной бесчувственности, холодной жестокости.

Несомненно, чувство сострадания неоднократно выражено у разных людей и эти громадные различия невозможно объяснить лишь воспитанием. Порой в одной и той же семье вырастают и святые, и изверги. Вспомним, к примеру, «Братьев Карамазовых». Правда, статистика показывает: если один из однояйцевых близнецов преступник, то и второй, чаще всего, тоже.

Академик Н.И. Вавилов полушутя говорил о генах порядочности. Советский генетик В. П. Эфроимсон на полном серьезе полагал, что существуют гены альтруизма.

Конечно, в применении к людям это пока не более, чем предположение, обоснованное кое-какими логическими доводами. Но вот на крысах в Московском Институте высшей нервной деятельности академик В. П. Симонов с соавторами поставил следующие очень интересные эксперименты. Если во время еды крыса, касаясь мордой кормушки, включает цепь электрического тока, причиняющего боль другому животному за решетчатой перегородкой, разные крысы поступают по-разному. Подавляющее большинство просто не реагируют. Отчаянный писк товарки за перегородкой ни в малейшей степени не портит им аппетита, хотя все знают, что крысы достаточно эмоциональны.

Некоторые из этих крыс-эгоисток перестают прикасаться к кормушке после того как хоть раз побудут за перегородкой и на собственной шкуре испытают действие электрического тока. Их можно назвать исправимыми эгоистами, в отличие от эгоистов неисправимых, продолжающих пользоваться кормушкой и после электропытки за перегородкой. В то же время некоторые крысы сразу же и окончательно отказываются от еды, как только замечают, что каждое их прикосновение к кормушке причиняет невыносимые муки другой крысе. Это альтруисты от рождения. Их процент всегда невелик, но они обязательно есть, наряду с исправимыми и неисправимыми эгоистами. Возможно, такое смешение эгоистов и альтруистов из поколения в поколение поддерживается естественным отбором как выгодное виду. В социобиологии, родственной этологии науке, это явление называют отбором родичей.

В одних экстремальных условиях выживают эгоист, в других, напротив, альтруисты, так что гены обоих типов сохраняются «на разводку». В суровых условиях люди, в среднем лучше.

Те из читателей, кто читал замечательный рассказ Чингиза Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря», повести Ю. Рытхеу, Записки Д. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края», вероятно согласится с нами: удивительно высокой степенью альтруизма до прихода белых отличались народы Дальневосточья и крайнего Севера. В чем вероятные причины?

В суровых условиях человек выживает только благодаря взаимовыручке. Без «генов альтруизма» там не просуществуешь.

Морган, герой романа Э. Хемингуэя «Иметь или не иметь», умирая от пулевого ранения в живот, бормотал… «только вместе… В одиночку ни черта нельзя». Он это поздно понял.

Человеческие границы добра и зла не определить в одной книге. На это и всей мировой художественной литературы не хватит. Непостижимые мы существа и с этим фактом нам приходится мириться. Так, в начале этой книги приводится типичный пример альтруистического отношения к животным. Между прочим, известно немало людей, способных испытывать чувство сострадания только по отношению к «бессловесным тварям». Наполеон Бонапарт, безжалостный завоеватель, говорил: Чем лучше я узнаю людей, тем больше люблю собак. А. Гитлер был убежденным вегетарианцем и питал горячую привязанность к своей овчарке Блонди, вообще очень любил животных.

Да не усмотрят читатели в этих строках желание бросить тень на лучшего друга

человека. Просто к слову пришлось. Тем более, что заменители людей в качестве объектов альтруистического или даже материнского чувства весьма разнообразны. Подчас это даже кактусы и греха в том нет. Главное вести себя по-человечески по отношению к себе подобным.

Между прочим, психологи утверждают: кто жесток с животными, тот жесток и с людьми. У гитлеровцев в эсэсовских спецчастях было даже практическое занятие "выбей глаза любимой собаке". Так, во всяком случае, писали французские газеты после войны и очень похоже на правду. Полагаем, «друг животных» Гитлер об этом просто не знал.

И все-таки, говоря об альтруизме, мы, пожалуй, слишком выдвинули на первый план чисто человеческие аспекты альтруистического поведения. Этим незаслуженно маскируется его биологическая основа.

Случаи, когда одни биологические индивиды рискуют или даже всегда в обязательном порядке жертвуют жизнью ради выживания других отмечаются даже у низших организмов. Только тогда это уже не «случаи», а закономерность.

Так, у слизевых грибов диктиостелиум, маленьких амебовидных одноклеточных существ, ползающих по гнилой древесине или навозу, голод вызывает сползание и слияние в многоклеточное плодовое тело, в котором образуются споры. Часть клеток принимают на себя функцию застрельщиков всего процесса, испуская ритмически химические сигналы, которыми привлекаются прочие клетки. Те тоже, подражательно, принимаются испускать такие же сигналы. Когда начинает строиться тело гриба, клетки образующие его ножку, обречены на отмирание.

У очень многих животных, например, у дальневосточных лососей — кеты, горбуши — родители погибают после размножения, но предварительно обеспечивают потомство всем необходимым для выживания. Например, лососи воздвигают над отложенной икрой курганчик из гравия.

У многих певчих птиц, гнездящихся в кустах или на земле, самка, прикидываясь раненой или больной, отвлекает хищника от гнезда. Она прыгает по земле, волоча крыло, словно оно поломано, а потом неожиданно взлетает. Таких примеров масса, но в них, пожалуй, все-таки, слишком мало сходства с нашим альтруистическим поведением. То же, вероятно, можно сказать, о жертвенной защите своей колонии неразмножающихся особями общественных насекомых: пчел, муравьев и термитов. В межколониальных внутривидовых «войнах» у муравьев сражающиеся особи обеих колоний «не ведают страха» и гибнут массами, но параллель с человеческими солдатами здесь не слишком уместна. Сражаются и гибнут роботоподобные существа, по-видимому, лишенные наших эмоций.

Совсем иное дело социальное поведение млекопитающих, особенно обезьян.

Английский зоопсихолог С. Паркер наблюдал, как у павианов-анубисов самцы объединяют усилия, чтобы отбить самку у другого самца, стоящего их выше по рангу. Тот никого не подпускает, но один из стакнувшихся самцов вдруг отвлекает его — вызывает на поединок. Второй же в это время «развлекается» с самкой без особых помех! Долг платежом красен и в следующий раз «дон-жуаны» уже меняются ролями. Тот, кто в прошлый раз развлекался, теперь уже затевает отвлекающую драку. Особи, отлынивающие от таких дружеских услуг, в свою очередь, не могут рассчитывать на чужую помощь. Отметим: и у дона Жуана для подобных целей использовался напарник — Лепорелло.

У некоторых млекопитающих и птиц, например, у соек, молодые самки, еще не имеющие брачной пары, помогают выкармливать чужих птенцов.

Может быть, кто-нибудь из читателей помнит «Братскую ГЭС» Е. Евтушенко:

Булгарин в дом спешил с морозцу
И сразу к новому доносцу
На частных лиц и на печать.
Живописал не без полета,
Решив, что сущность патриота:
Как заяц лапами: стучать…

Откуда же «стукач», «стучать»? У зайцев это очень рискованная форма альтруистического поведения. Завидев хищника, перепуганный заяц стучит по земле передними лапами, предупреждая об опасности других зайцев, а только потом бросается бежать. Конечно, это поведение совершенно инстинктивное. Так же как инстинктивной является взаимовыручка стайных хищников, таких как, например, волки или славящиеся своим альтруизмом гиеновые собаки.

Зачем мы привели эти примеры? Чтобы напомнить читателю. Мы, хоть и «цари природы», но все-таки — ее часть. Все живое подчиняется общему принципу: индивиды — «хранители» популяционного генофонда и главная их, «высшая цель» — сберечь наследственную информацию, обеспечить существование следующих поколений. Если ценой гибели части индивидов повышается шанс оставления потомства уцелевшими, жертвенная смерть соответствует закону природы. Альтруистическое поведение — продукт естественного отбора. Те, у кого оно отсутствовало, имели меньше шансов передать свою наследственную информацию потомкам.

В одних ситуациях альтруизм отдельных особей выгоден их сообществу как целому, а в других — нет. Естественный отбор на протяжении миллионов лет «тщательно взвесил» эти ситуации в нашем до человеческом прошлом. Ныне мы пожинаем плоды эволюционного процесса.

Многое в нашем инстинктивном поведении нас как мыслящие существа очень не устраивает, но что же с этим поделаешь?

Не будем повторяться. Инстинктивное и навязанное воспитанием, цивилизацией слишком перепуталось в наших душах. Это узел, который не разрубишь, а также — тема для отдельной книги, и не одной.

Глава 4. Иерархия и конфликты в коллективе

4.1. Иерархия в коллективе у животных и людей

Наблюдения за самыми разными животными, живущими оседлой группой или кочующими небольшой стаей, в которой все «лично» знакомы, выявили одну общую и чрезвычайно важную закономерность. В разных драках или стычках, иногда очень мелких, даже едва заметных, со временем устанавливается иерархия страха. Особь «А», например, пугает особи «Б», «В» и «Г», которые предпочитают ей уступать во всем. В то же время особи «В» и «Г» избегают конфликтов с «Б» и так далее.

Серьезные драки, если вначале и были, вскоре сходят на нет. Отношения уже более или менее выяснены на какое-то время, по крайней мере. Варианты бывают разные. Простейший — так называемое линейное доминирование. Каждый индивид кого-то боится, а над кем-то нахальничает по ранжиру: «А», «Б», «В», «Г» и так далее. Более сложные варианты — разного рода «треугольники» и т. п. типа «А» тиранит «Б» и «В», но побаивается «Г», который, однако, боится и «Б», и «В».

Подмечена и еще одна закономерность. Иерархию гораздо острее ощущают и соблюдают именно подчиненные особи (их называют «субдоминантами»), чем «доминанты». Доминант, иной раз, как бы и не замечает своего доминирующего положения. Он просто делает, что хочет, а прочие всячески его сторонятся и чем ниже ранг индивида в иерархической системе, тем больше ему приходится помнить, от кого следует держаться подальше, чтобы не нарваться на взбучку.

У очень многих животных нашли иерархию. В их числе оказались некоторые крабы и раки-отшельники, сверчки, многие виды не стайных рыб, селящихся, однако, группами, птицы (например, у цыплят она появляется очень рано); суслики и сурки, мыши, волки и сбивающиеся в стаи бродячие собаки, обезьяны, подавляющее большинство из видов, ну, и

конечно, не составляем исключения мы, люди.

Вспомним двор, на котором играли в детстве. Наверное, был там какой-нибудь свой местный лидер и была какая-нибудь иерархия, хотя самого этого слова мы тогда не знали. Итак, иерархия, в основном, проявляется у животных, живущих небольшими постоянными по своему составу группами, в которых все хорошо знают друг друга, и основывается грубо говоря, на кулачном праве.

Такие группы могут занимать определенную территорию сообща, защищать ее от членов других аналогичных группировок (волки, многие обезьяны) или же, реже, — вести бродячий образ жизни (наши городские бродячие собаки, некоторые копытные).

В больших и далеко мигрирующих (на месте не прокормишься) стаях ранговые различия стираются: отдельные особи то и дело перемешиваются между собой, плывут, летят в соседстве с «кем попало». Такое положение не исключает ситуативного лидера (стаи некоторых рыб, клин журавлей и др.). Территориальное поведение в таких стаях, конечно, полностью отсутствует: сегодня они в одном месте, завтра в другом.

Иерархически организованную группу либо стаю часто возглавляет один доминантный вожак. В стаях и группах бой идет иногда не только за положение вожака, но существует еще и иерархия: подразделение на «высших» и «низших». Важная закономерность: у многих животных — стайных птиц, обезьян, копытных — лидер вовсе не самая «отважная» особь, а, скорее, наоборот, в реакциях на внешнюю угрозу самая пугливая. «Смелость» проявляется только в столкновениях с другими индивидами своего же стада, раболепствующими перед вожаком.

Одним словом, картина ранговых отношений в группах и стадах часто бывает очень сложной. В частности, у обезьян иерархия может проявляться по-разному в еде, ее распределении, а также в доступности самок самцам, в уступании места, при взаимной чистке шерсти (так называемой груминг), в позах подчинения и даже в гомосексуальных случках. Ранговые соотношения по разным таким показателям совершенно неоднозначны. Так, в среде молодых самцов павианов гамадрилов доминантный статус устанавливается постепенно в ряду стычек по мере группирования родичей в семьи, кланы. При этом первоочередность взятия пищи не всегда совпадает с первоочередностью, например, в уступании места или во взаимной чистке шерсти и кожи.

У мартышек самый агрессивный самец в сексуальном отношении сильно уступает второму по рангу. Тот тратит сравнительно меньше времени на стычки и измывательства над низшими индивидами!

У некоторых животных как бы два вожака: один самый агрессивный и в то же время лидер в таких ситуациях как защита от хищников или движение к водопою. Другой, напротив, самый пугливый и предупреждающий стадо о надвигающейся опасности. У антилоп гну впереди стада, обычно, старая опытная самка. Но и самый последний, лучше всех защищенный индивид, занимает эту позицию отнюдь не случайно. Он следит за обстановкой и при бегстве может оказаться первым.

Отечественный исследователь А. М. Чирков с соавторами считает, что самая простая ситуация: один вожак и раболепные подданные (так называемое деспотическое доминирование) довольно редка. Чаще отношения более запутанны: стаю тиранят лидер-вожак и несколько приближенных к нему обезьян. Внутри элитной группы идет своя, внутренняя борьба за первое, второе и так далее места.

Аналогия с человеческим обществом здесь достаточно прозрачна. Во многих человеческих коллективах в самом низу «подонки», «плебеи». Выше — средняя прослойка. Над нею — «элитная верхушка». В той последней — лидер-вожак: директор, ректор, генерал, президент. Драка за его и прочие теплые местечки постоянно идет внутри верхушки. Эту иерархию в окарикатуренном, а потому особенно наглядном виде отображает «1984» — антиутопия Дж. Оруэлла. Наверху «Большой брат», возможно мифическая личность. Ниже «внутренняя партия», она же «Министерство любви». Еще ниже просто партия Ангсоц. Наконец, в самом низу «пролы», рабочий класс, о котором партократы в

своем кругу, подмигивая друг другу, говорят: «у нас в стране пролы и животные свободны».

В.Р. Дольник в своей уже неоднократно упоминавшейся нами статье приводит такие варианты иерархии в человеческом обществе.

1. Подростковая. Она устанавливается в каждом классе, каждом дворе и очень часто ведет к образованию молодежных преступных банд. Попробуй, не подчинись лидеру молодежной группы. Могут избить, покалечить, устроить «темную», затравить. В плохих детских домах и школах педагоги входят в тайный контакт с молодежными лидерами и через них управляют коллективом. Увы, но наш великий воспитатель Макаренко весьма благосклонно относился к этой иерархии и воспел ее в своей «Педагогической поэме».

2. Неофициальная иерархия в армии — всем известная «дедовщина». В разложившейся армии негласная иерархия проявляется в бессмысленном насилии «высшие» — «деды» всячески измываются над «низшими» — «салагами». Командиры часто вступают в тайный сговор с неофициальными лидерами, что превращает военную службу в настоящий ад для подавляющего большинства солдат.

3. Иерархия в тюрьмах и воровских «кодлах». О ней еще много будет говориться в дальнейшем. Кто не слыхал о «паханах», «суках», «фраерах», «опущенных», «шестерках», «ворах в законе» и «шпане»? Имеется в виду, естественно, неофициальная иерархия. Того же типа иерархия банд рэкетиров, разбойников, пиратов, мафиози и так далее, и тому подобное. В преступных шайках иерархия всегда присутствует, там без нее шага не ступишь.

5. Слабо выраженные бытовые иерархии. Этот вариант иерархии быстро устанавливается даже в сугубо временных группах людей, например борющихся со стихийным бедствием или занятых каким-то совместным делом, будь то хоть озеленение двора в многоквартирном доме. Часто параллельно с официальной иерархией возникает неофициальная иерархическая структура. Где ее только нет. Возникала она и во многих коммунальных квартирах. Чего уж говорить о научных и других творческих коллективах. В них эта иерархия — не жестокая, но, тем не менее, она реально существует.

6. Не упоминаемая Дольником «загробная иерархия». Она, как всем известно, сохранилась и поныне, но особенно ярко проявлялась в древних цивилизациях Старого и Нового света. Древне-египетские и древне-перуанские пирамиды, шумерские и скифские захоронения правителей вместе с их женами, челядью и воинами, а также — конями, оружием и утварью — наглядные примеры. В наше время тоже не всех, разумеется, хоронят в фамильных склепах, в пантеоне, или под кремлевской стеной. И ничего плохого в этом, понятное дело, нет, если не перебарщивать. Воздержимся, однако, от участия в дискуссии о мавзолее В. И. Ленина. Припомним лучше, как классифицировал смерти гробовщик в «Золотом теленке» Ильфа и Петрова: начальники «дают дуба», простые смертные «отдают концы», кто-то совсем неприметный «сыграл в ящик», «кондыкнулся» или «загнулся», «окачурился», «протянул ноги», и т. д..

Некоторые из проявлений «загробной иерархии» прямо-таки умиляют своим идиотизмом. Вот хотя бы забавный пример: в подвале питерского академического института сотрудники во время ленинского субботника как-то обнаружили десятки гранитных плит со скорбным текстом: «Здесь покоится…» и так далее. Большие академикам, средние докторам наук, крошечные кандидатам. Оказалось, один из замдиректоров, в прошлом директор магазина похоронных принадлежностей, заготовил плиты впрок.

Откуда берется иерархия в человеческом обществе?

В.Р. Дольник совершенно справедливо отвечает на этот вопрос: Поведение мотивирует врожденная программа, очень простая и рациональная, проверенная естественным отбором на многих видах. А употребим ли мы ее во зло другим и себе или на пользу — зависит от нашей морали и нашего разума. Не любая иерархия на пользу обществу, но и не любая во вред. Понимая это, следует стремиться к созданию как бы частично перекрывающихся многообразных иерархических структур разной степени жесткости. Нежелательно, чтобы эти иерархии объединялись в какую-то супериерархическую общественную структуру.

Человек, по словам В. Р. Дольника, чувствует себя свободным, не угнетенным

иерархической структурой, если он, во-первых, знает, что может ни в одной из них не участвовать; во-вторых, участвовать во многих и занимать в них разный иерархический уровень; в-третьих, свободно покидать любую из них; и, в-четвертых, сам организовать новую группу, соответствующую его представлению о целях, характере отношений и персональном составе. Общественная жизнь развита в демократическом обществе. Напротив, элитарные системы стремятся ограничить количество и разнообразие людских объединений, создать суперструктуры и контролировать их административно.

Проявления административно установленной иерархии бесчисленны.

На Западе понижение в должности часто предваряется переводом сотрудника в кабинет меньшего размера. У нас забирают «членовоз» и казенную дачу, отключают правительственную связь.

В России XVI в., как и в других странах во времена феодализма, иерархия проникла во все поры общественной жизни. А тут еще власти придумали законы о местничестве. Последствия были, например, таковы. Велят убрать навоз двум конюхам. Вдруг один заартачился:

— Не буду. Мне зазорно работать с ним. Ведь его дед служил поваренком под началом повара — моего деда!

Точно так же бояре спорили из-за места, — где кому сидеть в боярской думе или за пиршественным столом. Их жены ругались из-за места в церкви. Монахи во время крестного хода собачились из-за места в процессии. Военачальники затевали местнические споры на поле боя, под носом у противника. Именно так было проиграно сражение под Оршей в 1514 году.

Следы и пережитки местничества сохранились в общественном сознании по сей день.

Для непотопляемых отпрысков нашей партноменклатуры мы все, в отличие от выходцев из их среды, «плебеи». При большевиках о ранге отдельных вождей судили по их месту на мавзолее в дни парадов. Точно так же о ранге китайских вождей судят по их месту на трибунах площади Таньаньмынь.

Характерно, что с уходом начальника и замещением его должности одним из бывших подчиненных во всем учреждении обычно начинаются свары и склоки между рядовыми сотрудниками, вроде бы, не претендующими на руководящие посты. Идет подсознательная борьба за второе, третье, четвертое и так далее места в иерархическом ряду. Все происходит точь в точь как в обезьяньей стае после смены вожака.

В экспериментах нейроэтолога Дж. М. Дельгадо на павианах всем обезьянам в стае, начиная с вожака и кончая самой низшей по рангу особью, вживили в центр агрессии головного мозга раздражающие электроды. Они были проведены от укрепленных на черепе крохотных радиоприемничков, настроенных каждый на другую волну, что позволяло раздражать любое животное по отдельности. В опытах выявилась система так называемого линейного доминирования. Если раздражали вожака, он принимался бить и кусать вторую по рангу особь. Если раздражали вторую, она начинала измываться над третьей по рангу и так далее. Наконец, если раздражали центр агрессии самой низшей по рангу обезьяны, она подбегала к зеркалу, висевшему в вольере, и корчила сама себе злобные рожи. Заметим: для всех обезьян, кроме человекообразных, отражение в зеркале — другая особь, почему-то неспособная дать сдачи и потому нестрашная.

Весьма обыденный эпизод из военной жизни. Полковник на утреннем разводе наорал на майора. Майор распек лейтенантов командиров рот. Командиры покрыли матом старшин. Старшины взъелись на сержантов, а те на солдат. Солдаты «старики» вечером в казарме отвели душу на несчастных «салагах». Салаги с горя повздорили между собой и вечером в карауле повесили приблудную собаку. Какое трагикомическое сходство с обезьянами! Обидно за род человеческий!

В конфликтных жизненных ситуациях, как правило, есть настрой на агрессию, но есть и страх. Атакуют того, кто заведомо проиграет, но все-таки не совсем уж беззащитен. Слишком большой разрыв в ранге («полковник-солдат») делает потенциальную жертву атак

мало привлекательной для агрессора. Известно, что многие большие начальники, грозные для своих замов и прочих «шишек», изысканно вежливы с уборщицами, шоферами, дворниками. Как мы видим, люди и в этом отношении мало отличаются от павианов.

Правда, мы изобретательнее. Например, там, где иерархия не позволяет проявить наше агрессивное отношение открыто, мы умеем атаковать исподтишка или, на худой конец, показать доминирующей особи фигу в кармане.

Проиллюстрируем следующим примером. В начале шестидесятых один из всесильных героев Павловской Сессии выдвинул сам себя в академики на заседании Ученого совета большого ленинградского академического института. Один за другим выступили члены Совета. Каждый с воодушевлением говорил о великих научных заслугах претендента. На словах все без исключения были «за». Началось тайное голосование. Ни одного голоса «за». Все «против»!

А вот еще классический, хоть в учебник зоопсихологии, пример линейного доминирования. Тоже из жизни ученых. Молодой биохимик изложил в большой статье результаты многолетних экспериментов и решил опубликоваться за рубежом. Для этого требовалось разрешение шефа лаборатории, которого поэтому надо было попросить стать соавтором. Тот охотно согласился и направился к заведующему отделом, который, даже не взглянув на текст, намекнул, что не прочь тоже стать соавтором. Его, разумеется, вписали. Теперь уже он направился со статьей к самому академику — директору института:

— Разрешите опубликовать за рубежом…

Директор бегло проглядел страницы и дал без обиняков понять, что его следует поставить первым автором. Вписали. Теперь он как хозяин взял рукопись в руки и сказал:

— Статья хорошая, но неприлично много соавторов.

Заведующий отделом, услышав эту фразу тотчас предложил вычеркнуть действительного автора статьи и его непосредственного начальника. На том и порешили. Статья ушла за рубеж. Случай банальный, в порядке вещей! Подлинному автору как нижней ступеньке в иерархии оставалось только, следуя примеру павианов, смотреться в зеркало и корчить себе злобные рожи! Впрочем, последовали награды — денежная премия, загранкомандировка на пять дней.

За годы советской власти у нас накопилось немало «крупнейших» ученых, которые своих трудов почти никогда не писали. На то у них имелись старшие и младшие научные сотрудники, аспиранты, а также, само собой понятно, должность шефа лаборатории или директора института и красный партийный билет в кармане.

Это еще что! Хватало таких мужей науки, которые своих бесчисленных статей на протяжении многих лет даже и не читали. Зачем? Вполне достаточно было высокого поста и вечных загранкомандировок. Разъезжая по свету, эти корифеи без устали удивляли западных коллег отчаянной борьбой за мир. Помните тогдашние вездесущие «Комитеты защиты мира»? Один биохимик поведал нам, что, если бы не его членство в подобном Комитете, не видать ему конференции в США как своих ушей.

Сейчас по той же стезе успешно движутся наши парламентарии всех уровней. Кое-кто из них уже успел обзавестись академической мантией.

Выходит, не зря затевались обезьяньи процессы. Господство и подчиненные в обезьяньей стае — природное явление, на которое многие власть имущие охотно навесили бы форму секретности, как на какой-нибудь рецепт ракетного топлива.

Важнейший вопрос: как постепенно развивается иерархия в процессе индивидуального развития животных и человека?

Как и многие другие врожденные формы поведения, агрессивность, приводящая к иерархии, возникает у ребенка не сразу после его появления на свет, но, тем не менее, довольно рано: еще до того, как он научается говорить. По словам В.Р. Дольника, дети, (особенно мальчики) начинают устанавливать между собой иерархические отношения в первые годы жизни; позднее они начинают играть в иерархические игры, а в 7-15 лет образуют между собой жесткую пирамидальную структуру соподчинения. Если этим

процессом не управлять, борьба за власть в группах подростков принимает жесткие формы, зачастую криминальные. Склонность играть в эти игры, к сожалению, не проходит с возрастом. Более того, некоторые люди играют в них до старости, это становится смыслом их жизни. Причем играют всерьез и включают в игру и нас с вами, и общество, и государство, и весь мир.

4.2. Кто из животных ближе к нам по социальной структуре?

Еще недавно утверждали, что по устройству социальной жизни мы больше всего напоминаем общественных насекомых: муравьев, пчел и термитов, в особенности же первых. Ведь вот у кого и «войны», и свободный выбор многообразных «профессий», и безустанный добровольный труд, как у нас мечталось при коммунизме, и взаимопомощь, и общее превалирует над личным. Есть с кого, мол, брать пример. Однако, исследования показали, что внутренний мир общественных насекомых нам абсолютно чужд и, скорее уж, может быть уподоблен «внутреннему миру» компьютера, на котором пишутся эти строки.

Рабочие особи — у общественных насекомых (в громадном большинстве случаев — недоразвитые самки) — неспособны к размножению и не вступают в агрессивные взаимодействия друг с другом. Каждый индивид трудится на «общее благо», подчиняясь велениям инстинкта, как бы сам по себе: никаких приказов свыше, никакой иерархии. Нет и намека на порождающие ее конфликты между особями своего же вида в данной колонии, столь характерные для многих других животных, вечно конфликтующих именно со своими ближайшими соседями. Зато есть сигнализация, весьма совершенная, как мы уже писали, своего рода «язык». Однако же, в отличие от нашего языка, у насекомых его сигналы — врожденные.

Нет никаких сомнений в том, что наше всегда и везде иерархическое общество несравненно больше похоже на иерархические социальные структуры позвоночных и других животных, объединяющихся в небольшие стада или группы: некоторых рыб, рептилий, птиц, представителей разных отрядов млекопитающих. Особенно же, как и следовало ожидать, мы в социальном отношении напоминаем наших ближайших родичей — обезьян.

В то же время человекообразные обезьяны, живущие, преимущественно, в лесных дебрях и почти не имеющие естественных врагов из-за больших размеров и громадной физической силы, по социальной организации отстоят куда дальше от нас, чем те из видов низших обезьян, которые ведут наземный образ жизни в африканской саванне, где много опасных для них хищников. Единственное спасение от хищников у таких видов — коллективная защита в относительно большой стае, где наберется, по крайней мере, с десяток или более боеспособных взрослых самцов. Дело в том, что наши предки австралопитеки тоже бродили по той же африканской саванне в окружении тех же хищников, будучи при том малорослыми и довольно-таки медленно бегающими существами. Не умели они и быстро взбираться на деревья, в отличие от многих обезьян. Так, афарский австралопитек, живший в Африке 3–4 миллиона лет тому назад, был росточком всего только метр.

Предполагают, что как раз от этого вида австралопитеков произошел и первый изготовитель каменных орудий — уже упомянутый нами умелый человек, бывший такого же малого роста. Таким образом, постоянная угроза угодить в желудок к леопарду, гиеновым собакам и другим хищникам саванны, напротив, прекрасным бегунам, заставила живущих в ней обезьян, включая и наших предков, объединяться в большие иерархически организованные стаи. Иного выхода, попросту говоря, не было. В чем преимущество стаи перед семейной группой? Конечно же, в том, что в ней много самцов, способных к коллективным боевым действиям. У большинства других млекопитающих, например, львов, орангутангов и лошадей, самец-вожак возглавляет семейную группу и прогоняет из нее прочих самцов, включая собственных сыновей, во избежание постоянных конфликтов. Все это крупные и хорошо вооруженные или очень быстро бегающие животные. Другое дело

наши предки или также макаки и собакоголовые обезьяны, ведущие наземный образ жизни: павианы, гамадриллы, бабуины, анубисы. Для всех этих видов возникла необходимость удерживать множество самцов в одной стае.

Нечто подобное наблюдается и у некоторых стайных хищников из семейства собачьих: волков и гиеновых собак, например, которые, между прочим, отличаются от обезьян куда более альтруистическими нравами. Так, раненых своих собратьев эти собаки охраняют и кормят, принося пищу издалека. Ни у кого из стадных обезьян нет и отдаленного намека на подобное поведение. Их самцы, по словам В.Р. Дольника, четко взаимодействуют между собой, отбиваясь от хищника или отстаивая территорию от конкурирующего стада своего же вида. Сражаются вместе, но умирают врозь. Часто можно видеть как за стадом ковыляет раненый самец, постепенно выбиваясь из сил, с каждым днем отставая все сильнее. Его как бы не замечают. Смерть собрата по стае не производит на обезьян никакого впечатления. Никто не поделится с ним пищей. Выживет ли он, погибнет ли — только его личная забота. Увы, но пока ученым не удалось найти ни одного скелета обезьянолюдей с зажившими травмами. Из сего вывод: и наши предки не страдали альтруизмом. К раненым и больным собратьям они относились так же черство как современные павианы и Ко. Судя по археологическим данным, помощь раненым появилась у людей не раньше великих загонных охот новокаменного века, каких-нибудь 12–10 тысяч лет назад. Как ни удивительно, но и первые явные следы людоедства относятся, преимущественно, к тому же времени.

Ученые этологи, пытающиеся ответить на вопрос, что удерживает в одном обезьяньем стаде множество самцов, пришли к следующим выводам. Главный объединяющий фактор — повышенная сексуальность в сочетании с агрессивностью. Каждый самец стремится постоянно овладеть одной из самок, отогнав других самцов, а также повысить в стычках с ними свой социальный ранг. При этом низшие по рангу самцы постоянно вынуждены терпеть измывательства доминанта, что, однако, не отваживает их от стаи, так как похоть и стадное чувство пересиливают стремление удалиться от доминирующих особей на недосягаемое расстояние.

А у кого именно из стадных наземных обезьян социальные порядки больше всего смахивают на наши? На такой вопрос нельзя однозначно ответить. Те или иные черты сходства есть у каждого вида, включая сюда даже человекообразных — горилл и других, живущих малыми семейными группами.

Так, у горилл, гигантов, живущих под покровом тропического леса, по мнению В.Р. Дольника, своего рода патриархальная автократия. Группой, включающей, между прочим, и молодых самцов, заправляет какой-нибудь патриарх с седой спиной. Он то и дело напоминает прочим, кто здесь главный, требуя, чтобы ему уступали найденные лакомства и комфортабельные места для сидения: патриархи любят часами восседать в полудреме, слегка покачиваясь. Самки подставляются по первому же намеку патриарха. Драки между членами группы редки. Если кто-то проявляет непослушание, доминант только демонстрирует позу угрозы или, в крайности, пару раз шлепает шалуна рукой по спине. Все это, пожалуй, напоминает нравы патриархальной человеческой семьи или маленькой конторы, где один всеми уважаемый босс и несколько секретарш, клерков. У горилл практически нет естественных врагов, кроме человека: слишком уж велики, сильны и клыкасты. К тому же они чистые вегетарианцы.

У павианов в их больших, до сотни особей, стаях чаще всего, — коллективное руководство. Доминируют несколько старых и весьма злобных самцов, гигантов по сравнению с молодыми самцами и самками. Эти вожаки, часто кто-то один из них самый главный, когда стадо разбредается в поисках пищи, стараются взобраться на какой-нибудь холмик, чтобы следить за всеми прочими. Любую самку они считают своей собственностью и отгоняют от нее других самцов. Между собой доминанты не дружат, но и не конфликтуют, так как, во-первых, убедились в равенстве своих сил еще до превращения в вожаков, а, во-вторых, нуждаются друг в друге как в союзниках на случай бунта субдоминант, более молодых, но уже зрелых и сильных индивидов. Те подчас тоже объединяются в группы и

пытаются коллективно напасть на доминант, причем до драки чаще всего дело не доходит: «революционеров» при одном виде изготовившихся к бою доминант одолевает страх. Между тем, доминанты то и дело жестами подзывают к себе одного из молодых самцов специально, чтобы принудить его принять одну из поз подчинения: опустить голову и хвост, пасть ниц или, наконец — самое большое унижение и для павианьего самца — подставиться как самка перед совокуплением. Однако, несмотря на верховную власть, живется доминантам неспокойно. Поминутно им приходится вмешиваться в какие-то конфликты между павианами низшего ранга, наводить порядок в стае, кому то грозить клыками и кулаком, напоминать прочим «Я-главный», похлопывая себя по гениталиям (чем не аналог нашего мата?) и, что гораздо для них хуже, — отбивать очередные атаки групп рвущихся к власти субдоминант.

В. Р. Дольник сравнивает социальную структуру павианов с геронтократией, диктатурой группки стариков, типа той, что была во многих первобытных племенах (совет старейшин) и дожила до наших дней. Как тут не вспомнить, например, брежневское «коллективное руководство»?

Три заботы постоянно одолевают доминант: не подпускать к самкам самцов ниже рангом, личная власть и, наконец, максимальное расширение территории стада в постоянных стычках с такими же соседними стадами. Есть, конечно, и другие заботы: хищники и, что весьма интересно, молодое поколение, детеныши, о чем еще будет разговор далее.

Печален конец павианьей карьеры. Рано или поздно почти любого вожака свергают, превращая перед смертью в жалкого парию, всеми преследуемого и унижаемого. Бывает и другой, более героический финал: под старость вожаки очень смелеют, настолько, что решаются вдруг вступить в схватку с заклятым врагом павианов леопардом. Чаще всего такие схватки на глазах у не смеющих принять в них участие перетрусивших субдоминант кончаются гибелью вожака, сразу же или позже от тяжких ранений.

Итак, участь павианьих вожаков не из завидных. Еще хуже, конечно, живется низшим по рангу особям. Это совсем затюканные существа.

И все-таки грубое и жестокое общество павианов — сущий рай по сравнению с тем кошмаром, который царит в стадах анубисов. О них мы подробнее расскажем в разделе «Социальный стресс и биохимическая индивидуальность вождя», а пока — только короткая справка. У анубисов самцы только и делают что борются друг с другом за социальный ранг и обладание самками. При этом кто-то один прорывается на самый верх социальной лестницы и некоторое время удерживается там, тираня всех остальных. Власть его, однако, длится недолго. Самцы ниже рангом объединяются в пары, тройки и так далее, чтобы свергнуть властителя и занять его место.

Пакостя друг другу постоянно и без всякого повода, анубисы проявляют удивительную изобретательность, которой мог бы позавидовать, пожалуй, даже необычайно подлый человек. Союзы, создаваемые с целью свержения вожака, постоянно распадаются. Былые друзья то и дело предают друг друга в самый разгар драки; сбегают с поля брани или переходят на сторону противника. Это поведение особенно типично для молодых самцов. Самцы постарше всячески ластятся друг к другу: только бы союз не развалился, пока общими усилиями не удастся свергнуть вожака. Но вот он свергнут и былые друзья тотчас же превращаются в злейших врагов, деля власть точь в точь как люди.

Воистину, мерзопакостна социальная мораль анубисов. Но даже им в этом отношении далеко до макак. У тех типичная тоталитарная система по классификации В.Р. Дольника. Причиной же служит то, что, в отличие от собакоголовых обезьян, макаки чуть ни всей стаей накидываются на того, с кем вздумалось расправиться вожаку: пытаются его чем-нибудь ткнуть, ударить, кидают в него кал. Особенно усердствуют при этом самки и самцы самого низшего ранга. Между тем, жертвой расправ, чаще всего, оказываются сравнительно сильные самцы, которых низшие особи никогда не посмели бы тронуть, если бы ни вожак. Тому достаточно только начать экзекуцию, а продолжат подонки обезьяньего общества.

Здесь уж аналогия с поведением людей очевидна.

Например, во главе шайки уголовников — пахан. При нем — жалкая и трусливая шпана, так называемые шестерки, часто малолетки и, бывает, непотребные женщины-марухи. Этой компании поневоле беспрекословно подчиняется вся шайка, включая сильных и храбрых парней. О таких шайках, терроризировавших всех прочих лагерников, с ужасом вспоминают многие бывшие наши политзеки. Другая сразу напрашивающаяся аналогия: тоталитарный режим. Во главе верховный пахан и его жалкие прихлебатели, которых он время от времени уничтожает, заменяя такими же другими. Все общество трепещет перед подонками, готовыми по указке Верховного стереть в порошок кого угодно.

Нам, к сожалению, такая структура общества знакома. Этологи полагают, что расправа низших по рангу над теми, кто подвергся нападению вожака, — переадресовка направленной против него и подавленной страхом агрессии. Любопытно вспомнить, что в расправах над пленниками у некоторых первобытных племен активнейшее участие принимают низшие по рангу: женщины и дети. Такая сцена, например, описана в рассказе Дж. Лондона «Потерявший лицо»: расправа индейцев Аляски над белыми пленниками. Вождю достаточно мигнуть, а пытают до смерти преимущественно женщины, проявляя при этом прямо-таки удивительную изобретательность.

В годы якобинского террора в Париже казни совершались на Гревской площади, куда загодя со всего города стягивались толпы подонков-«санкюлотов» (букв. перевод «бесштанник»), в том числе злобные мегеры, прозванные «вязальщицами». Они, действительно, орудовали спицами и мотками шерсти в ожидании увлекательного зрелища, а затем всячески измывались над приговоренными, когда тех в тележке подвозили к эшафоту.

Подобное же происходило обычно и во время всевозможных погромов, вплоть до недавних в Сумгаите и Баку. Там основными исполнителями были выпущенные из тюрем преступники обоего пола, бомжи и т. п., причем издевательства над жертвами, включая групповые изнасилования и сожжение заживо армянских женщин, осуществлялись прилюдно к восторгу большой толпы таких же подонков-зрителей.

4.3. Откуда берутся вожаки?

Животные всенародных выборов не проводят, и «сверху» им начальников не спускают. А кто вообще в стае командует? Откуда берутся вожаки? Носит предрасположенность к лидерству наследственный характер или является продуктом научения, жизненного опыта? Скорее всего играют роль оба фактора. Причем, тенденция доминировать или напротив, ее отсутствие не являются полностью врожденными. Они приобретаются в условиях конкуренции и по каким-то во многом пока неясным внешним причинам.

Например, подрастающие мальки цихлид, которым не исполнилось еще и двух недель, в стайке вступают в стычки друг с другом, демонстрируя некоторые акты агрессивности, очень мало отличающиеся от таковых у взрослых родителей. Вскоре уже замечается, что некоторые рыбки намного превосходят прочих своей агрессивностью и выдвигаются в доминанты. Такое же явное расхождение по степени агрессивности между отдельными индивидами замечено в группах молодых особей и у других, более нам близких животных. Нередко, хотя и далеко не всегда, замашки доминанта дают себя знать еще в очень раннем возрасте, причем, однажды проявившись, сохраняются на всю жизнь.

Это, по всей вероятности, касается и человека.

У одних индивидов уже в детстве проявляются повышенная агрессивность и настырность, желание конфликтовать по любому поводу, склонность настаивать на своем, способность изменять настроение окружающих и порой навязывать им свою волю. Другие, напротив, уже с ранних лет отличаются высокой внушаемостью, робостью или же неосознанно стремятся подчиняться, уступать в конфликтных ситуациях. Мы полагаем, что врожденные свойства не определяют судьбы полностью, но очень полезно вовремя осознать свое место в семье или в обществе.

Может ли зоопсихологический подход внести какую-то лепту в крайне запутанную

проблему ведущего и ведомых «вождей и толпы»? Есть ли общее между начальником, вождем, фюрером, диктатором в человеческом обществе и вожаком — доминирующей особью в обезьяньей стае? Боимся, обсуждение этого вопроса заведет нас слишком далеко в буквальном и переносном смысле слова.

По крайней мере, в стае обезьян вожак — далеко не всегда физически самый сильный самец. Решающую роль играют не только личные качества, в первую очередь, агрессивность и, как говорит Дольник, «настырность», но и разного рода привходящие внешние обстоятельства. Начнем, пожалуй, с такого рода обстоятельств, хотя, конечно, в большинстве случаев куда важнее черты характера.

Оказалось, что у петухов ранг зависит не столько от душевных качеств, сколько от размеров гребня. Если низшему по рангу замухрышке-петуху приклеивали на голову гигантский красный гребень из поролона, прочие начинали относиться к нему с почтением. Через некоторое время былой пария весь надувался от важности и начинал тиранить других петухов.

Очень существенная закономерность: повышение иерархического ранга по принципу «из грязи в князи» способствует тираническому поведению новоявленного лидера. Как раз тот, кто раньше лебезил, боялся любого начальства, если получает власть, распоряжается ею особенно безобразно. Так обстоят дела не только в нашем обществе, но и, как показали этологи, у животных, включая тех же петухов. В. Р. Дольник вспоминает по этому поводу известную поговорку древних: Любая власть портит человека. Абсолютная власть портит его абсолютно. Когда поролоновый гребень отклеивали, петух-выскочка быстро опускался обратно на самое дно иерархической лестницы.

Поразительно, но факт, подтвержденный многими экспериментами. Приклеивая молодым петухам поролоновые гребни разного размера, удается достигать приблизительно такого же эффекта, который в армии достигается числом звездочек на погонах. Еще примеры на ту же тему:

Однажды в Сухумском обезьяньем питомнике одному низшему по рангу макаку резусу-самцу ученые водрузили на голову красный пластиковый шлем вроде хоккейного, закрепив там тесемочками. Обезьяна поначалу тщетно пыталась избавиться от шлема, но смирилась. Других же макак вид товарки в шлеме изрядно пугал. В результате, ранг ее внезапно повысился и от самок, прежде пренебрегавших этим индивидом, у него просто отбою не было. В конце концов, шлем содрал, играючи один обезьяненок, на чем молниеносная карьера и кончилась. Все вернулось на круги свои.

Один молодой самец шимпанзе в кенийском заповеднике как-то набрел на брошенную людьми канистру из под бензина и принялся по ней стучать. Всех прочих шимпанзе из той же группы, и ранее с опаской относившихся к этому человеческому предмету, такой грохот привел в ужас. Вследствие того юный «барабанщик» вдруг сделался вожаком. В дальнейшем он успешно удерживал свою власть, чуть что, терроризируя прочих шимпанзе мощными ударами по канистре.

Последний пример особенно назидателен. Ведь известно, что более или менее аналогичным способом выдвигаются или удерживают свою власть и многие человеческие вожди. Им тоже удается напугать окружающих своим внешним видом либо издаваемыми звуками, не обязательно даже членораздельными. Так, вожди и колдуны многих первобытных племен носят устрашающие маски, разгуливают на ходулях, умеют издавать с помощью музыкальных инструментов жуткие звуки, от которых мороз продирает по коже, владеют искусством чревовещания, увешивают себя оружием и черепами убитых врагов, производят неожиданные устрашающие жесты, татуированы с ног до головы. Нередко вождями таких племен делаются самые рослые, тучные и зычноголосые в племени.

И в агрессивных шайках бандитов, пиратов, хулиганов и т. п. лидер часто какая-нибудь особо страховидная личность, вся в татуировке, с перебитым носом, черной повязкой на выбитом глазу, в ужасных шрамах и оспинах. Внешняя страховидность всячески усугубляется эксцентричным поведением.

Наливайко был такий:
Вывернуто вико,
В подбородце дырця,
А в ухе серьга.
С роду я не бачив
Такого чиловика!
Батько Наливайко,
Наливайко Серега!

(И. Сельвинский: «Ехали казаки…»)

К аналогам петушиного гребня в нашем обществе, как все мы знаем, относятся, кроме вышеупомянутых звезд на погонах, и самые разнообразные внешние признаки либо обстоятельства. Это, как придется, то милицейская форма или повязка дружинника, то элегантный костюм или машина иномарки («по одежке встречают…»); то титулы и звания, а, иной раз, даже какой-нибудь ложный слушок, как в «Ревизоре». В хрущевские времена по Ленинградскому Зоологическому музею однажды вдруг распространился слух о предстоящем визите сына САМОГО глубокоуважаемого Никиты Сергеевича. Вскоре к музею, действительно, подкатила машина и из нее вышел начальственного вида человек средних лет. Нечего объяснять, как его приняло и водило по музею местное начальство! Но вот незадача. Человек-то был совсем не тот!

В 136 году до нашей эры на острове Сицилия, тогда римской провинции, вспыхнуло рабское восстание, возглавляемое неким Эвном, сирийцем. Он выдвинулся в вожди благодаря тому, что, подобно сказочному дракону, умел… изрыгать огонь. А делал это так: прятал во рту коробочку, выточенную из скорлупок грецкого ореха с парой высверленных дырочек и в ней — тлеющий уголек. Подуешь, изо рта вылетают искры!

Сколько подобных историй было во все века! Аналогия с петухами и так далее здесь совершенно явная. По словам В. Р. Дольника, много такого знают и умеют этологи в изучении власти, что сделало запрещение этологии в тоталитарном обществе любого типа неизбежным. Нацисты и коммунисты не потому преследовали этологию, что этологи — человеконенавистники, а потому, что они безжалостно анатомировали механизм возникновения тоталитаризма. Неужели «кто палку взял, тот и капрал»? К сожалению, это так. Верить в то, что тот, кто сам захотел власти над нами, делает это для нашей пользы, или утверждать, что нам безразлично, кто придет к власти, — недопустимая роскошь.

От превосходящего перейдем, однако, к главному: чертам характера, индивидуальным особенностям психики доминанта, лидера. Многочисленные наблюдения и на животных, и на людях подтверждают одну общую закономерность. Определяющим фактором чаще всего оказываются врожденное или же привитое обстоятельствами в раннем детстве стремление руководить, командовать, и, в то же время, ослабленная подражательная или защитная реакция на слова и действия окружающих. Очень часто люди следуют за теми, кто быстро и уверенно принимает решения без всяких внутренних колебаний и оглядки на общественное мнение, игнорирует направленную против себя агрессию.

В косяках стайных рыб нет лидера, но есть рефлекс следования за сбоку и впереди плывущим. Есть подражание также в реакциях хватания пищи и бегства от врагов. Несомненно, здесь мы имеем дело с врожденным поведением, а не с обучением. Стая, скажем, сельдей, кефали или трески ведет себя как «суперорганизм», единое целое.

Если стайную аквариумную рыбку неона или даже «семейно-территориальную» рыбу скалярию отделить от остальных особей их вида, они постоянно чувствуют себя «не в своей тарелке». Мечутся, совершают массу лишних движений, расходуя в результате намного больше кислорода, чем в компании сородичей. Как уже говорилось, в присутствии зеркала многие из таких рыб, страдающих в изоляции, успокаиваются и даже пытаются как-то взаимодействовать со своим отражением. Однако, «тоска» по стае и подражательная реакция вообще исчезают у стайных рыб после удаления у них переднего мозга, хотя в остальном они

сохраняют более или менее нормальное поведение, могут отыскивать и хватать пищу.

Обнаружилось интересное явление. За такими рыбами с поврежденным мозгом охотно следуют другие рыбы того же косяка. Особь, не подражающая окружающим, превращается как бы в «вожака» стаи, который в норме у рыб вообще отсутствует.

И у не стайных территориально-агрессивных рыб цихлид, и у цыплят, и у обезьян доминантами, как мы уже говорили, часто становятся вовсе не самые рослые и сильные особи, а те, которых В. Р. Дольник называет «настырными» за несносно-агрессивное и нахальное поведение, постоянное стремление везде и во всем быть первыми, задиристость. С такими всем неприятно связываться. Они постепенно отбивают охоту к ссорам с ними то у одного, то у другого, то у третьего, продвигаясь, таким образом, помаленьку все ближе и ближе к вершине иерархической лестницы.

Сложны и многообразны, однако, пути, приводящие к лидерству. Этим вопросом еще предстоит заниматься и заниматься, тем более, что у разных животных выдвижение в доминанты может осуществляться по-разному. Возьмем хоть тех же петухов с их гребнем. Это ведь все-таки довольно оригинальный вариант.

Тем паче, было бы непростительным упрощением утверждать, будто восхождение «наверх» в нашем столь своеобразном обществе происходит точь-в-точь так же, как и у родственных нам «бессловесных тварей». Мы слишком уж во многом другие. И, все-таки, некоторые аналогии, выявленные этологами, не вызывают ни малейших сомнений.

Наполеон о своем детстве: Ничто мне не импонировало…Я был склонен к ссорам и дракам и никого не боялся. Одного я бил, другого царапал и все меня боялись. Больше всего от меня приходилось терпеть моему брату Жозефу. Я его бил и кусал. И его же за это бранили, так как бывало еще до того, как он придет в себя от страха, я уже нажалуюсь матери. Мое коварство приносило мне пользу, так как иначе мама Летиция наказала бы меня за мою драчливость, она никогда не потерпела бы моих нападений…

Один из авторов этой книги Ю. А. Лабас вспоминает: В 1962 году мне пришлось идти по улице Питера в компании некоего приехавшего из провинции молодого ученого. Человек этот был, как говорится, «не совсем в себе». Мои тогдашние сослуживцы — физиологи высшей нервной деятельности и психиатры, — с первой же беседы заподозрили у него паранойю — тот самый психический недуг, который академик Бехтерев диагностировал у Сталина, за что поплатился жизнью. Вдруг перед нами поскользнулась, упала и разбилась в кровь старушка. Естественно, я, как и все другие, случайно оказавшиеся рядом прохожие, тут же кинулся к ней: помочь встать, узнать, не надо ли вызвать «скорую». Кинулись все, кроме попутчика, который отчитал меня следующим образом:

— Вы не имеете морального права отвлекаться на пустяки и тратить Мое драгоценное время на каких-то там старушек. Это с вашей стороны крайне нелюбезно и свидетельствует о Вашей невоспитанности.

А затем продолжил внезапно прерванный разговор с точно того же места, на котором остановился. За нашей спиной уже сбежалась толпа, сквозь которую проталкивался врач «скорой» в белом халате. Попутчик ни разу не оглянулся. Он обсуждал проблему опубликования своей статьи и возмущался скудным меню в академической столовой. Уже тогда было похоже, что этот человек «сгодится» на роль вождя. И вот теперь, вроде бы, подтверждается: тогдашнее предчувствие было верным. Герой сего рассказа занялся политикой: произносит речи на разного рода сборищах, сочиняет глобальные программы спасения дорогого отечества.

Иоахим фон Риббентроп писал в дни Нюрнбергского процесса, что в Гитлере его еще с первых встреч поразили …Тщательно продуманные сдержанные манеры …Не только мысли, но также способ, каким он их выражал, резко отличали его от всех людей. Они, казалось, исходили из самых глубин его существа. Они были простыми, ясными и вместе с тем убедительными.

Другая поразившая его вещь: Не было никакой возможности вести с ним дискуссию. Он просто утверждал факты, которые его слушатели обязаны были признать. Никто не мог

оказать на него влияния, вынудить пойти на компромисс… Он был неописуемо далек от всех. Хотя миллионы людей преклонялись перед ним, Адольф Гитлер был одиноким человеком. Он не хотел быть недосягаемым, но таким его сотворила природа.

Риббентропу вторит Отто Дитрих: Он провозгласил создание нового мировоззрения, но вряд ли хоть раз помянул великих мыслителей человечества от Платона до Канта и Гете. Глубокие прозрения и величайшая мудрость, накопленные за столетия, просто не существовали для Гитлера, если не укладывались в рамки его националистических идей.

Хулио Хуренито, герой одноименного романа И. Г. Эренбурга, говорит Ленину, с которым писатель был хорошо знаком: Я вполне оценил всю мощь Вашего «конечно». Это значит, что у Вас не 99/100, а вся истина. Ибо, если у какого-нибудь меньшевика 1/100, то его вместо Бутырок надо посадить в Совет, начать советоваться, обсуждать, раздумывать, колебаться и перестать действовать…

Вспоминает Н. Валентинов (Вольский), меньшевистский лидер, бывший большевик, очень близко знавший Ленина в период швейцарской эмиграции: Ленин как заведенный мотор развивал гигантскую энергию… с непоколебимой верой, что только он имеет право на дирижерскую палочку… В своих атаках, Ленин сам в том признавался, он делался «бешеным». Охватившая его в данный момент мысль делала его одержимым… только одна идея, ничего иного, одна в темноте ярко светящая точка, перед нею запертая дверь, и в нее он ожесточенно, исступленно колотит, чтобы открыть или сломать. В его боевых компаниях врагом мог быть вождь народников Михайловский, меньшевик Аксельрод, партийный товарищ Богданов, давно умерший, никакого отношения к политике не имевший цюрихский философ Р. Авенариус. Он бешено их всех ненавидит, хочет «дать в морду», «налепить бубновый туз», оскорбить, затоптать, оплевать. С таким ражем он сделал и октябрьскую революцию, а, чтобы склонить к восстанию колеблющуюся партию, не стеснялся называть ее руководящие верхи трусами, изменниками и идиотами… Стоило бы показать как с октября 1917 то взлетал, то исчезал ленинский «раж», чтобы в конце концов превратить этого бурного человека в паралитика, потерявшего способность речи, с омертвелой рукой и ногой.

Собственное высказывание В. И. Ленина, приводимое Валентиновым: На всех, кто хочет колебать марксизм, нужно лепить бубновый туз, даже не разбираясь… когда на своей дороге вы встречаете зловонную кучу, вам не требуется копаться в ней руками, чтобы определить, что это за вещь…

Навоевавшись, Ленин периодически впадал в состояние апатии и какой-то довольно продолжительный срок целые дни пребывал в полудреме. Потом начинался новый взрыв энергии.

Адам Б. Улам, один из западных биографов Сталина, о Вожде народов: Если бы была написана книга «Паранойя как способ управления государством», дел Сталина хватило бы на девять десятых материала… Психологическим элементом, который позволил Сталину провести показательные процессы периода Великой чистки была их полная абсурдность. Средний человек склонен был на них реагировать, говоря: «Что-то там такое все-таки должно же быть», — поскольку единственный альтернативный вывод, который вытекал из всех этих смехотворных заговоров и абсурдных признаний представлялся таким: Мир сошел с ума и все российское общество пустилось в повальную пляску святого Витта…

99 процентов людей, ликвидированных во время Великого террора, не имели ничего общего с какой-бы то ни было оппозицией… Для чего, собственно, ликвидировал он трех из пяти советских маршалов, трех из четырех генералов армии, все двенадцать генерал-полковников, 60 из 67 командиров корпуса, 136 из 199 командиров дивизии?

8 мая 1935 года Сталин распространил указ о смертной казни за кражу колхозного имущества на несовершеннолетних, от двенадцати лет и выше….

Не берусь утверждать, что у Сталина была обычная форма паранойи. Скорее уж, мы имеем здесь случай паранойи функциональной-«паранойи деспотизма», которая внешнему наблюдателя может видится безумием, но не оказывается таковым при рассмотрении в

контексте целей Сталина и тех ситуаций, в которых он действовал. Сталин реализовал все свои цели вполне рациональным и последовательным способом (Из «*Stalin i stalinism. Razmowy Georgea Urbana«, Mysl, Polonia, 1987*).

В любом учебнике психиатрии можно прочитать, что болезненная подозрительность, навязчивые идеи, мания величия и дикая нетерпимость к чужому мнению — характерные черты параноидальных личностей.

Сидя в вагоне и видя, что провожающие машут руками, платками, шляпами, параноидальный человек думает про себя одно из двух: или: «Вот как я популярен», — хотя махали не ему одному, а всем, кто отъезжает, или: «Они машут черт знает кому, а ведь я заслуживаю их внимания больше, чем все остальные вместе взятые. Но уж погодите. Еще придет мой час!»

Мы никогда не читали о паранойе как о профессиональном недуге вождей вообще. Однако, известно, что эта болезнь, проявляясь в умеренной форме, не мешает реализации творческих потенций человека, но убивает в нем чувство сострадания, а также интерес и уважение к чужому мнению. Параноик слышит только себя, любуется собой, гордится своей персоной. «Любя» человечество в целом, люди параноидального типа обычно испытывают неприязнь и презрение к любому человеку в отдельности. Понятно, что при таком душевном недуге особенно легко распоряжаться судьбами других людей, тем более, «для их же собственного блага».

Если человек параноидального типа пишет и публикует политические статьи, витийствует на митингах, объявляет себя «отцом и спасителем нации», у него вскоре появляются преданные сторонники. Далее события могут развиваться по слишком хорошо всем нам знакомому сценарию.

Папа-док Дювалье писал о себе: Я — знамя Гаити, единое и неделимое. Пол-Пот заявлял: Я — Ленин сегодня! За мной пойдет весь мир! Вождь Третьего Рейха отменил даже нормальное человеческое приветствие. Вместо нормального немецкого «гутен таг» и рукопожатия при встрече даже с близкими друзьями полагалось выбрасывать вперед правую руку и кричать «Хайль Гитлер!» Сталин даже в собственных статьях величал себя не иначе как в третьем лице. Столь велико было преклонение этого человека перед собственной персоной! В сталинских телефонных беседах и речах постоянно звучало: «Товарищ Сталин слушает», «Генералиссимус Сталин указал».

Характерный эпизод: в начале тридцатых годов Сталин направил письмо в издательство ЦК с убедительной просьбой не публиковать сборник повестей и воспоминаний о его юности, рисующих его эдаким горным орлом. Просьба аргументировалась тем, что партии большевиков органически чужд культ личности. Вот с каких пор это словосочетание возможно и запало в память Никиты Сергеевича Хрущева. А между тем, уже к середине тридцатых трудно было представить себе вокзальный сквер или парк в Советском Союзе, где бы не высился гипсовый монумент в шинели и с трубкой или с узбекской девочкой на руках.

За несколько лет до смерти «величайшего гения всех времен и народов» Музей изобразительных искусств в Москве освободили от всех экспонатов и превратили в постоянно действующий Музей подарков Сталину. Самым замечательным экспонатом там была одна рисинка, лежавшая под микроскопом. По ее периметру было написано на хинди «Слава Великому Сталину!» Филиал того же музея вытеснил значительную часть экспозиции в Музее революции.

Римский диктатор Гай Калигула не намного превзошел нашего вождя. Он повелел срубить мраморные головы богам и героям, украшавшим здание Сената, и на место этих голов прикрепить свое изображение. По его же приказу в Рим из Александрии доставили золотые доспехи Александра Македонского и диктатор, воевавший лишь со своими безответными подданными, напялил их на себя. Своего коня Калигула содержал в отдельном дворце и намеревался сделать сенатором, а затем — римским консулом. От времени до времени Калигула принимался беседовать со статуей Юпитера Фламина:

— Не умеешь управлять миром. Я тебя научу.

Все это, на нашу беду, не только клиническая картина душевного недуга- паранойи, но и страницы нашей с вами истории. Посему, осторожно… Если даже решили сотворить себе кумира, постарайтесь все-таки приглядеться к вашему фавориту. Посоветуйтесь с психиатрами. Как бы не ошибиться.

4.4. Кто такие подонки?

А кто же все-таки в самом низу иерархической лестницы? Может быть, там — существа намного более симпатичные, чем гениальные (в кавычках и без оных) лидеры из числа пролаз и параноиков? Процитируем опять В.Р. Дольника: Увы, на дне самособирающейся пирамиды животные во многом деградируют.

«Подонки» — совсем не нечто прямо противоположное по своим качествам доминантам, а очень малоприятные существа, страдающие от трусости, зависти, нерешительности и подавляемой агрессивности, которую они могут переадресовать только неодушевленным предметам.

Напомним наш рассказ о лаборанте, «скандалившем» с металлическим ящиком (2.3.), и обезьяну, строившую злобные рожи собственному отражению за неимением других безопасных «противников» в стае (4.1.).

Продолжаем цитировать: Миф о «чистых и не развращенных низах общества» — опасный миф. Люди, нуждаясь в разрядке, переадресуют агрессию неодушевленным предметам, совершая акты «бессмысленного вандализма». Подмечая, сколько в разных странах разбитых витрин, сломанных лифтов, оборванных телефонов, разломанных вагонов, опрокинутых урн, исцарапанных стен, разбитых памятников и статуй, опоганенных кладбищ и храмов, я моментально составлю себе представление о том, велико ли в обществе «дно» и сносно ли оказавшиеся на нем люди себя чувствуют. Ведь для этолога акты вандализма — то же, что клевки петуха в землю — переадресованная агрессия. Демагоги прекрасно знают, как легко направить агрессивность дна на бунт, разрушительный и кровавый. Много труднее помочь таким людям вновь почувствовать себя полноценными существами. Давно известно, что самое эффективное лекарство — ощущение личной свободы и удовлетворения инстинктивных потребностей иметь свой кусочек земли, свой дом, свою семью.

К сожалению, за неимением этого лекарства закомплексованные люди чаще всего прибегают к другому, позволяющему хоть на время сменить обычное агрессивно-трусливое состояние на раскрепощенную агрессию. Читатель, конечно, догадался, что речь идет о нашем ныне массовом пьянстве. Долгие годы наши власть предержащие всячески поощряли его. До революции Россия была сильно пьющей, но, как Бог свят, не пьянствующей страной. Никакого сравнения с тем, что происходит в последние десятилетия. Так что нынешний повальный запой — явление отнюдь не этническое, а социальное. Характерно, что почти любой наш алкаш в последние годы одержим идеей глобального антинационального заговора тех или иных инородцев и, пребывая «под газом», всегда порывается осуществить немедленно кровавую месть, физическую расправу. Это (см. выше о «козле отпущения») — плод многолетних кропотливых трудов демагогов. Он чреват большой кровью, если, не дай Бог, у нас произойдет социальный взрыв, взбунтуются доведенные до отчаянья массы.

Достаточно сейчас пройтись по Москве, взглянуть на бесчисленные телефоны-автоматы с оторванными трубками, на исписанные матерщиной стены, изрезанные сидения в метро; посетить любой подмосковный парк или лес, где буквально живого места нет — все испоганено, испорчено, вытоптано, поломано, — чтобы ощутить: мы живем на пороховой бочке. Ненависть «низов» близка к критической черте.

Летом 1992 года жители Черемушкинского района Москвы принялись уничтожать одну из последних в ближнем Подмосковье многовековых дубовых рощ: именно на этой территории было решено создать картофельные огороды, хотя вокруг полно заброшенных пахотных земель совхоза Коммунарка.

На обращения:

— Соседи, вам не жалко губить последнее красивое место рядом с вашим домом? Подумайте о детях, внуках!

Многие удивленно отвечали:

— Чего вы беспокоитесь? Милиция сюда не заглядывает. Лесники не бывают.

Желание портить красивое «зазря», как у бурсаков в известной повести А. Н. Помяловского, — характерная черта поведения толпы в годы гражданских смут, таких как наши 1917–1921 и далее.

М. Горький вспоминает, что вытворяли делегаты какого-то съезда красных крестьян в Зимнем дворце. Античные вазы изумительной красоты использовались в качестве ночных горшков!

Одному из нас довелось наблюдать человека, который тщился свалить с постамента мраморную вазу XVIII века во дворе петербургского Строгановского дворца.

— Прекратите! Сейчас вызову милицию!

— Все дорожает! — ответил человек, выпятив рачьи глаза.

В брежневские годы группа абитуриентов, провалившихся конкурсные экзамены в петербургскую Академию художеств, за одну ночь сбросила с постаментов и разбила двадцать две мраморные статуи XVII–XVIII веков в Летнем саду. Несколько позже литовский националист уничтожил в Эрмитаже кислотой рембрандтовскую «Данаю» — «месть русским оккупантам». Побудительный мотив, очевидно, во всех случаях был один и тот же: вызванная отрицательными эмоциями повышенная агрессивность в сочетании с комплексом неполноценности. В этологической трактовке — типичная переадресованная агрессия.

В дореволюционном гимназическом учебнике Иловайского можно было прочитать: Безумец Герострат, томимый жаждой славы, сжег знаменитый храм Дианы в Эфесе, за что поплатился жизнью. Однако славы он добился. Иных способов ее добиться у подонков нет, если, конечно, не повезет поучаствовать в какой-нибудь очередной революции.

Кто «делает политику» в годы великих исторических потрясений? Кто в такие годы «всплывает наверх», превращается в добровольных палачей и соглядатаев, в народных избранников, депутатов разных конвентов, советов и парламентов, кто беснуется на митингах, витийствует на трибунах? Ответ на эти вопросы во многом зависит от характера революции.

Если она умеренная, бескровная, на первый план выдвигается преимущественно средний класс, «третье сословие», в наши дни — техническая и творческая интеллигенция, а также, что очень важно, примкнувшие к революции аристократы и военачальники, столпы былого режима, быстро перестроившиеся в ее вождей. На то и «перестройка»?

В кровавой революции наверх выплывают городские «низы». В «Боги жаждут» А. Франса, «Окаянных днях» И. Бунина, «Несвовременных мыслях» М. Горького, «Собачьем сердце» М. Булгакова, «Котловане» А. Платонова прекрасно показана психология подонков, вдруг нежданно-негаданно дорвавшихся до власти. Поражает сходство обстановки в Париже 1792 года с той, что была у нас после Октябрьской революции 1917 года в Петрограде.

…А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, равным, тайным и прямым
Избрать достойного, -
Единственный критерий
Для выборов:
Искусство кандидата
Оклеветать противника
И доказать
Свою способность к лжи и преступлению.
Поэтому парламентским вождем
Является всегда наинаглейший

И наиадвокатнейший из всех.
Политика есть дело грязное:
Ей надо
Людей практических,
Не брезгающих кровью,
Торговлей трупами
И скупкой нечистот…
Но избиратели доселе верят
В возможность из трех сотен негодяев
Построить честное
Правительство стране…
…В нормальном государстве вне закона
Находятся два класса:
Уголовный
И правящий.
Во время революций
Они меняются местами,
В чем
По существу нет разницы.
Но каждый,
Дорвавшийся до власти,
Сознает
Себя державной осью государства
И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, пропаганды и расстрела…
«(М. Волошин, «Государство»)

В заключение, еще раз к вопросу о национальной ненависти. Почему на нее так падки подонки всех времен и народов?

Причина элементарна. Инородец, словно неодушевленный предмет, более или менее беззащитен, если национальная травля поощряется сверху или, по крайней мере, не преследуется законом.

Для последнего павиана в иерархической стае отражение в зеркале тоже, как мы уже объясняли, было «павианом», но почему-то беззащитным, не кусающимся. (Напомним: что такое, отражение в зеркале, способны уразуметь только человекообразные обезьяны. У павианов на то не хватает интеллекта).

Итак, логика подонков проста и понятна.

— Я, конечно, говно, а ты — профессор, но против меня ты все равно говно потому, что я — чистокровный, а ты — паршивый инородец!

Против такой логики абсолютно нечего возразить. Точно так, вероятно, рассуждал и тот древнеримский солдат, который проткнул своим мечом Архимеда.

4.5. Истерия как «психотропное» оружие и ее эволюционно-этологические предпосылки

Казалось бы, этой проблеме не место в нашей книге. Психотропного оружия, насылающего на человека «порчу» из Москвы аж во Владивосток, просто не существует. Это выдумка истеричных газетчиков и мы обозвали так истерию шутки ради. Что же касается самой истерии, то много ли смыслят этологи в таком сугубо человеческом недуге, которым, как всем известно, страдают некоторые жены, на горе своим мужьям, и многие политики на благо человечеству?

Начнем с нескольких наиболее типичных примеров истерики бытовой и истерики политической.

1. Довольно обычный диалог супругов.

— Кисынька, поедем завтра на дачу. Грибочки… Ягодки.

— Не могу. У меня завтра лекция.

— Ну и черт с ней.

— Но ведь это мой служебный долг.

— Сволочь, хам, свинья, садист, — выбегая на лестничную площадку, — грязная душонка, ты погубил мою молодость, ты сделал меня старухой, ты ждешь не дождешься, когда я умру, ты хочешь сделать своих детей сиротами!!! Завтра же подаю на развод!!! Ааааа!!! Помогите, умираю!!! — Падает, причем довольно осторожно, на лестничный кафель и начинает по нему кататься, суча ногами.

Повсюду хлопают двери. Из них выскакивают перепуганные соседи, кто с валерьяновыми каплями, кто с валидолом. Кто-то вызывает «Скорую». Ворвавшись в квартиру через распахнутую дверь, соседи напускаются на растерянного мужа:

— Хулиган, стыдитесь, мы заявим в милицию! Нельзя так издеваться над женой. Вы думаете только о себе! — Они же жене: — Охота его жалеть такого, разводитесь с ним, на кой он вам сдался?

Жена жалобно стонет. Наконец, приезжает и «Скорая». Жене делают укол.

Естественно, мужу не остается ничего другого как покориться. С унылой мыслью: «Эх, развестись бы, но жилплощадь…» — он молча навьючивает на себя женины котомки. Между тем, дражайшая супруга, мигом успокоившись («валерьянка и укол помогли»), соскочила с дивана и тщательно пудрит перед зеркалом нос.

Ю. А. Л. вспоминает такой случай в «застойные» годы на ленинградском Финляндском вокзале. Стояла там в вокзальном буфете очень длинная очередь за кофе и свиными шашлыками, 75 копеек штука, лакомым блюдом тех времен. Стоять, конечно, было тягомотно и скучно. Вдруг подходит пожилая дама весьма интеллигентного вида в, пенсне:

— Молодой человек, позвольте взглянуть на цены.

— О чем разговаривать? Прошу!

Дама прошла, но не к ценнику, а в очередь, вклинилась в нее, словно всегда там стояла. Кто-то из стоящих сзади, как водится, возмутился:

— Гнать таких надо!

— Откуда? — спокойно спросила дама.

— Да отовсюду, — ответил возмущенный человек из очереди….

В следующий момент раздался душераздирающий женский визг:

— Как, бить старую женщину?! Как смеешь?! Негодяй!!

Очередь распалась. Из-за прилавка выбежала буфетчица. Кто-то вопил:

— Милицию!

Дама побагровела, вопя во всю глотку и заваливаясь на спину. Пенсне спрыгнуло с ее носа и болталось на цепочке. Рот изрыгал непрерывно как автомобильный сигнал: «Аааа!!!» Когда автор этих строк, наконец-то, получил шашлык и занял с ним позицию у мраморного столика, соседкой оказалась давешняя дама. Она уже доела шашлык, допила кофе и, взглянув на подошедшего, сказала надменно, с покровительственной иронией:

— Молодой человек, учитесь жить.

Третий пример — парламентские дебаты. Во двор въехала обыкновенная снегоочистительная машина, а «слуги народа» уже распаляются на трибуне:

— Десятки броневиков со своими опричниками послали против нас кровавые псы оккупационного режима!!

Оратору говорят:

— Ваше время истекло

А он в ответ:

— Гнусные прислужники тирана пытаются мне заткнуть рот!!!

— Вы допускаете непарламентские выражения.

— Упыри, агенты влияния, червяки, тараканы, гниды, подлые душители свободного слова!!!

Ну, кому с такими захочется связываться? Конечно, не подумайте, читатель, что мы приводим здесь точные цитаты из выступлений и вообще имеем в виду парламентские нравы какой-то одной отдельно взятой страны.

Четвертый пример — из воспоминаний Отто Дитриха о Гитлере: Много говорилось о вспышках гнева Гитлера. Мне часто приходилось быть их свидетелем, иногда же его ярость была направлена против меня самого. Это были вспышки его гнева против мира грубой реальности. Эмоции же направлялись против того, кому пришлось оказаться в его присутствии. Ярость обрушивалась в виде урагана слов. В такие моменты он отметал любые возражения простым усилением голоса. Подобные сцены могли быть вызваны как большими, так и совсем ничтожными событиями…

Известно, что речи Гитлера, особенно, когда он распалялся гневом, сопровождались невероятно сильной жестикуляцией. Он изгибался на трибуне, топал ногой, производил резкие движения руками, грозил кулаком, бил им себя в грудь (помните скандал с Конрадом Лоренцем?), все лицо его дергалось и покрывалось потом, глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит, при крике изо рта вылетали брызги слюны, подчас долетая до слушателей. Как ни странно, такая манера говорить завораживала тогдашнюю немецкую аудиторию

В конце войны у немцев ходили, однако, анекдоты о том, как Гитлер в припадках бессильной ярости грызет ковер («переадресованная агрессия»). Дескать, прочитал очередную сводку с Восточного фронта и является в магазин ковров. Продавец:

— Вам завернуть или здесь будете грызть?

Между прочим, если очень постараться, до истерики можно довести и почти любого, вроде бы, нормального мужчину, обычно тихого и спокойного. Случается, такой человек, «доведенный» домочадцами или сослуживцами, совершенно потеряв голову, вдруг начинает диким голосом выкрикивать все известные ему проклятия и ругательства, хватает и швыряет об пол или в лицо обидчику любой подвернувшийся под руку предмет, даже дорогую вазу, фамильное наследие, транзистор, очки с собственного носа. В подобных ситуациях слабый безрассудно кидается на сильного, а, если до врага не добраться, люди, иной раз, переадресовывают агрессию на самих себя: бьются головой о стену, царапают ногтями собственное лицо, катаются по полу с диким воем, дергая ногами и руками, разбивают кулаками или лбом оконные стекла и зеркала.

Подытожим. Во всех приведенных примерах наблюдались непомерно сильные внешние проявления отрицательных эмоций и переадресованная агрессия во взрывообразной форме: поток гневных слов и судорожные телодвижения, явно вырвавшиеся из под контроля высших сфер сознания. Однако, действительно ли «вырвавшиеся»? Это еще как сказать. Оставь истерика наедине с его истерикой или выполни все его желания, прихоти, на 100, 150, 200 % и частенько он подозрительно быстро приходит в норму, если, конечно, не довел себя до сердечного приступа или не успел впопыхах вспороть себе вены столовым ножом, напиться хлорки, прыгнуть с шестого этажа, «чтобы доказать этим сволочам».

По крайней мере, в первых двух случаях вся сцена, похоже, разыгрывалась для того, чтобы возбудить сочувствие окружающих, вызвать их вмешательство. С демагогами и фюрерами и того проще: цель их истерики — нагнать на всех побольше страха, дабы трепетали, тряслись, поверглись ниц или кинулись по указке: «Фас!» Скажем в оправдание: вполне вероятно, однако, что такие мотивы истерического поведения во всех упомянутых случаях, кроме, разве что второго, были хотя бы отчасти подсознательными.

И еще добавим: среди человеческих особей мужского пола особой склонностью к истерии, окромя пламенных народных трибунов, отличаются уголовники. В воровских кодлах с их жесткой иерархической структурой манера чуть что закатывать истерику вплоть до изрезывания бритвой собственной физиономии, катания по полу с поросячьим визгом и других тому подобных художеств, типична для «шестерок»-прихлебателей пахана. Они ведут себя так при разного рода разборках в его присутствии.

Что характерно для большинства истериков? Переживаний не так уж много, в общем-то, на наш «деревянный» рублик. Зато внешних проявлений — на доллар и более!

Конечно, истерик сам себя распаляет, доводит до беснования и судорог. Но все-таки сидит при том в его мозгу эдакая мыслишка: «Ужо вы все у меня тут запрыгаете!» Кто с валерьяновыми капельками, кто с расстегнутым кошельком, а кто с министерским портфельчиком или с задницей, услужливо подставленной для порки.

Даже хотя «доведенные до белого каления» мужчины, конечно же, не ломают комедию, все не так уж просто. Даже в этом трагическом случае внешний взрыв подсознательно нацелен на внешнего зрителя: «Пусть их, гадов, потом совесть гложет и народ осудит». Недаром же доведенные до отчаяния китайцы, например, имели обыкновение вешаться на воротах обидчика. А есть ли даже у такого человеческого маразма как истерика некие подобия в поведении животных?

Есть, и еще какие!

Начнем с наиболее отдаленной аналогии. Некоторые мелкие твари с перепугу «прикидываются мертвыми». Как это происходит? Дикая вспышка страха с ее гормональными последствиями. В результате — перевозбуждение нервной системы, которая как бы «вырубается». Наступает временный паралич. Так «прикидываются», в частности, жучки: щелкунчики и божьи коровки.

Пример поближе: поведение мелких и средних зверушек, «загнанных в угол», когда спастись бегством невозможно. Берегитесь попавших в такое положение крыс, леммингов, ласок, хорьков. Взбешенный зверек ощеривается, пищит и норовит первым броситься на врага, прыгнуть, вцепиться в него. Ведь уже нечего терять и пропади все пропадом. Страшноватое это зрелище. Особенно устрашающе выглядят и опасны в подобном состоянии подранки мелких и средних хищников. Они свою жизнь задешево не продают.

Однако же подобное поведение предназначается для устрашения существ чужого вида, в отличие от человеческой истерики.

Иное дело, внешнее проявление взрыва отрицательных эмоций у социальных животных в иерархической группе.

Этологи давно обратили внимание на громадную разницу во внешнем проявлении боли, страха и обиды между дикими одиночно живущими и социальными либо домашними животными. Как ведут себя, например, раненый тигр или дикий камышовый кот, угодивший в капкан? Они только тихо шипят и корчатся от боли, но, в отличие от домашнего кота, которому прищемили лапу или хвост, никогда не кричат. Ведь кричи — не кричи, никто не выручит. Наоборот, враги, чего доброго, отыщут по крику да и добьют.

Полная противоположность — социальные или домашние животные, которым может прийти на помощь собрат по виду либо человек. У них крик боли целесообразен. Наши собаки не только домашние, но и по природе своей стайные звери. У них еще до одомашнивания существовала кое-какая взаимовыручка. Прищемили собаке лапу, она кричит, визжит, воет. Люди, по всей вероятности, не останутся равнодушными. А вот и такая ситуация. Большой пес кусает и треплет маленькую собачонку, в нарушение собачьей этики. Как реагирует та? Конечно, издает душераздирающий визг, напоминающий щенячий. Этот звук может утихомирить агрессора, а также спровоцировать вмешательство людей или (у бродячих псов) вожака стаи.

Ну, а как обстоят дела с истерикой у обезьян?

У них, если сильная особь, но не вожак, обижает слабую, та закатывает самую настоящую истерику: пав ниц и катаясь по земле, вопит благим матом, судорожно извивается всем телом, совершает какие попало движения руками и ногами. Такое поведение может послужить тормозом для агрессии сильной особи, а также, и это главное, побуждает прочих членов стаи, в особенности же вожака, вмешаться в драку и атаковать более сильную особь. (Вспомним эксперименты с раздражением мозга у павианов разного социального ранга). Павианьи вожаки постоянно вмешиваются в подобные свары и наводят порядок. У макак за вожаком при этом устремляются особи низшего ранга и обидчику несдобровать.

А что происходит, когда истерику закатывает сам вожак, чем-нибудь очень недовольный: вопит, жестикулирует, выражая тем огорчение и гнев? Стаей овладевает ужас.

Все чуют: раз «Сам» в бешенстве, значит, начнет срывать злобу, и спешат выразить свою покорность. Самки подставляются. Оказавшиеся поблизости самцы низшего ранга — тоже.

Таким образом, здесь аналогия с функциями истерики в человеческих коллективах-полная. Наши предки обрели манеру закатывать истерики раньше, чем научились ходить на двух ногах и говорить. При этом весьма характерно, что у «слабого пола» и шестерок, взывающих к помощи пахана, истерика обычно сопровождается отказом от двуногой позиции. Истеричная особа, вопя, катается по земле точь в точь как доведенная до истерики обезьяна низшего ранга! Напомним: падение ниц — крайний вариант позы подчинения. Приняв ее, а в то же время привлекая к себе внимание окружающих своим истошным криком, истерик тем самым провоцирует их агрессию (подражательная реакция) против своего противника, отводя ее от себя.

Между тем, демагоги и фюреры истерически вопят, напротив, распрямив корпус, как положено победителю в обезьяньей драке. Взобравшись на какое-нибудь возвышение, трибуну или сцену, они ведут себя там точь в точь как взбешенный обезьяний вожак. Этологический смысл такого поведения тоже вполне понятен: «Я вас всех проглочу и ногами затопчу…» При этом типична еще и следующая черта поведения истеричных демагогов: они начинают «защищаться» раньше, чем на них напали, в чем также уподобляются обезьяньим иерархам.

Во время революций истерики обычно преуспевают в ее начальный период, пока новая власть не укрепляется настолько, что их услуги уже больше не требуются. На втором этапе наступает время более выдержанных, спокойных и целеустремленных параноидальных «гениев». Те наводят порядок железной рукой. Однако же, пример многих деятелей Великой французской и нашей революций, а также нацистской Германии доказывает, что иногда особенно «перспективным» оказывается сочетание: «параноидальность плюс истеричность». Прямо как в поговорке: Пьян да умен — два угодья в нем.

4.6. Социальный стресс и вождь, как биохимическая индивидуальность

Жить в страхе пред созданием нам равным значит то же,
что не жить, — слова Брута из «Юлия Цезаря» В. Шекспира.

Наверное, любой из нас при каких-то жизненных обстоятельствах чувствовал себя несчастным-разнесчастным Акакием Акакиевичем Башмачкиным из «Шинели». Правда, это ощущение — не из таких, в каком хотелось бы признаться даже самому себе, не говоря уж об окружающих.

Чувства униженности, неполноценности, затюканности отвратительны даже в обыденной жизни. Тем более, ужасно состояние человека, постоянно живущего в состоянии унизительного страха перед своими мучителями, как то часто бывает в армейских казармах, тюремных камерах и даже в учебных заведениях, где учащиеся охотно забавляются то травлей «новеньких», то коллективным издевательством над какой-нибудь классной белой вороной. Вспоминается по такому поводу и прогремевший у нас несколько лет назад трагический фильм Ролана Быкова «Чучело».

В любом уважающем себя учреждении коллектив негласно делится на «элиту» и «парий», людей «низшего сорта», часто вовсе не заслуживающих коллективного презрения, точно так же как «элита» отнюдь не всегда состоит из самых лучших работников.

Что, кроме чинов и званий, определяет деление любой стабильной группы людей на негласно «высших» и «низших», мы уже обсуждали: иерархия, социальный ранг, в зоопсихологическом смысле этого слова. К сожалению, от подобного рода обезьяньего наследства отделаться трудно или даже невозможно. В одних человеческих сообществах оно режет глаз как в «Униженных и оскорбленных», в других — более или менее скрыто, спрятано в подсознании.

Совершенно отвратные формы принимали всегда ранговые отношения в окружении

деспотов. Так, что только ни рассказывали после смерти Сталина его осмелевшие соратники о выходках вождя во время ночных попоек на «ближней даче» в Кунцево. Любой ехал туда и трясся: «Вернусь ли живым?»

В художественной литературе всю бездну самодурства «величайшего гения всех времен» и раболепия прочих членов Политбюро наглядно изобразил Фазиль Искандер в «Сандро из Чегема», главе «Пир Валтасара».

И Осип Мандельштам в известном стихотворении, написанном еще в 1933 году (оно стоило поэту жизни, хотя с ним разделались не сразу, а в два приема), не поскупился на краски:

…А вокруг него сброд тонкошеих вождей
Он играет услугами полулюдей.
Кто шипит, кто мяучит, кто хнычет.
Он один лишь бабачит и тычет…

Обстановка, царившая при дворе римских императоров, первых двенадцати из них, обрисованных Корнелием Тацитом, Светонием Транквиллом или, например, в окружении Ивана Грозного, была, конечно, ничуть не лучше.

Примеров самодурства начальника и раболепия подчиненных из произведений наших отечественных писателей можно привести очень много. Хотя бы «Смерть чиновника» А.П. Чехова, его же «Тонкий и толстый». Но мы сейчас будем говорить не о самом социальном ранге, а о его вреднейшем действии на здоровье жертв иерархии. Начнем не с людей, а с… рыб. Даже их нервы не выдерживают.

По наблюдениям известного русского ихтиолога В.С. Ивлева, у некоторых карповых рыб от одного лишь вида намного более крупной особи за стеклянной перегородкой расстраивается аппетит и качественно меняется характер питания. Рыба начинает избегать подвижной животной пищи и поедает менее питательные водяные растения. Более молодой наш ученый И. В. Нечаев недавно провел исследование на особенно агрессивных рыбах — цихлидах-акарах (*Aeguidens pulcher*). Оказалось, что один из нескольких самцов в небольшом аквариуме обязательно доводит до гибели всех остальных, у которых состояние забитости явно отражается на содержании в головном мозгу и прочих органах нейрогормонов катехоламинов: понижена концентрация дофамина и повышена — норадреналина. И содержание глюкозы в крови жертв сперва надолго повышается, но затем, непосредственно перед смертью, падает — типичная картина стресса, какой ее описал крупнейший канадский физиолог Ганс Селье.

Стресс — гормональная перестройка организма, рассчитанная на быструю защитную реакцию: бежать или драться за свою жизнь. Растет содержание адреналина в крови, а в результате и содержание в ней глюкозы — энергетического «сырья» для организма, его мускулатуры и нервной системы. Расширяются кровеносные сосуды в сердце, скелетной мускулатуре и мозгу, чаще бьется сердце. Зрачки расширены. Беда только в том, что все физиологические перестройки перед бегством или борьбой не рассчитаны на длительный срок. Таким образом, если вызывающий их стимул многократно повторяется, и вызванное им состояние стресса не проходит, он влечет за собой не только общий упадок сил, но и ряд характерных заболеваний: ослабление иммунной системы, язвенную болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, инфаркт миокарда, атеросклероз, иногда даже инсульт — кровоизлияние в мозг.

Американский ученый Р. М. Саполски, наблюдая за поведением павианов-анубисов в национальном резервате Масан Мара (Кения), был поражен тем, насколько жестокий характер в их сообществе принимают иерархические отношения. Пищи вдоволь, территория никак не ограничена, самок не меньше, чем самцов. Тем не менее, самцы только и заняты тем, что всячески пакостят друг другу жизнь. Один «заведет роман», другие наскакивают на него до тех пор, пока не отобьют всякий интерес к «прекрасному полу». Один поймал добычу (анубисы — хищники), другие отгоняют удачливого добытчика от лакомой пищи и

пожирают ее сами.

В царстве павианов-анубисов, как и в наших царствах, социальной стабильностью и не пахнет. Почти любого доминанта высшего ранга рано или поздно изгоняет из стаи коалиция молодых самцов, какое-то время очень привязанных друг к другу. Однако, обезьянья дружба, в отличие от дружбы между собакой и ее хозяином, очень немногого стоит. Еще один повод пожалеть о столь не лестном для нас родстве! Вчерашние друзья завтра злейшие враги. Чтобы объединиться и сдружиться между собой павианам, оказывается, необходим общий враг. Вспомним, для чего обычно создаются всевозможные оппозиционные коалиции в нашем обществе.

К тому же, в этом обезьяньем коллективе тоже, как и в нашем, в порядке вещей «самое подлое предательство». Самцы объединяются в группы, чтобы напасть на доминантную особь, а потом, если победа остается за ними, тут же принимаются враждовать между собой. Начинается драка двух, вроде бы, спаянных групп, и вдруг, прямо в ее разгаре кто-то предает союзника и оставляет его одного против превосходящего противника, убегая с поля боя, или даже сам помогает расправиться со своим товарищем.

Доминантные особи измываются над подчиненными, а те раболепствуют перед ними: чистят им шкуру, выкапывают и очищают от земли клубни. Доминантный самец, потерпев поражение в драке с другим таким же самцом, тут же вымещает злобу на слабых и беззащитных.

Физиологические последствия всего этого безобразия весьма ощутимы. У подчиненных самцов, в отличие от доминантных, падает содержание в крови мужского полового гормона тестостерона со всеми вытекающими отсюда последствиями для их сексуального поведения. Зато у них повышено содержание в крови кортизола — гормона надпочечников. Это повышает риск атеросклероза и сердечных заболеваний. Напротив, у доминант выше уровень растворенного холистерола (не путать с отложениями холистерина), что препятствует развитию атеросклероза. Словом, обезьянье общество явно сокращает жизнь отдельным своим членам, хотя драки почти не сопровождаются серьезным членовредительством или, тем более, убийством. Хватает унижений, испугов, невозможности нормального отдыха, секса и сна.

Саполски обнаружил, что доминантами чаще делаются как раз те самцы павианов, у которых нервная система исходно не предрасположена к стрессам: это видно по физиологическим показателям. «В здоровом теле — здоровый дух» и наоборот.

Греческая исследовательница А. В. Арванитис также подтверждает, что у обезьян по анализу крови можно определить «кто есть кто». И у человека все более или менее так. У фюрерствующих индивидов в крови понижено содержание нейрогормона серотонина, больше циркулирует в ней белых кровяных телец лимфоцитов, а, значит, выше уровень иммунных реакций. То есть даже инфекционные заболевания лидерам угрожают меньше, чем подчиненным. У людей, как и у обезьян, хамство и агрессия «вознаграждаются» отменным физическим здоровьем. Жертвы хамства чаще болеют и у них больше шансов рано умереть.

Но инфаркты случаются и у лидеров. Так у доминантного самца можно вызвать инфаркт, отсадив его в отдельную клетку рядом с вольерой, в которой одна из самок той же стаи пребывает с другим, низшим по рангу самцом.

По этому поводу вспоминается эпизод из жизни одного нашего ныне покойного генерала от академической науки времен «застоя». После какого-то совещания в ЦК КПСС ему вместо обычной «Чайки» подали «Волгу» как какому-нибудь заурядному академику! У великого человека начался сердечный припадок. Едва отходили! А ведь мог запросто и помереть от такого страшного унижения.

4.7. Секс и иерархия

У обезьян, как и у нас грешных, нет определенного брачного сезона. Они тоже

спариваются когда попало и, следует отметить, куда чаще, чем многие другие млекопитающие. Старые самки, уже никого не интересующие, обычно занимают самое низкое место в обезьяньей иерархии. Слава Богу, что у нас ценится жизненный опыт, а потому не все точно так, хотя у некоторых отсталых племен стариков попросту морят голодом или даже, иной раз, пожирают.

Как мы уже говорили, у обезьян движения, имитирующие акт соития, иногда принимают чисто символический характер и осуществляются в связи с иерархическими отношениями. В частности, самцы-субдоминанты могут выражать покорность доминанту, принимая самочью позу подстановки. Доминанты же напоминают всем прочим, кто здесь начальник, демонстрируя свои половые органы или похлопывая себя по ним. (Такие движения представляются нам явным аналогом матерщины).

У некоторых видов павианов доминирующая особь демонстрирует ранговое превосходство еще и ударами рукой по чужим седалищным мозолям: жест, как бы символизирующий соитие. У людей, как считает З. Фрейд, аналогичные действия: удары по ягодицам имеют тот же символический смысл. Недаром в древнем мире и у нас при крепостном праве хозяева с помощью телесных наказаний не столько причиняли боль рабам, сколько публично унижали их. Иногда жертвы публичной порки умирали от шока (отнюдь не болевого), кончали с собой или страдали всю жизнь тяжелыми психическим расстройствами. Известный исторический пример — героиня Великой французской революции Теруань-де-Мерикур, которая сошла с ума после того, как якобинцы публично ее высекли на площади Тюильри в Париже. В сибирских и дальневосточных деревнях обычай запрещал жениться на девицах, которых деревенская община за что-то приговорила к публичной порке — «стеганых». О гнусности и неприличии телесных наказаний написал возмущенную статью Лев Толстой.

У обезьяньего вожака гомосексуальная случка с субдоминантой по большей части символична, это — активное подтверждение рангового превосходства. И у многих обезьян, и, как известно, у людей резко падает социальный статус самца изнасилованного в присутствии группы особей.

Кто не слышал о трагедии так называемых «опущенных» в наших тюрьмах? Заключенный, изнасилованный на глазах у всех в общей камере, превращается в неприкасаемого, в парию. С ним недопустимы любые формы общения: нельзя даже дать прикурить. Нарушителям грозит опасность превратиться в таких же «опущенных».

У самки поза «подстановки» — демонстрация подчиненного состояния. Молодые самки обезьян резко повышают свой социальный ранг, если делаются объектом внимания доминантного самца. Общеизвестно, как боятся в учреждениях молодых и смазливых секретарш, пользующихся благосклонностью высокого начальства.

Один из нас как-то присутствовал на Ученом совете, предзащите докторской диссертации некой молодой и весьма привлекательной женщины. Председатель всячески высмеивал и поносил диссертацию: «низкий профессиональный уровень», «космополитизм» (слишком много по тем далеким годам ссылок на иностранных авторов) и так далее и тому подобное. Вдруг председателю вручили какую-то записку, после чего он, резко сменив тон, начал сразу же превозносить до небес ту самую работу, которую только что так ругал. В записке, как позже удалось узнать, грубо и коротко сообщалось об интимной связи диссертантки со всесильным тогда вице-президентом академии наук.

Прекрасный пример на эту же тему можно подчеркнуть из средневековой поэмы (XIII век) «Песнь о нибелунгах», о которой более обстоятельный разговор пойдет далее (4.8.) Все описанные в ней трагические события произошли из-за ссоры двух королев. Сперва они выясняли, чей муж родовитее, а потом каждая пыталась войти в собор первой. По тогдашним понятиям, очередность прохождения в дверь всецело зависела от социального ранга мужей.

Итак столкнулись свиты обеих королев,
И тут хозяйка гостье, от злобы побелев,
Надменно приказала не преграждать пути:

«Пускай супруга ленника даст госпоже пройти».

Это недоразумение растянулось на многие годы и стоило жизни тысячам людей!

Сексуальную мотивацию мужчин начальников, доминант во всем, что касается взаимоотношений, услуг, вопросов карьеры женщин на производстве и в офисах не отрицает ни одна представительница прекрасного пола.

В порядке вещей и такое явление: вышестоящие человеческие «самцы», точь-в точь как и обезьяньи, отбивают приглянувшихся им «самок» у «самцов», нижестоящих по социальному рангу. Общеизвестный ветхозаветный пример: как царь Давид отобрал Варсавию у своего военачальника Урии.

Цитируем воспоминания А. Ларина и П. Педиконе об Арсении Тарковском («Юность», № 5, 1993) (нижеприведенный эпизод, впрочем, не имеет к Тарковскому ни малейшего отношения): Тася не сразу сделала карьеру. Она возвышалась постепенно, пройдя путь, обычный для многих девушек на войне. Началось с командира роты. Командира роты обездолил командир батальона, этого командир полка, и, наконец, Тасей завладел сам начальник политотдела дивизии….

Очень похожей, как известно, была и карьера русской императрицы Екатерины Первой: от солдата Мишки до Данилы Меньшикова и выше до самого Петра.

Несомненно, социально-иерархическую подоплеку имел чудовищный разврат некоторых властителей, таких как древнеримские императоры Калигула и Нерон, наш Иван Грозный. Кое-где на Востоке полигамия, гаремы на многие сотни «штатных единиц» вменялась в обязанность царям. Ветхозаветный пример — царь Соломон. В более близкое нам время гигантские гаремы были у мусульманских правителей: шахов, султанов. Всем известно средневековое «право первой ночи».

И во многих группировках современной молодежи социальный ранг непосредственно зависит от прилюдно демонстрируемых успехов в сексуальной сфере. Лидерами становятся люди, всячески рекламирующие свой патологически развратный образ жизни. Все, вроде, закономерно в понимании этологов, только уж сами мужчины в таких случаях сильно смахивают на похотливых вожаков-павианов.

Некоторых аспектов сексуального поведения мы коснемся дальше в разделе 6.4.

4.8. Иерархия и комплекс неполноценности

Как мы уже говорили, у животных конфликты часто разрешаются без боя, если одна особь явно крупнее другой. Зачем драться, если заранее ясно, кто сильнее?

В некоторых первобытных обществах, например в Полинезии и у ряда племен центральной Африки вожди специально предаются обжорству, чтобы обрести приличествующую своему рангу тучность. Обычно их с первого взгляда можно отличить от подданных по невероятно толстому брюху и заплывшей от жира физиономии. Руки и ноги у них такие, словно они страдают слоновьей болезнью. Достаточно типичный современный пример: кровавый угандийский диктатор Иди Амин.

И в общинах воинственных кочевников былых времен в вожди-цари часто выбирали самого физически мощного, высокого и красивого. У него был сын, имя его Саул, молодой и красивый; и не было никого из Израильтян красивее его; он от плеч своих был выше всего народа… и взял Самуил сосуд с елеем и вылил на голову его, и поцеловал его, и сказал: вот Господь помазывает тебя в правителя наследия Своего…«(Ветхий завет, Книга 1 Царств, гл.9.2 и 10.1) Как известно, кончилось это избрание плохо. Щуплый пастушонок Давид уложил камнем из пращи гиганта Голиафа, а потом хитростью и умом постепенно приблизился к царской власти и в удачный момент, когда Саул с сыновьями пал в битве с филистимлянами, стал новым правителем страны.

Очень часто главным качеством в борьбе за верховную власть становится то, что называют «харизмой» — предначертанием. Тут играет роль одно обстоятельство, чреватое

бедами для человечества. Это — комплекс неполноценности и связанное с ним патологическое честолюбие в сочетании с зарядом ненависти.

Нередко малорослые и физически слабые люди, с раннего детства много битые сверстниками, претерпевшие всяческие унижения, обретали неодолимое стремление к самоутверждению любой ценой и любыми средствами. Из них вырастали безжалостные тираны, коварные владыки, кровавые палачи.

Историки давно подметили, что у многих вождей, безобразно распоряжавшихся властью, в совершенстве владевших искусством травли, интриг, клеветы, было тяжелое детство. Взобравшись на вершину общественной пирамиды, закомплексованные словно мстили обществу за свое прошлое.

Бессмертный образ В. Шекспира: уродливый горбун Ричард Йорк делится честолюбивыми планами со своей тенью. Этому пасынку судьбы предстоит стать королем Англии Ричардом Третьим, ценой многочисленных подлых убийств. Иван Бунин в «Окаянных днях», цитируя французского историка Лентора, пишет о Кутоне, одном из самых кровожадных и влиятельных подпевал Робеспьера в якобинском Комитете общественного спасения: Кутон был полутруп. Он был ослаблен ваннами, питался одним телячьим бульоном, истощен был костоедом, изнурен постоянной тошнотой и икотой, но его упорство и энергия были неистощимы… Ноги его были парализованы, в Конвент он ездил на самодвижущемся кресле с ручным управлением…. Каждый день приказывал он поднимать себя, сажать в кресло, чудовищной силой воли заставлял свои скрюченные руки ложиться на двигатель, напоминающий ручку кофейной мельницы, и летел среди тесноты и многолюдства Сент-Оноре в Конвент, чтобы отправлять людей на эшафот…

Кто не помнит из пушкинского «Кинжала»:
Исчадье мятежей подъемлет злобный крик.
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник…

Это, вполне заслуженно, — о Марате, еще одной кровожадной якобинской бестии. Марат страдал тяжелейшей формой экземы, что вынуждало его даже просителей принимать, сидя в ванне. В ванне он и был заколот Шарлоттой Кордэ.

Низкорослым горбуном был и Жильберт Роом, еще один страшный человек из той же компании — председатель Конвента, пославшего на эшафот, среди прочих, короля Людовика XVI, председательствующий в якобинском клубе «Друзей Закона», до переворота 1789 года гувернер графа П. А. Строганова.

И. Г. Эренбург в романе «Хулио Хуренито» описывает Россию в годы гражданской войны: …В вагоне мы разговорились с одним приказчиком из Малого Ярославца, уродливым горбуном. Он очень своеобразно нападал на коммунизм: «Что я? Образина. Насекомое с человеческим лицом. Прежде я мог хоть надежду питать — разбогатею, зашуршу «катеньками», все наверстаю. Может, скажете, за деньги нельзя было все захватить? А теперь что? За паек работать? Равенство? Так пусть сначала они всех сделают ровненькими. А за горб, спрошу я вас, за мое унижение кто мне заплатит? Одно мне осталось. Поступлю в продотдел чеки…«

Тимур, жестокое чудовище — был хромым, «Тамерлан» от «ланг» — хромой.

Византийский писатель Иордан описывает внешность гуннского завоевателя Атиллы: Низкорослый, с широкой грудью, крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, отвратительным цветом кожи, он являл все признаки своего происхождения. Учился Атилла в Риме, где местные римские школяры зло издевались над его уродливой внешностью и варварским происхождением.

И Бенито Муссолини, итальянский фашистский диктатор, и кровавый гаитянский тиран «папа-док» Дювалье, и генерал Франко, и наши великие вожди Ильич и товарищ Сталин были людьми низкорослыми и, по большей части, совсем неказистыми.

О внешности и тяжелом детстве наших корифеев столько уже писано-переписано, что

не будем особо распространяться.

У Сталина, как известно, кроме малого роста, имелись два серьезных физических недостатка: следы оспы на лице и отсохшая левая рука. Всех входивших в его кабинет рослых людей он просил немедленно сесть. Не допускалось, чтобы взгляд вождя хоть на мгновение был направлен снизу вверх. Детство Иосифа Джугашвили, судя по всему, было очень безрадостным. Он даже на похороны своей матери не счел нужным приехать и как-то прилюдно в сердцах обозвал ее «старой б…» Это при его-то умении держать язык за зубами!

Адольф Гитлер, вроде бы, не имел особых физических изъянов (сообщения о дефектах детородного органа не заслуживают доверия). Однако, у Гитлера было необычайно тяжелое детство. Бедная семья. Отец, таможенный чиновник в Линце (Австрия), Алоис Гитлер-Шикльгрубер пил и в пьяном виде оскорблял мать, которую Адольф очень любил. Гимназическая учеба шла плохо. Мечта стать художником не сбылась: конкурсная комиссия Венской академии художеств забраковала работы Гитлера. По легенде он сказал экзаменаторам:

— Господа! Я еще нарисую такие картины, что весь мир содрогнется от ужаса!

После демобилизации из немецкой армии будущий фюрер изрядное время мыкался без работы и без жилья, бедовал в ночлежках.

В гитлеровском окружении хватало уродливых, малорослых, колченогих. Одним из таких был, например, И. Геббельс. А писал о «белокурых бестиях» — мощных, рослых, невозмутимых арийцах, о полной физической своей противоположности.

Не дай Бог высокорослым стать на пути низкорослых! Тому в истории мы тьму примеров слышим.

Низкорослый, в молодости худой, нервный, физически довольно слабый Наполеон умел так себя держать, что перед ним трепетали все. Рассказывают, что во время первой итальянской кампании 1796-97 годов долговязый генерал Пьер Ожеро как-то потянулся к штабной карте:

— Позвольте мне показать. Я выше.

— Не выше, а длиннее на голову, — отрезал первый консул. — И если будете мне грубить, мигом лишитесь этого отличия.

У Наполеона, как и у Сталина, Атиллы и так далее, хватало и других причин для закомплексованности, помимо малого роста: бедность, суровое воспитание в многодетной корсиканской семье, пребывание с детства вне ее на чужбине в Отенском колледже, а затем с десяти лет в Бриенском военном училище, где другие ученики издевались над его корсиканским акцентом. Ведь для французов он был чужаком, инородцем и в юности ему очень часто об этом напоминали.

Шарль Морис Тайлеран Перигор (1754–1838), один из самых бессовестных дипломатов в европейской истории, был калекой: одна нога плохо срослась после множественного перелома и осталась неподвижной. Тайлеран мог передвигаться только опираясь о костыль и скособочившись при каждом шаге. Увечье он получил в детстве, свалившись с комода, куда его посадила, уходя по делам, да и позабыла снять нерадивая кормилица. Родители, легкомысленные и безразличные к ребенку, сбагрили его ей и больше его судьбой не интересовались. Как-то (28 июля 1830 года), услышав в очередной раз звук набата и пальбу на парижских улицах, он радостно воскликнул:

— Послушайте, бьют в набат! Мы побеждаем! — Мы? Кто такие «мы»?!

— Тише, ни слова больше: я завтра вам это скажу.

Сей наполеоновский министр, предавший своего шефа, как и многих других, сам признавался, что не ведает таких чувств, как любовь, жалость, сочувствие и только к деньгам неравнодушен. Взятки он брал у всех и по любому поводу.

Не менее тяжелым было детство и другого малосимпатичного сподвижника Наполеона, Жозефа Фуше (1759–1820), всесильного и жестокого министра полиции, до того — якобинского палача, главного виновника массовых убийств жителей Леона, а в конце своей карьеры — герцога Отрантского. Худой как жердь, нервный малокровный, некрасивый, он в

детстве был постоянным объектом насмешек сверстников, так как физическая слабость мешала ему участвовать в играх. По той же причине он, сын потомственных моряков, оказался непригоден для морского дела и вынужден был, подобно, между прочим, Тайлерану и некоторым другим малосимпатичным политикам, податься в духовное училище.

Наш российский монарх Павел Первый мучился комплексами не только из-за малого роста. Куда больше угнетала его страшная тайна происхождения. Мать — ненавистная узурпаторша, муже- и цареубийца. Отец — официально Петр III. А фактически? На этот счет всегда существовали сомнения. То ли, действительно, убиенный царь, то ли любовник матери граф Салтыков, то ли даже безвестный пастор из нищей эстонской деревеньки, которую, якобы, всю сослали на Камчатку, так как истинный наследник умер при родах и был подменен. Отсюда, вероятно, дикая одержимость Павла идеей «благородного неравенства», рыцарской геральдикой, тщательной проверкой на «голубизну крови» всех, допущенных к Высочайшей особе, дикое и безобразное самодурство.

У кайзера Вильгельма Второго, одного из виновников Первой мировой войны, была еще при родах сильно повреждена и затем отсохла левая рука. Бесцветную унылую физиономию маскировали чудовищно закрученные усы и почти непрерывно красовавшаяся на голове остроконечная каска. В детстве его третировала родня. Вильгельм был одержим желанием компенсировать свой физический изъян. Он неустанно упражнялся в верховой езде и стрельбе, был отменным хамом и всячески демонстрировал везде и всюду патологическую агрессивность. У него были отвратные манеры. Например, своих почтенных министров и генералов он имел обыкновение даже на официальных приемах шлепать пониже спины как павианий доминант. Как-то на колониальной выставке ему показали хижину африканского вождя в окружении вражеских черепов, насаженных на колья.

— Если бы я мог увидеть Рейхстаг, торчащий таким же образом! — размечтался кайзер. Мечта не сбылась.

Наш «железный нарком» Н. Ежов был почти карликом. Сердобольные цековские дамы звали его «воробышком», пока он их не пересажал.

Венгры до сих пор с ужасом вспоминают своего «Ежова» — Габора Петера, тоже полу-лилипута, причем необычайно уродливого. По своей извращенной жестокости он, пожалуй, перещеголял даже своих чекистских и гестаповских коллег.

С двойственным чувством пишем мы эти строки. Никого ведь оскорблять не хотим. Великая ли вина маленький рост, лысина, оспенная рябь на лице, отсохшая рука? Подло издеваться над физическими недостатками. Люди в них не виноваты. Надо наоборот уважать тех, кто, подобно Франклину Делано Рузвельту или шведской писательнице Эллен Келлер, упомянутой нами ранее, перешагнул через ощущение собственной неполноценности и великолепно его компенсировал. Достойный человек старается подавить в себе этот комплекс, недостойный мстит за него, культивирует его, сосредоточен на нем, и в этом корень многих бед.

Заметим, что одним из мотивов комплекса неполноценности, побуждающего людей прорываться в «большую политику» и при том вести себя очень агрессивно, нехорошо, порой оказывается, помимо физических изъянов, также инородческое происхождение. Такие закомплексованные люди сдуру воспринимают свою «нечистокровность» как нечто постыдное, вроде наследственного сифилиса, и потому пытаются замаскировать ее, становясь крайними шовинистами коренной нации.

Этого вопроса мы еще коснемся (см. гл.9). Примерами же изобилует, в частности, наша российская история. Один из наиболее известных — публицист Фаддей Булгарин, натурализовавшийся поляк, попавший на Русь со «двунадесятью языками». Недаром о нем у Пушкина: Не то беда, что ты-поляк…

В.И. Ленин обвиняя Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе в великорусском шовинистическом походе против Грузии, писал: Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения… По отношению к грузинской нации мы имеем типичный пример того, где сугубая осторожность, предупредительность и

уступчивость требуются с нашей стороны… Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинениями в «социал-национализме», тот грузин, в сущности, нарушает принципы классовой солидарности. (Ленин, ПСС, т.45, стр. 356–360).

4.9. Этологический смысл самовознесения владык на пьедестал и выше

Как Вы смеете! Я выше вас по званию… Завтра прибудет высокое начальство… Ваше высочество… Высшая нервная деятельность… Высшая математика… Не смейте глядеть на меня свысока. Выше вас нет авторитета в этом вопросе. Вам не понять моих возвышенных чувств… Вы — низкое существо… Вы совершили низкий поступок… Унижение… Путь вверх… Низшие беспозвоночные… Высшая школа… Высший разум… Но есть и высший суд, наперстники разврата…

Что во всех этих фразах, выражениях, словах и словооборотах имеет непосредственное отношение к этологии и весьма глубокие «до человеческие» корни в нашем подсознании? Как ни странно, ВСЕ!

Вспомним предыдущую главу. Мраморная лягушка раздувается, чтобы напугать хищника. Разозленный зверь, чтобы внушить сопернику: «я выше, а, значит, сильнее», встает на задние лапы. Птица с той же целью стремится сесть на ветку повыше. Приматы и в том числе человек демонстрируют ранговое превосходство, распрямляясь. Поза подчинения, напротив, связана с пригибанием, сжатием в комок, падением ниц.

Таким образом, соотношение: кто крупнее и выше, тот сильнее заложено в инстинктивных программах анализа зрительной информации самых разных животных, включая, разумеется, и наших до человеческих предков, и нас. Поэтому нет ничего удивительного в том, что оно так прочно въелось также в наше подсознание, отражаясь в языке, причем отнюдь не только русском.

Еще раз процитируем: …Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа… Выше = сильнее! Простая этологическая формула.

Между тем, как мы уже только что рассказали, далеко, ох, далеко не всем вождям и военачальникам повезло родиться титанами. Очень часто бывало, как мы только что продемонстрировали, наоборот: в тираны пролезали коротышки, почти лилипуты, заморыши. Да и законным престолонаследникам, иной раз, не фартило по телесной части — дело случая.

Отсюда вопрос: сильно ли малый рост и разные физические изъяны снижают популярность властителя, подрывают его авторитет? Ответим: где — как. В некоторых странах и в отдельные исторические эпохи, например, в общинах воинственных кочевников или в Спарте периода расцвета, правителем, действительно, мог стать только хорошо физически развитый и здоровый человек. Однако, в цивилизованном обществе это, скорее, исключение, чем правило.

Оказывается, к тому же, что владыкам не так уж трудно обмануть природу. В этом им на помощь издревле приходили зодчие, скульпторы, художники, одним словом, творцы того, что мы назвали «миром несуществующих вещей» (см. гл.2).

Напомним, как этологи обдуривали самца колюшки, подсовывая ему вместо самки или самца-соперника довольно грубо сделанные муляжи с преувеличенными признаками пола. Если чайке в кладку рядом со снесенными ею яйцами ученые подкладывали сходно окрашенное деревянное «яйцо» раз в пять-шесть больше настоящего, она принималась его высиживать вместо своих, живых. Срабатывал врожденный механизм узнавания: «При прочих равных, большие яйца лучше маленьких» (Обстоятельство, которое в свое время, возможно, немало помогло советской власти: «большевик» звучало для не шибко грамотного рассейского мужичка куда притягательнее, чем, к примеру, «меньшевик.»)

Властители еще со времен Шумера и древнего Египта с успехом, хотя и бессознательно, использовали практически тот же самый этологический прием муляжей,

превышающих во много раз естественный размер, чтобы внушать подданным чувство благоговения и страха. Для этого сооружались грандиозные дворцы, пирамиды, воздвигались по всей стране громадные статуи-изображения владык на высоченных постаментах, высокие каменные стелы с хвастливыми реляциями о победах, капища, где отправлялся культ обожествленных правителей или, по крайней мере, за их здравие жрецы ежедневно возносили молитвы отечественным богам.

И в наш век подобными приемами пользовались для укрепления своей власти вожди тоталитарных держав. С помощью статуй, архитектурных сооружений и портретов народу внушали, что навязанная ему власть прочна, вечна и несокрушима как гранит. Ведь, действительно, рядом с высоченным скульптурным изображением земного бога-владыки любой, даже самый рослый мужчина невольно ощущал себя жалким муравьишкой. Еще раз напомним простую этологическую формулу: выше = сильнее. Громадный муляж властителя во все века вбивал в голову «маленького» человека верноподданнические чувства, которые никоим образом не смог бы возбудить сам оригинал, часто к тому же еще, весьма плюгавенький:

Ведь я червяк в сравнении с ним,
С его сиятельством самим…

Любой, кто жил во времена «культа», помнит: в какое учреждение ни зайдешь, везде сверлят тебя с высоко висящего портрета глаза великого Отца народов. Вышел на улицу, опять он, где в граните, гипсе, бронзе, а где и на грандиозной, во всю стену, мозаике и снова — портреты, портреты, портреты… Околеть можно было.

Сына забрали и мать больная.
В комнате сумеречно, темно.
Сегодня праздник: Первое мая.
Вождем заслонили ее окно.
(И. Бродский)

Конечно, и в былые века монументы властителей, конных и пеших, то и дело возбуждали в людях подсознательное чувство не только страха, но и протеста. Об этом ведь, по сути дела, и в пушкинском «Медном всаднике»: жалкие слова несчастного Евгения: «Ужо тебе…» и страшное его видение — грохот бронзовых копыт за спиной….

А в том коне такой огонь,
Такая сила в нем сокрыта.
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

Нечего говорить, современные монументы вождей — не ровня бессмертному произведению Фальконе. В. Р. Дольник обозвал их «каменными плевками в лицо». Этим он объясняет то, что после августа 1991 года многим людям так не терпелось сбросить с постаментов этих истуканов, дабы взирать на них сверху вниз. Действительно, с этологической точки зрения, акт низвержения памятника подсознательно воспринимается как унижение самого тирана. Мол, ага, я взираю на тебя сверху вниз, а, значит, ты уже нам больше не страшен, мы сильнее, наша взяла. По мнению В. Р. Дольника, недавняя компания разрушения большевистских памятников — своего рода лечебная процедура освобождения людей от въевшегося в их души страха перед недавно еще всесильной властью.

Однако, известно, что еще при крещении Руси более тысячи лет тому назад толпа, низвергавшая идолов Перуна, ликовала точно также как современные толпы, низвергавшие большевистских истуканов. Летописцы сообщают, что киевского Перуна, когда тащили в Днепр, били палками, а он-де «испускал тяжкое воздыхание». Новгородский же Перун,

влекомый в Волхов, и вовсе, мол, вопил, протестовал, а как скинули его с мосту, запустил палкою в народ: «вот вам, новгородцы, в память мою оставляю» как залог грядущих смут. Не от тех ли лет поговорка: Взял боженьку за ноженьку да об пол головой!?

И в годины былых революций, нашей, а также французских — первой Великой и 1871 года — низвержение памятников тоже было в моде. Оно привлекало на площади громадные толпы бурно ликующих зрителей. Оказывали ли подобные зрелища хоть когда-то благотворное влияние на общественные нравы? Для нас, авторов этой книги, признаться, открытый вопрос.

Во всяком случае, нам самим довелось наблюдать как в Москве на Лубянской площади в ночь с 22 на 23 августа 1991 года несметные восторженные массы сперва силились сами сбросить с высокого постамента изваяние «Железного Феликса». Затем, когда это, наконец, удалось сделать с помощью мощного крана, кричали тысячеголосое «Ура!», аплодировали, пели и пританцовывали.

Не скроем: у нас, авторов, все происходившее в ту ночь, сразу же вызвало противоречивые чувства. Думалось: «Конечно, слава Богу, что дожили, свершилось. Но, увы, крушить памятники и переименовывать улицы — занятие у нас не новое и куда уж как проще, чем строить новую жизнь. Пожалуй, вскоре многие из сегодняшних низвергателей будут уже не прочь водрузить того же истукана на прежнее место».

К сожалению, ход дальнейших событий полностью подтвердил тогдашние опасения. Эйфория толпы недолговечна и почти всегда завершается полным разочарованием. Об этом будет особый разговор далее, в 9 и 10 главах.

Подведем итог. Технология авторитарной власти в цивилизованном обществе практически всегда включает в себя как обязательную составную часть применение изобразительных искусств и архитектуры, а ныне также средств массовой информации для создания у масс иллюзии, что данная власть всесильна и вездесуща, несокрушима и вечна.

Особо следует подчеркнуть, что, помимо архитектурных сооружений, памятников, портретов вождей и пр., для той же цели используют разного рода подтверждения непосредственной связи земных владык со всесильными властями небесными. Во многих древних государствах, как уже говорилось, правителей обожествляли. На Востоке это практиковалось издавна. В Европе начало положил Александр Македонский. Затем его примеру последовали императоры древнего Рима. После падения Западно-римской империи все европейские и византийские монархи провозглашались помазанниками Божьими и старались править, опираясь на поддержку Церкви. При этом в государственных иерархических структурах практически любой эпохи и цивилизации небесные владыки представлялись как бы сверхдоминанты, увенчивающими иерархическую пирамиду. Эта закономерность трактуется следующим образом в недавних статьях В. Р. Дольника.

Что такое «сверхдоминант» с этологической точки зрения?

В иерархически организованной стае некоторые низшие по рангу слабые особи, как мы уже рассказали, повышают свой социальный ранг, примазавшись к вожаку. В стае павианов, например, от такой дружбы с вожаком выгадывают особо ему угодные самки и раболепствующие молодые самцы. В собачьей своре, кроме вожака-собаки, есть еще и сверхдоминант — хозяин, человек.

Всякий, кто имел дело с деревенскими шавками, знает: нередко они держатся со всеми прохожими людьми и соседскими собаками довольно миролюбиво, если не сказать подобострастно, но только в отсутствие хозяина. Стоит появиться хозяину, и те же дворняги вдруг начинают злобно кидаться даже на тех, к кому прежде ластились. У них исчез страх, тормозивший агрессию пока хозяина (сверхдоминанты) не было поблизости!

По словам В. Р. Дольника, право человека стоять над собственными вожаками для собак самоочевидно. Он им не ровня, он — божество. Если хозяин удосуживается управлять стаей собак, очень хорошо. Но, если ему недосуг, стая управляется собственными иерархами, но пиитет к хозяину от этого не убывает. Бездомная собака всегда ощущает себя ниже собаки, идущей с хозяином. Бык или буйвол, позволивший пастушонку взобраться себе на

спину, уверенно ведет все стадо. Кот, подружившийся с большим дворовым псом, пользуется почтением других котов, которые пса боятся…

Нет ничего гениального в том, что повсеместно и многократно у людей возникала идея поместить на вакантное место сверхдоминанты нечто воображаемое, наделенное всеми доминантными качествами в их беспредельном выражении. Стоит сделать это, и иерархи становятся как бы субдоминантами иерарха, его жрецами, а он — их могучим защитником от остального стада…

Предполагается, что еще даже до появления речи иерархами в человеческом стаде могли становиться индивиды, изображавшие тем или иным способом свои «особые отношения» с чем-то страшным для остальных — грозным явлением природы, страшным местом или опасным животным.

Действительно, легко представить варианты, подобные только что описанному случаю с шимпанзе, барабанившим по канистре. Например, в вожди у древних людей вполне мог выдвинуться охотник, вырастивший и приручивший опасного хищника: львенка или леопарда; некто, не боящийся грома и молнии, причем уверяющий всех, будто грозы начинаются по его приказу; кто-то один в племени, умеющий разжигать и сохранять огонь — для древних — страшное живое существо.

Известно, что, когда белые с их огнестрельным оружием высаживались на некоторых островах Карибского моря, туземцам поначалу мнилось, будто ружье живое. Оно как бы сверхдоминант, а белый человек — субдоминант при нем. Так, к примеру, думал Пятница о ружье Робинзона Крузо, которое молил: «Не убивай меня!»

Римского мятежного полководца Квинта Сертория (123-72 г. до н. э.) испанские иберы признали посланцем богов потому, что у него была всего-то навсего ручная белая лань, прибегавшая на его зов.

В последнее время в нашем «просвещенном» обществе расплодились чудодеи, уверяющие, что побывали в НЛО и вещают от имени космической цивилизации. Им кое-кто внимает с величайшим благоговением. Это ведь тоже эффект сверхдоминанты.

4.10. Подражание и авторитет

«Актеры и зрители» — так называется один из методов дрессировки. Одну собаку регулярно кормят после звонка. Другим предоставляют возможность это видеть. В результате, у них тоже при звонке начинает течь слюна, хотя их самих при этом звуке не кормили.

Неосознанно и мы, и многие животные являемся продуктами и участниками подобных же экспериментов в повседневной жизни. Ведь мы происходим от стайных существ, в поведении которых громадную роль играл принцип «делай как я».

Глагол «обезьянничать» отнюдь не случайно вошел в человеческую речь. Явно видно, что мы то и дело подражаем друг другу, как обезьяны. При этом у обезьян есть одна, свойственная и нам закономерность подражательного поведения. Наиболее «заразителен» пример вожака и вообще особей, стоящих выше по социальному рангу. Многие свои действия особи низшего социального ранга автоматически повторяют вслед за вожаком.

Очень поучительный эксперимент:

Из стаи павианов изъяли низшую по рангу, но смышленую особь и научили доставать апельсины из ящика с «хитро запирающейся» крышкой. Затем ее вместе с ящиком вернули в стаю. Обезьяны, видя как товарка достает апельсины, кинулись ее бить и грабить, даже не попытавшись обучиться полезному опыту. Совсем другая картина наблюдалась после того, как тому же искусству обучили вожака, временно изолировав его от стаи. На следующий же день после его возвращения доставать апельсины научились все, без исключения, обезьяны!

К сожалению, и в этом, как и во многом другом, наше поведение мало отличается от обезьяньего. Мы бездумно «обезьянничаем» у тех, на кого по тем или иным причинам смотрим снизу вверх. Как много потеряла отечественная наука из-за того, что

игнорировались открытия отечественных ученых до тех пор, пока аналогичные открытия не делались на Западе или туда не уплывало изобретение, сделанное у нас в стране. Роль авторитета в наших действиях, особенно же генералов от науки и вождей в тоталитарном государстве, далеко-далеко выходит за границы здравого смысла.

В науке существуют школы и направления. Вокруг крупных ученых собираются последователи и ученики, продолжающие начатое учителем дело. Казалось бы, ничего плохого. Однако же, не зря в научной среде бытует афоризм: Успех любой научной школы проявляется в том, на сколько лет ей удается задержать дальнейший прогресс науки.

И в искусстве такие явления мы наблюдаем повсеместно. Культурные заимствования часто перерастают в глупейшее низкопоклонство и преклонение перед авторитетами. О том ведь басня И. Крылова «Осел и соловей»:

> Но жаль, что не знаком
> Ты с нашим петухом
> Еще б ты больше навострился,
> Когда бы у него немного поучился…

В средние века муху неизменно представляли и даже рисовали существом четвероногим. Спрашивается почему? Да потому, что об этом написано где-то у Аристотеля. Вероятно, ошибка переписчика. Шестиногость мух была торжественно засвидетельствована только в XVII веке Британской Академией Наук!

Жак Шаброль в книге «Миллионы японцев» вспоминает, как на одной токийской улице он увидел хорошо ему знакомое парижское здание — кафе «Встреча железнодорожников», совершенно точную копию. Здание было все в лесах, выглядело не новым, но, вроде бы, не нуждалось в ремонте.

— Ремонт? — спросил Шаброль.

— Нет, — ответили ему. — Ремонтировалось здание в Париже, когда там побывал наш архитектор.

А вот типичные примеры взаимосвязи между подражанием и социальным рангом в некоторых современных коллективах. Начальник наорал на подчиненного. Назавтра уже весь коллектив оскорбляет беднягу и всячески издевается над ним, уподобляясь стае макак. Начальник похвалил кого-то. Все начинают ухаживать за счастливцем, пылинки с него сдувают.

— Пьем чай, не хотите ли присоединиться?

В последнее время вся Россия странным образом коверкает некоторые слова. В начале перестройки то и дело даже по радио и телевидению вместо «класть» можно было слышать «ложить», а в глаголе начать ударение падало на первый слог. Что стряслось? Очевидно, «заразились» от бывшего президента. А почему бы им от нас с вами не заразиться, дорогой читатель? Дудки! Для этого надо быть знаменитостью. Еще во Франции до 1789 года подметили: ошибки в речи королей и принцев быстро делаются языковой нормой. Принцы уэлльские и прочие часто делались законодателями мод.

Пожалуй, в той же связи можно трактовать и столь характерное для последнего времени засорение нашего языка заимствованиями из английского типа: «триллер», «дилер», «киллер». Взгляните на любую стенку, любой забор. Вместо древнего привычного слова из трех букв ныне вы прочитаете там: «fuck», «fuck off». И вместо старого БУ теперь у нас уже принято писать русскими буквами: «сэконд хэнд» Так лучше раскупают!

Подражание распространяется и на идеологию.

В пьесе «Носороги» французского драматурга Эжена Ионеско беда обрушивается на небольшой городок. Одному местному чиновнику приходит в голову блажь превратиться в… носорога, всамделишного. Пусть читатель за это чудо не предъявляет претензий нам, возражения — драматургу. Первый случай превращения вызывает ужас и возмущение. Что же это такое, как же это так, почему вчера — добропорядочный француз средних лет, а сегодня — злобный тупоумный зверь, которому место только в зоопарке?! Однако вслед за

первым случаем — второй, за вторым — третий. Ужас! В городке уже несколько носорогов. Скоро станет опасно ходить по улицам. Ведь они агрессивны и бессмысленны. Их нельзя ни задобрить, ни вразумить. Таковы рассуждения жителей. Однако же, чем больше носорогов, тем больше и желающих стать ими! Сила массового (как и начальственного) примера заразительна.

Не ошибаются марксисты — идея, овладев массами, делается материальной силой. В конце концов, городок превращается в поселение носорогов. Только один бестолковый интеллигент-бессребреник не желает, упорствует в своем нежелании. Все остальные, включая мэра, местных марксистов и прочих прогрессивных людей «обносороживаются». Мотив добровольного отказа от человекоподобия прост: «Все соседи уже превратились. Неудобно. Что же это мы отстаем?»

В сущности не суть важно, кто подает пример: большая толпа или один «ба-альшой начальник». Лучше всего сперва он, затем — компания его «попализаторов» и, наконец, — беснующиеся толпы раболепных верноподданных, поклонников либо болельщиков. Современная реклама пользуется этим методом постоянно. Дурацкий гербалайф, стиральные порошки, сигареты и коньяки рекламируют по телевизору и с журнальных обложек кино- и порнозвезды, королевы красоты, знаменитые спортсмены, известные политики.

В общем, можно сформулировать следующий принцип:

Чем влиятельнее и авторитетнее личность, советующая нам, например, каждый день перед сном прыгать до потолка, стоять на одной ноге или зубрить наизусть таблицу определенных интегралов («очень помогает от всех болезней»), тем больше у этого «средства повышения жизненного тонуса» появится вскоре фанатичных сторонников. К тому же число их может даже расти в логарифмической прогрессии, пропорционально уже имеющемуся числу. Ведь каждый новообращенный будет агитировать, набирая все новых и новых приверженцев. По сходному принципу растут даже очереди:

— Глянь, какая толпа! Давай-ка тоже встанем, а что дают узнаем потом!

Безотказно действует следующий прием для навязывания своих взглядов населению. Включаешь телевизор, играет торжественная музыка — гимн или героические марши. Затем выступает вождь в громадном зале или на стадионе. По невидимой зрителям бумажке (промах наших недавних квасных вождей — бумажка была видна) он произносит заранее отрепетированную и часто не им написанную речь. Аплодисменты в зале перерастают в овацию. Все встают. Хочется встать и телезрителям — сила примера заразительна. Из раза в раз демонстрируется это сочетание: музыка — вождь — речь — аплодисменты — овация — все встают. У зрителей вырабатываются подражательные условные рефлексы «вожделюбия», как у собак и обезьян при дрессировке по методу «актеров и зрителей».

Авторитет вождя может сильно влиять даже на внешний облик и манеры подданных. Если, скажем, популярный вождь вздумает носить усики а-ля Чаплин и скрещивать руки где-то пониже пояса (не слишком-то приличная манера Гитлера), везде по стране закишат люди, носящие квадратные усики и скрещивающие передние конечности на не совсем для того положенном месте. Это все можно было видеть в документальном фильме М. Ромма «Обыкновенный фашизм».

Однако авторитет сперва надо завоевать. Как это сделать?

Добрыми и разумными делами? Трудно, долго и дорого. Обещаниями? Они ни к чему не обязывают, и в наши дни, зная это, могут уже и не поверить. Остается прием, используемый птицеловами. В маленькую клеточку, вплотную к ловушке, сажают синичку. Она пищит и тем завлекает других синичек в ловушку. Каждый начинающий вождь может воспользоваться сходным приемом. Сначала надо обзавестись платными приверженцами, типа статистов в кино, и обучить их искусству устраивать овацию. Конечно, нужны зал и помощь электронных средства массовой информации. Словом, дело не простое. Недаром президентами на западе чаще всего делаются богатые люди (см. также в главе 9).

В последнее время тем же приемом пользуются и разные шарлатаны, выдающие себя за целителей. Подставные лица массами свидетельствуют о чудесном исцелении, выступая по

радио или телевидению. И коммерсанты используют тот же прием — о коммерческих успехах и надежности фирмы сообщают подставные лица.

Нам, правда, пока лучше известна другая категория вождей. Это, по большей части, «селф-мейд-мены» — выскочки из люмпенов или представители, так сказать, среднего класса (в СНГ-партократов). Им пришлось сперва в длительной борьбе завоевывать авторитет в узком кругу заговорщиков-единомышленников, которых они, естественно, потом подминали и уничтожали. Такой путь отражен в пьесе Б. Брехта «Карьера Артура Уи».

В торговле авторитет играет громадную роль. У нас в отечестве, например, любой товар с иностранной наклейкой раскупается несравненно лучше, чем точно такой же, но не импортный. Помните, как Остап Бендер обменял ситечко на стул? Он сказал:

— В лучших домах Шанхая и Филадельфии принято разливать чай через ситечко.

Тут уж «людоедка» Эллочка не устояла.

4.11. Ни одно доброе дело не должно оставаться безнаказанным или почем неблагодарность — профзаболевание начальников

У обезьян вожак контролирует распределение пищи между членами стаи. Если, например, в вольер с павианами поставить ящик, полный фруктов, первым к нему подскочит вожак. Затем, с его молчаливого согласия, приблизятся симпатичные ему самки и те самцы, ниже рангом, к которым он относится наиболее терпимо. Подпускать к пище «по очереди» или даже изредка давать ее находящимся ниже по рангу особям — неотъемлемая привилегия вожака. Те особи, ниже рангом, которые осмелились бы сами контролировать распределение пищи и даже, так сказать, предлагать бананы вожаку, подверглись бы незамедлительной атаке как нарушители иерархии.

Конечно, иерархия вовсе не означает, что обезьяны едят «как пронумерованные» — первые «от пуза» наедаются, а последним даже перекусить нечем. Полного и четкого порядка и в помине нет, но есть тенденция. Одни животные подойдут раньше, другие — позже и, если какой-нибудь самец, кроме вожака, вдруг затешется в эту очередность, начнет самоуправствовать, кого-то отгонять, других, напротив, подпускать, то он, конечно, получит взбучку.

Выпрашивание у обезьян и в отношениях «вожак — подчиненная особь», и при контактах «детеныши — взрослые» неизменно связано с позой подчинения. Выпрашивает всегда низший, а дает высший. Так уж заведено в животном мире. Часто, если уж выпрашивает самка у самца, она к тому же демонстрирует свою готовность к соитию. Вожаку выпрашивать незачем. Он просто берет по праву сильнейшего.

Учитывая поразительное сходство поведения, связанного с иерархическими взаимоотношениями, у человека и у прочих приматов, вполне можно допустить, что и механизм оценок иерархического ранга в связи с отношениями «дающий — принимающий в дар» гнездится где-то в глубинах подсознания. «Обезьяний архетип» (никуда не денешься от собственного бессознательного ощущения!) постоянно заставляет нас смотреть, в глубине души, снизу вверх на любого, кто оказывает нам крупную бескорыстную услугу. Такого человека мы невольно воспринимаем как индивида более высокого социального ранга — подчас весьма неприятное чувство, граничащее с унижением.

То ли дело те, кому аналогичные услуги оказываем мы сами! Где-то в подсознании такие люди представляются нам существами, несколько более обделенными, стоящими ниже нас.

У многих диких племен Океании, Южной Америки и Африки распределение пищи и других жизненных благ — исключительная прерогатива племенного вождя или старейшин племени, и никто не смеет на это их право покушаться. Убил охотник дичь, принес вождю со всяческими выражениями покорности — это не дар! Вождь созывает соплеменников и распределяет добычу, волен и самого охотника одаривать. Все охотники племени обязаны

приносить всю добычу ему, и ничего общего с даром их приношения не имеют.

Приблизительно такова же была судьба военных трофеев во многих армиях в былые века. Солдаты все сносили в кучу, а командир одаривал потом кого хотел.

Нечто поразительно сходное с распределением пищи в обезьяньей стае очень часто можно наблюдать в тюремных камерах и лагерных бараках, где содержатся уголовники. Вот как описывает такое распределение А.И. Сложеницын. Политических грабят малолетки-шестерки и сносят все награбленное на нары пахану. Попытка что-то утаить может стоить жизни. Политзек вправе как бы в обмен на отнятое исходатайствовать место получше. И я возмущенно говорю пахану, что, отняв продукты, он мог бы нам хоть дать место на нарах… и что ж? Пахан согласен. Ведь этим я и отдаю сало, и признаю его высшую власть, и обнаруживаю сходство воззрений с ним — он бы тоже согнал слабейших. Он велит двум серым нейтралам уйти с нижних нар у окна, дать место нам. Они покорно уходят…

Вожак и здесь тот, кто распределяет несправедливо приобретенные материальные блага. Тюрьма — общество и государство в миниатюре. Дань, которую платят пахану все прочие зеки, не имеет ничего общего с добровольным даром. Право «дарить», как и многие другие права, узурпировано вожаком.

Еще пример на ту же тему. По сообщениям «Немецкой волны», один кореец, проживающий в Китае, в 1992 году посетил своих родственников в КНДР и в их семье подарил сладости маленькой девочке. Она его не поблагодарила, а, восхищенная, встала на колени перед портретами Ким Ир Сена и его тучного сына (тогда еще — наследника престола) — и произнесла такую речь:

— Дорогие обожаемые вожди, спасибо вам за подаренные мне вкусные сладости!

В «Песне о нибелунгах» бросается в глаза следующий эпизод. Три брата — бургундских короля с дружиной пришли из Вормса на Дунай в гости к сестре Кримгильде и ее супругу гуннскому королю Этцелю (Атилле? По-видимому, дело происходило в V веке). Вместе с королями прибыл их вассал Хаген, который когда-то убил первого мужа Кримгильды Зигфрида. Возмущенная его появлением королева, встречает гостей весьма нелюбезно. Хаген осмеливается упрекнуть ее за это. Цитируем дальнейший диалог:

Ответила Кримгильда:
— Учтив с гостями тот,
Кому доставить радость
Способен их приход.
А с чем таким из Вормса
Явились вы ко мне,
Чтоб рада вас принять была
Я у себя в стране?
С усмешкой молвил Хаген:
— Когда бы знал заране,
Что за гостеприимство
Вы требуете дани,
Поверьте, согласился б
Я по миру пойти,
Чтоб только вам, владычица,
Подарок привезти.

Вассал таким ответом грубо оскорбил королеву. Ведь тогда (поэма написана в XIII веке), в полном соответствии с иерархической структурой в группах приматов, было жестко заведено: подарки могут дарить только властители вассалам, но отнюдь не наоборот!

Во многих скандинавских сагах (X-XII век) командир дружины звался «кольцедарителем». Он дарил дружинникам за боевые заслуги большие золотые кольца, которые надевались на рукава. Только он во всей дружине вправе был раздавать такие награды. Да и в современной армии присвоение званий и боевых отличий — привилегия командиров.

Вот в чем вероятная причина профзаболевания властителей и начальников всех времен и народов, от древнеегипетских фараонов до современных президентов, директоров и генералов — их черной, прямо-таки свинской неблагодарности. Человек, оказывающий большую услугу, инстинктивно воспринимается как опасный конкурент, личность, пытающаяся поставить себя выше или, по крайней мере на один уровень с доминантой. Такого нарушения субординации не терпит никто из приматов, а из наших примеров внимательный читатель видит, что и мы в этом отношении- не исключение.

Возможно, читатели помнят ветхозаветные примеры.

Как недостойно вел себя царь Саул по отношению к Давиду. Не лучше поступил в дальнейшем и сам Давид со своими военачальниками Урией и Ахавом.

Вся история изобилует примерами подобного свинства. Александр Македонский убил своего лучшего друга Клита, а ведь тот спас ему жизнь. Чингисхан безжалостно расправился со своим названным братом, ближайшим другом, спасителем, а потом вдруг «врагом» Джамухой-сэчэном. А как «отблагодарил» Людовик VII Орлеанскую деву за спасение Франции? Он даже не попытался выкупить ее из плена и спасти от костра.

Сходно печален конец карьеры многих великих полководцев — «спасителей Отечества»: Фемистокла, Алкивиада, Ганнибала, Велизария, А. Суворова, М. Кутузова, Дж. Гаррибальди, Г.К. Жукова, Д. Мак-Артура и так далее. вплоть до недавнего героя «Бури в пустыне» генерала Шварцкопфа. Даже капитан Евдокимов, приведший свои танки на защиту Белого дома, вскоре после того с позором был изгнан из армии уже новыми властями.

Это все явно говорит о существовании некой общей закономерности. В отношении к таким военачальникам и монархи, и тираны, и демократические правительства извечно руководствовались принципом: Мавр сделал свое дело — мавр может уходить.

Не слишком-то благосклонна была и Екатерина II по отношению к так много сделавшей для ее воцарения княгине Е. Р. Дашковой.

Люди любого звания не любят ощущать себя должниками. Любые правители, придя к власти, спешат отдалить от себя или даже ликвидировать всех, кто делил с ними риск и невзгоды предшествующей борьбы.

Мотивы бескорыстной дружеской услуги начальнику почти всегда непонятны, загадочны, чужды, подозрительны. Иное дело — лесть. Про нее этого не скажешь. Лесть — словесный аналог позы подчинения — вызывает приятное ощущение превосходства. Так уж устроен этот «безумный мир»!

Нам могут возразить: а как же в таком случае истолковывать коррупцию, мздоимство, взятки, охотно принимаемые многими власть имущими?

Взятка — не добровольный дар, точнее, не бескорыстный. Она тоже аналог позы подчинения. Именно поэтому многие начальники во все времена относились к взяткам гораздо снисходительнее, чем к совершаемым во имя них геройствам. Конечно, эффект взятки немало зависит от поведения взяткодателя. Наши рекомендации последним: если уж «суешь в лапу», то делай это с самым скромным видом и почтительными поклонами. Не помешают в таких ситуациях «ключевые» слова типа:

— Только на вас вся надежда! Вы наш истинный помощник! Пропал бы я без вас! Не обижайтесь, Бога ради. Я ведь от чистого сердца! Это — просто символический подарочек на память Вашим супруге и дочери… — Увидите, клюнет.

Пришел к власти новый правитель. Сперва он обходителен и мил с подчиненными, а главное — опирается на плечи верных соратников по борьбе и держится с ними как с равными, внимательно прислушивается к их советам. Однако, проходит год-другой, и на смену преданным друзьям-сподвижникам приходят обычно новые любимцы: льстецы и проныры.

Результат этой смены нередко не заставляет себя ждать. Приближенные организуют заговор, устраивают дворцовый переворот. И вот уже новый правитель, как ни в чем не бывало, повторяет ошибки предыдущего. Иной раз, таким образом начинается настоящая чехарда свергающих друг друга все более ничтожных царьков. Арабы, подметившие эту

чехарду в Багдадском халифате в первые века его существования, придумали поговорку: Династия состоит из основателя, продолжателя, подражателя и разрушителя. Общество, в котором к высшей власти прорываются путем лести, интриг и заговоров, обречено на деградацию и загнивание.

Вероятно, читатель заметил, что и сейчас в нашей стране происходит нечто подобное. Однако, откровенно говоря, все это похоже на проблему для историков, политиков, но не этологов. Почему же она заинтересовала и нас? Похоже, что психологический механизм неблагодарности правителей прямо относится к иерархическому доминированию и связанным с ним поведенческим стереотипам, которое мы, естественно, унаследовали от ближайших эволюционных сородичей.

Восприятие дающего как вышестоящего, вероятно, было причиной той крайней резкости, с которой Сталин отверг американский план Маршалла — предложенную нам помощь США после Второй мировой войны. Сейчас та же побудительная причина заставляет очень многих наших соотечественников с раздражением а не благодарностью реагировать на пресловутую «ГУМАНИТАРНУЮ ПОМОЩЬ» Европейского Сообщества или на Фонд Сороса. Поведенческие и нравственные мотивы этого вполне можно понять.

С другой стороны, наши люди, приезжающие на Запад, часто делают от всей души подарки своим тамошним друзьям. А те вдруг почему-то нервничают и, вроде бы, не рады, сразу же ищут, чем бы отдариться. Тут уж обижаются наши… особенно легко запутаться в нюансах подобного рода даров в Японии с ее установившимися традициями иерархических отношений.

Итак, кратко говоря, хотите на время повысить свою популярность среди незнакомых и знакомых?

Не жалейте средств на благотворительность, на рекламу своих благодеяний и больше рассказывайте о своих успехах на этом поприще.

Хотите, чтобы вас любили? Принимайте помощь и не уставайте прилюдно благодарить за нее благодетелей. Дали на копейку, — благодарите на рубль. Как говорил шут в шекспировском «Короле Лире»:

> «Где можешь проехать, плетись пешком,
> Чем деньги одалживать, будь должником…

4.12. Дочеловеческие предпосылки некоторых правил дипломатического этикета, а также детолюбия вождей и их особого пристрастия к шкурам крупных хищников из семейства кошачьих

(по В. Р. Дольнику)

Некоторые аналогии между поведением людей и стадных обезьян африканской саванны прямо-таки удивляют.

Вот, например, стадо павианов направляется к границе своих владений навстречу соседям. Впереди идут боеспособные самцы, образуя развернутый полумесяцем строй, встречаются с таким же строем соседей и принимают позу угрозы. Сквозь оба ощерившихся строя медленно, в развалочку, бредут навстречу друг другу иерархи. Сошлись. И, если встреча произошла на границе владений, ничья территория не нарушена, а стадо знакомо, далее следует трогательная сцена. Иерархи сходятся с распростертыми руками и обнимаются….

Что это напоминает?

Чужестранный президент и сопровождающие его лица сошли с борта самолета. У трапа их встречают местный премьер-министр и члены его кабинета. Они обнимаются… Звучат

гимны и государственные деятели обходят строй почетного караула. В. Р. Дольник задается вопросом: а почему же гостей проводят, правда, не на границе владений, а в столичном аэропорту, вдоль строя вооруженных воинов, а не, например, балерин?

Правда, современный вождь отправляется в гости без военного эскорта. Но то ли было в стародавние века! Тогда властители наносили визиты своим коллегам всегда в сопровождении большой вооруженной свиты. Древний царь или средневековый феодал ехал верхом на встречу с соседом всегда вместе со своей дружиной. Об этом можно прочитать хотя бы в тех же «Нибелунгах».

А что происходит у павианов после объятий иерархов, если встреча дружественная? В таком случае начинают брататься и сопровождающие их молодые самцы. Если бы встреча оказалась недружественной, одна из сторон нарушила территорию соседа, далее начались бы боевые действия, правда, по-павианьи: были бы покусанные и побитые, но убитых бы не оказалось, разве что, кто-нибудь потом скончался от укусов.

Конечно, назвать такой территориальный конфликт доподлинной «войной», ввиду отсутствия серьезных потерь и оружия, нельзя, но все-таки В.Р. Дольник считает подобного рода стычки, наверняка происходившие и между стадами доисторических людей, еще не умевших делать оружие, как бы «прадедушкой» наших вечных войн из-за территории. Специально о территориальном поведении и военном инстинкте человека мы расскажем в главах 6 и 7. Пока же о еще двух, подмеченных Дольником аналогиях.

Кто из наших людей старшего поколения не помнит бесчисленные скульптурные изображения, портреты и фотографии нашего Отца и Учителя с узбекской девочкой Мамлакат на руках?

Партийные съезды у нас обычно приветствовали пионеры. Они же дарили цветы дорогим гостям столицы в столичном международном аэропорту.

В окружении детей или с ребенком на руках любили позировать и другие вожди недавнего прошлого: Гитлер, Муссолини, Франко, Чаушеску, Мао, Ким Ир Сен и так далее. Традицию ныне продолжают Чен Ир, Кастро, Саддам Хуссейн.

Одна из последних фотографий Гитлера: фюрер прикалывает железный крест к лацкану тринадцатилетнего героя.

Многие средневековые властители постоянно пребывали в окружении малолетних пажей, рынд, арапчат. Монархи последующих веков, вплоть до начала нашего столетия, также имели при дворе пажеский корпус, а сверх того искали отдохновения в обществе юных кадетов и посещали воспитательные заведения для благородных девиц. Все это считалось для августейших особ правилом хорошего тона.

Многие царскосельские лицеисты вспоминают, сколь часто императоры Александр Первый, а затем и Первый Николай, одно имя которого приводило всех в трепет, ласково беседовали с молодыми людьми — те ощущали себя в высочайшем обществе совсем свободно.

Известно, что мальчики и юноши совсем нежного возраста постоянно под тем или иным предлогом входили и в свиту многих древних владык. Изрядно доставалось от историков за такое мальчишеское окружение некоторым древнеримским императорам.

В чем же дело? Чем, (кроме, разве что, педерастии, которой, по-видимому, предавались далеко не все даже из императоров Рима), можно объяснить эту тягу правителей к детям, так сказать, младшего и среднего школьного возраста?

Цитируем В. Р. Дольника: Единственная радость у вожаков-павианов — это дети среднего возраста. Пока павиан поднимается вверх по иерархической лестнице, они его не интересуют. Но теперь в нем пробудилась врожденная программа учить их жизни. Окруженный восторженно взирающими на него детенышами (такой страшный для всех и такой добрый для них!) он показывает, как рыться в земле, раздвигать гнилые пни, переворачивать камни, раскалывать орехи, докапываться до воды и делать многое другое, чему его учили в детстве и что постиг сам за долгую жизнь. У каждого павианыша на доминантного самца с седой гривой есть три врожденные программы: «так выглядит тот,

кому следует подчиняться», «так выглядит твой отец» и «учись у того, кто так выглядит». Иными словами, это — «Вождь, Отец и Учитель.

И в нас сидит та же программа поучать на старости лет. Беда только в том, что павианы живут в повторяющемся мире вечных истин, а мы в быстро меняющемся мире, где взгляды и знания стариков могут оказаться устаревшими.

Все по той же врожденной программе окруженность детьми — один из признаков иерарха. Поэтому тираны во всем мире всегда хотели, чтобы в ритуал их появления входила стайка детей, неожиданно и радостно выбегающих откуда-то и окружающих тирана… Казалось бы, такой дешевый этологический трюк, а как сильно действует на массовое подсознание! В ответ на врожденный сигнальный стимул облепленного детьми самца врожденная программа кричит: «Вот он наш Вождь, Отец и Учитель!»

Третья аналогия.

Спрашивается: почему в царских хоромах разных времен и континентов в качестве символа власти столь часто фигурируют изображения крупных хищников из семейства кошачьих: в Европе (где эти хищники давно вымерли) и на Ближнем Востоке — лев или леопард, далее к Востоку — тигр, а в доколумбовой Америке — пума или ягуар? И по какой причине на себе владыки очень охотно носят шкуры тех же хищников, ими же устилают трон?

На многих древних барельефах и фресках цари изображены охотящимися на тех же зверей, держащими их на руках как какую-нибудь домашнюю кису или восседающими над парой львов либо леопардов, смирно лежащих у подножия трона.

И Геракл, как известно, щеголял в львиной шкуре. Ричард Львиное сердце, британский король, прозван так за то, что собственноручно убил льва, которого на него напустили во время пребывания в плену.

В тигровой шкуре ходил витязь, воспетый Шота Руставелли.

«Лев» — имя, распространенное у очень многих народов. Им часто называли монархов в древней Греции, Византии и так далее Фермопильское ущелье, например, защищал спартанский царь Леонид.

Даже многие современные африканские правители носят пояса или шапочки из леопардового меха. А у воинственных африканских вождей более отдаленного прошлого в наряде почти всегда присутствовал леопардовый мех.

> 5. И пошел Самсон с отцом в своим и матерью своею в Фимнафу, и, когда подходили к виноградникам Фимнавским, вот молодой лев идет, рыкая, навстречу ему.
>
> 6. И сошел на него Дух Господень, и он растерзал льва как козленка; и в руках его ничего не было. И не сказал он отцу своему и матери своей, что он сделал…
>
> (Ветхий Завет, Кн. Судей, гл. XIII–XIV)

В чем эволюционно-этологический смысл этих сопоставлений?

У тех же собакоголовых обезьян африканской саванны естественные враги, как уже говорилось, преимущественно, леопард или, реже, лев. Древних людей пожирали те же или также вымершие хищники из семейства кошачьих. С волками и медведями (которые в качестве герба, символа власти фигурируют куда реже кошачьих даже в европейской геральдике) человек встретился гораздо позже, расселившись в северные страны. Все обезьяны, (кроме человекообразных, которые по сравнению с нашими предками — силачи), панически боятся хищников кошачьей породы. Но вот у павианьих вожаков на старости лет этот врожденный страх, как уже тоже говорилось, вдруг ослабевает и они начинают вести себя с хищниками необычайно храбро. Возможно, какую-то роль тут играет переадресованная агрессия: слишком уж досаждают субдоминаты, рвущиеся к власти и пытающиеся свергнуть осточертевшего им вожака.

Храбрость рано или поздно доводит многих вожаков до трагической развязки. Они

вступают в героическую схватку с леопардом и героически гибнут на глазах у не смеющих принять участие в этом сражении субдоминант. В.Р. Дольник вспоминает по этому поводу, что у многих африканских и южноамериканских индейских племен вождям перед вступлением в должность или, когда племя начинает сомневаться в их дееспособности, полагается по обычаю сразить собственноручно крупного хищника из семейства кошачьих. Не пришел ли и этот обычай из до человеческого прошлого, когда предки человека бродили по африканской саванне?

Героическая смерть в единоборстве с заклятым врагом своего рода-племени вместо медленного увядания. Красиво! Благородно! Но есть в этом героизме малоприятная сторона. Старый правитель думает: Перед смертью надо успеть так «хлопнуть дверью», чтобы с восхищением вспоминали отдаленные потомки, и затевает войну. А погибают на этой войне молодые. Комплекс «предсмертного подвига» свойственен довольно многим старым людям высокого социального ранга.

…Сильный шотландский воин мальчика крепко связал
И бросил в открытое море с высоких прибрежных скал.
Волны над ним сомкнулись, замер последний крик
И эхом ему ответил с обрыва отец-старик:
— Правду сказал я, шотландцы; от сына я ждал беды.
Не верю я в стойкость юных, не бреющих бороды.
А мне ваш костер не страшен и пусть со мною умрет
Наша святая тайна, наш вересковый мед…

(Старая шотландская баллада, пер. С. Маршака).

Глава 5. Стенка на стенку (этническая вражда и ее извращения)

5.1. Свой — чужой

Жизнь, естественно, не ограничивается взаимоотношениями внутри группы. Животные, живущие группами или стадами, поддерживая взаимный контакт, различают «своих» и «чужих» по внешнему виду, запаху, голосовым сигналам и так далее. У волков, например, все члены стаи лично знакомы между собой. У крыс этого знакомства нет, если группа велика. Но живут они как бы сильно разросшимися семейными кланами и всех чужаков беспощадно уничтожают, распознавая по запаху.

Так же по запаху распознают чужих рабочие особи муравьев. Между разными муравейниками одного и того же вида возможны «войны», о чем мы расскажем позже (глава 7).

У обезьян, как и у людей, чужих узнают в первую очередь по внешнему виду.

У людей издревле слова «чужак» и «враг» были чаще всего синонимами. Чужака распознавали и по внешним этническим признакам, и по языку, и по одежде, когда она появилась. В малых группах решающую роль играло личное знакомство. Общность этнических признаков и языка отнюдь не гарантировала безопасности.

С тех отдаленных времен, как уже говорилось, мы унаследовали неодолимое стремление делить всех окружающих на «своих» и более или менее «чужих». Чем дальше отстоит от нас человек по разным признакам, в частности, этническим, тем в большей степени он воспринимается как «чужой», часто вызывая подсознательное побуждение к агрессии и страх.

Известно, что когда не умеющие говорить грудные дети поднимают крик при виде чужого, особенно их пугают люди с чуждым этническим типом. Если родители блондины, ребенка сильнее пугают темноволосые. Эта совершенно инстинктивная форма поведения не оставляет сомнений: у наших пращуров при встрече с людьми чужого рода не было принято

щадить даже детей.

А одно из убедительных подтверждений можно найти, например, в Ветхом Завете. Помните, что творили завоеватели в ханаанских городах? Царя Саула постигла жестокая кара только за то, что он пощадил детей и женщин в одном завоеванном ханаанском городе!

Античная историческая литература изобилует примерами геноцида. Не только людям древнего Востока, но и создателям западной цивилизации грекам и римлянам была неведома жалость к жителям завоеванных городов. В Трое воспетые Гомером победители ахейцы не щадили никого. В завоеванном Карфагене тысячелетием позже (146 год до нашей эры) победители римляне вели себя ничуть не лучше. Геноцид оставался нормой поведения.

Отнюдь не гуманнее вели себя и христиане. Одного из норвежских конунгов уже после появления христианства в Скандинавии (XI век) прозвали «детолюбивым» за то, что он, в отличие от всех прочих, не разрешал убивать детей в захваченных вражеских селениях. Во время крестовых походов или межконфессиональных конфликтов убивали кого попало. Чего стоит одна Варфоломеевская ночь (24 августа 1572 года).

Для многих по сей день психологическая загадка: почему христианство, став даже государственной религией в Римской империи и позже во всех возникших после ее распада европейских странах, не сделало людей ни на йоту менее кровожадными? Изменились только поводы для взаимного истребления. Этническую вражду отчасти заменили религиозная и политическая нетерпимость, классовая борьба.

Эти первозданные инстинкты так или иначе трансформировались в современном полиэтническом обществе. В повседневной жизни в роли «своих» выступают то соседи и сослуживцы, независимо от этнической принадлежности, то политические единомышленники либо единоверцы, то собутыльники (противопоставляемые непьющим), то болельщики за любимую спортивную команду, а иной раз даже товарищи по больничной палате, попутчики, едущие с нами в одном купе. Все, выходит, зависит от обстоятельств.

Но и от инстинктов, к сожалению, никуда не убежишь. Чувство этнической вражды, намертво, казалось бы, подавленное культурой и воспитанием, вдруг просыпается в состоянии стресса или алкогольного опьянения, когда контроль сознания над подсознательными эмоциональными импульсами сильно ослаблен. То же происходит под влиянием негативных эмоций, повышающих общую агрессивность. Начинаются подсознательные поиски врага — объекта вымещения злобы — и «под руку» подвертываются инородцы.

К. Лоренц рассматривает идеологическую вражду как своего рода извращения первозданной этнической ненависти, плохо контролируемой разумом. В основе — все то же извечное деление «свой — чужой». Так ли это на самом деле? Вопрос в достаточной степени спорный. Однако приходится признать следующий неутешительный факт. Этническая вражда в самой примитивной «зоологической» форме отходит на второй план только там, где ее как бы замещают другие, с виду более «благопристойные» предлоги для взаимной ненависти: религиозная, политическая и классовая нетерпимость.

Стоит идеологическим раздорам на какое-то время угаснуть, как это произошло в странах, где кончилось противостояние «коммунистической правительство — антикоммунистическая оппозиция», и тотчас этническая вражда вспыхивает с новой силой. Выскакивает как чертик из табакерки. Последствия — межэтнические войны на Кавказе, в Югославии, Молдове, повсеместное в Европе усиление шовинистических настроений, несмотря на объединение. На Западе они явно усилились после окончания холодной войны Восток — Запад.

Страшно констатировать такой факт, не зная, что можно противопоставить слепому инстинкту, кроме самопознания.

Инстинктивное стремление людей объединяться в группы, сцементированные чувством ненависти к общему врагу, в принципе неважно какому, конечно, нельзя преодолеть добрыми советами. Природу человека переделать невозможно. На это требуются тысячелетия. Выход — переориентация, поиск отвлекающих стимулов и «заменителей». Об

этом мы еще подумаем и поговорим (см. в главе 7.).

5.2. Тотем и государственно-партийная символика

При межродовых войнах у первобытных племен всегда существовала необходимость очень быстро распознавать «своих» и «чужих». Такое распознавание, как известно, осуществлялось не только по языку, внешнему облику и манере поведения. Там, где ярко выраженные отличия этнического типа отсутствовали, всегда выручал тотем: громко выкрикиваемое имя мифического родового предка. Тотемы есть у первобытных племен всех континентов и островов, где такие племена сохранились до наших дней.

От тотемов, вероятно, произошли звероподобные боги и священные животные, как в древнем Египте — в каждой его провинции (номе) был какой-то свой особый священный зверь. Где сокол, где павиан-анубис, а где, к примеру, кошка или крокодил. Того же происхождения, наверно, табуированные (запретные) названия зверей. Наш «медведь» — замена запретного имени «бер», откуда «берлога» и немецкое название «бер». Замена произошла еще в индоевропейском праязыке, судя по ее наличию в санскрите — «ведмед». И пищевые запреты, типа ветхозаветных, возможно, так же произошли от тотемов, но это уже не суть важно.

Повстречались два воина.

— Мы — дети пробкового дуба, — кричит один.

— А мы дети маленького сокола, — откликается другой.

Хрясь! Одним воином стало меньше.

Прошли как сон многие тысячелетия.

Снова встречаются два воина.

— Я за правых!

— А я за левых!

Пока мы едины, мы непобедимы!

Хрясь!..

Дикари не только выкрикивали тотем при встрече с незнакомцем, но и таскали с собой его изображения. Так возникали местные божки-родоначальники: совы, медведи, соколы и прочие, и прочие, а далее, как предполагает Лоренц, не только античная и средневековая геральдика (сова — герб древних Афин), но и современная государственная и партийная символика. Моральные заповеди, из них первая библейская «не убий», распространялись только на соплеменников, прежде всего — соплеменных женщин и детей.

Встречаются два военных самолета. Как распознать, друг или враг? По опознавательным знакам. Ту же функцию выполняет и военный мундир. Чужой тотем снимает любые моральные запреты. «Если враг не сдается, его уничтожают».

5.3. И все-таки, может быть, Кант был прав?

Иммануил Кант предполагал, что у человека есть врожденное нравственное чувство. Мы уже обсуждали этот опрос в связи с проблемой альтруистического поведения в главе 3. Почему нам захотелось вернуться к этой теме еще раз? Признаемся: слишком уж тошно стало от собственных рассуждений об этнической вражде. Такая уж безнадега…

А правда ли, что на протяжении всей человеческой эволюции «свой — чужой» понималось только как «соплеменники и враги» или даже «соплеменники и вкусная питательная дичь»?

Действительно, у многих первобытных племен только убийство соплеменника расценивается как преступление, за которое карают, впрочем, обычно, не слишком жестоко (изгоняют, принуждают дать выкуп семье погибшего, которая, впрочем, имеет право на кровную месть). Лишь в исключительных случаях, например, у северо-американских индейцев юта, убийцы сами кончают с собой, хотя их никто к этому не принуждает.

Интересно, что в то же время у некоторых таких племен жестоко караемое преступление — убийство без искупительной жертвы и особых обрядов тотемного животного — мифического предка, например, у наших дальневосточных народностей — гольдов и орочонов, соответственно, тигра или медведя.

Судя по наблюдениям многочисленных путешественников, общавшихся с разными «дикими» людьми, отродясь не слыхавшими ничего о христианстве, Нагорной проповеди, библейской заповеди «не убий», подавляющее большинство этих «дикарей», были при надлежащем подходе искренне доброжелательны к чужакам, общались с ними, как нормальные люди с нормальными людьми.

Оказалось, с «дикарями» можно дружить! Среди них, как и среди прочих людей, есть добрые и злые, агрессивные и миролюбивые. Так просто «ни за что» они вовсе не всегда убивают человека совершенно им чуждого этнического типа. Прекрасный пример — похождения нашего Миклухо-Маклая. Его ведь папуасы тысячи раз могли убить, а не тронули!

Таких примеров — без числа! Скорее уж, немотивированные убийства — исключения из общего правила.

Антуан де Сент-Экзюпери пишет, что если в начале тридцатых годов его товарищи, иной раз, совершали вынужденную посадку в тогда еще совершенно диких дебрях центральной черной Африки, их, в худшем случае, обращали в рабство, но не убивали. Совсем другое дело — арабские религиозные фанатики где-нибудь вдали от колониальной полиции. Эти, подобно средневековым европейским христианам, истреблявшим «еретиков», считали убийство иноверца священным долгом.

Что же удерживало от убийства безоружного белого вооруженных людей с другим цветом кожи, живущих еще в каменном веке?

Рассказы недавно появившихся писателей-папуасов, австралийских аборигенов, микронезийцев не оставляют сомнений: в их селениях многие библейские заповеди почитались задолго до появления белых! Вовсе не существовало принципа «убей и сожри любого чужеземца». Напротив, почиталось гостеприимство. Все это — несмотря на постоянные межплеменные войны. Этническая вражда — инстинкт, просыпающийся у нормальных людей главным образом в ситуациях «стенка на стенку», «наши и они».

Мы уже писали об удивительно гуманном отношении к соплеменникам и даже к пришлым людям у еще недавно диких народов нашего Крайнего Севера и Дальнего Востока. В записках Д. Арсеньева можно прочитать о замечательно мудром и добром человеке Дерсу Узала, гольде, «дикаре». В США в свое время много писали об Иши, последнем уцелевшем из совершенно дикого индейского племени. Этот человек, вышедший к белым в Чикаго, буквально поразил всех, кто с ним общался, житейской мудростью и добротой. Теми же качествами прославился недавно умерший ненецкий художник и мудрец Тыку Вылка, самоучка, в детстве «дикарь», воспитанный такими же «нехристями» и «дикарями». Русские соседи на Новой Земле учились у него человечности!

Непостижимо!

Как это объяснить, исходя из представления, что люди от природы — людоеды, способные относиться по-человечески только к соплеменникам, да и то только потому, что за свинское поведение могут покарать?

Нет! Нравственное чувство — не продукт христианского воспитания. Оно дано человеку от природы! Будь иначе, не было бы ни библейских заповедей, ни Христа: некого было бы спасать. Не за кого было бы умирать на кресте. Наоборот, пожалуй. Современные условия жизни, резко отличающиеся от тех, в которых сформировался наш вид и возникла цивилизация, существенным образом изменили к худшему наше поведение. В нем появились патологические черты, навязанные средой: урбанизацией, научно-техническим прогрессом.

Этническая вражда, конечно, была издревле, но она давала себя знать именно в военных столкновениях между разными племенами, не распространяясь, однако, на повседневные личные контакты людей.

Это, кстати, подтверждают костные останки кроманьонцев рядом с неандертальцами в одних и тех же пещерах, наличие среди белых людей курчавых. Гримальдийцы — негроиды, когда-то жившие в Европе вперемешку с белыми, — подарили соответствующий ген белым людям. Гримальдийские гены ответственны также за наследственную болезнь-серповидноклеточную анемию и возникающий при ней иммунитет к малярии, наблюдаемый у некоторых белых.

И межплеменные торговые связи(обмен) существовали еще в каменном веке, что доказывают многочисленные археологические находки.

Античные писатели и философы задолго до новой эры писали о растлевающем действии на человека урбанизации и государства, о «золотом веке», высокой нравственности «варваров» по сравнению с тогдашними высокоцивилизованными людьми.

Мы слишком мало знаем о себе. Дела наши ныне из рук вон, но (мы это советуем и себе) не надо сгущать краски и драматизировать и без того неприглядную ситуацию! Несмотря на наше происхождение от слабовооруженных животных, человек от природы не так уж плох!

5.4. Молодежный бунт (по Конраду Лоренцу)

Начнем с короткой исторической справки.

С середины шестидесятых годов в слишком долго не воевавшей Европе и в США, а затем уж и у нас резко обострились вечно неблагополучные отношения «отцы — дети». Сперва молодежное движение приняло хулиганские формы. Началось поветрие нападений студентов на профессоров и вообще людей старшего поколения, которых оскорбляли, а иногда даже били или оплевывали, обвиняя в «реакционности». Зараз появилась своего рода эпидемия нарушений самых элементарных общественных приличий. Так, некоторые венские и стокгольмские студенты вздумали прилюдно отправлять естественные потребности и спариваться, объявляя такое поведение почему-то «протестом». Подчас доставалось в те годы и нашим диссидентам, высланным на Запад — «буржуйские прихвостни», «изменники».

Позже началось то, что потом назвали «студенческой революцией». 1968 год — массовые антивоенные выступления, нападения на полицию, манифестации под красным знаменем, портретами Мао, Сталина и Троцкого. Эпицентром этих событий стал Париж, где беснующиеся толпы молодежи заполнили центр города, затеяли баррикадные стычки с жандармерией и подожгли театр «Одеон».

В начале семидесятых наметилась резкая деидеологизация западного молодежного движения. Прежние кумиры, Г. Маркузе и другие идеологи «новой левой» были забыты. Появилось множество враждующих между собой группировок, отличающихся друг от друга манерой причесываться и одеваться, музыкальными вкусами, отношением к спиртному и наркотикам. Так возникли хиппи, потом панки, тедди бойз, рокеры, металлисты и так далее. Все эти движения в начале восьмидесятых перекинулись и к нам, где к ним добавились наши отечественные спартаковцы, люберы, скинхеды и другие.

Общая черта всех группировок — презрительное отношение к старшему поколению и всем его культурным ценностям. При этом не самое главное, носителями каких ценностей являются собственные родители: старшее поколение воспринимается как целое. Идеалом же становится вне этническая культура быстроходных мотоциклов, кинобоевиков, сленга, рока, марихуаны, мордобоя и жевательной резинки. В моде до распространения СПИДа была и так называемая «сексуальная революция».

Августовские события и распад Советского Союза вызвали у нас политизацию части молодежи. Некоторые хиппи, панки, металлисты, кришнаиты и многочисленная молодежь, не входящая ни в одну из группировок, стояли в «живом кольце» у Белого дома в 91 г., защищали его и в 93-м, участвовали в митингах и демонстрациях. Другие сменили шутовские одеяния и прически на камуфлированные куртки, кепи и бронежилеты

многообразных национальных гвардий, казачьи мундиры, черные униформы и нарукавные повязки патриотических фронтов и нацистских партий. Эти почувствовали, что, наконец-то дорвались до долгожданного «настоящего дела»: жить не «просто так», а для чего-то, рисковать, подчиняться воинской дисциплине, стрелять по движущимся живым мишеням, чувствовать рядом с собой локоть боевого товарища. Жизнь для настоящих мужчин!

Одни уже повоевали в «горячих точках» и в Чечне, другие только готовятся, мечтают влиться в ряды борцов. Однако, прочие (пока, похоже, подавляющее большинство) о всем подобном даже не помышляя, учатся, подались в коммерцию или занялись рэкетом и бандитизмом.

На Западе молодежь в последнее время тоже политизируется, но там она теперь, в основном, поддерживает не левых, а право-экстремистские группировки. В объединенной Германии впервые после 1945 года возрождается национал-социалистическая идеология, преимущественно, правда, на Востоке.

Конрад Лоренц в «Восьми грехах цивилизованного человечества» следующим образом объясняет почему же в последнее время так испортились отношения «отцов» и «детей».

Издревле и до последних десятилетий в любой нормальной семье идеалом для детей был отец. Он пользовался непререкаемым авторитетом. Ему старались подражать. Так обеспечивалась преемственность поколений. На него и его друзей дети смотрели «снизу вверх».

Чувство уважения естественным образом распространялось и на других старших, в том числе учителей. Каждая здоровая семья представляла собой иерархически организованную социальную ячейку с «вожаком» и «территорией» (дом, квартира), притом это не мешало чувству сыновьей любви. Дети в подавляющем большинстве семей любили родителей и старших братьев.

Правда, давно известный факт — в шестнадцать-двадцать лет молодежь обычно начинает бунтовать против старших. Это нормальное инстинктивное поведение свойственно не только человеку, но и многим животным, заботящимся о потомстве. Биологический смысл бунта — отселение от родителей на новую территорию для поиска брачной пары, то есть ослабление внутривидовой конкуренции. С годами в норме люди остепеняются и вновь начинают чтить культурное наследие предков. Молодежный бунт полезен обществу как форма поведения, облегчающая эволюцию культуры и препятствующая ее застою.

В патологических случаях слишком длительного пребывания под крылышком родителей результат — хорошо известные психоаналитикам отклонения от нормы. Потомки вырастают чудаками, до старости плохо контактируют со сверстниками, становятся неудачниками в личной жизни. Часто у них на всю жизнь сохраняется чувство горькой обиды на давно умерших родителей.

Опасна и другая крайность.

В последней четверти двадцатого века на психике подрастающего поколения все больше стал сказываться эффект, названный австрийским психологом Рене Спитцем «госпитализацией», когда ребенок не приобретает совершенно необходимого образа духовно и физически высшего по рангу существа. Речь идет о патологических последствиях постоянной занятости отца, который, поздно приходя с работы, уже не в силах уделить внимание детям, поужинав, сразу же устраивается в кресле у телевизора, а затем отходит ко сну. Тот же эффект вызывают неблагополучные семьи, где родители пьют или экономически независимая жена грубо оскорбляет мужа при детях, а сама до роли «лидера» не дотягивает.

Ребенок без нормального «рангового порядка» в семье начинает преждевременно ощущать себя лидером группы. К тому же современное воспитание и дома, и в школе сводится к стремлению во всем потакать детям, удовлетворять любые их прихоти и всеми возможными способами давать им понять, что они ничуть не глупее взрослых.

У ребенка развивается невротический комплекс презрения к родителям и учителям, чье духовное превосходство он по младости лет не в состоянии оценить. Те и другие представляются ему глупыми и безвольными ничтожествами (не исключен, впрочем, случай,

что они действительно таковы). Вместе с родителями отрицается вся система культурных ценностей старшего поколения, ей на смену приходит политическая антикультура комиксов и телевизионного кича. Невежество порождает тягу к мракобесию, а в последнее время также к пропаганде демагогов, разжигающих этническую вражду. Шовинизм нового типа прекрасно уживается с отрывом от национальной(как и любой другой) культуры.

Чтобы внести полную ясность в точку зрения Конрада Лоренца, предоставим слово также ему самому. (*K. Lorenz. Die acht Todsunden der zivilisierten Menscheit. Munchen, 1973* . Перевод см. «Вопросы философии», 1992, N3).

Без рангового порядка не может существовать даже самая естественная форма человеческой любви, соединяющая в нормальных условиях членов семьи; в результате воспитания по пресловутому принципу «non frustration» — «без ущемления» тысячи детей были превращены в несчастных невротиков.

…В группе без рангового порядка ребенок оказывается в крайне неестественном положении, поскольку инстинктивно (таков уж закон поведения всех социальных животных, включая человека) стремится занять предельно высокий ранг, тираня для этого родителей. Они же не сопротивляются, вызывая тем самым у ребенка противоестественное в его возрасте ощущение, что он — лидер группы, а родители — подчиненные особи! В результате, ребенок чувствует себя не защищенным, лишенным поддержки сильного «вожака» и, соответственно, как бы занимает «круговую оборону», начинает воспринимать всех сверстников и других чужих людей как потенциальных врагов. Поэтому «безфрустрационных» детей обычно никто не любит. Коллектив их сторонится.

Отыскивая лидера, ребенок все дальше заходит в своей агрессии против родителей и наставников, «выпрашивает оплеуху», как это прекрасно определено в баварско-австрийском диалекте. Когда вместо инстинктивно, подсознательно ожидаемой ответной реакции («оплеухи») он наталкивается на резиновую стену спокойных псевдо-рассудительных фраз, родители вместе с их культурой, взглядами и так далее утрачивают всякий авторитет.

Человек никогда не отождествляет себя с порабощенным и слабым; никто не позволит такому наставнику предписывать себе нормы поведения и, уж конечно, не признает культурными ценностями то, что он почитает. Усвоить культурную традицию другого человека можно лишь тогда, когда любишь его до глубины души и при этом смотришь на него снизу вверх. И вот — устрашающее количество молодых людей вырастает теперь без такого «образа отца». Настоящий отец слишком часто для такого образа не годится, а уважаемый учитель не может его заменить из-за массового производства в школах и университетах.

Лоренц далее с болью пишет о том, что гонка за деньгами и суета — подлинные этические основания для того, чтобы молодые люди отворачивались от культуры отцов. Беда, правда, что при этом они заодно с бессмысленным и уродливым отбрасывают как ненужный хлам сокровища духовной культуры.

Молодежь пребывает в состоянии активного поиска предлога для агрессии. Это — тоже инстинктивное поведение. Где нет группы, к которой можно примкнуть, всегда есть возможность составить себе «по мере надобности» новую группу… Выбросив за борт культуру отцов, молодые люди подыскивают себе разного рода заменители, точно так же, как это происходит с половым влечением. Отождествление с национальной культурой замещается отождествлением с какой-либо более или менее преступной группировкой, в том числе — с группировками наркоманов и воинствующих экстремистов или хулиганов. Примеры: две борющиеся шайки из мьюзикла «Вестсайдская история». Они были созданы с единственной целью — служить друг для друга объектами коллективной этнической агрессии.

Ненависть действует хуже, чем полная слепота или глухота, потому что она извращает и обращает в противоположность все увиденное и услышанное. Что бы вы ни сказали бунтующей молодежи, чтобы помешать ей уничтожать ее собственное ценнейшее достояние, можно предвидеть, что вас обвинят в ухищрениях поддержать ненавистный

«истэблишмент». Ненависть не только ослепляет и оглушает, но и невероятно оглупляет… Трудно будет внушить им, что культура может угаснуть, как пламя свечи.

Следует отметить, что эти мысли высказаны Лоренцем в 1963–1973 годах — во времена ужесточения борьбы с диссидентами в Советском Союзе, вступления наших войск в Прагу и усиления левого молодежного движения на Западе. В последующие двадцать лет ситуация, как все мы знаем, существенно изменилась к худшему. Все больше на психику людей влияют электронные средства массовой информации. Телепрограммы формируют в сознании детей и подростков, лишенных внимания родителей и проводящих ежедневно многие часы перед экраном, «образ лидера».

«В заэкранье» появляется фиктивная социальная группа — заменитель семьи, суррогат отца — фиктивный лидер, идеал, здоровенный детина с непрерывно строчащим автоматом, гранатами за поясом и парой ножей, которые то и дело вспарывают человеческую плоть. Герой рычит и, напрягая гигантские бицепсы, мечется по экрану в окружении окровавленных расчлененных трупов и визжащих голых женщин.

Виденное на экране по возможности переносится в житейскую практику. Дети, воспитанные телевизором и компанией сверстников, таких же жертв телевизионного бума, в культурном отношении стоят ниже, чем даже бунтарское поколение их родителей, некогда ужасавшее К. Лоренца. Такие дети — питательная среда для бацилл фашизма. На Западе возрождению фашистской идеологии пока хотя бы в какой-то мере препятствуют высокий уровень жизни и резкое повышение качества педагогической работы с детьми. У нас такие препятствия отсутствуют. Благодаря экономическому кризису, если он затянется, наша молодежь может оказаться еще более восприимчивой к нацистской идеологии, чем то поколение немцев, при котором пришел к власти Гитлер.

Глава 6. Земельная собственность — закон природы

6.1. Территориально-агрессивное поведение у животных. Для чего оно им?

В жизни большинства животных и людей очень важную роль играет охрана территории от «чужих». У кого ее только нет! И раки отшельники, и некоторые крабы, и сверчки, многие рыбы, рептилии и птицы и, уж конечно, млекопитающие владеют особой территорией и вступают в жестокую борьбу за нее с соплеменниками. У крысиных семей и волчьих стай охраняемая территория — общая, нечто вроде кооперативной собственности. Если некто из чужой компании забредет туда, его «вычислят» по запаху и ему несдобровать. Подобным же образом коллективно защищают территорию стаи многие обезьяны.

У диких людей, например, австралийских аборигенов наблюдаются формы территориального поведения приблизительно такого же типа как у наземных обезьян африканской саванны. Имеется общая территория общины. На ней располагается селение. Но существуют, однако, в отличие от павианов, и земельные владения отдельных семей.

Вот они — глубокие доисторические корни извечной нашей тяги к земельной собственности! Те, кто утверждал, что эта собственность появилась только в классовом обществе, не имели ни малейшего понятия об объективных законах этологии!

В чем же, однако, приспособительный смысл агрессии, связанной с охраной территории? Главное, это поведение заставляет животных отыскивать все новые и новые места, пригодные для жизни. Таким образом, с предельной рациональностью используются природные ресурсы. Исключаются ситуации «разом пусто — разом густо», ослабляется внутривидовая конкуренция за пищу, за убежища и так далее. Важно подчеркнуть, что агрессия в природе в громадном большинстве случаев ведет к изгнанию конкурентов и размежеванию территорий, но отнюдь не к смертоубийству.

Ученые предполагают, что именно благодаря территориально-агрессивному

поведению, человек еще в глубокой древности вынужден был все дальше расселяться из первичного ареала в Африке, осваивая постепенно все новые и новые земли, вплоть до районов вечной мерзлоты и полярных ночей, пустынь, гор, болот, непроходимых дебрей тропических лесов, океанических островов, удаленных на тысячи километров от любой обитаемой суши, как, например, остров Пасхи в Тихом океане.

Полинезийский ученый Теранги Хироа пишет, что побудительным мотивом поиска новых земель у древних полинезийцев было перенаселение. На заселенных ими островах постоянно шли жестокие межплеменные войны. В конце концов, какое-то племя или род терпели поражение и принимали рискованное решение — на катамаранах целыми семьями, вместе с домашними животными и скудным скарбом уходили в грозное бурлящее пространство, толком не зная, где найдут новое пристанище и найдут ли вообще. Многие погибали. Кое-кто отыскивал еще необитаемый атолл. За многие века эти люди, не имеющие письменности (кроме острова Пасхи, где писали на деревяшках до сих пор нерасшифрованными иероглифами), разработали сложнейшую и удивительнейшую систему навигации по звездам, ветрам, течениям и так далее. Жизнь заставила!

Не будь жесткой внутривидовой конкуренции, вечной борьбы за территорию (Не трожь, мое!), никакие силы не заставили бы человека уйти из стран, где «любая палка плодоносит», и целый год можно ходить голым, не опасаясь простуды.

Ныряя с аквалангом в Красном море, Конрад Лоренц наблюдал за поведением коралловых рыб. В щелях рифов ютятся пестро раскрашенные рыбки, каждая из которых стремится защищать вполне определенную территорию. Если мимо проплывает особь чужого вида, хозяин территории обычно никак на это не реагирует. Однако, едва на на участок вторгается рыбка своего вида, как хозяин, выскочив из убежища, атакует ее и прогоняет. Чаще всего вторженец ретируется. Несколько реже в таких случаях возникает короткая драка, в которой почти всегда побеждает законный владелец территории. — Напрашиваются аналогии?

А почему происходит так?

Дома стены помогают. На своем дворе каждая собака громче лает. В чужой монастырь со своим уставом не суйся. Все эти поговорки имеют прямое отношение к территориальному поведению. Действительно, многие территориальные животные забредая на чужую территорию, чувствуют себя далеко не так уверенно, как на собственной. Такие наблюдения проведены на каменках-плясуньях, птицах из семейства дроздовых. Как только вторженец попадается на глаза хозяина, так тотчас подвергается атаке. Самец-хозяин подлетает к нарушителю с предупреждающим криком, после чего птицы «меряются ростом» и, встав параллельно друг другу, кричат, тряся хвостами — так сказать «переругиваются». Долго это, однако, не продолжается. Нарушитель пригибается к земле, сжимается, принимает позу покорности и спешит ретироваться, а хозяин, наоборот, растопыривает крылья, взъерошивает перья, приподнимается на лапках — поза торжествующего победителя. Подобные сцены можно наблюдать у манящих крабов, осьминогов, территориальных рыб из числа цихлид и других.

У некоторых рыб эти конфликты особенно зримы и наглядны потому, что у проигравшего резко меняется окраска: он бледнеет, прижимая к телу плавники, после чего ретируется.

У людей, как известно, боевой дух защитников своей земли обычно выше, чем у захватчиков, хотя, увы, это не всегда помогает. Все-таки большую роль играет соотношение сил.

Даже у рыб могут возникать настоящие «скандалы с выселением» законного владельца, так сказать «по праву сильнейшего». Американский этолог Майкл Фиглер с коллегами решили проверить, есть ли связь между агрессивностью захватчика территории (ее оценивали по числу ударов, наносимых хозяину участка) и вероятностью победы в «территориальном конфликте». В качестве объекта взяли известную многим нашим аквариумистам чернополосую цихлазому. Оказалось, что исход борьбы только отчасти

зависит от соотношения размеров дерущихся рыб: при прочих равных побеждают более крупные. Куда важнее, однако, именно сама агрессивность. Вспомните народное: Ты не смотри, что я худой и кашляю, но шею тебе сверну. Вторгаются обычно особи, более агрессивные, чем хозяин и наносящие ему сравнительно большее количество ударов по его полосатому боку.

Точно так же как и рыбы, охраняют свою территорию и очень многие другие животные, в том числе даже такие вроде бы «примитивные» как, например, актинии. Для изгнания чужаков они используют особые стрекательные(так называемые киллерные-«убивающие») щупальца, снабженные химическим чувством «свой-чужой»-специальный орган внутривидовой борьбы. Аналогичная «война» за территорию ведется между разными клонами и других сидячих организмов — гидроидных полипов и некоторых низших грибов.

Колонии муравьев одного и того же вида тоже подчас беспощадно «воюют» друг с другом за территорию. Аналогичное явление наблюдается у термитов.

О территориальной «войне» между сообществами серых крыс пасюков мы уже говорили.

У птиц самец предупреждает пением соседей, что территория обширного участка занята для гнезда: здесь гнездующаяся пара будет взращивать птенцов, и всех «чужих» своего вида отсюда прогоняют. Об этой функции пения мы уже писали тоже.

У некоторых животных, например, аистов, территория разная у самцов и самок. Вторым предоставлена относительная свобода перемещаться и на территорию, охраняемую самцами соседних пар.

У крокодилов доминантный самец, в отличие от остальных, может, при желании, заплывать или заползать на любую территорию. Для прочих самцов аналогичные прогулки наказуемы.

Итак, «земельная собственность» не выдумана какими-то прохиндеями в эпоху рабовладения, как думали и писали наивные люди еще не так давно. Территориальное поведение свойственно очень многим животным, в том числе нашим предкам обезьянам. И все-таки, тем не менее… есть тут одно «но». Да, наши предки владели территорией, но как? В одиночку? Ни в коем случае! Стадами или, если судить по современным антропоидам, да и отсталым племенам *Homo sapiens* — семейными группами, родами, группами родов. Что-то вроде кооперативов! Не отсюда ли неосознанное стремление многих земледельцев к «миру», сельскохозяйственной общине? Есть о чем подумать, не правда ли?

6.2. Эффект «Вороньей слободки» или «пауков в банке»

Итак, агрессия в природе у территориальных животных редко приводит к смертоубийству. Дело обычно ограничивается угрожающими позами, когда один соперник, сохраняя ее, наступает, а второй, так и не вступив в бой, пятится, пятится, а затем принимает вдруг позу подчинения и убегает. Чужака просто изгоняют.

Однако, все кончается куда трагичнее, если побежденному некуда уйти. В тесной клетке, в маленьком аквариуме, даже в естественной среде при перенаселении драки часто оканчиваются убийством слабого. Сам характер борьбы в этих условиях существенно изменяется — она часто идет не на жизнь, а на смерть.

Поселения городского типа появились на Земле уже за 3500 лет до нашей эры. В современных мегаполисах, их городском транспорте, супермаркетах, бараках и казармах, психику людей повреждает невероятная скученность, к которой ни биологически, ни исторически человек не приспособлен. У нас в стране эту скученность усугубили коммунальные квартиры в городах и коллективизация в деревне.

Лоренц полагает, что скученность при оседлой жизни повышает агрессивность человека, придает ей немотивированный характер. В норме каждая личность должна иметь хоть небольшую, но собственную территорию. Своя же, но несколько большая территория должна быть у семейной группы.

Пожилые люди еще помнят то время, когда коммунальную квартиру официально считали лучшей школой коммунистического быта. Эта государственная политика воспета в бессмертных творениях М. Зощенко, М. Булгакова, а также Ильфа и Петрова.

Наши потребности и культурный уровень с тех пор значительно возросли, тем не менее разного рода территориальных конфликтов, увы, не поубавилось. К примеру, группа доведенных до отчаяния многодетных семей въезжает в пустующие квартиры и приглашает телекорреспондента, чтобы агрессивно заявить:

— В случае выселения, будем биться до последнего!

Рост преступности, в особенности же преступлений, связанных с повышенной взаимной агрессивностью людей — естественный результат несоответствующих потребностям условий жизни, в частности — жилищных, и разочарования людей в любых «идеалах». Но вернемся к коммуналкам.

Кто не помнит бессмертного произведения «Двенадцать стульев»? Воронья слободка — типичная коммунальная квартира двадцатых-тридцатых годов. Из-за чего так гнусно вели себя гражданин Гигиенишвили, Митрич, Васисуалий Лоханкин и вся компания? Повышенная скученность. Она провоцирует конфликты типа жилец против жильца, невестка против свекрови, семья против семьи. Причиной скандала делается любой пустяк. Самый распространенный случай — стычки из-за камфорок на общей кухне. Подчас перебранки завершались побоями и даже приводили к убийствам.

Одному из авторов этой книги «посчастливилось» жить в таких ленинградских коммуналках в шестидесятые-семидесятые годы. В одной из них жильцы «из принципа» годами не травили клопов и тараканов. Каждый жилец опасался, что от его «клопомора» заодно с собственными клопами пострадают клопы ненавистных соседей! Там же каждый квартиросъемщик направлялся в сортир, гордо неся в руках собственную электролампочку, 5 ватт, а под мышкой — собственное сидение от унитаза! Что ни день, люди писали друг на друга кляузы в ЖЭК, милицию и пр., любого гостя встречали слезными жалобами на мерзавцев-соседей.

В другой коммуналке, в крохотной клетушке рядом с кухней, каким-то чудом умещались мать и шестнадцатилетняя дочь. Их типичный диалог, естественно, в повышенных тонах, слышный всей квартире:

— Сволочь, поставь чайник!

— Гадина, он уже вскипел!

— Сука, который час?

— Гадина, я уже опаздываю!

— Мерзавка, не забудь оплатить счета!

— Гадина, я их давно оплатила!

— Дрянь, когда вернешься?

— Идиотка, как всегда!

И так далее до бесконечности… Женщины души не чаяли друг в друге, но теснота доводит до безумия.

В третьей квартире соседи запирались друг от друга на многочисленные замки, что ни день уличали друг друга в кухонных кражах, плевали в чужой суп, били чужую посуду, хватали друг друга за грудки и душили. Обезумевшие полуодетые женщины висли на руках озверевших мужей, вполне готовых убить друг друга из-за очередного вздора. Люди нарочно включали на полную мощность радиолу, чтобы мешать друг другу спать. Такие взаимоотношения были в порядке вещей.

Причина здесь отчасти в скученности, а отчасти и в изолированности, в необходимости значительную часть времени проводить на одной и той же ограниченной территории, не будучи объединенными против общего внешнего врага.

Возможно, читатель вспомнит «минуты ненависти» в «1984» Джоржа Оруэлла. Людей собирали на службе или в домоуправлении, чтобы направить их ненависть на «образ врага», маячащий на экране телевизора. Пока шла программа, зрителей объединяла истерическая

ненависть к заэкранному «врагу» — действовала пропаганда. Но вот программа кончалась, и то же чувство ненависти переключалось уже на ближайших соседей. Была бы ненависть, а «враг» найдется!

Представим: в любой из трех упомянутых скандальных коммуналок какие-то посторонние хулиганы просто из любви к искусству подрядились ежедневно бить из рогатки стекла в кухонном окне. Все мигом изменится. Вчерашние злейшие враги превратятся в лучших друзей. Естественно, на время, пока общими усилиями не удастся выявить хулиганов и спровадить их в детскую комнату милиции.

Взаимоотношения в коммуналках Ленинграда неузнаваемо изменились в страшные годы блокады, когда во многих квартирах люди неделями были не в силах даже похоронить умерших от голода домочадцев. Кое-кто спасся, пожирая мясо трупов. Однако, случаев героизма и подлинного величия духа было, как Бог свят, куда больше. Соседи, выручали соседей. Эта взаимовыручка спасла очень многих. Но вот кончились лишения и… возобновились квартирные конфликты. Так уж парадоксально устроен человек!

Но является ли поведение людей в городах чем-то совершенно исключительным, и может ли оно проявляться также при иных формациях человеческого общества?

Да, и даже в наше время. Мы уже упоминали о прямо-таки свирепом племени яномамо из Южной Америки. Стиль его жизни потрясающе жесток, но в высшей степени поучителен для нас, урбанизированных современников этих суринамских «варваров». Ведь агрессивные общины яномамо стали такими после того, как бывшие их предки-кочевники перешли на оседлый образ жизни и численность групп возросла с пятнадцати-двадцати до ста пятидесяти — двухсот человек. Этот скачок оказался роковым для сложившихся ранее норм поведения. Судите сами, как пишет Ян Линдблад:

Немаловажная составная часть жизни яномамо — постоянные войны с соседями! Плюс ссоры и драки между живущими в тесноте обитателями шабоно (селения). Юный член этого племени вырастает в обстановке постоянной агрессии и с самого начала настраивается на буйный, жестокий лад. Став взрослым, он уже на всю жизнь агрессивен по своему складу. Эгоизм, жадность, нетерпимость определяют все его поведение. Прямая противоположность доброжелательству, отличающему образ жизни суринамских индейцев… Драки — повседневное явление, и чаще всего они возникают из-за кражи бананов. Или из-за женщин. Из-за вражды внутри группы и между группами главе семейства нужны сыновья… Женщины нередко убивают девочек, которых рожают, уединившись в лесу за пределами шабоно… В итоге в группах всегда намного больше мужчин, чем женщин, что влечет за собой дополнительные раздоры между мужчинами. Заколдованный круг питает озлобление…

Этологи знают, что длительная изоляция в малочисленной группе, которую трудно разделить на «своих — чужих» приводит к эффекту «пауков в банке». Это — глубокая патология агрессивного поведения. Как писал французский писатель Ф. Селин в романе «Путешествие на край ночи», описывающем унылую жизнь французских чиновников в дальней африканской колонии. Когда долго сидишь на одном месте, все вещи и люди разлагаются, гниют и начинают вонять специально для тебя.

В этих условиях агрессия часто разряжается беспричинно, не по адресу и, по словам Лоренца, сопение вашей тетушки за обеденным столом начинает вызывать у вас те самые эмоции, которые в нормальной обстановке вызвала бы пощечина, отпущенная в трамвае пьяным хулиганом. Склоки и скандалы по пустякам — обычный кошмар многих полярных исследовательских станций, судовых экипажей, кафедр провинциальных университетов и также изолированных академгородков и, конечно же, элитарных правительственных групп.

Цитата из «В тюрьме. Очерки тюремной психологии» Михаила Гернета. Издание 1925 года. Воспоминания политзаключенного начала девятисотых. За долгие годы неволи в нас не осталось ни одного здорового нерва… Вид, слово, жест сокамерника раздражают до желания кричать, ударить… Кем-то брошена случайная фраза… Кто-то возразил. И спор готов. Как голодные звери набрасываемся друг на друга, все зараз… ссоримся, бранимся.

В замкнутых, длительное время изолированных коллективах — служебных и семейных — агрессия в крайне грубых и нелепых формах часто направляется против коллег и даже самых близких людей. Беспрецендентной склочностью отличаются заговорщики-террористы, профессиональные революционеры. В их замкнутой среде, где люди, если так можно выразиться, годами «варятся в собственном соку», убийства соратников и друзей по различным вздорным поводам — норма поведения. Недаром один из вождей Великой французской революции Дантон сказал: Революция подобно Урану пожирает своих детей. Среди многочисленных жертв Максимилиана Робеспьера, кроме тысяч других, его одноклассник и ближайший друг Камилл Демулен. Казнили и его очаровательную молодую жену Люсьен Деплюсси, хотя она была беременна, а Робеспьер незадолго до событий был посаженным отцом на свадьбе Демулена! Среди людей, убитых по приказу И. Сталина и А. Гитлера их ближайшие родственники, соратники и друзья.

Есть ли средство от эффекта «пауков в банке», если условия существования не столь ограничены как это бывает в экстремальных (революционных, военных и др.) ситуациях? Этологически целесообразно «разреживать» людей, делить территории, но жизнь в городах, как правило, затрудняет такое решение вопроса.

Наша система комплектации кадров в государственных, да и коммерческих учреждениях глубоко порочна: люди привязываются к своим обязанностям, рабочему месту, начальнику на долгие-долгие годы. Это способно породить «эффект яномамо», когда склока становится нормой жизни, а подлость и грубость не считаются зазорными.

Самый простой и эффективный метод для госучреждений и даже частных предприятий- ротация и сменяемость кадров внутри отдела, кафедры, лаборатории, сектора и тому подобное. В немецких университетах, к примеру, контракт с преподавателями и научными сотрудниками стараются подписывать не более, чем на четыре года. Американцы же и того «круче» и порой дробят свои контрактные сроки на два, один и полгода. По истечении срока человека не лишают заработка, просто он переходит в другой коллектив. Но все-таки, общение с западными коллегами убеждает: и это решение очень жестоко. К тому же оно отнюдь не всегда идет на пользу делу.

Немалую положительную роль может сыграть просто окультуривание рабочих мест. Кое-где пошли именно по этому пути. В Морском биологическом институте на острове Гельголанд (ФРГ) текучесть кадров сравнительно мала, но зато у каждого сотрудника три комнаты: одна — для исследовательской работы, вторая — для размышлений, писанины и личной научной библиотеки, а третья, по признанию былого директора профессора Отто Кинне «неизвестно зачем». Склочность коллектива по слухам «ниже среднего».

То ли дело наши исследовательские институты, где подчас за один стол приходится усаживать двух, а то и трех научных сотрудников. И это — в антисанитарных подвалах, арендуемых в каком-нибудь ЖСК. Попробуй, не разругайся!

После всего здесь сказанного читателю, вероятно, станет ясно, как труден подбор, например, экипажей для орбитальной станции «Мир» и даже самых обыкновенных малотоннажных судов с длительными рейсами.

Конрад Лоренц вспоминает: в Советском лагере для военнопленных офицеров Вермахта все его соседи по бараку перезнакомились и сперва очень, вроде бы, подружились. Но теснота была ужасна, быт не поддавался никакому описанию, и по прошествии короткого времени начались склоки, ссоры, а потом уж и конфликты, перерастающие чуть не в мордобой. Иные люди готовы были придушить друг друга. Тут-то Лоренц сам дошел как-то до того, что… «побил» какую-то канистру из-под карбида, а потом придумал повесить ее у входа в барак, чтобы желающие могли с ней боксировать. Вроде, помогало.

Японцы используют для аналогичной разрядки резиновую куклу администратора, так, по крайней мере, рассказывают у нас. Это, однако, детали. Интереснее другое. Все иностранцы, побывавшие в сверхперенаселенной стране «Восходящего солнца» обращают внимание на контраст: в метро и на переполненных улицах японец мчится, никого и ничего не замечая, часто толкается, пускает в ход локти, словом, ведет себя довольно по-хамски. Но

вот на мостовой, проезжей части, повстречались два знакомых и церемоннейшим образом друг с другом раскланиваются. Вежливость со знакомыми там, прямо-таки, выходит за рамки здравого смысла. На работе — церемонные поклоны, крайняя вежливость в речах и своеобразные чисто японские проявления все той же извечной иерархии (о ней мы говорили раньше).

Заметим. У одного из авторов этой книги (Ю. А. Л.) за плечами, как говорится, шестнадцать лет работы на одной из северных биологических станций. Там можно было всегда наблюдать следующее явление. Даже люди, дружившие между собой в городе, в условиях полугодовой экспедиции стремились держаться друг от друга подальше, сравнительно меньше общались, а если начинали сближаться, это редко кончалось добром. Вскоре возникал конфликт, и прежние лучшие друзья часто превращались в злейших врагов, пусть даже на время.

Мораль: в замкнутом коллективе его членам лучше сохранять между собой некий «пафос расстояния», воздерживаться от излишне откровенных бесед и частых совместных трапез, особливо же — с возлияниями, после которых так и подмывает «резать правду матку». Неосмотрительно поддерживать беседы, в которых кто-то «поливает» своих сотоварищей за глаза. И упаси Бог разбиваться на обособленные компании — «мы такие, вы сякие» — все это — надежный путь превращения коллектива в гадюшник.

Служба — самое неподходящее место для частных бесед по телефону, если в них ваша речь состоит не из одних только междометий типа: «ага», «мм», «угу».

Окромя того, неосмотрительно отвлекать людей от работы болтовней. Это не только вредит делу, но и не сулит ничего хорошего самому любителю поболтать: можно нарваться на скандал.

И еще совет: если уж заводить друзей в своем учреждении, то, пожалуй, лучше — в соседнем отделе или из числа тех, с кем непосредственно связывает совместный труд, а потому ежедневное общение все равно неизбежно. Наконец, если в вашем коллективе завелась пьющая компания, а вы не пожелали в нее влиться (что вполне разумно), она неизбежно настроится агрессивно по отношению к вам, и рано или поздно это может завершиться для вас большими неприятностями, если вы не изыщете какой-нибудь очень уж благовидный предлог вашего неучастия («больная печень» и тому подобное.) — Прописные истины, но с ними редко считаются.

На Западе несравненно опаснее, чем у нас, упоминать всуе имя начальника. Там сослуживцы обычно относятся друг к другу гораздо холоднее и сдержаннее, чем у нас, но зато взаимно вежливы. Хорошо это или плохо? Открытый вопрос.

6.3. Окопное братство

Удивительный парадокс нашего поведения. В коммуналке люди готовы «перегрызть друг другу глотку» вообще ни за что. И те же самые люди замечательно солидарны друг с другом в гораздо худших условиях студенческих «общаг», рыболовецких артелей, геологических партий, туристических и, особенно, альпинистских групп. Классический пример: воспетая столь многими военными писателями солдатская дружба, окопное братство. Никакая коммуналка по неудобству жизни не сравнится с грязными окопами, не защищающими от снега и дождя, вражеских бомб и снарядов. Чем же объясняется то, что люди здесь, подавляющее их большинство, не грызутся между собою из-за мелких житейских благ, а, напротив, готовы, рискуя жизнью, постоять друг за друга, выносят раненых с поля боя, делятся последним? Это те же самые люди! Почему же их словно подменили?

Напрашивается еще одна аналогия, но боязно и высказать. Как бы за нее нас не зачислили в одну компанию с вульгарными социобиологами. Дескать «зоологизируем человека». Может быть, так оно и есть. И тем не менее, предлагаем вместе с нами обдумать следующую версию объяснения того, почему мы ведем себя совсем по разному дома и в

походных условиях.

Некоторые животные в разное время проявляют совершенно разные стереотипы инстинктивного поведения. Первый — территориально-агрессивный, второй — стадно-номадический. Примеров довольно много. Это некоторые проходные рыбы, например, лососи. У них брачная пара защищает территорию, на которой происходит нерест, затем производители наваливают курганчик из гравия над выметанной икрой. То же явление у перелетных певчих и многих других птиц, В перелете они стайные, а на гнездовье — территориально-агрессивные. Очень много и других аналогичных примеров. Однако, наиболее интересны, пожалуй, следующие три: саранча, мелкие полярные грызуны лемминги (пеструшки) и серая крыса пасюк.

Саранча в оседлом состоянии имеет зеленоватую защитную окраску под цвет травы, которой питается. И бескрылые личинки, и взрослые особи стараются держаться подальше друг от друга. Если им это не удается — слишком велико их число в месте оседлого проживания, — изменяется их гормональная деятельность и происходит перестройка всего организма у производителей. Насекомые следующего поколения становятся желто-серыми — защитный цвет в пустыне. У них возникает стремление двигаться массами в каком-то едином направлении. Приобретя крылья после последней линьки, эти насекомые образуют гигантские стаи, поднимаются в воздух и летят, преимущественно по ветру. Ветер, как известно, дует туда, где атмосферное давление ниже, а, стало быть, выше вероятность осадков. Стаи перелетной саранчи устремляются, таким образом, из безводных районов туда, где выше влажность и больше шансов прокормиться. По пути эти стаи то и дело садятся там, где есть какая-то растительность, и, полностью уничтожив ее, летят дальше. Долетев до мест, где пищи хватит надолго, насекомые возвращаются к одиночному образу жизни.

Лемминги — пестрые красивые зверьки, несколько похожие на хомяков, — изрывают своими норками горные склоны на севере Скандинавии. Каждый лемминг очень агрессивно защищает свою территорию не только от других леммингов, но даже от человека: встает на задние лапки в угрожающую позу, наскакивает, пытается укусить. Однако наступают такие периоды, раз в несколько лет, когда численность леммингов в каком-нибудь районе возрастает до критических пределов. Тогда часть из них, главным образом молодые самцы — жертвы «жилищного» и прочих кризисов — неузнаваемо изменяют свое отношение друг к другу. У них появляется неодолимое стремление сбиваться в громадные косяки, колонны, толпы и двигаться с гор в долины. По пути они отважно преодолевают водные преграды, хотя многие тонут, и, иной раз, пересекают автомобильные трассы, где их массами давит транспорт. Бывает и так, что стадо подходит к берегу моря, где напор сзади идущих зверьков сталкивает передних в воду. Стихия толпы! В конце концов, путешественники большей частью гибнут, но кое-кто добирается до новых менее заселенных предгорий. Там образуются новые оседлые колонии.

Пасюки, как мы об этом уже писали, живут оседло большими, воюющими друг с другом компаниями. Однако, когда наступает бескормица, вызванная перенаселением или какими-нибудь иными причинами, делается не до межклональных дрязг. Животные начинают вести себя как стадные, мигрирующие. Не приведи Бог повстречать многотысячное стадо переселяющихся крыс! Такие стада появляются довольно часто в местах городских свалок и боен. Осенью 1727 года, после одного большого землетрясения в Прикаспии несметные полчища пасюков двинулись оттуда в Европу, где раньше жили только крысы другого вида — черные, помельче и послабее. Пасюки быстро расселились по европейским странам, повсеместно уничтожая местных конкурентов. Те не умели сопротивляться коллективно и поэтому начисто истреблялись даже там, где их было гораздо больше, чем «завоевателей».

Ну как не вспомнить по этому поводу великие переселения народов, нашествия на Европу азиатских кочевников: в семидесятых годах IV века гуннов, а в начале XIII — монгол? Эти тоже сметали на своем пути целые государства, поголовно истребляя местное население. Тридцатью тридцать монгольским войском втоптано в пыль непокорных

племен… Чингисхан говорил, что его войско дойдет, мол, «до последнего моря», то есть завоюет весь мир. Монголам он мнился плоским, окруженным водой. Параллель с перелетной саранчой здесь виделась многим современникам этих исторических событий, аналогия с пасюками и леммингами тоже напрашивается сама собой.

Исход азиатских наездников, которые двигались вместе со своим скотом, имел, по-видимому, помимо иных и экологические причины: истощение пастбищ в местах постоянных кочевий, где климат становился все более засушливым, перенаселение. Отчасти это осознавали и сами завоеватели. К побудительным мотивам нашествий кочевников и некоторым характерным особенностям создаваемых ими государств мы еще вернемся в главе восьмой. Пока же попробуем сформулировать одно, как нам кажется важное предположение. у человека, как и у пасюков, леммингов и саранчи, имеются как бы два разных стереотипа поведения: оседлый, агрессивно-территориальный и стадно-номадический. Второй стереотип характерен не только для участников дальних военных походов и кочевий, а вообще для экстремальных ситуаций, где массы людей цементирует в единое целое необходимость совместного противостояния общей опасности либо общая цель, например, совместный поиск выхода из критической ситуации, борьба за выживание коллектива, как целого. Короче, «окопное братство» возникает не только в окопах и походах, но и везде, где условием спасения группы или даже больших масс людей становятся их тесный контакт друг с другом, взаимовыручка, солидарность.

Характерно, что и у человека, как у леммингов, стадно-номадическое состояние солидарности проявляется, в основном, у молодых холостяков мужского пола. В юности мы чаще ведь бываем романтиками и идеалистами. Как об этом у Э. Багрицкого:

Нас водила молодость в сабельный поход,
Нас бросала молодость на кронштадский лед…

Заметим, что массовые исходы порой наблюдаются не только у людей, пасюков, леммингов и саранчи, но и у других, обычно не стайных животных: белок, лис и ряда других. Такие исходы обычно вызываются экологическими катастрофами, скачками численности и бескормицей и, чаще всего, кончаются массовой гибелью мигрирующих особей.

А все-таки, как обстоят дела с агрессией у «окопных братьев»? Вопрос этот не простой. Ведь мы сами только что заверили читателя, что от нее нельзя избавиться просто усилием воли. Агрессия, конечно, остается, тем более, что условия дискомфорта еще и стимулируют ее. Но против кого она направлена? Очевидно, что против общего врага, реального, там, за бруствером окопа, или, так сказать, метафорического.

Понятно, что на бранном поле друзей не узнают, а однополчан не выбирают. Здесь — «свои», сцементированные чувством общей цели, опасности, а там — чужие, общий «враг», от которого эта опасность исходит. На него-то и переадресовывается агрессия.

А в полярных экспедициях, связках альпинистов, соавторских коллективах ученых, одержимых общей идеей и экспериментирующих круглосуточно, много дней подряд для ее экспериментальной проверки — где же там этот общий «враг»? С кем «сражались» Тур Хейердал и его спутники на «Кон-Тики» и «Ра»?

Не испытывали ли вы сами, читатель, ощущение смертельного боя, когда «воевали» с трудностями, преодолевали тяжелые препятствия на пути к поставленной цели или противостояли грозной опасности? Ведь агрессию, как вам уже известно, можно переадресовать и неодушевленным предметам. Эта переадресовка может проявляться отнюдь не только в актах бессмысленного вандализма. Она происходит и тогда, когда люди «ожесточенно» трудятся ради спасения жизни или достижения поставленной общей цели. И при этом мобилизуют все свои силы, точь-в точь как в настоящем бою. Те, кто работают в экстремальных условиях без всякой жалости к себе, как в запое, с большим творческим подъемом, испытывают подчас такое же эмоциональное напряжение, какое возникает в боевой обстановке. Аналогичное напряжение возникает и в условиях тяжелых экспедиций,

где и опасность для жизни, иной раз, кстати, не намного меньше, чем на фронте.

Заметим по этому поводу, что участники многих научных экспедиций и турпоходов в труднодоступные районы подсознательно усугубляют свое воинственное состояние духа несколько нарочито создаваемой романтикой обстановки: боевитыми экспедиционными песнями под гитару у костра, штормовками в пятнах камуфляжа, «как у десантников» и даже охотничьими ружьями, взятыми с собою, скорее, «для понту», нежели по необходимости прокормления охотой. О практической пользе такого поведения в качестве «заменителя войны» говорится в 7.6.

6.4. Каким виделось окружающее пространство древнему человеку?

Для древнего человека совсем недалеко от его дома начинался чужой и неизведанный мир. Неизведанное — значит опасное. Все там враждебное, страшное, и люди, если есть, то враждебные. Очень легко вообразить, что там живут и чудовища.

Древние германцы называли территорию, видимую до горизонта, Митгардом — «срединной усадьбой». Все за ее пределами звали Утгард — внешний мир. Считалось, что этот мир бесконечен. В нем всегда темно и дуют ледяные ветры. Там текут ядовитые реки и живут страшные чудовища: полулюди — полузвери со светящимися в темноте глазами и дыханием «режущим как нож». Человек, побывавший в Утгарде и вернувшийся оттуда живым, возможно, уже не тот — его подменили!

Удгард и ад, преисподняя, собственно, одно и то же. Он не только там, вдали, за горизонтом, но и под землей. Любая глубокая яма — тенистый овраг, колодец, пещера — могут быть входом в Утгард. Самое страшное там не чудовища, не холод, а то, что там живут по чужим для нас, «не нашим» законам. Вода в реке сама коварно набрасывается на человека, чтобы его погубить. Скала расступается, чтобы открыть проход в логово дракона. Деревья изгибаются и хватают своими ветвями путника. Все вокруг живое, имеет волю и враждебно человеку: и камни, и растения, и вода. По ночам Утгард приближается вплотную к стенам дома. Ужасные чудовища и вражьи силы налезают из-за горизонта и выползают из-под земли. Исчадия Утгарда — все ночные твари. Все они не просто гады, птицы и звери, но и злые духи, способные погубить.

Совсем другое дело Митгард, своя земля. Здесь человек как бы окружен дружиной своих, дружественных камней, скал, деревьев, животных, да и соплеменников. Здесь ярко светит солнце, светло, тепло. Все здесь для человека и существует, чтобы ему служить. А главное — здесь все подчинено раз и навсегда заведенному порядку.

Война может вестись только вне территории Митгарда — там место смерти, разрушению, врагам и несущим смерть воинам с их оружием. Там же, у самой границы Митгарда, следует хоронить мертвых. Но после смерти они переходят в Утгард, откуда могут возвращаться в своей телесной оболочке или в преображенном виде и всячески вредить живым. Опять происходит то же самое, что с человеком, побывавшим за границей Мигарда — обратно возвращается уже как бы не он, а принявший его облик враждебный дух или собственный его же дух, но переманенный (перекупленный?) исчадиями Утгарда.

Оригинальны ли представления древних германцев? Конечно, нет. Более или менее такие же представления о внешнем пространстве бытовали в головах, по-видимому, всех без исключения оседлых народов. Вот оно — территориальное поведение, как бы изнутри, глазами территориально-агрессивного первобытного человека! Почти так же представляли себе внешнее пространство древние индоевропейцы вообще, в том числе славяне и римляне. Только на севере Европы эволюция этих представлений затянулась, а на юге раньше возникло общество менее архаичного типа с торговыми и другими внешними связями. Земледельческое хозяйство перестало быть натуральным. Однако древние представления вовсе не исчезли. Они только трансформировались!

Рим основан на священной территории. Бытовало представление о померии. Это слово обозначало как бы границу того «нашенского» участка, который древние германцы звали

Митгардом. Внутри не положено было ходить в военном костюме, носить оружие, хоронить мертвых, нарушать обычаи предков, допускать чужеземцев и культы их богов. Главному своему богу Юпитеру Фламину граждане молодого римского государства поклонялись внутри померия — в обведенной как бы магическим кругом городской территории. А культ бога мужской силы, плодородия и войны Марса справлялся уже за границей на особом, для того отведенном Марсовом поле. Перед принесением жертвы Марсу жрецы обходили край померия. Был Термин, особый бог рубежей, сын великого бога Януса — бога превращения и перехода. Ворота храма Януса закрывали в дни мира и вновь открывали в дни войны.

Отправляясь в поход, римляне переступали воображаемую черту и это сразу же освобождало их ото всех «табу» — моральных запретов, которые действовали внутри померия. Возвращаясь из похода, воин был обязан пройти очистительный обряд под особой балкой, подвешенной на двух опорах у алтаря в храме Януса, и только после этого войти в родной город. Очистительный смысл, кстати, имели прохождения под всеми остальными арками и воротами. Вот они откуда — наши триумфальные арки!

Для любого человека и народа древности его отечество — центр мира, свое племя неизмеримо выше всех других, земля — лучше других и так далее.

Целые народы трепетали перед приговором, выносимым даже и одним римским гражданином, — Корнелий Тацит, Анналы, 15.51.1.

В глазах древнего римлянина, он уже одним фактом своего рождения и гражданства был неизмеримо выше любого чужака-варвара, будь то хоть царь, хоть герой, хоть великий мыслитель или гениальный ученый. Даже великий Архимед для убившего его малограмотного римского легионера был не более чем варваром, существом ничтожным и низким по сравнению с любым римлянином.

В нашем языке уцелело выражение «чур меня». Чур — бог межи, рубежа, границы у древних индоевропейцев. Все за Чуром — враждебные и низшие существа.

Пережитки древнего ощущения пространства глубоко укоренились в нашем подсознании. Они проявляются в почвенническом неприятии всего чужеземного, шовинизме и глубоком недоверии к соплеменникам, которые вернулись «оттуда», как-то соприкоснулись с миром за пределами нашей земли.

Из изданного в Кракове в 1578 году «Описания Московии» Александра Гваньини, итальянца, польского дипломата: Если же замечают какого-нибудь человека низкого происхождения, одетого слишком пышно, его называют предателем и вероотступником и берут под подозрение, говоря:

— Неверный, откуда у тебя такая одежда господского фасона (господами они называют поляков и литовцев)? Уж не собираешься ли ты вероломно переметнуться к ним. Да ведь эта одежда — недостаточная плата для тебя!

И тотчас его обвиняют и сурово наказывают, как личность подозрительную…

За последующие пятьсот лет почти ничего не изменилось.

В Прибайкалье не только у аборигенов, но и у некоторых давно обитающих рядом с ними выходцев из России укоренился обычай: если кто-то тонет в озере, не спасать, а если спасли, обратно в семью не принимать. Кто вернулся, уже «не тот», а «подмененный», чужой.

Как недалеко от этого вопрос в наших анкетах в былые годы: «Бывали ли за границей и на оккупированной территории?» Ах, были, но как же в таком случае докажете, что вы не «их» шпион? В тридцатые годы «иностранных шпионов» находили у нас везде, в любом захолустном городке и деревушке.

В ситуациях, вызывающих острую социальную напряженность (экономические катастрофы, политическая нестабильность и даже что-то менее глобальное, например, угроза сокращения штатов), в мозгах людей просыпаются древние доисторические инстинкты территории. Так и хочется поделить окружающее пространство на «свою», внутреннюю территорию осажденной крепости, где имеешь счастье или несчастье находиться, и глубоко враждебный внешний мир, населенный исчадиями ада. Древние культурные стереотипы —

вот он, тот «Утгард», из которого сейчас поползли чудовища.

…А посреди орудий голосища
Москва островком
И мы на островке.
Мы-голодные,
Мы-нищие,
С Лениным в башке
И с наганом в руке…
(В. Маяковский, «Хорошо»)

Глава 7. «Мать всех битв» — «каинов генотип»

7.1. Военные игры и желание воевать

Почему мальчишки всех времен и народов играют в войну? Профессиональные пацифисты обязательно скажут, что во всем виноваты взрослые, и будут совершенно правы. Попробуйте не покупать мальчишкам игрушечные автоматы, танки и солдатиков, запретите им смотреть по телевизору военные фильмы и слушать по радио рассказы о войне. Думаете, поможет? Ни капельки! В дело пойдут палки и камни, самодельные луки, мечи и ружья, изготовленные из сучковатых веток и деревянных ящиков из под овощей. Так, надо полагать, играли мальчики в древнем Египте, играют и сейчас в Исландии, России и на Новой Гвинее.

Читателям наверняка будет интересен отрывок из книги Д. Локвуда «Я абориген,» где автор в свою очередь приводит отрывок из автобиографического рассказа Филиппа Робертса, австралийского аборигена из племени алава. … Мы сражались игрушечными копьями, концы которых были обернуты тряпками, чтобы не поранить «врага». Мальчик, «пронзенный» копьем, должен был упасть. К нему подбегали девочки и оплакивали своего погибшего брата. Это единственная роль, которую им доверяли… Это вполне соответствовало их положению в жизни. Мы сражались также с помощью бумерангов и нулла-нулла. По правилам игры не следовало причинять противнику боль, но мальчикам, как известно, свойственно увлекаться. Сначала мы обменивались легкими ударами, потом один кричал, что его стукнули сильнее, чем разрешается, и в свою очередь отпускал здоровую затрещину, а противник в отместку размахивался изо всех сил…

Любой из мальчишек пережил подобное же в своем детстве, даже если и не подозревал о «сумчатом континенте». Посему наши комментарии опускаем.

Чем принципиально отличается игра в войну от простой борьбы? Борются, играючи, детеныши очень многих животных и не только млекопитающих. Однако, в войну играют, исключительно, человеческие детеныши мужского пола. Отличие весьма характерное. Мальчишеская компания подразделяется на две противоборствующие организационные команды: мы будем индейцы, а вы белые, мы немцы, а вы русские. Затем бегство одних, выслеживание, преследование других, за мной в атаку, ура-а! Какой мальчик в позднем дошкольном и раннем школьном возрасте не обвешивал себя игрушечными саблями и пистолетами, не играл «в солдатики», не мечтал обзавестись рогаткой или «настоящим» духовым ружьем, не пытался кинуть камень или дротик в цель?

Впервые взяв в руки оружие, боевое или охотничье, почти любой мужчина испытывает характерную внутреннюю дрожь, радостное волнение, священный трепет. То же ни с чем нес сравнимое ощущение вызывают шагание в ногу и военная музыка. Многие мужчины, ни разу в жизни не воевавшие и даже не охотившиеся, испытывают, тем не менее, неодолимую потребность в коллективных действиях, так или иначе связанных с групповым молодечеством, риском, воинской дисциплиной и принятием решений в экстремальных ситуациях. Жизнь без такого рода острых ощущений связанных с раскрепощением скрытой

агрессии и жесткой необходимости подчиняться кому-то другому для большинства мужчин невыносимо тягостна. Возможно, в этом одна из этологических причин нашего теперешнего массового пьянства. (См. также 5.4)

В нормальной мирной жизни, начисто лишенной боевых ситуаций, мужчине, особенно молодому и средних лет, постоянно чего-то не хватает. Поэтому он начинает выискивать или изобретать для себя такие экстремальные ситуации. Если ему самому никак не удается повоевать, его, чего уж греха таить, привлекают книги о войне, военные фильмы, видеофильмы ужасов, батальная живопись, коллекция оружия…

В общем-то, «из той же оперы» многие первоначально чисто мужские игры: футбол, хоккей, бокс, даже шахматы и карты. Не играешь сам, переживаешь как болельщик. Не случайно, наверное, болельщики, чуть что, превращаются в стадо беснующихся громил, дерутся и даже убивают друг друга.

Итак, выходит, что совместные организованные действия мужского коллектива, сопряженные с противоборством, риском и раскрепощением агрессии — не продукт воспитания, а стереотип поведения, сидящий в нашем подсознании и при каждом удобном случае вырывающийся наружу, ломая культурные запреты.

Как это гениально сказано в пушкинском «Пире во время чумы»:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы
И в аравийском урагане
И в дуновении чумы.
Все, все, что гибелью грозит
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья -
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот,
Кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

Почему это так? У многих первобытных народов слова «мужчина» и «воин» — синонимы. Как мы уже отметили во 2 главе, среди костных останков древнейших австралопитеков, еще не умевших изготавливать каменные орудия, частенько встречаются черепа с явными пробоинами, причем, преимущественно, слева — следами удара камнем или тяжелой костью, наносившегося, чаще, правой рукой.

Похоже, уже тогда, более 2,5 миллионов лет тому назад, если того не раньше, Каин начал выяснять свои отношения с Авелем. С тех пор убийства себе подобных у наших предков никогда не прекращались. Сперва в единоборстве, а затем и в войнах. Воевали сотни тысяч лет тому назад. Воюем сейчас, и, вероятно, будем еще долго воевать. А на войне как утверждают бывалые люди, смелого пуля боится, смелого штык не берет. Очевидно, естественный отбор закрепил в мужском подсознании стремление к риску, мужественным поступкам. Такое стремление постоянно борется в нашей душе с инстинктом самосохранения и порой одерживает верх.

Вполне возможно, что не просто агрессия (такая же, как и у других животных), но и война — коллективное противоборство с применением смертоносного оружия, свойственное только нам, людям, — носит в какой-то степени врожденный, инстинктивный характер.

Тогда уж, пожалуй, и наши мальчишеские игры в войну принадлежат к числу врожденных форм поведения, не менее естественных, чем игра девочек в куклы. Это предварительное проигрывание поведенческого стереотипа, инстинктивная подготовка к дальнейшей «взрослой» деятельности. Например, детеныши всех хищных млекопитающих, даже выращенные в изоляции от взрослых животных, играют в «охоту»: выслеживают и

преследуют воображаемую добычу.

Это — не результат подражания родителям.

Убийство в бою и кровная месть, — издревле высшая доблесть мужчины, его нравственный долг, истинное подтверждение мужской природы.

Фридрих Зибург, один из писателей Третьего рейха, говаривал: кто не воевал, не убивал на войне, тот не мужик, а существо, так сказать, среднего рода, начинающееся в немецком языке с артикля не «дер», а «дас.»

Лоренц как раз по поводу этой точки зрения, крайне популярной в Германии тридцатых-сороковых годов, с грустью констатировал, что нам с нашей моралью есть чему поучиться у волков и воронов, которые, как мы уже поведали читателям друг другу «глаза не выклевывают.»

Дорогие читатели! В этой связи напрашивается одна совсем уж пессимистическая мысль, которой нам, право, не хочется даже делиться с вами. Мы, конечно, будем счастливы, если кому-то из вас удастся нас переубедить.

Гони инстинкт в дверь, он пролезет в окно. А вдруг это означает, что, сколько ни борись за мир, потребность воевать все-таки одержит верх? Что ни делай с человеком, он все равно не способен жить в мире с себе подобными. И даже, если нет ни малейших поводов для войны, он будет с маниакальным упорством их искать, пока не найдет или, вернее, не выдумает, не «высосет из пальца.» Тому в истории мы тьму примеров слышим, но мы истории не пишем… Об этом, к сожалению, свидетельствуют наблюдения не только баснописца И.А. Крылова, но и многочисленные эксперименты этологов. Если какую либо инстинктивную реакцию долго не возбуждают положенные на то раздражители, она, как читатели уже узнали (1.6; 2.3), постепенно начинает запускаться все более слабыми, пустячными стимулами, а, в конце концов, возникает в ответ на «совсем не то» или даже без всякого внешнего повода, просто вхолостую…

Ты виноват уж в том, что хочется мне кушать.

— Сказал и в темный лес ягненка поволок.

Приводились, например, такие наблюдения за насекомоядной птицей сорокопутом-жуланом. В природе сорокопут часто ловит и умерщвляет всевозможных летающих насекомых. В клетке же (его кормят мучными червями), эта неодолимая потребность кого-то ловить на лету сохраняется. Что же делает птица? В конце концов, «истосковавшись» по своей естественной добыче, начинает «ловить» и «убивать» воображаемых мух!

В пьесе французского драматурга Пьера Ануйя «Троянской войны не будет» главный герой Гектор делает все возможное, чтобы умиротворить греков. И Елену им обещает вернуть, и какую-то компенсацию готов выплатить. Но все тщетно. Поэт-троянец кричит об ущемленном достоинстве троянского народа. Его приветствует толпа. Наконец, Гектор закалывает «поджигателя войны.» Не помогает. Уже умирающий поэт орет благим матом: «Меня убил грек, грек, грек…» Толпа беснуется: «Смерть грекам!» — Все хотят воевать…

Все — как в жизни. Если даже массы не хотят войны, ее разжигают правители:

Конечно, они убеждают окружающих, а, возможно, и самих себя, что делают это вынужденно. Однако же на деле, если бы войны никто не хотел, ее бы не было.

Как известно, Первая мировая война началась после продолжительной мирной паузы в Европе. Что тогда творилось! Улицы европейских столиц заполнили ликующие толпы. Люди кричали, пели гимны, целовались и обнимались. Монархи и министры приветствовали их с балконов своих дворцов. Радостная эйфория длилась несколько недель и только постепенно начала сходить на нет.

Конечно, в начале Второй мировой войны ничего подобного уже не было. Люди кое-что все-таки помнили. Однако, в стане будущих побежденных, не в пример грядущим победителям, господствовало настроение спокойной уверенности. После разгрома Польши и, особенно, Франции немцы, в массе, ликовали. Им казалось, что все серьезное уже позади…

Сейчас, опять после долгого мирного перерыва и конца холодной войны, состояние умов во многих регионах мира такое, словно все там полито бензином. Достаточно

малейшей искры и вспыхивает пожар. Начинаются межэтнические конфликты и гражданские войны.

Кавказ, юг Средней Азии, бывшая Югославия, Приднестровье, многие африканские страны. Кто следующий?

Случайное совпадение? — Конечно, нет.

Чисто экономические причины, ослабление центральной власти в Советском Союзе и его скоропалительный распад? Развал Варшавского пакта? Да, конечно, но все-таки определенную роль играют, по-видимому, и психологические процессы. Наши добровольцы, воевавшие в Чечне, Абхазии, Приднестровье, Сербии и т. д., вероятно, смогли бы ответить на эти вопросы. Тысячи молодых людей подаются ныне в «контрактники», ОМОНовцы, спецназ, записываются в боевые отряды всевозможных патриотических фронтов и казачьи полки. Другие подаются в киллеры или становятся бандитами

Что-то тревожное назревает в обществе, не только у нас, но и во всем мире. В воздухе пахнет паленым…

В газетах пишут, что причиной всему состояние тревоги, вызванное экономическим спадом, и безнаказанность. Ой, только ли? Мы, скорее, склонны думать, что эти две причины разбудили постоянно скрытый где-то в подсознании человека военный инстинкт.

Симптоматичны в этом отношении перемены и на Западе. Во многих европейских странах усилились воинствующие шовинистические группировки. Они активно ищут предлог для насильственных действий. Западная молодежь опять охотнее начала смотреть боевики, вестерны, военные фильмы и телерепортажи из «горячих точек.» Это — тоже показатель, отмеченный в западной прессе последних лет.

И все-таки, не странно ли?

Как-то не верится. Понятно, существуют такие древние инстинкты как половой, пищевой, допустим, даже территориальная агрессия, стадность. Но война — чисто человеческая форма поведения. Откуда же здесь было взяться особому инстинкту? Не выдумка ли это ученых, вульгаризирующих данные этологической науки?

Попробуем разобраться, учитывая эволюцию нашего биологического вида. Вопросу, как возник военный инстинкт, посвящены следующие разделы этой главы.

7.2. Межродовой геноцид — предшественник современных войн?

…Жалкий человек.
Чего он хочет!..небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?
(М.Ю. Лермонтов, «Валерик»)

Действительно, зачем? Смысл вражды между людьми особенно непостижим, когда нет ни малейшего намека на перенаселенность, о скученности не может быть и речи. Селения отстоят очень далеко друг от друга и, чтобы убить врага или самому пасть от его руки, надо пройти или проехать громадные расстояния. И все таки люди не ленятся, совершают этот долгий путь только потому, что взаимное убийство продолжает оставаться главным развлечением мужчин. Без этого развлечения жизнь кажется настолько пресной, что некоторые утрачивают к ней всякий интерес.

Казалось бы, чего делить, если земли хватает, «бери — не хочу»? Так, нет же. Как раз наоборот. Замечено, что именно в таких условиях, так же как и при скученности, взаимная агрессивность патологически возрастает. Особенно агрессивны люди, если живут оседло из поколения в поколение: каждая семья, род, немногочисленное племя — на своей особой территории, не перемешиваясь между собой или с каким-либо пришлым народом.

Кто не читал, не слыхал о не слишком-то дружественном соседстве наших рассейских помещиков, воспетом хотя бы в «Мертвых душах», «Как поссорились Иван Иванович и Иван

Никифорович», «Дубровском», о Иудушке Головлеве Салтыкова-Щедрина? Однако, все это идиллия по сравнению с западноевропейским средневековьем, когда, каждый рыцарь был «и царь, и Бог» на своем феоде. Куда ни глянь, на холмах высились сторожевые башни и зубчатые стены замков — вещественные доказательства «миролюбия» их хозяев. Проезжие купцы и путешественники могли сколько угодно кричать «Караул!» — до короля и герцогов все равно не докричишься. Ограбят, а то и убьют.

Чему посвящали свое время благородные рыцари?

Грабили, воевали друг с другом, тиранили своих крепостных (одно «правило первой ночи» чего стоит!), сражались понарошку на турнирах, этом аналоге тетеревиных токов, участвовали в дальних разбойничьих походах, которые затевали сеньоры, скучали у очага в своих каменных гнездах, слушая баллады миннезингеров, предавались любви, молились, охотились, упражнялись в искусстве убивать друг друга, плодили детей, старели и умирали, очень часто не своей смертью. Конечно, это смахивает на карикатуру, но не нами выдумано. Ведь именно так рисуют жизнь рыцарские романы, хотя бы Вальтер Скотт, весьма досконально изучивший рыцарский быт.

«Рыцарь печального образа», атакующий ветряные мельницы, конечно, намного перещеголял самца колюшки, бросающегося на жестянку с красным пятном.

А каковы были нравы американских плантаторов-рабовладельцев еще в прошлом веке? Как относились они друг к другу? Читайте у Фолкнера. А много ли хорошего можно сказать, о взаимоотношениях древнеримских латифундистов, описанном, например, в «Метаморфозах» Апулея?

Тогда хоть, правда, существовали высшие власти с их судом, законами, не то, что в раннем средневековье, когда европейских государств было только чуть-чуть по-меньше, чем рыцарей.

Исландские саги — удивительно реалистические описания событий, происходивших в Исландии X-XI веков, записанные по устному пересказу в XII–XIII веках.

В те далекие годы еще совсем малочисленные исландцы селились семьями: каждая в своем родовом владении, на хуторе, отстоящем на несколько километров от хуторов ближайших соседей. Пахотной земли было в избытке. Драться из-за нее не имело ни малейшего смысла. Но исландские семьи воевали друг с другом. Род против рода. Семья с семьей. Никакого государственного устройства в Исландии в те времена не было. Главы семейств просто иногда съезжались на тинг-совет, потолковать, обсудить текущие дела: кто кого убил и какой предлагают выкуп родне убитого. Там же торговали, менялись, иной раз сватали, рассказывали новости, доходящие с материка. Народ был не только земледельческий, но и морской. Плавали в Европу, нанимались в дружины конунгов — скандинавских королей — и даже служили в гвардии византийского императора.

Что же было предлогом для межсемейной вражды и войн на далеком, затерянном в Северном море острове?

Множество мелких дрязг, неосторожно брошенное слово, расстроенное сватовство, ну, и конечно, главная причина: кровная месть. Саги возвеличивают героев, для которых эта месть была главной целью жизни. Убийство врага предвкушали и смаковали заранее, продумывали до малейших деталей. Ради этой цели, если требовалось, ни колеблясь, жертвовали собой и своими близкими.

Мстить полагалось так, чтобы причинить врагу максимальную душевную боль. Например, мстя отцу, убивали у него на глазах любимого сына, но самого старика оставляли в живых. Требовалось «сравнять счет». Сколько погибло людей в семье «А», столько же полагалось уничтожить их и в семье «Б».

В порядке вещей были, например, такие эпизоды: Эльгрим хотел при этом кончить разговор и погнал коня. Однако, когда Хрут это увидел, он взмахнул секирой и ударил Эльгрима между лопатками так, что кольчуга лопнула и секира рассекла спину и торчали из груди… («Сага о людях из Лососьей долины»)… Он сошел с коня и стал ждать в лесу, пока не снесут вниз нарубленное и Сварт не останется один. Затем Коль бросился на Сварта и

сказал: «Не ты один ловок рубить!» И, всадив секиру в его голову, убил его наповал, а затем поехал домой и сказал Халльгард об убийстве… («Сага о Ньяле»). …Тард (одиннадцатилетний мальчик) дал ему (семилетнему Эгилю) секиру, которую он держал в руках. Они пошли туда, где играли мальчики. Грим (одиннадцатилетний сын врага) в это время схватил мяч и бросил его, а другие мальчики бросились за мячом. Тогда Эгиль подбежал к Гриму и всадил ему секиру глубоко в голову. Затем Эгиль и Торд ушли к своим… («Сага об Эгиле») Когда враждовали взрослые, они стравливали и своих детей.

Очень часто убийства совершались исподтишка. Это не считалось предосудительным. Весьма типичен, к примеру, следующий эпизод из «Саги о Греттире». Постучали в дверь. Шел сильный дождь, смеркалось. За дверью ничего не было видно. Хозяин ее открыл, и тотчас же его проткнул насквозь копьем спрятавшийся за дверью кровник.

— Они теперь в моде, эти широкие наконечники копий, — успел хладнокровно произнести хозяин прежде, чем испустил дух.

Таковы были времена и нравы! Перед насильственной смертью полагалось еще сострить или сочинить и продекламировать коротенькое стихотворение — «вису».

В конце XI века в Исландии распространилось христианство. Однако, это отнюдь не помешало исландцам продолжать в прежнем духе. Напротив. Например, слепец Амунди восхвалил Христа и, если верить, разумеется, «Саге о Ньяле», сразу же прозрел, раскроил череп врагу секирой, а потом ослеп опять.

В «Саге о названных братьях» христианский Бог прославляется за то, что он помог пятнадцатилетнему Торгейру «осуществить кровавую месть за убийство отца.»

Конечно, не следует думать, что исландцы эпохи саг только и занимались убийствами. Были и более прозаические дела, но о них не сочиняли саги. Интереснее другое: в последующие века жители Исландии стали очень миролюбивыми людьми. Даже, пожалуй чересчур. В XIV веке они не оказали ни малейшего сопротивления пиратам, зверствовавшим на острове. Что же к этому привело? Земельных излишков поубавилось и кончился «разгул демократии». Островом завладели датчане. Появились королевские чиновники, законы и палачи.

Интересна и другая закономерность. У исландцев, как и у самых разных других мало-мальских цивилизованных народов, жертвой кровной мести могли быть только мужчины враждебного рода, в том числе, как мы только что рассказали, даже несовершеннолетние. Убийство женщины считалось невообразимым преступлением. Щадили и дряхлых стариков. К тому же каждый убийца, в принципе, мог предложить родственникам убитого выкуп (виру). Если таковой принимали, дело считалось улаженным. Тем не менее, от выкупа обычно отказывались. Куда приличнее считалось продолжать до бесконечности цепь убийств.

Характерно, что не только в Исландии, но и везде, где в обычае кровная месть, мстители говорили о себе и о своих врагах:

— Я, такой-то, сын такого-то, внук такого-то и так далее, убил такого-то за то, что его, к примеру, дед убил такого-то (снова длинная родословная) из моего рода.

Выходит, война шла на хутор против хутора, а, в полном смысле слова, против генетического клона (по мужской линии) в пределах данного ограниченного сообщества (популяции).

Как в «Иллиаде» Гомера:

Гектор, Патрокла убил ты и думал в живых оставаться!
Ты меня не страшился, враг безрассудный.
Но за судами ахейскими я оставался,
Я, и колено (род) твое сокрушивший…

Нелишне напомнить — предлогом для Троянской войны послужило похищение Елены. Нанесено было оскорбление клону. Словами О. Мандельштама: Когда бы не Елена, что Троя вам, ахейские мужи?

Нам кажется стоит обратить внимание на то обстоятельство, что обычай кровной мести — явный пережиток родового строя, сравнительно долго, чуть ни до наших дней, продержался именно там, даже у цивилизованных народов, где люди из поколения в поколение жили оседло и мало смешивались с чужеземцами, т. е. у островитян и у горцев (Сардиния, Корсика, Сицилия, юг Италии, черногорцы и албанцы, Дагестан, горцы Средней Азии, в более отдаленном прошлом Япония, Шотландия и так далее).

Когда-то, в догосударственном обществе, этот обычай служил, как уже говорилось выше, единственной управой на убийц. Каждый, покушавшийся на жизнь не на войне, вынужден был думать о весьма вероятном возмездии.

Можно не сомневаться, что при родовом строе кровная месть была одним из неписанных законов везде и всюду. Между тем, правила ее осуществления, например, то, что касается пола и возраста потенциальных жертв, — вероятно, довольно поздние достижения цивилизации. В наиболее архаичных обществах недавнего прошлого и даже в современных (австралийские аборигены, «охотники за головами» даяки и папуасы, некоторые южно-американские племена, яномамо и др.) «мстят» любому соплеменнику убийцы, не считаясь ни с полом, ни с возрастом.

Как известно, аналогичным принципом коллективной ответственности руководствуются и современные террористы (исламские, ирландские), а также тоталитарные правительства.

В некоторых затерянных уголках мира, например, у то и дело упоминаемых нами яномамо, межродовые войны, затеянные под предлогом кровной мести, длятся практически непрерывно по сей день. Это в полном смысле слова «война генотипов», «межродовой геноцид».

Белые путешественники прошлых веков утверждали, что и в Вест-Индии, и в Тихом океане трудно сыскать островок или атолл, на котором туземцы, разделившись на несколько племен (родов), не вели бы нескончаемой войны. Под каким предлогом затевались эти войны или, скорее, почему? Предлоги всегда находились, чаще всего, месть, а также, разумеется, жажда грабежа, желание завладеть чужими женщинами и скарбом, ну, и, наконец, кое-где и людоедство. С мясом на островах было довольно туго. Иной раз людоедство носило ритуальный характер.

Подведем итог. Многое свидетельствует о том, что в доисторические времен межродовой геноцид был широко распространенным явлением везде, где люди подразделялись на отдельные семейные группы, рода (колена, клоны), племена, мало перемешивающиеся друг с другом. От тех времен мы получили трагическое наследство: подсознательное стремление людей объединяться в большие группы для нападения на тех, кто в эти группы не входит, (то, что К. Лоренц называет «инстинктом этнической вражды» — см. выше).

Одно время в Московском зоопарке разводили беломорских актиний Метридиум. Эти сидячие животные, размножающиеся почкованием, сплошь покрывали собой большую стеклянную пластинку, поставленную вертикально в аквариуме. На пластинке явно просматривались межклональные границы. Вдоль них виднелись сплошные ряды актиний, сцепившихся киллерными (убивающими) щупальцами — особым органом межклональной агрессии.

Соседние колонии муравьев одного и того же вида часто ведут между собой доподлинные «войны». Не размножающиеся рабочие особи гибнут на этих «войнах» тысячами. Иногда, впрочем, навоевавшись, даже муравьи «заключают мир». Для этого враждующие муравейники соединяют общим туннелем, куда рабочие обоих «воющих армий» стаскивают куколок — «муравьиные яйца». Особи, вышедшие из этих куколок будут уже распознавать по запаху как «своих» муравьев из обоих колоний!

У серых крыс, — наших подпольных соседей, межклональная агрессия, как мы уже говорили, тоже носит постоянный характер, пока животные живут оседло разросшимися клонами.

В чем биологический смысл межклональной агрессии в животном царстве? «Победивший» генотип оставляет более многочисленное потомство. Поэтому естественный отбор и сохраняет такую форму агрессии, на первый взгляд, казалось бы, невыгодную виду.

Кроме того у колониальных животных (к людям это не относится), таких как общественные насекомые или гидроидные полипы — родня всем известной пресноводной гидры, межклональная агрессия предотвращает паразитическое существование размножающихся особей одного клона за счет неразмножающихся индивидов другого клона. Разноклональные колонии гидроидов не срастаются друг с другом, в отличие от одноклональных. То же самое явление наблюдается у кораллов и губок.

А что дает война, с генетической точки зрения, современному человеку? На ней гибнут лучшие. Вероятность оставления потомства выше у оставшихся в тылу «белобилетчиков» — инвалидов и ловкачей. Выходит, абсолютно ничего не дает хорошего. Наоборот, приносит громадный вред.

А как же тогда насчет «борьбы генотипов», «нашего» и «вражеского»? Это — абсурд. Любая современная нация — культурная и языковая общность людей с гигантским набором самых разнообразных генотипов. Война — взаимно-истребление двух, воистину, «вавилонских смешений» таковых, двух генетических «коктейлей».

К тому же уроки истории свидетельствуют: не победителю, чаще всего, даровано многочисленное потомство после современной и даже не современной большой войны. Где потомки былых «владык мира» ассирийцев, древних римлян и македонян? А ведь многие покоренные когда-то ими народы процветают и по сей день.

Кто выиграл Вторую мировую войну? А какова, сравнительно, демографическая картина сейчас у нас и у наших былых врагов, немцев и японцев?!

Вот с таких-то позиций мы, пожалуй рискнем поспорить с новосибирским исследователем Ю. М. Плюсниным, (Ю. М. Плюснин «Генетически и культурно обусловленные стереотипы поведения. Критика концепций социобиологии (В сб. «Поведение животных и человека: сходство и различия», стр. 89-107, Пущино, 1989) который, имея в виду межгосударственные войны современного типа, утверждает следующее: …этологическая теория территориальной агрессивности, хотя и разработана для объяснения «индивидуальных инстинктов» с легкостью экстраполируется и на явления социального порядка — такие как появление межэтнической, межгрупповой враждебности. С ее помощью объясняются войны. В примитивно-социобиологических представлениях война — это просто межпопуляционная агрессия, способствующая увеличению приспособленности членов той группы, которая стремится истребить своих соседей. Однако, как показал Д. Кэмпбелл в «реалистической теории группового конфликта», на самом деле из социобиологических постулатов логически не выводимы ни межгрупповой конфликт, ни, тем более, войны. Межгрупповая агрессивность предполагает территориальность на групповом уровне. С точки зрения индивидов, входящих в такие группы, два уровня территориальности несовместимы… Более того, защита сообщества требует зачастую удаления от родичей и семьи, и жертвенность в пользу сообщества как своей приспособленностью, так и приспособленностью своих родственников. Такого поведения социобиологическая теория не допускает. Но ведь война есть именно межгрупповой, но не индивидуальный конфликт…

Все это, конечно, так. Однако, для понимания того, как и почему появились войны современного типа в человеческом обществе, абсолютно необходим исторический подход. При родовом строе, а он длился несравненно дольше, чем все последующие общественные формации в человеческой истории вместе взятые, война была ничем иным как порождением межклональной и межпопуляционной конкуренции. Тогда, в доисторические времена, как, впрочем и сейчас в уцелевших кое-где архаических обществах, войны вполне могли быть механизмом отбора клональных и популяционных генофондов. Поясним читателю — небиологу: популяция — сообщество более или менее постоянно скрещивающихся между собою индивидов. Популяционный генофонд — совокупность генов, представленных в

данной популяции. Клон, он же род, колено, династия, — потомки какой-то одной пары производителей. Войны постепенно утратили свой исходный генетический смысл уже при переходе от родового строя к рабовладельческому. Тогда уже появились первые полиэтнические государственные образования, а главное, началось и далее происходило непрерывно перемешивание самых разнообразных этносов.

7. 3. Марс и Афродита (война и половой отбор)

Карикатура в старом польском журнале: в зале рыцарского замка на стене — оленьи рога. Рыцарь в доспехах — даме:

— А это, я полагаю, ваш охотничий трофей?

Дама:

— Нет, не мой, а моего мужа.

«Рогоносец» — для человеческого «самца» очень плохой комплимент. А для самца-оленя рога — не только предмет гордости, но еще и продукт так называемого внутриполового отбора. Из поколения в поколение в единоборстве выигрывали самцы, у которых рога были помощней, да и покрепче. Для борьбы с хищниками-волками, рысями, медведями, куда бы больше сгодились как уже говорилось выше (3.7) острые как кинжал и не ветвящиеся рога, такие, как, например, у газели орикса.

Эти же оленьи рога, — удивительной красоты, древовидные, — оружие, предназначенное, в первую очередь, для поединков между самцами. Некогда в Ирландии жил олень с рогами еще более ветвящимися и длинными, чем даже у современного благородного оленя. Тот олень носил такое мощное и сложно ветвящееся сооружение на голове, что, в конце концов, просто вымер. «Гонка вооружений» между соперниками-самцами приводила к отбору генов, способствующих все большему росту рогов. В конце концов, половой отбор завел этот вид в тупик. Рога самцов, неизменно побеждавших в драках своих соперников, стали опасным для вида излишеством в обыденной жизни.

И так, оказывается, бывает: сам же естественный отбор направляет эволюцию вида в тупик. Биологи-эволюционисты называют подобного рода явления гиперморфозом. Возникла, как говорят «технари», «паразитная» положительная обратная связь.

В последнее время некоторые эволюционисты уподобляют рогам самцов ирландского оленя наш интеллект. Не будь у человека интеллекта, не было бы и научно-технического прогресса, не смогли бы мы изобретать все более совершенное оружие и не разрушали бы в столь ужасающих масштабах окружающую нас среду. Выходит, рациональное зерно в этих рассуждениях есть. Приходится расплачиваться за яблоко, которое когда-то сорвала Ева!

Разговор наш, однако, пока не о том. Вернемся к оленям. В период гона они сперва состязаются в реве: кто кого переревет. Доминантному самцу, владельцу гарема, положено так реветь, чтобы у прочих самцов отпала всякая охота проверять свои силы в драке. Многие самцы-конкуренты, действительно, «выбывают из игры» еще при этом предварительном состязании. Но вот находится смельчак, который, несмотря ни на что, выходит на бой. Соперники ходят кругами, приглядываясь друг к другу: кто крупнее? Только сравнительно редко этим все дело не кончается. Действительно, начинается драка, кончающаяся, иной раз, хотя и не особенно часто, тяжкими увечьями одного из соперников. Награда победителю — гарем. Самцы бойцовых рыбок-«петушков», всамделишные петухи, морские птицы фрегаты, самцы жуков-оленей, у которых челюсти имеют форму оленьих рогов, морские львы, коты, доминантные особи павианов и шимпанзе, одним словом, самцы очень многих животных сражаются из-за самок.

Не составляет в этом отношении особого исключения и человек. Процитируем по этому поводу отрывок из книги Яна Линдблада: «Человек — ты, я и первозданный» («Мир», 1990). Речь идет об агрессивности в состоянии крайней сексуальной мотивации или, проще говоря, как раз о такой драке: …в селении Патанэ-тери (Южная Америка) молодой индеец увел женщину, которую избивал муж. Результатом была жестокая дуэль на дубинках. Под

дубинками подразумевается двухметровая жердь, заостренная на одном конце и с увесистым утолщением на другом.

Сперва удары обрушивались на окровавленные головы соперников, затем последовали выпады острым концом дубинки. «Законный владелец» женщины был ранен метким уколом; тогда разъяренный предводитель племени (мужа) схватил свою дубинку-копье и пронзил насквозь похитителя чужой жены, отчего тот умер на месте. Женщину вернули «законному» супругу, который в наказание отрезал ей уши! Родственникам убитого предложили немедленно покинуть шабоно (поселение) пока дело не дошло до общего побоища. Изганникам предоставили приют в одном из соседних селений, взяв с них в виде дани нескольких женщин и пообещав отомстить обидчикам.

Однако, вопрос: какое все это имеет отношение к войне? Ведь речь идет, исключительно, о единоборстве самцов одной и той же популяции, одного и того же вида. Дуэльное оружие, — продукт полового отбора: оленьи рога, петушиные шпоры, способы фиктивного увеличения размеров за счет поднимания перьев или волос, и брачные окраски и вторично-половые признаки, вроде нашей бороды, — все это не для войны. И все-таки, каковы же отношения римского бога войны Марса с проказником Амуром, Эротом, богом любовной страсти у римлян, или, наконец, с греческой богиней любви и красоты Афродитой? Отвечаем: самые тесные, какие только могут быть у всех воюющих народов (миролюбивые жители крайнего Севера не в счет).

Когда солдаты по улицам шагают
Девчонки двери и окна открывают
Эрли-эрля,
Эрли-эрля,
Эрли-эрля
Иогого, ха-ха!

(Немецкая солдатская песня типа «солдатушки-ребятушки». Перевод наш).

Девушки нежно глядели им вслед
Шли они тоже дорогой побед…

(«Дунайские волны»)

Прощай, не горюй, гляди веселей,
А только поцелуй,
Когда придем из лагерей…

(«Прощание славянки»)

Расшумелися вежбы плаченцые (плакучие ивы)
Расплакалася дивчина в глос
Поднесла свои очи блесченцые (блестящие глаза)
На жолнежей твярдый жичя лос (суровую солдатскую жизнь)

(То же, польский вариант)

Помню, я еще молодушкой была
Наша армия в поход куда-то шла…

(Народная, первая четверть XIX в.)

Оружьем на Солнце сверкая,

Проходил батальон усачей… …
А там, приподняв занавеску,
Лишь пара голубеньких глаз
Искала в толпе проходящих…
(Начало XIX в.)

Пошло письмо летучее
В заоблачную даль
О том, что в крайнем случае
Согласна на медаль…
(Из песен времен Великой отечественной)

И снова в переулках сапоги,
И птицы ошалелые летят
И женщины глядят из под руки
И знаем мы, куда они глядят.
(Б. Окуджава)

Таких примеров можно, при желании, привести многие сотни. О чем они все говорят? Слабый пол любит героев войны. Везде и всюду так, а, в результате, женщины рожают новых воинов. Они их рожают и рожают. Детишки подрастают, уходят на войну. Кое-кто возвращается и оставляет большое потомство. Это продолжается уже многие тысячелетия. Вот и получается, что человек все в большей и большей степени становился на протяжении эволюции воюющим существом. Выходит, межклональный и межплеменной геноцид, о котором мы только что рассказали, — лишь одна из эволюционных причин нашей воинственности. Есть еще и вторая причина. Она имеет непосредственное отношение к половому отбору. Человеческие «самки» предпочитают воинственных «самцов».

Плюс к тому же у этих «самцов» более широкие возможности дарить свои гены даже тем «самкам», которые об этом вовсе и не просили. Насилие над женщинами во все века считалось нормой поведения солдат на захваченной территории противника.

Даже воинские трофеи и регалии, вещественные доказательства одержанных побед, предназначаются, главным образом, для того, чтобы очаровывать и завлекать ими встречных красавиц. Приведем несколько примеров. Воины с Маркизских островов лет сто тому назад, когда слабым было еще влияние белых, в торжественных случаях приторачивали к поясу черепа убитых врагов, заполненные круглыми камешками. При каждом движении воина эти погремушки издавали своеобразные звуки, очень впечатлявшие местных дев.

У охотников за головами-даяков с острова Борнео жениха вообще не рассматривали всерьез, если он не предъявлял невесте или ее родне хотя бы одну вполне прилично высушенную голову убитого «врага» — жителя какого-нибудь соседнего селения. Конечно, желательно, чтобы это была голова вражеского воина, но, на худой конец, могли сгодиться даже старуха или ребенок. Некоторые племена еще совсем недавно владели тайным искусством измельчения или растворения костной ткани черепа. Из нормальной головы они умудрялись делать чудо чучельного искусства величиной с детский кулак с вполне распознаваемыми чертами лица, сохранившейся шевелюрой, а также бровями и ресницами, которые на крохотном личике казались ужасно густыми и длинными.

В некоторых горских патанских племенах на юге Афганистана несмотря на ислам, по крайней мере, еще недавно существовала почти та же проблема: ни одно порядочное семейство не выдавало свою дочь за жениха, который еще никого не убил. Всего там заводят себе до 7 жен, но убийства как «путевки в жизнь» все равно необходимы молодому человеку. Во времена английского владычества в Пакистане юные горцы отправлялись туда на охоту за людьми, прихватив свое длинное австрийское ружье. Требовались вещественные доказательства: трофеи, отрубленные головы.

Северо-американские индейцы, во избежание подобных проблем, постоянно носили на поясе скальпы убитых врагов. Желающий да видит. Между прочим, искусству изготовления скальпов краснокожих обучили бледнолицые. В Южной Америке высокоцивилизованные индейцы майя и ацтеки предпочитали носить выдубленные куски кожи вражеского лица либо шерстистых частей тела, а кое-кто там даже щеголял в дубленках, изготовленных из кожи, содранной с военнопленных.

В черной Африке больше в моде были четки из вражеских зубов. Амхарцы в Эфиопии даже в конце XIX века при негусе Менелике, убив врага, отрезали ему гениталии и носили, насадив на палку. Наконец, некоторые из наших мальчиков в Афгане (ничтожный процент, «нетипичное явление» и так далее — не сочтите за попытку очернить всех!!!) додумались до ожерелий из сушеных «душманских» ушей. И такое там, по слухам, было.

Зачем мы привели все эти примеры? А для того, чтобы с их помощью попытаться ответить на вопрос: каким образом воинственность мужчин влияет на их успех у «прекрасного пола». Ведь все подобного рода военные трофеи ни что иное как свидетельство боеспособности мужчины, некое первобытное подобие медалей и орденов, впечатляющее «прекрасный пол».

А нужны ли такие экзотические примеры? Как обстоят дела у нас сейчас в обществе цивилизованных людей? Все мы в ранней юности, конечно, увлекались «Тремя мушкетерами». Поэтому вопросы, как говорится, на засыпку«: Многие ли из наших одноклассниц в их 16–18 лет устояли бы перед чарами де Артаньяна? А чем, собственно, он их пленял? Не грех по тому же поводу припомнить и ростановского Сирано де Бержерака — поэта, храброго человека, гениального фехтовальщица с необычайно длинным носом.»…

Здесь каждый смерти рад!
Скажите мне: что это за отряд?..
Свой плащ спуская грациозно,
На землю фетр бросаю я.
Теперь уж обнажайся грозно
Ты, шпага верная моя.
Мои движенья быстры, пылки
Сильна рука и верен глаз…

Однажды на ночной парижской улице Сирано сразился с сотней врагов и победил! Как относятся знакомые Вам девушки к таким героическим мужчинам?

Ах, зачем и литературные примеры? Как относились в начале прошлого века дамы и барышни из хороших дворянских семейств к отважным и удачливым дуэлянтам и, уж тем более, к воинам, чья грудь украшена боевыми крестами? А как относятся наши девушки сейчас к героям Афгана? Приднестровья и Абхазии? В первобытном обществе орденов и медалей не было. Чем их заменяли, мы только что поведали читателю.

В античные времена, например, в Риме уже были настоящие боевые награды: лавровые и золотые венки, нагрудный знак за взятие вражеской крепости, триумфы, которые устраивали удачливым полководцам, раздачи земли ветеранам, почетные должности, магистраты. В средние века одаривали золотыми нарукавными кольцами, оружием, посвящали в рыцари, опять-таки дарили земельные наделы и так далее и так далее, и так далее.

Боевые награды и дары, естественно, повышали шансы победителей на рынке женихов. Однако, это далеко не все. Военным трофеем победителей во все века были не только восторженные сердца молодых соотечественниц, но, как мы только что уже отметили, и беззащитные пленницы. Таким образом, лавры победителя, воинственный пыл, повышали вероятность оставления потомства, как прижитого в законном браке, так и зачатого насильно в завоеванных неприятельских землях.

То, что так было всегда, начиная с первобытного общества, подтверждают следующие наблюдения за уже не раз упомянутым нами суринамским индейским племенем яномамо.

Они позаимствованы из книги профессора Калифорнийского университета Наполеона Шаньона «Яномамо — свирепый народ» (1968). Племя яномамо насчитывает всего лишь около 15 тыс. человек. Они обитают в приблизительно 200 деревнях, почти непрерывно воющих друг с другом. Треть мужчин племени гибнет на войне, а почти половина из тех, кому более 25 лет, успели убить, по крайней мере, одного врага. Войны, как и у героев Гомера, начинаются преимущественно из-за женщин, причем, это, конечно, главное: мужчины-убийцы имеют в среднем в почти два раза больше жен и в три раза больше детей, чем те, кто никого не убивал! Выходит, идет непрерывный отбор в чисто дарвиновском смысле этого слова на максимальное стремление убивать.

Следует отметить, что риск, сопряженный с убийствами, не очень-то велик. Убийцы подкрадываются к околице вражеской деревни и исподтишка убивают первых попавшихся, а затем сразу уносят ноги. Кто больше убил, тому больше почета и славы у «прекрасных дам»!

Очень часто драки за обладание женщиной затеваются между односельчанами. Драки эти завершаются убийством одного из соперников, после чего, по обычаю, родственники убитого уходят из села без помех, чтобы основать где-то свою собственную деревню или подселиться к врагам-соседям. В обоих случаях все помыслы мужчин-родственников убитого теперь о кровной мести, причем выслеживают и убивают не только родственников убийцы, но и кого попало из прежней родной деревни. Кроме того жители любой деревни, вооружившись копьями и луками, то и дело устраивают набеги на одну из соседних деревень, чтобы похитить там женщин.

В общем, — все условия для того, чтобы естественный отбор постепенно формировал те самые худшие особенности мужского характера, которые постоянно дают себя знать в нашей бессмысленной воинственности. Правда, некоторые ученые возражают Шаньону, указывая хотя бы на то, что такая сверхагрессивность свойственна далеко не всем индейским племенам. Поблизости от яномамо живут другие, куда более миролюбивые индейцы. Человек слишком нестереотипен. Его поведение нельзя подогнать под какую бы то ни было схему. Сегодня он — один, завтра — другой.

К сожалению, такие возражения не слишком убедительны. Представим простую вещь: с миролюбивым племенем столкнулось агрессивное и воинственное. У кого больше шансов уыелеть в их конфликте? Так оно и происходило на протяжении тысячелетий и веков. Против лома нет приема, как гласит поговорка. Победители выживали и продлевали в потомках свой «каинов» генотип. Как мы уже отметили, при этом они обычно щедро делились своим генотипом и с побежденными, даря им, таким образом, поколения грядущих мстителей, если, конечно, не изводили поверженного врага под корень.

Слова «отца социобиологии» Эдварда Вильсона, профессора Гарвардского университета: Меня больше всего удивляет, — почему люди так осторожничают вокруг проблемы человеческой агрессии. Человечество купается в крови столько времени, сколько оно существует. Если у нас имеется сильная биологическая предрасположенность к насилию, мы не можем просто взять и выкинуть ее… По мнению Вильсона, открытие Шаньоном мощной потенциальной связи между агрессией и репродуктивным успехом может представлять важный шаг в нашем понимании войн, а, пожет быть, и в будущем избавлении от них. (Обзор см. в «Синтифик Американ», № 7, стр. 90–92, 1990).

Короче говоря, естественный отбор, на нашу беду, породил порочный круг: женщины во всех обществах и во все века «вешались на шею» победителям, сами навязывались им. Военные мундиры, ордена, регалии, рассказы о героических подвигах… Что все это должно кружить голову юным девам кажется нам настолько обыденным и очевидным, что даже и не приходит в голову задуматься о причинах и генетических последствиях этого явления. Процитируем-ка из «Песни о нибелунгах» о короле-победителе Гунтере. Что он ощущал, когда на людях ему приспешествовал как, якобы, оруженосец еще более прославленный воин Зигфрид: «И Гунтер словно вырос — так был он горд и рад,

Что очи женские за ним в такой момент следят…

В конце этой книги читатели кое-что узнают о зоологе, поэте и отважном белом

офицере Вадиме Георгиевиче Дермидонтове, расстрелянном в 1937 г.

Здесь к месту такие его строчки:

Март, а было тепло как летом.
Волга шумно взломала лед.
Я иду по полям согретым.
От Адама мой древний род.
Я в себе хороню былое
Как земля хоронит зерно.
В жизни все для меня родное.
В жизни все мне в удел дано.
Был я всюду, где только люди
Вековечно вершили бой
На кострищах звериной чуди
В заклинаниях был голос мой
В сарацинских гремел набегах,
В аравийской степной дали.
Кочевал на скрипучих телегах
По татарским шляхам в пыли
За святую землю сражался
Под Коломной пищаль носил,
На стенах новгородских дрался
Против сонма московских сил.
И в себе сохранив былое,
Вне религий, пространств, времен,
Плотью врос я в мое, земное,
И земля для меня — закон. (1918 г.)

Никуда нам от этого закона не уйти. В военном инстинкте человека сконцентрировался целый набор разных инстинктивных побуждений и, в том числе, не только низменных, но и прекрасных, самых возвышенных и благородных. Это, в частности, альтруистическое чувство в самой его крайней, жертвенной форме. В том-то и дело, что все гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд, и безоговорочное осуждение любых войн представляется нам, несмотря на все сказанное выше, тоже ошибочной точкой зрения.

7.4. От лежбища котиков до личной жизни Гитлера

Уже в 5 главе мы кое-что говорили о связи между понятиями «вождь» и «отец». Эта связь глубоко укоренилась в человеческом подсознании.

Царь-батюшка, отец ты наш родной … Древние римляне-сенаторам: Отцы-сенаторы… Патриций — от слова «Патер» — «отец». Древнеримский историк Светоний Транквилл об Октавиане Августе, первом римском императоре: Имя отца отечества было ему поднесено всем народам внезапно и единодушно… (Дело происходило во втором году до нашей эры.) Потом этот титул присваивали себе или получали многие римские императоры. Да и до, и после них кто только не зачислял себя в «отцы нации», подобно нашему незабвенному «отцу и учителю, величайшему гению всех времен и народов и пр., и пр., и пр.» Образ отца и образ правителя часто сливались воедино в мозгах владык и верноподданных самых разных государств. Это более или менее общее явление.

Не даром очень многие властители стремились придать себе соответствующий их титулу или сану солидный облик «папаши»: отращивали бороду, а, если она не росла, — подвешивали искусственную. Такую бороду, например, носила древнеегипетская фараонша Хатшепсут (около 1,5 тыс. лет до н. э.).

Между прочим, от тюркского «ата» — «отец» происходит и наше «атаман», он же «батька», и прозвище турецкого правителя Кемаль Ататюрк («отец турок»). Даже главарь

шайки уголовников у нас «пахан», а у немцев «опа», что означает то же самое. Все, вероятно, помнят знаменитого гаитянского вождя «папу-дока» Дювалье.

А о чем все это говорит? С фрейдистских позиций, об очень многом. Не даром в одном польском юмористическом журнале предупреждали: Не рассказывайте своих снов. А вдруг власть захватят фрейдисты? Действительно. последствия могут быть ужасными. Например, приснится вам, что у вас выросла борода, точь в точь как у Фиделя Кастро и многих других корифеев. По неосторожности вы об этом проболтаетесь «кому не надо». И вот, вас сразу же в кутузку за намерение «неконституционным способом изменить государственный строй».

Шутки-шутками, но кое-что за этим, действительно, кроется. Так, ряд видов птиц и млекопитающих, в том числе наши петухи, благородные олени, морские котики и некоторые обезьяны, заводят, подобно турецкому султану, большие «гаремы»: один доминантный самец и много-много покорных ему самок. Российский генетик Р.Л. Берг (дочь известного академика Л. С. Берга) некогда опубликовала статью: «Почему курица не ревнует?» «Гарем», чего уж тут ревновать? Так вот: у всех таких животных доминирующие самцы крайне агрессивно относятся друг к другу. Мол, «не трожь моих самок!». Прочие, не доминантные самцы, находящиеся в той же стае, подобной бешеной агрессии не вызывают. Ведь они-не конкуренты для доминантной особи.

Совсем другое дело именно равный по рангу — чужой «фюрер», вожак, «монарх». К примеру, у котиков доминирующий самец тщательно охраняет территорию лежбища с находящимися на ней самками от других доминантных самцов. Едва завидев вдалеке такого самца, хозяин территории сразу же кидается на него. Аналогично ведут себя петухи и вожаки стаи у уже упоминавшихся нами павианов-анубисов.

В принципе, можно допустить существование некой эволюционной связи между таким поведением обезьян и …династическими войнами недавнего человеческого прошлого. Эти войны ведь продолжались и после родового строя, когда межродовые конфликты, типа только что описанных, уже давно вышли из моды у цивилизованных народов.

Законы и церковь запрещали убивать людей не «за короля и отечество», а «просто так» потому, что «не поладили», из ревности, по пьянке или с целью грабежа. Король или царь — «отец нации». Он, подобно петуху, доминантному самцу котиков или павианов, весьма агрессивен по отношению к другим точно таким же «отцам»…

— Мой коронованный брат, предупреждаю тебя, что…

Подданные в счет не принимаются. Ссорятся между собой «миропомазанники божьи» короли, а долг подданных — умирать за своих «обожаемых монархов».

Может быть, кто-нибудь из читателей помнит французский фильм «Фанфан-тюльпан» с Жераром Филиппом в главной роли? Начало XVIII века во Франции. Времена «короля-Солнце» Людовика XIV. Дикторский текст:

— В те годы женщины были легкомысленны, а мужчины занимались своим излюбленным делом: войной. Короли на полях сражений произносили исторические фразы, — в кадре король, глядя в подзорную трубу, произносит: «Гвардия умирает, но не сдается!» — а солдаты изящно вспарывали друг другу штыками животы. Словом, это была не война, а брюссельское кружево! (В кадре — кошмарная резня).

Похоже, что подобного типа войны, как и самые разнообразные другие (из-за чего и почему только люди не воевали в разные времена! Например, в XIII веке, во времена поэта Франсуа Вийона, Парижский университет, Сорбонна долго воевал с Парижской мэрией. Опасный пример для наших университетов и мэрий. У нас ведь теперь все может быть), — перекидывают своего рода цепочку (уже, конечно, в сфере культурной, а не биологической эволюции), от доисторических межродовых конфликтов, древней этнической вражды, к мировым и прочим бойням современности.

Как-то Гитлер получил письмо от отца Евы Браун. Тот выразил удивление, что фюрер, так заботящийся о нравственной чистоте немецкой нации, тем не менее, живет с Евой, не регистрируя брак. Гитлер ответил, что хотел бы, но никак не может это сделать потому, что «уже женат на …Германии». Эх, Фрейд. Гитлер его наверняка не читал. Иначе не допустил

бы такой саморазоблачительный «прокол».

Между прочим, средневековые властители в Западной Европе тоже считали, что «женаты» на своем владении, но, в отличие от фюрера, доказывали это не столько словом, сколько делом. К их услугам было «право первой ночи». Тут уж аналогия с котиками и павианами полная. А если еще припомнить драчливость этих господ, их вечное выпячивание своих титулов и родословных, поединки, перья на шлемах, шпоры и шпаги, приходят на ум, разумеется, и петухи.

Из чужбины дальней
В замок феодальный
Едет: трюх-трюх-трюх,
На кобыле сивой
Наш барон спесивый
Наш отец и друг.
Слушать, поселяне,
К вам, невеждам, дряни,
Сам держу я речь!
Я — опора трона,
Царству оборона
Мой дворянский меч.
Гнев мой распалится,
Сам король смирится…

Конечно, эти строчки Беранже написаны куда позже, но суть дела передают. Габриель Гарсиа Маркес в «Осени патриарха» изобразил латиноамериканского диктатора наших дней.

Тут уж сходство с петухом признает сам автор и подчеркивают литературоведы. Оно во всем: и в постоянной агрессивности «доминантного самца», и в его готовности покрыть любую попавшуюся на глаза «курицу». Правда, были и высоты, до которых петуху не взлететь. Так, генералов, замышлявших путч, престарелый диктатор пригласил на званую трапезу. Слуги вынесли и поставили на торжественно накрытый стол громадное блюдо. В нем лежал …жареный главнокомандующий в полной парадной форме с укропчиком во рту.

Слово «отечество», кстати, на большинстве языков — от слова «отец»; например, по-немецки, «фатерлянд», по французски «патри», по-латышски «тевитэ» и так далее. Смысл для простых смертных прост и естественен: «родина», «земля отцов». Однако для самодержавных властителей оно означает нечто совсем иное: Я — отец нации. Посему страна со всеми ее жителями — моя личная собственность. Что захочу, то с ней и сделаю.

Наследник Людовика XIV — Людовик XV говаривал: После нас — хоть потоп. По словам гитлеровского министра вооружений Шпеера, Гитлер в конце войны сознательно пытался добиться, чтобы с ним погибло все. Геббельс в последних статьях с энтузиазмом приветствовал вражеские бомбардировки: Под обломками наших городов будут погребены достижения дурацкого XIX века… Немцев призывали уничтожить свою страну во имя легенды под названием «Сумерки богов». В своей последней статье «И все-таки это будет» тот же Геббельс писал: Наш конец будет концом Вселенной… Вот уж, воистину, как в одном школьном сочинении о Тарасе Бульбе, чем тебя породил, тем тебя и убью!

7. 5. Священный трепет и военный костюм

Энтузиазм. Священный трепет. Кто из современников, живущих в больших городах, побывавших на митингах последних лет, а, может, и помнящих иные времена: марширующие полки, торжественную присягу по красным знаменем, рядом со священным бюстиком Ильича, не испытал хоть раз в жизни этого чувства, не знает, что такое воодушевление?

Словами К. Лоренца: По спине и — как выясняется при более внимательном

наблюдении, — по наружной поверхности рук пробегает «священный трепет». Человек чувствует себя над всеми связями повседневного мира: он готов все бросить, чтобы повиноваться зову Священного Долга. Все препятствия, стоящие на пути к выполнению этого долга, теряют всякую важность; инстинктивные запреты калечить и убивать сородичей утрачивают, к сожалению, большую часть своей силы. Разумные соображения, любая критика или встречные доводы, говорящие против действий, диктуемых воодушевлением, заглушаются за счет того, что замечательная переоценка всех ценностей заставляет их казаться не только неосновательными, но и просто ничтожными и позорными. Короче, как в немецкой поговорке: «Барабан подскажет мысли там, где знамя вьется».

С этими переживаниями коррелируются объективно наблюдаемые явления: повышается тонус всех поперечно-полосатых мышц, осанка становится более напряженной, руки несколько приподнимаются в стороны и слегка поворачиваются внутрь, так что локти выдвигаются наружу. Голова гордо поднята, подбородок выдвинут вперед, а лицевая мускулатура создает совершенно определенную мимику, всем нам известную из кинофильмов, — «героическое лицо». На спине и по наружной поверхности рук топорщатся кожные волосы — именно это и является объективной стороной пресловутого «священного трепета».

В священности этого трепета и одухотворенности воодушевления усомнится тот, кто видел соответствующие поведенческие акты самца шимпанзе, который с беспримерным мужеством выходит защищать свое стадо или семью. Он тоже выдвигает вперед подбородок, напрягает все тело и поднимает локти в стороны, у него тоже шерсть встает дыбом, что приводит к резкому и наверняка устрашающему увеличению контура тела при взгляде спереди. Поворот рук внутрь совершенно очевидно предназначен для того, чтобы вывести наружу наиболее заросшую сторону и тем усилить упомянутый эффект«. Все это, выходит, пугающие демонстрации (см. 3.5), то же, что, например, заглатывание воздуха, приводящее к раздуванию у мраморной лягушки вздыбливание шерсти, изгибание спины и грозное мяуканье у кошки, взъерошивание перьев у сыча, неожиданная демонстрация врагу коброй — своего капюшона, а некоторыми ядовитыми лягушками, насекомыми и так далее — ярко окрашенных участков тела: красного брюха, красных или желтых подкрылий и тому подобное.

Как уже говорилось, многие ядовитые или несъедобные животные и вообще окрашены вызывающе ярко: желтые пятна или полосы на черном фоне либо, наоборот, — черные на желтом или красном. белые полосы по красному или красное с голубым и зеленым, глазчатые черно-белые пятна. Напомним конкретные примеры: расцветку ос, пауков-крестовиков, божьих коровок, лесных клопов-»солдатиков«, саламандр. Такую окраску называют «предупредительной» потому, что она, действительно, выполняет роль сигнала: «Не трогай, не ешь: ядовито или несъедобно». Доказано, что разные животные, в том числе приматы, относятся с опаской к «предупредительно» окрашенным существам, причем в ряде случаев даже без всякого предварительного обучения.

Все это, в какой-то мере, объясняет назначение боевой татуировки и одеяний воинов от древнейших времен и до наших дней. Угрожающие контрастные рисунки на щитах и броне, страусовы перья и конские хвосты на шлемах или, позже, на киверах, султаны; ярко-красные, синие или черные мундиры с резко контрастирующими, белыми или желтыми аксельбантами, выпушками, эполетами, перевязями. У польских гусар в XVII веке за плечами высились громадные «ангельские» крылья, увеличивавшие контур человеческой фигуры раза в два, но, вероятно, мешавшие в бою. Только пулемет вынудил воинов всех стран переодеться в мундиры защитного цвета — аналог защитной покровительственной окраски многих животных — под окружающий фон.

Полиция в большинстве государств по-прежнему наряжается в мундиры, по-возможности, контрастной расцветки и носит высокие шапки, искусственно увеличивающие рост. Эполеты и погоны — своего рода искусственные плечи: чем выше и шире плечи у мужчины, тем сильнее он кажется. Всю фигуру делает с виду более мощной офицерский

китель на ватной подкладке или бронежилет. Шаровары, галифэ утолщают ноги, скрывают их худобу, а фуражка с высокой тульей или кепи, опять-таки увеличивают рост. И черные очки, о которых тоже мы уже говорили, превращают физиономии в страшилище: громадные глазные пятна пугают и рыб, и птиц, и млекопитающих (см. главу 8, «Образ врага»)…

Состояние воодушевления подчиняется правилу так называемой суммации раздражений. Нужна весьма весомая причина, реальная или, чаще, вымышленная, чтобы привести в это состояние одновременно множество людей.

Лоренцу чем-то сходным с воодушевлением представляется то коллективное возбуждение, которое овладевает, например, серыми гусями при издаваемых ими хором особых «триумфальных криках». Такой звук издают в связи с какими-нибудь важными коллективными действиями, например, перед совместной атакой на приблизившегося хищника или, в перелетной стае, собираясь подняться в воздух после роздыха на земле. О кое-каких «воодушевляющих» сигналах у животных и человека мы еще расскажем в следующей главе (см. «дудочка крысолова»). И у общественных насекомых, и у многих птиц (чайки, крачки, дрозды, галки и так далее), а также млекопитающих (напомним горилл) есть сигналы, возбуждающие коллективную агрессию. У общественных насекомых это, преимущественно, пахучие вещества, выделяемые «разгневанными» индивидами в окружающий воздух, но у прочих, по большей части, звуки. У человека же воодушевление вызывается, конечно, тоже звуками, причем, главным образом, членораздельными. О том, как воодушевляются люди, слушая речи политиков, и что в результате этого получается, мы уже говорили и будем еще говорить, причем отнюдь не обязательно в ироническом тоне.

Например, какая уж тут уместна ирония? Все величественно и серьезно:

> …И молвил он, сверкнув очами:
> «Ребята, не Москва-ль за нами?
> Умрем же под Москвой,
> Как наши братья умирали!»
> И умереть мы обещали.
> И слово верности сдержали
> Мы в Бородинский бой…

По К. Лоренцу, в раздражающей ситуации, вызывающей воодушевление, присутствуют три независимых друг от друга переменных фактора. Первый — нечто, в чем видят ценность и что надо защищать; второй — враг, который этой ценности угрожает; и третий — среда тех, с кем человек чувствует себя заодно, когда поднимается на защиту угрожаемой ценности. К этому может добавиться и какой-нибудь «вождь», призывающий к «священной» борьбе, но этот фактор менее важен.

Если человеку знакомо множество ценностей и, воодушевляясь ими, он чувствует себя заодно со всеми людьми, которых так же, как его воодушевляют музыка, поэзия, красота природы, наука и многое другое, он может реагировать незаторможенной боевой реакцией только на тех, кто не принимает никакого участия ни в одной из этих групп.

В этой связи Лоренц приветствует все мирные формы состязания: спорт, космические полеты, столь связанные с национальным престижем. Многие жалуются на рассудочность нашего времени, на глубокий скепсис нашей молодежи, — пишет он. — Но я надеюсь, даже убежден, что это — результаты здоровой самозащиты от искусственных идеалов, от воодушевляющей бутафории, в сети которой попадали люди, особенно молодые, в недавнем прошлом. Я полагаю, что как раз рассудочность и следует использовать для пропаганды таких истин, которые, столкнувшись с недоверием, могут быть доказаны числом. («Восемь грехов цивилизованного человечества»).

К сожалению, повторим, уподобляясь Кассандре, похоже, что годы рассудочных поколений опять прошли. Ведь некоторые молодые люди снова, как показал ход событий последних лет, не прочь отдать свои жизни за какие-нибудь «золотые сны» человечества, за такие вот эдакие «животворящие идеи», которых, как на беду, везде в мире ощущается ныне

острейший дефицит. Сочетание не из удачных!

7.6. Суррогаты войны или можно ли лечиться от военного психоза?

В годы войны был в ходу анекдот. Мальчик пишет отцу на фронт: «Папа, убей Гитлера, порошковую корову, омлетную курицу и того дядю, который ходит к маме». Кроме Гитлера, все ненастоящее: вместо природных яиц и молока, американские порошки по карточкам, вместо настоящего папы — тоже заменитель. И вместо чайной заварки использовали тогда тертую сушенную морковь, вместо кофе — молотые желуди, вместо… и так до бесконечности.

После войны суррогаты постепенно вышли из употребления. Но не всегда заменители — это плохо. Заменители массового военного психоза — спорт, милитаризация массовых действий, направленных на благотворительность и ликвидацию последствий экологических катастроф, наконец, борьба, носящая игровой или полуигровой характер. Примеры: «Зарница», Христианская конфессия Армия спасения с ее мундирами, маршевой музыкой, шагистикой, дисциплиной; скаутское движение с его вечными играми в «индейцев и разведчиков»; турпоходы в труднодоступные местности. Показателен в этом отношении боксанский гимн наших альпинистов: «Шуткам не учат в наших лагерях:

Всем нам придется воевать в горах.
Вместо ледоруба взявши автомат,
Мы превратимся в боевой отряд…
А наши футболисты пели:
Эй, вратарь, готовься к бою!
Часовым ты поставлен у ворот.
Ты представь себе, что за тобою
Полоса пограничная идет…
Футболист, будь готов, будь готов,
Когда настанет время бить врагов…

В старой Руси в обычае были кулачные бои: стенка на стенку.

Мирные нейтральные швейцарцы буквально влюблены в свою армию. Нигде в Европе милитаризация не носит такого массового, добровольного и всеохватывающего характера как в этой, более двух веков не воевавшей стране. Регулярные военные сборы практически всего мужского населения, культ стрельбы в цель, боевое огнестрельное оружие и военный мундир в каждом доме. Многие швейцарские писатели, «не нюхавшие пороха», знай себе, пишут о трудностях и радостях военной жизни, словно других более реальных сюжетов у них не нашлось. Армия в Швейцарии — подлинно народная и всегда наготове. Только вот вопрос: зачем она нужна сытым, миролюбивым, благополучным швейцарцам? Примечательно: в полиэтнической и до зубов вооруженной Швейцарии никогда не бывает серьезных межэтнических конфликтов!

Другой пример — США, на территории которых войн не было со времен гражданской «Север-Юг», то есть около полутора веков, а в то же время присутствует такой неблагоприятный фактор как «вавилонское смешение» рас и этносов. Учитывая это, следует признать, что американцам здорово удается гасить внутренние напряжения. Как это достигается? Конечно, никто специально таким вопросом не занимался. Все получилось как бы само собой, но все-таки… Где еще так увлекаются брутальными видами спорта: бейсболом, боксом, футболом, хоккеем, яхтами, мотогонками и пр., принимая такие игры всерьез, как цель жизни? Где еще так часто рискуют собой в спортивных состязаниях? Где еще столь популярны странные для нас комиксы, фильмы и телепрограммы «пиф-паф» с реками крови, десятками убитых и покалеченных за каких-нибудь полчаса? Где еще в мире скоплено столько личного оружия? Где еще так часто под звуки воинственных маршей, с развевающимися знаменами и в подобиях военных мундиров по улицам дефилируют строем,

в ногу, то борцы за права животных, то общество помощи детям-дебилам или какой-нибудь охотничий клуб?

И, тем не менее, убийств и насилий, совершаемых ежегодно, в сытых и благополучных США, в несколько раз больше, чем в нашей стране, даже теперь, в годы нашего ужасающего экономического кризиса. В частности, американцы давно уже страдают от напасти, которая только недавно появилась и у нас: молодежь объединяется в банды, специально для того, чтобы воевать друг с другом! То и дело в США вспыхивают кровавые массовые беспорядки на расовой почве, вроде происходивших в Лос-Анджелесе в 1992 году. Там поводом послужило оправдание в суде белого полицейского, избившего шофера-негра. Поражает, однако, бессмысленно-жестокий характер ответной реакции. Возмущенная толпа растерзала несколько десятков ни в чем не повинных эмигрантов из восточной Азии, подожгла множество зданий, вырубила деревья на улицах своего же собственного города! Есть о чем задуматься!

Еще на большие размышления наводит Латиноамериканский континент, где серьезных межгосударственных столкновений не было более полутора веков, со времен обретения независимости государствами региона. Всех наших знакомых, побывавших там впервые после поездок в Западную Европу и США, поразило обилие военных. Практически в любой латиноамериканской стране люди в мундирах и при оружии попадаются на каждом шагу и удивительного в этом мало. Ведь в одних из тамошних стран только что сорвались попытки военного переворота, в других он, наоборот, удался, в третьих воюют с наркомафией или с разного рода красными партизанами, в четвертых предъявляют территориальные претензии к соседям. Нормальной же и спокойной обстановки нет, да и никогда не было почти нигде. Как не вспомнить в этой связи строчки из «1867» И. Бродского: …

Презрение к ближнему у нюхающих розы
Пускай не лучше, но честней гражданской позы.
И то, и это порождает кровь и слезы.
Тем паче в тропиках у нас,
Где смерть, увы,
Распространяется как мухами зараза,
Иль как в кафе удачно брошенная фраза,
И, где у черепа в кустах всегда три глаза,
И в каждом-пышный пучок травы.

В больших и уже пол века не воевавших западноевропейских государствах в последнее время все «неадекватнее» ведет себя молодежь. Мы уже об этом писали. В Англии, например, это проявляется в неожиданных вспышках насилия на стадионах, где болельщики подчас затевают драки, кончающиеся многочисленными убийствами, а также после рок-концертов. В провинциальных городках, где много безработных, затеваются побоища между местной и эмигрантской молодежью, а также бессмысленные погромы: битье витрин, поджоги.

В Германии после объединения толпы бритоголовых юнцов, очень часто поджигают общежития иностранных беженцев, нападают на иностранцев на улицах, избивают их, а иногда и убивают. На вопрос в полицейском участке: «Почему вы это делали?» — большинство отвечают: «Со скуки». Как мы уже отметили, во многих Западных странах возрос интерес молодежи ко всему военному: фильмам, книгам, репортажам. Иные газеты задаются вопросом: «Что за дьявол вселился в наших молодых людей?»

По нашему мнению, имя этому «дьяволу» — военный инстинкт, который ищет себе выхода в разного рода «заменителях» войны. Все это несколько напоминает ранее упомянутые эксперименты с колюшкой, которой вместо настоящей брачной пары подсовывают муляж.

«Хлеба и зрелищ!» — вопила древнеримская чернь. В основном, это были воинственные и кровавые зрелища: гладиаторские бои, звериные травли, конские ристания,

на которых возницы очень часто разбивались насмерть, состязания атлетов. В цирке болельщики за «синих» и «зеленых» колесничих постоянно затевали побоища. Следует отметить, что, хотя древние римляне были одной из самых воинственных наций в истории человечества, их городская толпа состояла, преимущественно, из никогда не воюющих людей: мелких ремесленников и торговцев, деклассированных элементов, причем, не только граждан, но также вольноотпущенников и рабов. Ношение военного костюма и оружия в черте города было запрещено за исключением совершенно особых случаев, как, например, во время военных триумфов. Свою потребность в солидарности люди удовлетворяли во всевозможных коллегиях (печников, булочников, ювелиров и пр.), а воинственный пыл, надо полагать, разряжался в сопереживании и массовых буйствах при созерцании воинственных зрелищ. Именно так можно понять то громадное внимание, которое уделяли этим зрелищам римские государственные деятели. Вот несколько примеров из «Жизни двенадцати цезарей» Светония Транквилла:

О Юлии Цезаре: Зрелища он устраивал самые разнообразные: и битву гладиаторов, и театральные представления по всем кварталам города и на всех языках, и скачки в цирке, и состязания атлетов, и морской бой. …Звериные травли продолжались пять дней; в заключение была показана битва двух полков по пятьсот пехотинцев, двенадцать слонов и триста всадников с каждой стороны… Для морского боя было выкопано озеро на малом Кодетском поле: в бою участвовали биремы, триремы и квадриремы тирийского и египетского образцов со множеством бойцов…

Об императоре Августе: В отношении зрелищ он превзошел всех предшественников: его зрелища были более частые, более разнообразные, более блестящие… Театральные представления он иногда устраивал по всем кварталам города, на многих подмостках, на всех языках; гладиаторские бои — не только на форуме или в амфитеатре… морской бой на пруду, выкопанном за Тибром… В дни этих зрелищ он расставлял по Риму стражу, чтобы уберечь обезлюдевший город от грабителей…

О императоре Клавдии: …Гладиаторские битвы показывал много раз и во многих местах… На Марсовом поле он дал военное представление, изображавшее взятие и разграбление города, а потом покорение британских царей… перед спуском Фуцинского озера он устроил на нем морское сражение… сражались в этом бою сицилийский и родосский флот, по двенадцать трирем каждый… Заметим: сражения были самделишные. Не даром их участникам перед боем полагалось кричать:

— Император, идущие на смерть приветствуют тебя!

Что же касается зрителей, то их внимание настолько поглощали зрелища, что, право же, было не до политики. В римских гражданских войнах сражались, преимущественно, регулярные армии, состоявшие из профессиональных солдат. Мирному населению было более или менее все равно, кто одержит верх. Характерно, что, организуя массовые зрелища, римские императоры в то же самое время всемерно противодействовали скоплению простых людей в тех местах, где могут возникать непринужденные беседы. Так, многократно предпринимались попытки запретить коллегии и всячески ограничивалось время пребывания посетителей в харчевнях: велели уменьшить их число, запрещали подавать в них горячую пищу, подсылали туда соглядатаев. Аналогия с нашим недавним прошлым совершенно очевидна. При Сталине в наших ресторанах были установлены микрофоны и кишели агенты ГБ.

Надеемся, читателям понятно, почему в этом тексте мы помянули столь отдаленные времена?

Современные испанцы безумствуют не только, как и прочие западные люди, глядя футбольные баталии, но и на своей кровавой корриде. В былые века гигантские толпы сбегались там глазеть ауто-да-фе — массовое сожжение еретиков! В ряде стран Юго-Восточной Азии мужчины растрачивают свой воинственный пыл на петушиных боях, заключают там пари, иной раз, затевают массовые кровавые драки.

Разные варианты рок-музыки в последние годы — предлог для разделения ее

любителей на враждующие между собой группы. Объединения болельщиков, спорт-клубы… Милитаризация природоохранных действий. На наш «непросвященный взгляд», такого рода общественные явления могут пониматься как своего рода «извращения» военного инстинкта» и в этом отношении, скорее уж, приносят пользу, чем вред. Все-таки, господа, согласитесь: любые «заменители» войны лучше, чем сама война, если помогают хоть в какой-то мере «спустить пар», погасить нарастающую агрессивность и потребность в военных действиях, которых подсознательно алчут мужские души. Перефразируя старую поговорку, скажем: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не воевало.

О, государство, истукан,
Свободы вечное преддверие!
Из клети крадутся века,
По колизею бродят звери.
И проповедника рука
Бесстрастно крестит клеть сырую,
Пантеру верой дрессируя.
И вечно делается шаг
От римских цирков к римской церкви.
И мы живем по той же мерке,
Мы, люди катакомб и шахт…
(Б. Пастернак, «Лейтенант Шмидт»)

Глава 8. Человек в толпе

8.1. И устремилось стадо с крутизны (о массовых психозах)

Массовые психозы — явление давно известное. Они напоминают людям об их до человеческом прошлом. Вспомним «Излечение бесноватого», Евангелие от Марка:

8. Ибо Иисус сказал ему: выйди дух нечистый, из сего человека.

9. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя, мне, потому, что нас много.

10. И много просили Его, чтобы он выслал их вон из страны той.

11. И паслось там же при горе большое стадо свиней.

12. И просили его все бесы, говоря: пошли нас в свиней, чтобы нам войти в них.

13. Иисус тотчас позволил им. И нечистые духи, вышедши, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а было их около двух тысяч; и потонули в море.

Понятно, почему эту цитату Ф. М. Достоевский предпослал эпиграфом к «Бесам». Писатель пророчески предвидел пришествие на Русь бесов массового политического безумия и то, что миллионы одержимых ложной идеей сами себя погубят подобно потонувшему стаду свиному.

Этологи знают. В природе такое бывает. Правда, пока описаны случаи с другими животными, а не со свиньями. Так, мы уже вскользь упомянули массовые исходы некоторых в норме не стайных млекопитающих: лис, белок и так далее, вызванные, по-видимому, бескормицей и перенаселением. Некоторые москвичи, вероятно, помнят странные явления первых послевоенных лет, особенно, 1947 года. Тогда в ближнем Подмосковье худые, обшарпанные белки встречались буквально на каждом шагу. А незадолго до того — такие же худые и ободранные лисы. Куда они шли? Откуда? Точно неизвестно, но одно можно сказать вполне определенно. Большинство таких мигрантов обречены. Они гибнут от голода,

хищников и эпизоотий — эпидемических заболеваний.

Можно ли назвать нормальным поведение таких животных? Конечно, нет. Это же следует сказать и о массовых миграциях леммингов, саранчи, серых крыс. Наблюдения за леммингами показали, что сдвиг их психики, приводящий к массовой миграции, вызывается не голодом и перенаселенностью как таковой, а слишком частыми контактами с себе подобными в процессе поиска участка для постройки норы или даже связан с подражанием другим, уже раньше перешедшим в миграционное состояние животным.

У крыс исходы иногда предшествуют гибели при заражении чумой. Страшный пример такого массового вторжения чумных крыс в алжирские города в 1943 году описан в романе французского писателя А. Камю «Чума».

Что побуждает некоторых животных, в том числе тех же крыс, к массовым исходам из сейсмоопасных районов при землетрясениях или даже перед ними? Это пока не известно науке, причем загадкой является не только сам механизм предчувствия приближающейся беды, но и способность так быстро отыскивать при этом себе подобных, организовываться в мигрирующую стаю.

К явным нарушениям социального поведения относятся и так называемые «рыбьи мельницы». Они наблюдаются у сельдей и многих других видов морских рыб, образующих большие стаи. Получается это, по-видимому так: стая изгибается и ее начало, в результате того, сливается с хвостом. Образуется кольцо из многих тысяч рыб. Оно безостановочно вертится на одном месте, пока волны или проходящие корабли не разорвут его.

И все-таки, пожалуй, ничто так не напоминает поведение свиного стада, в которое Иисус вселил бесов, как часто наблюдаемые в последние годы загадочные массовые «самоубийства» дельфинов и китов. Они то и дело большими группами выбрасываются на сушу, где их неизбежно ждет (если люди не помогут) медленная мучительная смерть. В чем причины такого явления? Некоторые ученые допускают, что оно вызывается загрязнением воды промышленными отходами либо ядовитыми микроорганизмами. Однако, это пока не подтвержденные предположения. Слова о потере ориентации тоже звучат неубедительно. Ведь все знают о способности китообразных к эхолокации.

У людей известно много случаев непонятно чем мотивированных массовых самоубийств. Так, однажды в Испании повесилась целая рота наполеоновских солдат. Плен или военный суд за какие-либо преступления им не грозили. Мотивы остались загадкой. Очень часто большими группами совершают самоубийства сектанты. У наших поморских сектантов в XVIII веке. были, как известно, в порядке вещей массовые самосожжения. Правда, это чаще всего, случалось, когда к скиту приближались царские войска. Подобное же массовое самоубийство сектантов произошло в ноябре 1978 года в джунглях Гайаны, где одновременно отравились 900 последователей некого Джима Джонса. Поводом послужило всего лишь намерение американских сенаторов встретиться и побеседовать с этими людьми — гражданами США. В начале марта 1993 года некто Дэвид Кореш, провозгласивший себя Иисусом Христом, заперся в крепости Маунт-Кармел в Техасе вместе с большой группой членов возглавляемой им секты «Ветвь Давидова», и объявил войну федеральным властям. Сектанты начали военные действия, ни с того, ни с сего убили много людей. Там тоже дело кончилось самоподжогом и общей гибелью.

Нельзя, конечно, признать психически нормальными людьми террористов, вроде тех, что в марте 1993 года устроили взрыв в нью-йоркском Торговом центре. Кто-то решил так отомстить за «вмешательство янки» в дела его страны?

Взрывы на пассажирских самолетах, убийства школьников. О таких терактах газеты сообщают почти каждый день. Немецкая террористическая шайка Майенгоф-Бадера, кстати, тоже совершила после ряда бессмысленных преступлений групповое самоубийство в тюрьме. Палестинские экстремисты, итальянские «Красные бригады», ирландская «Республиканская армия» и так далее, наши народовольцы — все это патологические явления одного порядка. Действует организованная группа, все члены которой превратили убийства в профессию. При этом обычно убивают во множестве совершенно случайных и ни

в чем не повинных людей. Может ли такие бессмысленные злодеяния совершать вполне нормальный человек? По-видимому, нет. Но ведь действует слаженная группа. Значит, речь идет о каком-то групповом безумии, коллективе сверхагрессивных психопатов.

Несколько лет назад всю Америку потрясло зверское убийство американской киноактрисы Шарон Тейт и нескольких ее друзей шайкой сектантов-демонистов, возглавляемой неким Менсоном. То, что вытворяли эти одержимые, выходит за пределы человеческой фантазии. Тут уж патология не вызывает никаких сомнений, но опять-таки: сумасшествовала целая группа.

В одной болгарской деревне в конце прошлого века крестьянина укусила бешеная собака. Его односельчане, не знавшие как передается бешенство и в чем проявляется эта болезнь, начали все лаять и кусаться.

А разве не коллективным безумием были крестовые походы, особенно, крестовый поход детей? Какая сила собирала людей, сплачивала их в громадную, куда-то движущуюся толпу пеших и конных? Такую ли уж большую роль при этом играли личность и организаторский талант руководителей? Вся история крестового похода детей так абсурдна, что даже повествующие о ней тексты историков кажутся бредом душевнобольных.

Захваченный крестоносцами в 1099 году Иерусалим в 1244 году был окончательно потерян христианами. Однако, еще до этого в 1187 году его захватил Саллах ад Дин, египетский султан, а позже город перешел к туркам, в руках которых оставался до 1229 года, после чего был временно откуплен Фридрихом П. Гогенштауфеном. В 1212 г., когда святой город был, таким образом, у турок, юный пастушок по имени Этьен пас своих овечек в Клуа около Вандома (Франция). Там он ненадолго покинул свое стадо, присоединившись к одной религиозной процессии, а, когда вернулся, все овечки преклонили перед ним свои колени и ему явился сам Господь в виде паломника. Явился и… вручил письменный приказ освободить гроб господень.

Этьен стал ходить по окрестным селам, призывая всех невинных детей присоединиться к нему. Он утверждал, что детям, наверняка, удастся то, что не удалось взрослым воинам, и родители в сотнях(!) семей отпускали своих детей с Этьеном, сочтя такой «довод» вполне убедительным. Когда Этьен явился в Сен-Дени, чтобы получить одобрение короля Франции Филиппа-Августа, за этим юным пастухом шла уже многотысячная толпа. Король растерялся и обратился за советом к докторам богословия из Парижского университета. Те рекомендовали детям вернуться в свои приходы, но тщетно. Толпа детей повернула на юг, к морю, и, когда они дошли до Марселя, их было уже более тридцати тысяч! Простой народ всячески поддерживал эту затею. Бедняки отдавали все, что у них было. К детям присоединились тысячи монахов, стариков, женщин, нищих и, в конце концов, вся эта громадная масса народа скопилась в Марсельском порту, откуда дети на семи больших кораблях прямиком отправились вовсе не в Палестину, а в Алжир и Александрию, где всех их продали в рабство (два корабля затонули по дороге).

А возьмем нашу историю последних десятилетий вплоть до того момента, когда эта книга окажется уже у вас, читатели. Разве десятки миллионов наших соотечественников в настоящий момент не убеждены, будто наша страна распалась и мы дошли до полной нищеты только потому, что, в, кои веки, власть у нас не самозваная, а хотя бы отчасти, нами же самими избранная? Разве эти десятки миллионов не верят, что нету для нашего народа хуже напасти, чем ответственность за собственную судьбу. Лучше уж Батый, Грозный, Гитлер, кто угодно, но только не «проклятая» свобода!?

Тысячеглоточный хор «Сталин-отец!» у Спасской башни. Что это такое? Разве не паралич воли, патологическая покорность и внушаемость, форма массового безумия?

Перед 22 июня 1941 года тогдашнее руководство нашей страны располагало обширнейшей информацией о готовящемся нападении Германии на Советский Союз. Что же оно предприняло? Опубликовало 11 июня «Опровержение ТАСС», дескать, немцы выполняют все пункты договора о ненападении и слухи о их, якобы, готовящейся, агрессии выгодны только «общим врагам Советского Союза и Германии». За этим заявлением

последовали массовые аресты тех, кто распространял подобные слухи или подозревался в «антигерманских настроениях». После 22 июня никого из этих людей не освободили. Многие из них погибли. А до войны оставалась неделя!

Еще до того, в ежовщину, тысячи людей у нас сознавались на допросах в том, что являлись одновременно шпионами, например, Японии, Польши, Германии, Франции и Литвы. В таких «преступлениях» сознавались герои гражданской войны, старые партийцы, военачальники. На массовых митингах трудящиеся требовали высшей меры негодяям, причем вполне искренне. Громадное большинство были уверены: все так оно и есть. Никому — ни обвинителям, ни дирижерам, ни толпам — не приходило в голову задуматься хотя бы о том, как можно технически быть одновременно агентом полудюжины разных враждующих между собою государств!? Что уж по сравнению с этим массовым безумием родители, отпускавшие своих детей в крестовый поход?

Древние говорили: Когда боги хотят погубить человека, они лишают его разума. История переполнена примерами безумного поведения целых народов. На наш взгляд, к таким безумствам относятся вспышки массового террора после революций, вспышки массового экстаза и одержимости в средние века.

Известно, что тогда очень часто сотни людей вдруг одновременно ощущали, что «одержимы бесом». У них, действительно, появлялись разные тики — непроизвольные подергивания лица, судороги, выкрики, гримасы, пресловутая «пляска святого Витта». Они толпой совершали паломничество в какое-нибудь святое место, постились, молились- и все как рукой снимало. Иногда повальное безумие охватывало целые деревни. В одних все непрерывно щекотали друг друга и смеялись, пока не помрут. В других с воем катались по земле.

Все это, возможно, примеры массового самогипноза. Но что же такое подобного рода гипноз? Этого, между прочим, никто толком до сих пор не знает. Объяснения психологов и психиатров очень поверхностны. Достаточно сказать, что у некоторых глубоко верующих людей в те времена на руках и ногах появлялись стигматы — раны, трофические язвы — именно там, где были вбиты гвозди в руки и ноги Иисуса, как это сказано в Евангелиях. Знакомство со средневековой литературой — трудами богословов, записями хронистов, — убеждает, что многие тогдашние люди, действительно, видели «во плоти» и ангелов, и слуг Преисподней, и выходцев с того света! Немало удивительно реалистических повествований о могильных жителях и в исландских сагах. Что это было? Очевидно, галлюцинации, но, подчас групповые и даже массовые.

Несколько явлений Божьей матери сразу многим людям известно уже и в недавнем прошлом, даже в XX веке (в Лурде, в Португалии-Суэто, в Александрии и так далее). Каждый раз она являлась одетой так как одеваются в данное время, в данной стране, и, если говорила, то на местном наречии! Чаще она являлась детям-католикам.

В те годы небо было близко
И тесны были города.
А ангелы, летая низко,
Всем были видимы тогда.
Посмотришь — кверху,
Видишь: лики
Плывут средь пышных облаков.
К земле склонишься,
Слышишь клики
В аду ликующих врагов.
Наук мудреных вили свитки,
Сжигали ведьм на кострах
И золота варили слитки
Мужи ученые в котлах.
Все шевелилось, все кипело,
От адской бездны до небес

И узким мостиком висела
Земля над пламенем чудес.
И были лишь борьбы ареной
Людские шаткие умы
Меж духом истины вселенной
И повелителями тьмы.
И, отражая эти споры,
От адской бездны в облака,
Остроконечные соборы
Поют про средние века

(Раиса Идельсон, 1894–1972, «Средние века» публикуется впервые).

Польский эссеист Ежи Лец писал: Каждый век имеет свое средневековье. Подтверждений тому хватает в наши дни, когда на смену былым видениям пришли новые. О чем только у нас в последнее время ни беседуют в городской толпе!

Вот, например, в переходе метро у книжного развала стоит молодой человек в камуфлированной куртке и вещает:

— Демонические силы сосредоточили всю свою биоэнергию против нашей страны. А почему? Потому, что они питаются людским страданием как мы пищей. Страдания — особый вид биоэнергии. Это ученые доказали. А Россия давно уже стала испытательным полигоном этих космических сил. Увидеть бесов на дневном свету нельзя. Но в темноте они слегка светятся. А захотят, так принимают облик обыкновенного человека. Вот мы с вами сейчас говорим, а, оглянитесь. Где-нибудь рядом обязательно стоит, вроде бы, самый обыкновенный старичок. Стоит, как будто, не слушает. А в глаза глянешь, глаз-то нет: две дыры и в них пустота!

Продавщицы и покупатели внимают этим речам, затаив дыхание. Все верят!

Индивидам, больным шизофренией (тяжелый, преимущественно, наследственный душевный недуг), часто мерещится подобное. Но окружающие начинают им верить только во времена социальных бурь, когда даже многие нормальные люди утрачивают способность критически воспринимать свои полуночные фантазии.

Вот идет по столичной улице какой-нибудь такой товарищ с легким шизофреническим «приветом» и усиленно думает: Я, значит, по фамилии Водяницкий… Это ведь от слова «вода», а сегодня жарко и, следовательно, я могу высохнуть (нарушения логики, абсурдные ассоциации от звучания слова к его смыслу — типичный симптом шизофрении). Кто же подстроил жару? Это, наверняка, происки КГБ или Интерпола. С помощью жары они решили извести меня, чтобы тем погубить Россию! «Идея» обрастает массой фамилий, адресов и вот уже господин Водяницкий звонит в редакцию одной из весьма популярных газет:

— У меня для вас очень актуальный материал о климатическом оружии.

Его принимают, расспрашивают. Назавтра под громадной «шапкой» — очередная «сенсация»!

То и дело наша пресса сообщает об очередных контактах то с полтергейстами, то с привидениями, то с жителями дальних миров. Как-то в 1991 году описания «контактов» появились почти одновременно в «Дайджесте» и «Демроссии». Они не совпали. По версии «дайджеста», остров Сарему посетили вылезшие из НЛО скелетоподобные существа, поросшие серой шерстью и бегло, хотя с акцентом, говорящие по-эстонски. Они зашли в квартиру к какой-то женщине. Та с перепугу укусила одного за руку и обнаружила, что вкус у руки инопланетянина «как у вафли». По версии «демроссии», ее корреспонденты на Памире общались с русскоязычным плазменным шаром!

Ряд газет уверяют, будто в США, в Дейтоне, прославившемся «обезьяньим процессом», в морозилке местного университета хранятся трупы инопланетян — жертв аварии НЛО, случившейся в 1947 году. На вопрос: почему же мировая наука об этом ничего не знает? — газетчики отбрехиваются: «ЦРУ запретило». Миллионы читателей готовы уверовать и в это.

Число же все новых сообщений о «контактах» неукоснительно растет. Уфологи — люди не менее убежденные, чем наши большевики двадцатых годов. Они твердят, что ежегодно более пяти тысяч землян похищают инопланетяне. Мы уже писали о религии «карго» (Гл. 2. 9). Вера творит чудеса, а газетные сенсации — веру!

Даже «Аргументы и факты» не так давно сподобились сообщить много занимательнейших вещей о привидениях, буйствующих по ночам в каком-то детском приюте. «Милицейское расследование» показало, что это — души солдат, умерших без покаяния в бывшем в том здании лазарете в годы Первой мировой войны… Уже и такое не удивляет. Мир в очередной раз сошел с ума.

8.2. «Взрыв» подражания

Явление это настолько важно, что, несмотря на весьма ограниченное количество конкретных данных, мы его выделили в особый раздел. Особенно оно дает себя знать в поведении общественных насекомых. Как организуется коллективный труд у муравьев? На ответственном участке «стройплощадки» появляются одна, потом вторая, третья особь… Каждый муравей выделяет привлекающий гормон. Точно такое же явление наблюдается у термитов. Каждый из них приносит кусочек земли и где попало бросает его. Сперва — полный хаос, но рано или поздно где-то возникают более или менее случайно маленькие кучки таких кусочков, пропитанных привлекающим гормоном. Так возникают зоны, куда привлекается сравнительно больше насекомых. Весь процесс очень напоминает конденсацию пара или кристаллизацию в насыщенном растворе. По прошествии некоторого времени из хаоса рождается порядок: несколько массовых скоплений трудящихся термитов, а между ними — пустота.

Наблюдая за поведением человеческой толпы, можно увидеть подобные же явления, хотя привлекающий фактор здесь, конечно, не химия. Помните, что творилось в переходах Московского метро в период повышенной политизации общества, когда сотни тысяч людей ходили на демонстрации и митинги? Стоило стать в переходе и начать громко говорить любую ерунду, но обязательно с упоминанием тогда еще не всем осточертевших имен наших политиков, и тут же вокруг человека вырастала большая и быстро увеличивающаяся толпа. А, если человек стоял с каким-нибудь плакатом, транспарантом, толпа эта могла запросто запрудить весь проход и вырваться на поверхность земли, превратиться в самочинный митинг. Того быстрее собирались толпы вокруг любого, кто выкрикивал свою галиматью в мегафон.

Серьезнее и даже величественно, как мы даже сейчас продолжаем считать, выглядело аналогичное столпотворение у Белого дома. Почему величественно? Да потому, что простые люди шли и шли туда, хотя понятия не имели о том, что их через некоторое время не застрелят или не раздавят танками. Все слыхали про события у дворца в Сант-Яго, Чили и на площади Таньаньмынь в Пекине. А, тем не менее, шли и оставались на ночь. Сами собой построили баррикады и организовались в «Живое кольцо». Абстрагируясь от результатов и последствий, только очень пристрастный человек из числа побывавших там, станет утверждать, что это не было истинным народным подвигом. Местное радио неоднократно предупреждало: «вот-вот штурм», — но даже пожилые женщины и мужчины не уходили, несмотря на явную опасность для жизни и проливной дождь. Стояние продолжалось, как известно, трое суток. Конечно, «взрыв подражания», но все-таки не понимаем тех, кто клевещет, поливает грязью. Это был редчайший в истории случай, когда толпа безоружных совершенно сознательно рисковала своей жизнью и одержала нравственную победу над вооруженным противником. Простые люди вокруг Белого дома, подавляющее их большинство, вели себя прекрасно и нет их вины во всем том, что произошло в дальнейшем.

8.3. Инстинкт перелетных птиц и корабельных крыс

Одному из нас (Ю. А. Л.) выпало видеть, как праздновали День победы в Москве в 1992 году. На втором празднестве кучка любопытных у Белого дома глазела на странненький такой парад небольшой группы ветеранов и военных оркестров со всего мира. Дефилировали наши музыканты, итальянский военный оркестр, американская морская пехота, шотландские стрелки с волынками в клетчатых юбочках, оркестр Бундесвера в серой форме, похожей на нашу метрополитеновскую. За оркестрами жидкая толпа потянулась по Арбату к Красной площади, по дороге повстречавшись с другой такой же жидкой толпой под красным знаменем с портретами Ленина и Сталина. Из толпы краснознаменных кричали: «Предатели!». Авиапарада, конечно, не было.

И вдруг многие люди, и манифестанты, и зрители, замерли, задрав головы вверх. Над Арбатом в четком строю как боевые самолеты, не особенно высоко, летели журавли клин за клином. Какая-то пожилая женщина с орденами затянула: «Мне кажется порою, что солдаты с кровавых не пришедшие полей…» — но никто не подхватил. А случай редкий. Журавли обычно не летят над большими городами.

Сезонные перелеты птиц — одно из величайших чудес природы. Днем в ясную погоду они в полете ориентируются по Солнцу, используя внутреннее ощущение времени. Оно позволяет им сохранять направление, несмотря на движение небесного светила. Ночью ориентиром служат определенные созвездия. Сверх того, есть магнитное чувство, выручающее в пасмурные дни, а также, как недавно установили, используется обоняние. При ориентации по Солнцу, по-видимому, особо определяется еще и географическая широта по его высоте над горизонтом с привязкой ко времени суток и года. Многое в этих ориентационных механизмах пока еще не ясно, загадочно. Точность же совершенно поразительная. Например, стрижи, гнездящиеся из года в год под крышей какого-нибудь московского высотного дома, зимуют в ЮАР, а следующим летом опять возвращаются на прежнее место!

Но мы отвлеклись. В начале пятидесятых у нас вошла в моду песня «Летят перелетные птицы»:

Не нужен мне берег турецкий
И Африка мне не нужна…

Потом с 1967 года кое-кому разрешили эмиграцию и тоненькая струйка вскоре превратилась в бурлящий поток. Есть ли сейчас такой уголок мира. где не было бы наших эмигрантов четвертой волны? Ехидный И. Губерман написал:

Привык я к житухе советской.
К тому же — большая семья.
Не нужен мне берег суэцкий.
В неволе размножился я.
А затем и сам уехал.

С начала перестройки западные газеты пугали своих читателей: «Русские идут». Уверяли, что миллионы беженцев из нашей страны запрудят весь мир. Ничего подобного пока не намечается. Идет только крупномасштабная «утечка мозгов». Большинство уезжающих не прочь когда-нибудь вернуться, хотя, конечно, это — несбыточные мечты. Если раньше на вопрос:

— Зачем уезжаете? — отвечали:

— Там — свобода, — ныне побудительный мотив — нищета.

Ученые уезжают потому, что не могут найти себе применение на родине. Все это очевидно, неинтересно. Понятно и, почему охотнее едет молодежь.

Но вот как объяснить такие случаи?

Летом 1992 года с нашего корабля, зашедшего в Пуэрто-Рико, сбежали пять молодых русских матросов. Они явились в ближайший полицейский участок и попросили

политического убежища. Никаких языков, кроме русского, они не знали. Их допросили и, пользуясь тем, что они не понимают английского и испанского, заставили подписать декларацию, выдаваемую нелегальным эмигрантам. Затем их попытались насильно посадить в самолет, вылетающий в Россию. Они, как могли, сопротивлялись. Тогда их отправили в наручниках, предварительно до полусмерти избив, в тюрьму строгого режима. Там продержали в одиночках пять месяцев, подвергая всевозможным издательствам. Им угрожают пожизненным заключением. Не помогает ничего. И переводчику, и адвокату по телефону (личные контакты запрещены) они как попугаи твердят:

— Лучше в Антарктиду, на необитаемый остров, в любую нищую афро-азиатскую страну, но только не домой. — Мотивы? — Хотим быть свободными людьми.

Что это? Как понять? Неужели убогая мыслишка, что на Западе все дешевле и доступнее, одна могла подвигнуть людей на такие тяжелые испытания? Стремление к политической свободе? У нас пока еще сейчас можно безнаказанно призывать даже к свержению правительства, что в любой другой стране запрещено, создавать любые политические партии, болтать о чем угодно. Да и так ли уж нужна эта пресловутая свобода простым матросам? Что им с ней делать? Нет, это уже что-то совсем другое. Веди себя так один человек, сказали бы «душевно заболел». А когда подобное стремление проявляют целые группы?

Мы не знаем, что ответили бы на такой вопрос социологи, психологи и психиатры. Во всяком случае, налицо социально-исторический факт.

Периодически большими массами людей овладевает настроение, достаточно ярко отраженное в следующем анекдоте последних лет. Из Москвы решил эмигрировать старик, у которого не было никаких близких, кроме старого попугая. Пошел он в таможню узнавать, разрешат ли увезти попугая. Да, отвечают, но только в виде тушки или чучела. Живого нельзя. Пришел старик домой, рассказывает все попугаю и плачет: «Выходит век нам тут вековать». А попугай в ответ: «Хоть тушкой, хоть чучелом, только бы отсюда».

Мы, конечно, не сможем ответить на вопрос, что творилось в душах тех белых поселенцев, которые удивительно быстро заселили Америку после ее открытия, какой «бес» вселился в крестоносцев, наездников Батыя и Чингисхана, воинов Атиллы?

На Новой Гвинее молодежь некоторых папуасских племен, пройдя обряд инициации (посвящения в мужчины), большой группой покидает родное селение и, побродив довольно долго по тропическим зарослям, создает новый поселок. Тем самым предотвращается перенаселенность. При собирательской культуре (отсутствии в былые времена сельского хозяйства и животноводства), скученность создавала угрозу голода, что делало, очевидно, такое поведение целесообразным. С ним связывают наличие на острове с этнически более или менее однородным населением невероятно большого числа (до восьмисот) разных языков и диалектов. Здесь прямо-таки бросается в глаза аналогия с расселительным поведением некоторых оседло живущих животных, например, роющих норы грызунов, но от аналогии до общего психологического механизма дистанция, как говорится, огромного размера.

Основное, что характерно для миграций животных, это связь с гормональными сдвигами: гормонами надпочечников, гипофиза и щитовидной железы. Так, многих птиц побуждают к дальнейшему перелету вовсе не холод и голод как таковые, а особые изменения работы этих желез внутренней секреции, реакция на укорочение или, наоборот, удлинение светового дня. Гормоны влияют на поведение, вызывая особое предмиграционное состояние беспокойства.

И у млекопитающих перед массовым исходом происходит нечто подобное, хотя стимулы, влияющие на гормональную деятельность, — другие. Например, у леммингов это уже упомянутый нами социальный стресс. С ним связан ряд биохимических перестроек, кардинально изменяющих поведение.

Стресс в той или иной форме — побудительный мотив массового бегства всегда или в большинстве случаев. Так, по всей вероятности не обходится дело без стресса и у

пресловутых корабельных крыс. Как известно, крысы и ныне досаждают морякам, а в былые времена, когда еще не было химических средств борьбы с грызунами, буквально кишели в корабельных трюмах. Массовые прыжки этих животных за борт служили тогда верным предвестником катастрофы. Как «догадывались» крысы, что корабль обречен? Вероятно, в трюме появлялась течь. Она стимулировала то же самое паническое поведение, с помощью которого крысы при затоплении их нор пытаются спастись от речного паводка: инстинктивный поиск берега затопляемого участка, а затем движение вплавь до ближайшей незатопляемой возвышенности.

Как-то после такого малосимпатичного примера неловко переходить к людям. Замешан ли стресс с его гормональными изменениями в организме или какие-то особые физиологические процессы в том навязчивом стремлении покинуть свое отечество, куда-то уйти, уехать, навострить лыжи, которое часто овладевает душами людей?

В Москву я больше не ездок.
Поеду я искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок.
Карету мне, карету…
… Им овладело беспокойство:
Охота к перемене мест,
Обременительное свойство,
Немногих добровольный крест.

Чацкому и Онегину выпал удел маяться этим беспокойством в одиночестве, равно как и самим Грибоедову, Пушкину, Лермонтову с его Печериным, лорду Байрону и многим, многим другим. Но вот подчас кочуют безостановочно или, снявшись с насиженного места, направляются в поход целые народы. Что это такое? Историк, конечно, без особого труда объяснит конкретный исторический повод каждого массового исхода. У всех были весьма уважительные причины: и у монгол, и у гуннов, и у тех израильтян, которые по библейской версии, пока не подтвержденной археологами, сорок лет проблуждали по Синаю, и у крестоносцев, и у арабских завоевателей, создавших Халифат.

Но все ли исчерпывается поводами или еще требуется и какой-то особый, подходящий к сему случаю психический, а также гормональный настрой?

Известный наш историк и этнограф Л.Н. Гумилев высказал смелое предположение, что к историческим свершениям, таким как массовые исходы и победоносные войны причастны особые «пассионарные» гены в нашем генофонде. Их относительная численность в разных человеческих популяциях неодинакова. Они присутствовали в геноме (индивидуальном генофонде) героических личностей и знаменитых авантюристов разных времен. С ними связан особый стереотип человеческого поведения, да и, не исключено, — специфический характер гормональной деятельности, поскольку гормоны управляют эмоциями.

Некоторые века и народы были особенно богаты пассионарными личностями. Эпоха возрождения, конец XVIII век в Европе, начало XX века. Не известно, что скажут потом и о наших днях.

Не скроем: мы с чувством глубокого сомнения в собственной правоте пишем эти строки. Нам ли, биологам, побывавшим во многих экспедициях, пристало проводить или, может, измышлять параллель между миграционным инстинктом животных и такими формами поведения человека, как тяга к дальним странствиям, эмиграция, завоевательные походы кочевников? Все эти варианты сугубо человеческого поведения сами по себе достаточно своеобразны. Между собой они тоже имеют мало общего. Разве что, одно: стремление покинуть насиженное место или, во всяком случае, то ощущение, которое испытываешь, если предстоит распрощаться со своим отечеством, возможно, навсегда, и отправиться навстречу неизвестности.

Чего стоит хотя бы один только поразительный пример польско-венгерского графа Морица Августа Беньовского. Он воевал с Россией за Польшу в войске Костюшко, попал в

плен, был с семью ранениями брошен в яму с трупами, выжил, был сослан в Казань, участвовал в подготовке восстания против Екатерины Второй, разоблачен, бежал в Петербург, где при попытке удрать морем арестован и сослан пожизненно на Камчатку; организовал там в Большерецкой крепости восстание ссыльных русских офицеров (1769 г.), захватил с ними шлюп «Петр и Павел», уплыл в Макао, там пересел с попутчиками на французский фрегат, получил во Франции назначение губернатором на Мадагаскар, где объявил себя королем, низложен французским экспедиционным корпусом, бежал в Европу и оттуда в Америку, сражался в армии Дж. Вашингтона за независимость США, на американском фрегате вернулся на Мадагаскар, где снова стал королем, еще раз свергнут и убит французами в 1788 году. Мы попытались изложить все похождения Беньовского в одной фразе. Ну и длинная же она получилась! А ведь пассионарных (по Л. Н. Гумилеву) людей с такими вот сумасшедшими биографиями в XVIII веке было немало. Хватает их и в наш век. Что это такое? Очевидно, нечто большее, чем просто превратности судьбы. Скорее уж все-таки наследственная предрасположенность.

Всем тем, кому «опостылели страны отцов», посвятил свое стихотворение «Капитаны» отец Л. Н. Гумилева поэт Н. Н. Гумилев:

…Вы все, палладины зеленого храма,
Над пасмурным морем следившие румб,
Гонзальво и Кук, Лаперуз и де Гама,
Мечтатель и царь генуэзец Колумб!
Ганнон Карфагенянин, князь Сенегамбий,
Синдбад-Мореход и могучий Улисс,
О ваших победах гремят в дифирамбе
Седые валы, набегая на мыс!
А вы, королевские псы, флибустьеры,
Хранившие золото в темном порту,
Скитальцы-арабы, искатели веры
И первые люди на первом плоту!
И все, кто дерзает, кто хочет, кто ищет,
Кому опостылели страны отцов,
Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет,
Внимая заветам седых мудрецов!..

Многие наши знакомые, решившие эмигрировать, признавались, что ими вдруг овладевало непостижимое для них самих желание избавиться буквально от всего того, что их окружает: привычной обстановки, среды. Даже наша прекрасная (там, где еще не окончательно изгажена), российская природа начинала их тяготить. Еще живя на Тверской, Дерибасовской или Невском, они ощущали себя как бы уже навсегда покинувшими родные места, причем утрачивали даже чувство привязанности к остающимся в отчизне родственникам и близким друзьям. Это предотъездное состояние можно бы расценить как признак душевного недуга, не носи оно столь массового характера.

Не согласны? Не верите? В таком случае постарайтесь вспомнить: а многие ли из ваших друзей-эмигрантов поздравили Вас с днем рождения или вообще подали хоть какую-то весточку о себе после своего отъезда, если, конечно, знают, что вы в ближайшем будущем не намереваетесь сами последовать их примеру и встретиться с ними уже в новом отечестве? Как знать? Возможно, и такие явления, действительно, сродни тем эмоционально-гормональным сдвигам, которые появляются при массовых исходах у леммингов и других животных?

8.4. Агрессия неорганизованной толпы

Что происходит с человеком в массе, в толпе? На этот вопрос, вероятно, следует отвечать, учитывая принципиальную разницу между толпой, например, в метро в час пик и

организованной человеческой массой, одержимой общей целью, идеей. В первом случае толпа, пожалуй, даже усугубляет чувство одиночества. Человек в ней ни с чем и ни с кем не связан, спокойно размышляет о своем и может при желании (если нет большой давки), как бы не замечать окружающих. Во втором случае, напротив, над человеком довлеет радостное ощущение того, что он — только часть некоего целого.

Ну а как в толпе, неорганизованной или организованной человеческой массе, обстоят дела с агрессией?

В поведении человека подражательные способности очень развиты и проявляются инстинктивно. И организованная, и неорганизованная толпа заведомо эмоциональнее и глупее отдельных составляющих ее личностей. Ею можно управлять с помощью простейших выкриков-команд: «Бей! Давай! Жги! Бежим!» Реагируя на подобные выкрики, люди порой теряют голову.

В стихийно собравшейся толпе, что бы она не творила, человек, чаще всего, не сознает себя соучастником преступления. Люди подчиняются слепому инстинкту подражания раньше, чем успевают подумать и подчас совершают крайне необычные для себя поступки. Потому и голос совести, если он даже и просыпается, легко заглушает у большинства людей магическая сила примера или, тем более, приказа.

На приказ с полной убежденностью в собственной невиновности ссылались все обвиняемые на Нюрнбергском процессе. Палачи-исполнители массовых расстрелов в Куропатах, Бабьем Яру или Катыни тоже (за редчайшим исключением) не утруждали себя муками совести: приказ есть приказ. Эти действия и агрессией-то не назовешь. Палачи просто трудились

Неорганизованная толпа агрессивна в условиях дискомфорта. Давка в час пик в общественном транспорте, или, скажем, в очереди за дефицитным товаром, вызывает у людей взаимное озлобление. Казалось бы, злиться в таких передрягах на товарищей по несчастью нет ни малейших оснований. Возмущаться стоит, разве что, теми, кто, действительно, виноват в плохой работе транспорта и скверном снабжении. Однако, увы, люди, сжатые как кильки в консервной банке, чаще всего не думают о высших материях, а просто-напросто начинают вести себя агрессивно по отношению друг к другу.

Наблюдая визгливые перебранки в транспорте или в очередях, мы оба вспоминаем опыты американского этолога Х. Бридера. Он посадил в большой аквариум стаю хищных морских рыб барракуд и начал их там, всех сразу, бить импульсами электрического тока. Ощутив боль, барракуды принялись злобно кусать друг друга, чего никогда не делают в нормальных условиях, где им, разумеется, никогда не приходится испытывать боль всем одновременно. В конце-концов, они сцепились в один кровоточащий клубок.

Точно так же кусают друг друга и крысы в общей клетке, если им, всем одновременно, причиняют боль электрическим током. При этом первыми начинают кусаться самые агрессивные особи, уже раньше терроризировавшие товарок по группе. Больше всего укусов обычно достается новичкам, тем, кто не входит в данную группу взаимно знакомых животных.

И у людей, и у животных отмечаются две закономерности.

Во-первых, свара почти сразу становится всеобщей. В ленинградском и одесском трамваях нам, авторам, иногда доводилось наблюдать такое явление: некто вошел, затеял скандал и вышел. Зачинщика и след простыл, а трамвай, знай себе, все скандалит и скандалит. При этом окончание зависит от темперамента горожан: ленинградцы утихомирятся у трамвайного кольца, одесситы еще и на конечной остановке будут долго «хипишить за этого нахала».

Вторая закономерность. Агрессия неорганизованной толпы чаще всего направлена против людей, которые чем-то явно отличаются от остальных. Так сказать, «эффект белой вороны». Отличия могут быть любыми, часто случайными, нелепыми: инородец, иностранец, военный среди штатских или наоборот, очки и борода, элегантно одетый человек среди замасленных спецовок или, опять-таки, наоборот, пьяные и трезвые, старые и

молодые, а самое простое — женщины и мужчины.

В толпе быстро возникают коалиции, разделение на «наших» и «чужих», что иногда завершается потасовкой и даже имеет трагический финал. Агрессивным действиям предшествуют характерные для региона выкрики: Понаехали сюда, жрать из-за вас стало нечего, убирались бы в свой гадюшник, — или: Проклятые приезжие, из-за них даже на море не искупаешься. В Одессе на этот счет имеется еще: Шоб к тебе на все лето гости приехали.

Выходит, у разных тварей, от стайных рыб до человека, при неприятных ощущениях в группе срабатывает одна и та же «логика»: Мне плохо, — значит виноваты соседи. Почему именно они? А поблизости никого, кроме них, нет. Если есть возможность выбора, объектом агрессии становятся все-таки «чужие» — чем-то выделяющиеся, непохожие на прочих или «новички».

Агрессия против «новеньких» и «белых ворон» — общий, как мы уже отмечали, кошмар казарм, школьных классов и тюремных камер. Ю. А. Л. сам был свидетелем того, как на московских улицах толпа в тревожную осень 1941 года охотилась на «шпионов»: враждебное внимание привлекал любой чем-то выделяющийся прохожий. Как известно, точно такая же атмосфера царила и в 1812 году перед приходом французов, чем немало злоупотребил граф Растопчин, как это показано в «Войне и мире». 22 августа 1991 года на Лубянке тоже хватало подобных же эксцессов: искали «путчистов и их пособников». Правда, до физического насилия, слава Богу, не дошло — удалось предотвратить. Отвлек бронзовый Ф. Э. Дзержинский.

8.5. Агрессия добровольно собравшихся организованных толп

Ясное дело, что, далеко не все «организованные» толпы собираются добровольно. Типичные примеры недобровольно собравшихся таких толп: рота унылых новобранцев на стройподготовке и колонна зеков, бредущих под охраной конвоиров.

Совсем другое дело — добровольно собравшиеся организованные толпы. Таковы демонстрации и митинги, возникшие по доброй воле участников и наэлектризованные общей зажигательной идеей, если, конечно, организаторы не растяпы.

Даже толпа болеющих за одну и ту же команду на стадионе тоже может, иной раз, «самоорганизоваться» в ревущую и все крушащую на своем пути орду с самыми опасными последствиями для судей или болельщиков другой команды. И на рок-концерте с его синхронизированными телодвижениями и выкриками не исключен такой эффект самопроизвольной организации. Политизированный рок вполне способен побудить толпу молодежи к тем или иным согласованным действиям, включая хулиганские, насильственные. Организующим началом во всех трех случаях является сопереживание, чаще всего — агрессия, направленная (или кем-то направляемая) против общего врага.

На частном примере толпы мы наблюдаем здесь важную закономерность: возможность возникновения упорядоченности из хаоса. Специально проблемам такой самоорганизации в разного рода природных и социальных процессах посвящены труды многих ученых, в том числе бельгийца русского происхождения, Нобелевского лауреата Ильи Романовича Пригожина.

Личность в организованной толпе делается частью некого надличностного целого. Она это постоянно ощущает, хотя и не всегда осознает.

Что организует толпу и порождает в ней нередко очень быстро возникающие иерархические структуры?

В марширующем войске, конечно, командиры и, что немаловажно, шагание в ногу, звуки военного оркестра. А на демонстрациях и митингах — лидеры с мегафонами, активисты с транспарантами и знаменами и (о чем забывают неопытные организаторы) опять-таки боевитая музыка, пение хором воинственных (революционных или контрреволюционных) песен, выкрикивание хором лозунгов и некоторые синхронно производимые жесты и телодвижения, например, выбрасывание вперед правой руки. Обо

всем этом будет подробнее говориться в 8.6 и 8.7. Однако, все эти организующие начала как бы вторичны. А первичным, еще раз повторим, является общий эмоциональный настрой, в большинстве случаев, конечно, общий объект агрессии.

Вторая важная закономерность: в любой организованной толпе добровольно затесавшиеся в нее человеческие песчинки чувствуют себя необычайно хорошо, ощущают подъем духа, испытывают чувство братского единения с другими рядом шагающими или стоящими точно такими же песчинками. Им радостно и приятно быть вместе. И, чем больше их, тем сильнее это восхитительное ощущение «один за всех и все за одного». Отсюда и манера организаторов сообщать толпе: «Ура! Нас сегодня полмиллиона», — если на площади всего-то тысяч пятьдесят.

В чем же причина? Да в том, что у добровольно собравшейся организованной толпы есть объединяющий ее общий враг, реальный или вымышленный. А где враг-общий, там неизменно царит атмосфера «свободы, равенства и братства», в особенности, конечно, этого последнего. Действительно ведь, что может сильнее согреть душу горожанина, обычно страдающего от своего одиночества в неорганизованной толпе, чем цементирующее массу противостояние общему супостату?. С каждым найдется здесь чем поделиться, о чем потолковать в промежутке между молодецкими выкриками «Долой!» или «Позор!»

Замечательное свойство любых массовых политических тусовок-митингов и демонстраций протеста. Вот уж где можно раскрепостить свой внутренний заряд агрессии, не рискуя при этом нанести реальный ущерб какому-бы-то ни было живому существу! Если угодно, у таких сборищ нечто общее с парной баней. В бане выделяют пот. А на митинге «выделяют агрессию», исходя в хоровых воплях: «В отставку!! Позор!!»

Вспоминается по этому случаю такая история, рассказанная одним англичанином, уроженцем Лондона. Был у него сосед-парикмахер, одинокий, несчастный в личной жизни человек. Сочувствовал он английским коммунистам, которых в те далекие пятидесятые годы возглавлял Гарри Поллит. Владея искусством красиво писать аршинные буквы для вывесок, парикмахер сделал очень большой и красивый транспарант с надписью: «Это — позор!» С таким чудесным транспарантом он был всегда желанным гостем на красных митингах в Гайд-парке. Ходил на них, ходил, да как-то, не заметив того, заблудился и набрел на сборище английских нацистов, возглавлявшееся тогда Оствальдом Мосли. Там тоже транспарант пришелся ко двору.

Так парикмахер постепенно осознал, что ему с его транспарантом место на любых митингах: консерваторов, либералов, лейбористов, вегетарианцев, троцкистов, пацифистов, «голубых», да и начал ходить на любые митинги без разбора. Везде его радостно принимали как «своего».

А что собой представляет «надличностное целое», которое мы только что помянули?

Человек в организованной толпе действует, в основном, подчиняясь позывам к бездумному подражанию и очень легко управляем, если, конечно, есть кто-то способный выкрикивать команды и располагающий необходимыми для того техническими средствами. Эту управляемость порождает наш древний стадно-подражательный инстинкт, унаследованный от волосатых предков (см. в главе 4).

Члены той организованной толпы, в которую мы встряли, подсознательно воспринимаются нами как собратья по этнической группе и стае, то есть «свои в доску». Это радостное ощущение солидарности еще усугубляется, если у всех «наших» есть к тому же некий общий опознавательный знак («тотем»), например, нарукавная повязка или значок.

Все же окружающие, не встрявшие в толпу, а просто с равнодушным видом проходящие мимо, спеша по своим делам, воспринимаются уже как «чужие», «не наши», вызывая неподвластное сознанию чувство неприязни.

Еще острее то же чувство (инстинкт этнической вражды) возбуждают, конечно, собравшиеся в свою тоже организованную толпу политические оппоненты. Тут уж создается классическая ситуация «стенка на стенку» (см. главу 5) и слава милиции, если ей удастся своевременно изолировать друг от друга две взаимно-враждебные организованные толпы!

Зевнет милиция, и сразу же в обоих толпах кто-нибудь обязательно сообразит: булыжник — оружие пролетариата!.

Признаться, нам, этологам здесь видится аналогия с территориальным конфликтом двух павианьих стай. Павианы любят ходить строем. Впереди, как уже отмечалось, боеспособные самцы-субдоминанты, в центре — на безопасном удалении от авангарда — вожаки в толпе своих приближенных, детеныши и самки, далее — снова самцы, рангом пониже и так далее.

Как уж не вспомнить здесь знаменитое сражение московских красных манифестантов с ОМОНОМ, зачем-то заблокировавшим от них Ленинский проспект 1 мая 1993 года? Впереди ведь там тоже шли воинственные «самцы», а вожди с мегафонами держались где-то в центре толпы, откуда и подавали боевые команды.

Простите нас, читатели, за такую «кощунственную» аналогию. Нам как биологам она не кажется столь уж обидной. Не след нам стыдиться своего родства.

Вспоминается, кстати, и такой эпизод. Возвращались мы как-то из Библиотеки Академии наук, двигались к метро, а у манежа (дело было в конце перестройки) изрядная толпа, внимая крикам пламенного «демократа» (тогда, ныне он пламенный «патриот»), периодически кричала хором «В отставку!!», «В отставку!!!». Брели мы себе тихо, мирно, никого не трогали. Вдруг от толпы отделилась большая группа дам, взяла нас в кольцо:

— Вы в КГБ не работаете?

— Нет, что вы, мы — биологи.

— Да? А почему же в таком случае не кричите?!

Это — по поводу агрессивной реакции организованной толпы на всех, кто имел неосторожность в нее не влиться.

Наблюдается еще такая закономерность.

У человека в организованной толпе просыпается уже упомянутое нами выше врожденное стайно-миграционное чувство. Невольно хочется сняться с одного места и уйти с толпой в другое. Оно еще больше усиливается, если вся толпа движется в едином направлении, особенно же в случаях, когда люди при этом шагают в ногу и, опять-таки, поют хором, под музыку, совершают синхронные телодвижения и хором же выкрикивают лозунги.

В марширующей толпе чувство причастности к целому усиливают еще и все те же внешние опознавательные признаки: единообразная одежда, униформа с символическими знаками — изображениями тотема, герба, — бросающиеся в глаза отличия людей данного «стада» от окружающих «чужих и посторонних».

Человеком, шагающим в организованной толпе, распевающим вместе с ней, выкрикивающим лозунги, украсившим грудь, рукав или фуражку партийными либо национальными эмблемами, можно манипулировать как роботом. У любой марширующей толпы как и у стаи, например, павианов, волков или оленей, обязательно имеются вожаки-лидеры. В воинской части это, разумеется, отцы-командиры, в толпе демонстрантов — политические глашатаи с их мегафонами, знаменами, транспарантами.

Гитлеровцы прекрасно знали этот гипнотизирующий эффект марширующей под музыку толпы. Недаром они превосходили большевиков, маоистов и современных исламских фундаменталистов в искусстве организации военных парадов, демонстраций, митингов, маршей, факельных шествий!

Классическим примером марширующей или скачущей верхом агрессивно настроенной толпы, конечно же, является и атакующая воинская часть: «За мной! Ура!» Так ведь и воевали тысячелетиями в былые времена, пока не появились авиация и бронетехника.

Специфическое, непередаваемое ощущение штыковой или сабельной атаки — это, пожалуй, уже из несколько другой области психологии. Откровенно скажем, поскольку мужество, героизм относятся к высшим формам проявления человеческого «Я», какое-то внутреннее «табу» удерживает нас от дальнейшего обсуждения этого вопроса с этологических позиций. Лучше уж сами помолчим, предоставив слово поэту Н. Гумилеву, участнику знаменитого Брусиловского прорыва (1915). Что испытал он в момент атаки,

прекрасно передано в следующих строках:

Та страна, что могла быть Раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.
Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.
И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.
Я кричу и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я-носитель мысли великой,
Не могут, не могу умереть.
Словно молоты громовые
Или воды гневных морей
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей
И так сладко рядить победу,
Словно девушку в жемчуга
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

(Н. Гумилев, «Наступление»)

8.6. Дудочка крысолова (о чарующем действии маршевой музыки)

Шагают бараны в ряд,
Бьют барабаны,
Шкуру на них дают
Те же бараны…
(Б. Брехт. На мотив «Мы смело в бой пойдем)

Важнейшим организующим началом в толпе может быть, как мы уже отметили, маршевая песня, военный оркестр. Невозможно вообразить воинскую часть или колонну демонстрантов, марширующую под звуки симфонической музыки. Мало подходят мазурка, вальс или танго, да и хард-рок, пожалуй, не подойдет. Нет, здесь требуются совершенно иные, специфические мотивы типа «Мы смело в бой пойдем…», «Прощание славянки», «Марсельезы», «Варшавянки» и «Интернационала».

В чем же дело? Почему? Исследования на животных и людях показали, что с ритмом музыки синхронизируются многие физиологические ритмы — дыхание, движение конечностей, кардиограмма, а главное — ритмы электрической активности нервных клеток в ряде отделов головного мозга, управляющих эмоциями.

Знакома ли вам, господа читатели, жутковатая немецкая легенда о гаммельнском крысолове? Когда он играл на дудочке, все крысы вылезали из нор и шли за ним. Шли, шли, куда бы он их не вел. Так бродя из города в город, он повсюду изводил крыс, но делал это отнюдь не бесплатно. В Гаммельне ему не заплатили, и в отместку он заиграл такой мотив, что все дети повыбегали из домов и толпой пошли за крысоловом. Непрерывно играя на дудочке, он удалился за городские стены и пошел по дороге, а за ним — дети. Так они все и исчезли, словно их и не было!

На физиологию организованной толпы сильнее всего действует музыка, которая

согласует ритм коллективного движения, и в то же время возбуждает эмоциональные центры, и так активные в данной ситуации. Агрессивное поведение при этом может быть, как мы уже говорили, связано с подсознательной коллективной защитой территории. когда стая идет против стаи, стенка на стенку.

Конраду Лоренцу эта мысль пришла в голову, когда он наблюдал за коллективной защитой территории у морских чаек и горных горилл. Чайки и крачки в гнездовых колониях, атакуют любого хищника — человека, поморника или орлана-белохвоста — сообща. Атаке предшествуют призывные крики тревоги. Затем птицы начинают кричать хором, а потом уж всей массой вздымаются в воздух и устремляются на хищника. Дрозды, атакуя ястреба или ворона, аналогично, подлетевшего к их гнездовой колонии, издают более или менее одновременно характерный звук «тррр-тррр», который сопровождает коллективную атаку. Собаки, сворой бросаясь на медведя или чужого человека, как известно, непрерывно лают.

Химические, у некоторых видов также звуковые сигналы координируют коллективную атаку у общественных насекомых: пчел, ос, муравьев и термитов.

Возбужденные горные гориллы перед групповой атакой бьют себя в грудь кулаками. Гулкие звуки таких синхронных ударов предшествуют коллективному нападению на крупного хищника, например, леопарда. Вероятно, читатели помнят с наших слов, какие неприятности навлек на себя К. Лоренц, рассказав об этом кенигсбергским студентам в 1943 году? (1. 1).

Примеры для сравнения.

Древнеримские легионеры перед атакой взбадривали себя и пугали врагов, ритмически и синхронно ударяя мечами по щитам. В более близкие нам времена для той же цели использовали барабанный бой. Африканские воины атакуют под аккомпанимент там-тама. Таким образом, организация коллективной агрессии с помощью звуковых сигналов — явление общее у многих животных. И человек в этом отношении не исключение.

К еще более общим явлениям относится инстинкт следования за себя подобными. Кто не видел хотя бы раз в телепрограмме «В мире животных» взаимно-параллельное движение в косяках сельдей или в мигрирующих стадах бизонов, куланов, антилоп-гну. Ходят стройными колоннами и павианы. До чего похожи эти стада и стаи на наши организованные толпы, от древних кочующих орд до современных войск с их строевой выправкой, шаганием в ногу. Сходство вполне естественное с точки зрения этологов. Ведь мы произошли от стайных животных, имеющих рефлекс следования в той или иной его форме.

8.7. Чахотинская наука побеждать

Некогда в институте биофизики АН СССР работал интереснейший человек Сергей Степанович Чахотин. Помнится, он рассказывал, как до самого прихода к власти нацистов в 1933 году пытался организовать антинацистскую пропаганду. Он явился тогда к Альберту Эйнштейну просить финансовой помощи на это дело.

Еще К. Лоренц говорил, что этологу необходимо повышенное «чувство наблюдателя». Чахотин не был этологом, но наблюдателем был отменным. Его идея состояла в том, что для победы любой политической идеологии достаточно соблюсти всего-то четыре условия.

1. Подобрать маршевую песню или гимн, под который хорошо шагается, а в то же время слезные железы помимо воли начинают функционировать. Ты растроган и про себя думаешь: «Я герой, готовый хоть сейчас умереть за революцию и отечество». Без шагания в ногу это ощущение редко бывает достаточно глубоким, а без хорошего марша одно лишь шагание недостаточно пробуждает патриотический дух.

2. Придумать символ, очень легко рисуемый на заборах и прочих, в том числе, разумеется, сортирных стенках. Годятся к примеру, круг, крест, свастика, полумесяц, пяти- и шестиконечная звезды, серп и молот. Видя свой символ везде и всюду, с радостью ощущаешь: «Нас много, нас миллионы, мы — великая сила». (Подробно прочитать о символе и его роли в коллективном сознании можно в замечательной книге Карла Густава

Юнга «Архетип и символ» недавно опубликованной на русском языке).

3. Изобрести жест, движение рукой, сразу одновременно производимое сотней тысяч или миллионом человек, чтобы движения рук выглядели как цунами, как ветровая волна на ржаном поле. А когда встречаешься с единомышленником, ему не требуется даже открывать рот, чтобы дать тебе понять — наши сердца бьются стук в стук единым «Хайль!» — десницей вперед; «Рот фронт!» — поднятый кулак; «Victory» — два пальца рожками вверх; «Вива дуче!» — выброшенная вверх ладонь. Без этакого жеста ощущаешь себя не частью единого целого, а просто песчинкой, затерявшейся в толпе.

К жесту, разумеется, полагается и боевой клич «Мы люди серого Сокола!», «Аллах акбар!», «Слава Сталину!» и так далее и тому подобное. Одним словом, «пока мы едины, мы непобедимы».

4. Костюм для активистов партии и вообще их внешний облик должны быть такими, чтобы даже плюгавый мужичонка ощущал себя героем, глядясь в зеркало. Очень важные детали: ремень с большой бляхой, портупея, сапоги, нарукавная повязка с партийным символом и, если удастся, кобура с пистолетом на бедре. Желателен героический головной убор. Хороши кепи или фуражка с кокардой, каска или лихо сдвинутый на ухо алый, черный либо защитный берет, но, упаси Бог, не широкополая шляпа. Крайне нежелательны зонты, трости, портфели, штатские туфли. Это, между прочим, отражено в сегодняшнем транспортном фольклоре в полной мере.

Ах, да,… и зубы. Не жалейте денег на дантистов! Очки полагаются, преимущественно, вождям, причем, исключительно черные. Эту моду начал, вроде бы, под старость генерал Франко. Продолжили генералиссимус Трухильо, папа-док Дювалье, Иди Амин, президент Мобуту, Пиночет, Гамаль Абдел Нассер, полковник Кадаффи, Ярузельский в бытность диктатором (причины психологического действия см. в 9.1).

На груди необходимы значки и ордена — от одного до нескольких (если есть).

Роль этих четырех условий победы Чахотин объяснял с позиций учения И. П. Павлова об условных рефлексах, что в общем, тоже этологично. Как никак, ряд английских ученых до сих пор не без основания считают создателя теории высшей нервной деятельности бихевиористом. Как полагал Чахотин, с помощью четырех предложенных им приемов в памяти хорошо задалбливаются образы «свой» — «чужой». При этом музыка, жесты, символика, костюм — словно как бы звонок перед кормежкой дрессируемой собаки.

Мозг наслаждается отдыхом, избавляясь от необходимости думать и что-то решать. Счастливое ощущение причастности к великому делу и… Иду себе, играя автоматом,

Так просто быть солдатом,

Солдатом…

Мы как экспериментаторы не во всем согласны с Чахотиным. Собаку в павловских опытах, а отличие от участников большинства политических тусовок, кормят после каждого звонка. Чахотинские методы, скорее уж пробуждают в человеке древние боевые инстинкты защищающейся и нападающей стаи, организованной и марширующей толпы: «Делай как я!»

Но вернемся к Чахотину. По его словам, Эйнштейн, ознакомившись с предложениями об антидвижении, огорчился, даже расплакался и позвал свою сестру Женни:

— Послушай, этот господин уверяет, что политика — тоже наука.

Но здесь, говоря точнее, была поведенческая политика: политоэтология. Несмотря ни на что, небольшие средства были откуда-то получены. Удалось поставить, пожалуй, первый в истории человечества, массовый политико-этологический эксперимент.

В тех городах, где избирательная компания антинацистов шла по системе Чахотина, свастику на заборах перечеркивали меловым крестом, подписывая снизу: «Нет!». Рядом рисовали придуманный Чахотиным символ левых — параллельные стрелы. Активисты антинацистского движения маршировали в ногу под марш Эрнста Буша:

Потому, раз-два-три,
Левой, раз-два-три,
Где место твое?

Товарищ, — к нам!
Ты тоже в наши ряды вступай
Потому, что рабочий ты сам!

Они поднимали вверх стиснутый кулак: «Рот фронт», — наряжались в красные рубахи, перепоясанные здоровенным ремнем с большой пряжкой и портупеей, высокие солдатские сапоги. Впереди колонн маршировали оркестры с медными литаврами и барабанами.

Обыватели, заслышав музыку и мерный стук сапог, сперва высовывались в окна и приветствовали колонну: «Рот фронт!», а потом присоединялись к ней. Успех был потрясающим. Двигаясь к центру города, толпа «антифашистов» росла как снежный ком. Сзади бежали восторженные школьники, размахивая красными флажками. Они тоже вопили: «Долой нацистов!»

Во всех «экспериментальных» городах сторонники Гитлера с треском провалились. Зато в контрольных городах, где избирательная компания велась по старинке, левые потерпели сокрушительное поражение. Таких городов было, увы, гораздо больше. Гитлер назначил награду за голову Чахотина, но тот сбежал в Париж, а оттуда в СССР, где, кстати, уцелел.

Наблюдая за митингами последних лет, мы, признаться, иногда с тоской вспоминали четыре принципа Чахотина. «Эх, — думалось, — хоть бы оркестрик какой, а то уж больно наша демократическая публика не организована!» Вспоминалось из «1905 года» В. Л. Пастернака:

Бауман, траурным маршем ряды колыхавшее имя,
Шагом, кланяясь флагам, по полной голов мостовой
Волочились балконы по мере того, как под ними
Шло без шапок:
«Вы жертвами пали в борьбе роковой»…

С тех пор искусство организации демонстраций пришло у нас, как видно, в упадок.

Впрочем, на одной из грандиозных демократических демонстраций 1991 года молодежь распевала «дайте народу пиво». На другой, еще большей, в колонну затесались кришнаиты. Они дули в ритуальные дудки, били в барабанчики и, прыгая как мячики, пели хором: «Харе Кришна, харе Кришна, Кришна Кришна, харе харе». Кое-кто, не расслышав, удивлялся: «Чьи хари?» Однако все приободрились.

В дальнейшем наши национал-большевики быстро поставили дело на чахотинский уровень. Загремели военные оркестры, осененные красными и бело-желто-черными знаменами. Замаршировали герои в черных, затянутых ремнями мундирах патриотических «фронтов». Появились даже бродячие колокольни с гулко звенящими куполами. Вожди с грузовиков начали приветствовать митингующих жестом, явно заимствованным у фюрера из фильма «Семнадцать мгновений весны».

По этому поводу позволим себе дать политикам еще один чисто практический совет. Распевая хором патриотические и прочие гимны, желательно всем взяться за руки и ритмически качаться. Так эффектнее. Этим способом подправляли себе настроение немецкие нацисты в последний год войны и, говорят, очень помогало. И французские якобинцы раскачивались или подпрыгивали на месте, распевая свою «Краманьолу»:

Са-ира, са-ира,
На фонарь аристократов!
Всех повесить их пора,
Са-ира, са-ира!

Сейчас прыгать на месте во время митинга приказано кубинцам. Кто не прыгает, выкрикивая лозунги, — тот явный агент американских империалистов.

Глава 9. Технология изготовления слонов из мух (подсознательная реакция на образы и ухищрения демагогов)

9.1. «Страшно аж жуть»

(«образ врага» в животном мире и человеческом обществе)

На обложке этой книги (которая так и не была издана) — офорт Франсиско Гойи «Сон разума рождает чудовищ». Человек прикорнул, сидя за столом, и тотчас над ним возник сонм омерзительных ночных гадин: сов и летучих мышей. Возле ног пристроилась жуткая черная кошка. Хотя на рисунке отсутствуют жабы, они там тоже были бы кстати. Но, стоп: а почему все эти безобидные для человека существа — «мерзкие», «жуткие»? Они же ведь, скорей, полезны и не совсем понятно, почему кажутся нам необычайно уродливыми? Чем они провинились перед людьми? Что их всех объединяет? Ответить несложно. Все это ночные животные.

У нас, людей, как и у наших дочеловеческих предков, глаза приспособлены к дневному освещению. Мы дневные существа, беззащитные в темноте. Поэтому инстинкт побуждает нас ночью спать, ограничивать свою подвижность, а с нею и риск встречи с ночными хищниками, укрываться на время сна в убежищах и сбиваться в группы, а также просыпаться и настороженно вслушиваться в разного рода ночные шумы и шорохи, которые не сулили нашим предкам ничего хорошего.

По той же причине нам жутко при виде большой норы. «Кто в ней сидит? Не выскочит ли отсюда ночью хозяин норы, чтобы накинуться на нас?» Такое же ощущение безотчетной жути пробуждают темные овраги, ямы, колодцы, лесная чаща. Даже маленькие норки вызывают вполне оправданный страх. Ведь ночью из них могут потихонечку вылезти мерзкие грызуны, ядовитые змеи, тарантулы или скорпионы. Даже днем нора небезопасна: а вдруг это вход в подземное осиное гнездо?

Вполне заслуженно ненависть и страх вызывают наши подпольные соседи-крысы. Это, по-видимому, тоже инстинктивное отвращение, как и сам по себе страх темноты, ночных шорохов, нор, чувство ужаса, внушаемое ночным волчьим воем, пребыванием ночью вблизи могил, кладбища — жилища мертвых, рядом с мертвецами.

Помните, что мы рассказывали о «митгарде» и «утгарде» древних германцев? Напомним: у древнего человека по ночам враждебная чужая территория, днем помещаемая за горизонт, «подступала» вплотную к воротам дома, а через норы могла «проникнуть» и внутрь жилища со всеми ее чудищами и враждебными силами.

Инстинктивно опасливое отношение человека к любым подпольным или подземным существам, подземелью — «царству мертвых», по-видимому, лежит в основе настороженной реакции на все, что ассоциируется с подпольем, включая сюда и подпольные политические организации. «Подпольщики» звучит нехорошо. Скорее всего, это слово и его аналоги на разных языках («унтергрунд» — нем., «андерграунд» — англ. и так далее) придумали не сами заговорщики-революционеры, а те, кто с ними боролся, ловцы человеков. Известный наш правозащитник генерал П. Григоренко как-то, когда наша пресса обвиняла всех диссидентов в подпольной подрывной деятельности по заданию ЦРУ, написал статью: «В подполье живут только крысы».

У многих людей безотчетное чувство отвращения и ужаса возникает при виде змей, даже неядовитых, их сброшенной кожи, выползков, а также самых разных змееподобных живых существ и предметов: ящериц, крупных извивающихся червей извитых веревок и так далее. Иногда это отвращение принимает явно патологический характер.

Психиатры называют такой патологический страх пресмыкающихся животных —

герпетофобией. В основе его, по-видимому, лежит механизм врожденного, не связанного с научением, узнавания — наследство, полученное нами от обезьян. У них наблюдается точно такой же врожденный страх, и тоже он не у всех индивидов одинаково выражен.

Герпетофобия нашла отражение в фольклоре народов всех рас и континентов. В чьих только мифах, былинах, сказках не фигурируют фантастические пресмыкающиеся чудища вроде древнегреческой Лернейской гидры, древнеанглийского Беовульфа, скандинавского Фуфнира, нашего Змея Горыныча. На китайских и японских ширмах или вазах, стенах атцекских храмов и древневавилонских барельефах, в носовой части гребных древнеисландских судов — повсюду можно видеть изображения драконов, каких-то очень крупных покрытых чешуей четвероногих животных. Какое живое существо послужило прообразом? Загадка. Ведь динозавры, вполне годящиеся на эту роль, вымерли за, приблизительно, семьдесят миллионов лет до появления на земле человека. Может быть, разгадка в том, что, кроме змей, очень опасен для наших предков, живших в тропических странах, был и крокодил? Этот хищник кое-где и сейчас нападает на людей.

Следует отметить, что дракон не везде мерзкое чудище. В странах Юго-Восточной Азии и в доколумбовой Южной Америке люди монгольской расы питали, скорее, почтение и симпатию к драконам и другим пресмыкающимся, выдуманным и реальным. В цивилизациях доколумбовой Америки, ацтекской, майя и др., извитые тела змей и других пресмыкающихся — основной компонент орнамента, в котором у индейцев, в отличие от народов Старого Света, почти отсутствуют растительные элементы: изображения листьев, цветов и плодов.

И страх, вызываемый видом крупных пауков тоже, по-видимому, врожденный. Они вызывают нередко неодолимое гадливое чувство даже у зоологов — еще одно подтверждение того, что «инстинкт слеп».

Наконец, с помощью моделей-муляжей доказано: не только обезьян (см.4.8), но и человеческих детей без всякого предварительного изучения пугают вид леопарда сбоку (даже просто темные пятна на желтоватом фоне!) и в анфас (маска большой желтой кошки), а также парящие над головой дневные хищные птицы — орлы и ястребы.

Последнее особенно интересно. Что плохого могли сделать эти птицы даже нашим обезьяноподобным пращурам? Ведь мы по причине большого размера, разве что во младенчестве можем стать их добычей. (Греческий миф: Зевс в обличье орла похитил младенца Ганимеда.)

Полагают, однако, что инстинкт «орлобоязни» достался нам по наследству от еще более дальних предков — мелких древолазающих обезьян, за которыми хищные птицы, действительно, охотятся. Есть же в Африке даже орел-обезьяноед. Итак, кроме змей, ночных существ и всяких мохнатых пауковидных тварей, инстинктивный страх нам внушают еще крупные кошки и дневные хищные птицы, когда парят над нами.

В то же время, как отмечает В. Р. Дольник, эти дневные хищники да, пожалуй, и крупные змеи вызывают у нас невольное чувство восхищения, кажутся красивыми, в отличие от вызывающих омерзение ночных и подпольных существ. В чем же причина?

Ночного врага не видно, а только слышно в период его ночной активности. Создаваемые им шумы мобилизуют не зрение, а слух. Вид же при встрече днем, когда преимущество на нашей стороне, вызывает инстинктивное желание убить, пристукнуть мерзкую гадину.

Иное дело дневной опасный враг. Тут уж инстинкт подсказывает: «Гляди в оба, внимательно наблюдай и берегись!» Биологический смысл такой подсказки вполне понятен.

От этой специфики отношения к дневным врагам, как полагает В.Р. Дольник, — их обожествление у многих народов Старого и Нового света, да и у австралийских аборигенов (крокодилы, змеи). Чуть ни повсеместно в древних «языческих» храмах, на щитах воинов, монетах, в виде тотемов, гербов, богов — змеи, львы, леопарды, орлы… (смотри также 4.8, 4.11) Древнеегипетские сфинксы. Грифон, мистическое животное древних эллинов, совмещающее признаки разных исконных врагов наших дальних предков: голова орла,

туловище льва и змеиная чешуя.

В ряду приведенных примеров больше всего поражает, да и вызывает невольное сомнение сам эффект врожденного зрительного узнавания. Как оно могла развиться? Противники эволюции часто приводят разные его примеры, в том числе герпетофобию как свидетельство неэволюционного происхождения человеческой психики.

Мы эту критику не принимаем, так как не видим принципиальной разницы между морфологическими и поведенческими признаками. Те и другие могут в равной мере эволюционировать в результате неопределенной изменчивости и естественного отбора. В, частности, учитывая громадный объем нашей наследственной информации, почему бы не предположить, что какие-то мутации могут изменять эмоциональное отношение ко вполне определенному классу зрительных образов?

Так, не исключено, что при тех или иных мутациях у животного или человека появляется реакция испуга на обобщенные внешние признаки змей и прочих, преимущественно, крупных пресмыкающихся животных. Мутант с этой реакцией, завидев издалека змею или крокодила, старался держаться от них подальше, что увеличивало его шансы на выживание по сравнению с прочими индивидами.

Тех, кому кажется, что наследуемые изменения поведения в столь тонких его нюансах как отношение к определенному зрительному образу, просто немыслимы, возможно переубедит сравнение наших зрительных реакции с обонятельными. Аромат цветов кажется нам более приятным, чем, к примеру, вонь дохлой крысы, выгребной ямы или давно нестиранного белья, вовсе не потому, что так воспринимать запахи нас учили в детском саду или в школе. Никого не удивляет, что эти реакции — врожденные. В таком случае, однако, спрашивается, с какой стати отрицают возможность появления в эволюции врожденных реакций также и на зрительные образы?

Реакции испуга, связанные с врожденным зрительным распознаванием «образа врага», описаны, помимо человека и обезьян, так же у целого ряда других животных. Вот несколько примеров.

Обнаружено, что у рыбок из рода Chromis есть врожденная реакция испуга на изображение хищника в «анфас»: большой нарисованный эллипс, длинной осью вертикально, в нем — пара крупных темных пятен — «глаза», по бокам, где положено; ниже — толстая, темная дуга краями вниз — «бульдожий рот», такой же, как и у многих хищных рыб. Прочие детали (чешуя, ноздри, жабры, плавники) — не требуются. Однако, если «рот» рисуют краями вверх или «бантиком», глазные пятна делают несоразмерно маленькими, реакция испуга отсутствует.

Аналогично, многие певчие птицы пугаются, замирают или начинают панически метаться и издают тревожные предупреждающие крики, если над ними медленно движут картонный силуэт парящего хищника, темный на светлом фоне: два «крыла», а между ними спереди ровная линия, сзади же длинный «хвост». Когда ястребы и другие дневные хищники парят, высматривая добычу на земле, шея с головой подвернуты книзу. Если тот же силуэт движут «хвостом» вперед, испуга нет. Понятно: теперь-то уже «хвост» — длинная «шея» с «головой», как у журавля, аиста, лебедя или гуся — птиц нехищных!

Певчие птицы, обнаружив днем сову, спящую где-нибудь в лесной чащобе, поднимают страшный гвалт, созывая своих соседей разного вида. Синицы и корольки в такой ситуации действуют заодно с дроздами, сойками, сороками и пеночками, а, иной раз, и с мелкими мышеядными соколами. Вся эта невиданная коалиция — птичьи «войска ООН» — старается вспугнуть и отогнать как можно дальше ненавистного ночного хищника. Реакцию возбуждает не только настоящая сова, но и ее грубая модель с парой громадных нарисованных глаз.

Галки, как мы уже рассказали, скопом, всей стаей, кидаются на человека, взявшего в руки черную меховую шапку, шелестящий черный лист копирки и тому подобное. Для них «враг-пожиратель галок» — любое живое существо, осмелившееся в их присутствии схватить нечто черное, подвижное, величиной с галку.

Еще один пример подобного же зрительного узнавания. Утки, завидев подвижную рыжую тряпку, явно пугаются и отплывают в центр пруда. Для них такой предмет — подобие лисы. Детали зрительного образа, как почти всегда в подобных случаях, совершенно неважны. Существенно только нечто главное, типичное. Чтобы вызвать реакцию в наиболее сильной степени, это главное надо преувеличить, утрировать, а прочее оставить без внимания, так и поступают карикатуристы.

Пока неизвестно, как (возможно, не по внешнему виду, а по запаху) серые крысы распознают своих конкурентов: черных крыс и мышей. Те и другие умерщвляются с помощью хирургически точного движения челюстей: прокусывают затылок. Любопытно, что некоторые гибриды серых крыс с черными, с виду почти неотличимые от черных крыс, тем не менее, все равно, умерщвляют этот вид. Другие же, напротив, с виду как серые крысы, но на серых реагируют как на врагов.

Вот кого напоминают, пожалуй, многие наши господа расисты. Впрочем, нет. Черные и серые крысы хотя бы — два разных биологических вида, как, например, Человек разумный и неандерталец. Мы же все, современные люди, — один и тот же вид.

Полагаем, что после всего, рассказанного в этом и предыдущем разделах, читатель без нашей подсказки сообразит, почему ангелов всегда рисовали с голубиными или лебедиными крыльями, а чертей — с крыльями летучей мыши? Почему Адама и Еву в раю обольстил змей и вообще змеи в легендах и сказках часто выступают в роли посланниц ада?

> 1. Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?
> 2. И сказала жена змею: плоды от дерев мы можем есть.
> 3. Только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте из их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть.
> 4. И сказал змей жене: нет не умрете.
> 5. Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши и вы будете как боги, знающие добро и зло…
> 14. И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты перед всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей…
>
> ***(Ветхий завет. Кн. Бытие, Гл. 3).***

Почему преисподняя находится под землей, а рай помещен нами на небо? Почему в окружении ведьм всегда фигурировали не бабочки и синички, а совы, летучие мыши, жабы и черные кошки? Почему призраки имеют привычку являться в тот момент, когда часы бьют полночь, а не полдень?

Между прочим, в исландской саге «Торстейн-Мороз по коже» призрак вылез в полночь из дырки в нужнике, а при первом же утреннем крике петуха нырнул обратно!

Чем объясняется то, что силы добра в нашем представлении всегда ассоциируются с солнечным светом, а силы зла столь часто зовут «силами тьмы»? Почему Г. Уэллс в романе «Машина времени», описывая грядущее человечество, расколовшееся на два вида: наземных, ведущих дневной образ жизни элоев и питающихся ими марлоков, этих последних изобразил подземными, ночными существами, ютящимися в глубоких шахтах, причем, в отличие от элоев, злобными и мерзкими? Почему черти на средневековых картинах так часто смахивают на инородцев: то у них утонченные черты мавра или интеллигентного еврея, то они чернокожие? На буддийских иконах из Монголии и Тибета злые духи, наоборот, белые европеоиды или, реже, негры. А у ряда негритянских племен злых духов издавна представляли белыми.

Почему в романе «Мастер и Маргарита» Воланд — мятежный дух с типичными чертами иностранца, западного европейца?

В первые послевоенные годы наши студенты распевали песню «Венецианский мавр Отелло». Там был, в частности, такой куплет (об отце Дездемоны, доже Венецианском):

Отец был парень компанейский,
Он много ел, он много пил,
Был полон мудрости житейской,
Но только мавров не любил.
А не любил он их за дело:
Ведь мавр на дьявола похож.
И притязания Отелло
Отцу — что в сердце финский нож!..

Фактически, как мы только что объяснили, все наоборот. Это как раз исчадиям ада фантазия приписывает типичные этнические признаки инородцев. В Италии XVI века после ряда войн и стычек с арабскими завоевателями и корсарами арабский этнический тип был непопулярен даже в Венеции, несмотря на ее соглашательскую политику. Шекспир об этом знал. Итак, чертям пристало иметь внешность непопулярных инородцев. Такую же внешность на современных карикатурах стараются придать враждебным политикам. Это пытаются сделать даже в тех случаях, когда прекрасно известно, что у данного политического противника нет ни малейшей примеси инородческой крови… Пойди, докажи.

И все-таки, с чертями далеко не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Например, «откуда» у чертей козлиные рога, бороды и копыта? Козлы-то ведь мало спящие по ночам, все-таки дневные животные? Это — языческое наследие. Древние греки, которым приходилось очень часто иметь дело с козами и козлами по причине популярности в Греции козьего молока и сыра, изделий из козьей шерсти, воспринимали как нечто мистическое известную стервозность козлов, их скверный нрав и гадкий запах, довольно жуткую внешность и противное блеяние.

Надо полагать, поэтому, древнегреческая народная фантазия населила леса и горные ущелья козлоногими сатирами. Сатиры то играли на свирели, то гонялись за очаровательными нимфами и творили с оными всяческие языческие непотребства. После победы христианства над язычеством сатиры не вымерли, подобно многим богам, а поменяли профессию: переквалифицировались в чертей. Подобную же эволюцию проделали и некоторые другие духи или божества древних. Так, у славян сохранились: Леший — дух лесов, Водяной, Домовой — дух очага и так далее.

В XV–XVI веках в Западной Европе издавались даже определители чертей, вроде позже появившихся (после Карла Линнея) определителей животных и растений с двойной латинской номенклатурой. «Дьяболус террестрис вульгарис» — «Черт сухопутный обыкновенный». «Дьяболус акуатикус» — «Черт водяной». «Дьяболус акуатикус гиппииформис» — «Черт водяной коневидный». Но мы, однако, в очередной раз отвлеклись. Вернемся же к современным дьяволам: политическим демагогам.

9.2. Обострение этнической вражды в годы социальных потрясений

Этническая вражда. О ней мы уже много писали. Что вызывает это чувство? Напомним: этнически чуждые черты лица — цвет кожи, глаз, волос, мимика, чужая форма век, носа и многое другое; интонации чужой речи, акцент, манера одеваться, чужой этнический национальный костюм, чужие песни, словом, все чужое. При этом, в отличие от страха темноты, отвращения к крысам и герпетофобии, этническое чувство не основано на врожденном узнавании.

Образ «своих» запечатлевается. «Чужие» же распознаются потому, что в чем-то непохожи на «своих». И эта непохожесть может быть самой разной. Существенно лишь, пожалуй, то, что острую этническую вражду возбуждают, в основном, инородцы, представленные в данном обществе не единичными экзотическими экземплярами, а весьма многочисленные. В наиболее сильной степени это чувство часто возбуждается народом-соседом, живущим веками в диаспоре, как то: китайцы в Индонезии, армяне на Кавказе и

в Средней Азии, евреи в Центральной и Восточной Европе, белые и черные (взаимно) на Юге США и в ЮАР, арабы и индусы в ряде стран черной Африки, таджики в Узбекистане.

Так как этническую вражду возбуждает, в частности, необычный внешний облик, она на протяжении истории неоднократно направлялась и против необычно одетых соплеменников: людей, нарядившихся в иноземное платье, носящих свой сословный костюм и тому подобное. Для древних римлян «варваром» в глазах уличной толпы был любой прохожий, носящий штаны, — это, по тогдашним римским понятиям, презренное варварское одеяние…

…Вот они, римляне,
Мира владыки,
Одетые в тогу…

Современному человеку трудно ощутить всю степень иронии и презрения, которые вкладывали римляне в такие вот стишки:

…Цезарь галлов вел в триумфе,
Ввел их также и в сенат.
Сняв штаны,
Они одели
Тогу с пурпурной каймой! (Знак сенаторского достоинства).

В XVI веке на Руси любому московиту, щеголяющему в литовско-польском или, как тогда говорили, «панском» платье, грозила смерть. Его объявляли предателем, пытали, требовали, чтобы признался в своей измене. Об этом мы уже писали (5.9).

В Германии после Франко-прусской войны 1871 года школьники изводили французских пленных: дразнили их, кидали камни. Причиной были… красные штаны. Этот весьма частный пример иллюстрирует общую закономерность. Безотчетная реакция испуга и заодно агрессии на все незнакомое и чужое свойственна, как нами уже было рассказано, даже маленьким детям (4.9).

Многие люди старшего поколения помнят, как у нас травили «стиляг» в начале и середине пятидесятых годов, а потом, в семидесятые, начали точно так же травить «хиппи». Вспоминается милицейский протокол тех лет, составленный в г. Феодосии: При обыске обнаружена ГОЛАЯ женщина В КОСТЮМЕ типа «хиппи»… Там, где у власти исламские фундаменталисты в наши дни, за европейский костюм можно поплатиться жизнью. Особенно большая опасность грозит женщинам, одетым не так, как предписано мусульманке.

Россия как издревле полиэтническая страна — хороший пример того, что этническая вражда, вызываемая внешним обликом инородцев, постепенно проходит в результате привыкания. В тихие исторические эпохи она, конечно, тлеет где-то подспудно, но мало проявляется внешне. Иное дело, — периоды экономической и политической нестабильности. В них общество ищет «козлов отпущения». Это, вовсе не обязательно именно чужой этнос. Инстинкт этнической вражды вполне можно направить и против определенной социальной группы, как это не раз и было, например, в истории Руси.

В Петровские времена Астраханское казачество бунтовало против всех, носящих парики и напяливающих их на ночь на специальные колодки, этих, как воображали повстанцы, «кумирских богов». В Пугачевщину объектом народной ненависти тоже был, преимущественно, человек, одетый в тогдашний европейский (господский) костюм. В годы Октябрьской революции и гражданской войны красные пропагандисты отлично поработали над дружеским и вражеским имиджем. «Наш» — в крестьянском зипуне и лаптях либо в скромной пролетарской спецовке и рабочей кепке, матрос в клеше, юный воин в буденовке. «Враг» — толстопузый человечек в смокинге и цилиндре при пенсне или омерзительный

генерал-золотопогонник, весь в крестах и звездах, при шашке, с нагайкой, петлей или топором палача в руках.

Тогда, по словам В. Маяковского, коммунисты стремились, и не без успеха, «перековать расовый гнев в классовый».

Белые тоже пытались создать зрительный имидж «свой-чужой», но им было неизмеримо труднее это сделать. Большевик на белогвардейском плакате, почти всегда, — типичный инородец, китаец или семит. Однако, открыто, на словах, сформулировать то же разделение белым оказалось не легко. Ведь конфликт вовсе не носил национального характера.

Ныне в нашей стране имидж врага более или менее разработан только антидемократами. Основа, как почти всегда, этническая. Так в отталкивающем, насколько позволяет талант карикатуриста, виде представляются типичные черты семитов, включая давно вышедший из употребления в России иудейский национальный костюм. В дальнейшем, вероятно, все больше будет использоваться типичный облик «лиц кавказской национальности» или также «толстосумов-буржуев». Эти две мишени ненависти могут оказывать более эффективное воздействие на подсознание масс, озлобленных экономической разрухой и социальным неравенством.

Практически, очень важный вопрос: насколько чувство этнической вражды бередит людям душу, когда они подолгу пребывают в коллективах смешанного национального состава?

Постепенно к этническим различиям, как мы уже только что сказали, привыкают. Их перестают замечать, если, конечно, о них не напоминают те или иные отрицательные качества данного конкретного индивида.

Многое в межэтническом общении зависит от чувства такта обеих сторон. Однако, когда все, казалось бы, очень хорошо или даже идеально в этом плане, не следует забывать о потенциальной опасности. Инстинкт неуправляем. Он вовсе не обязательно нацеливает ненависть на какую-то «враждебную» этническую группу. Наверняка, не существует врожденного антисемитизма, как и врожденной русофобии. Имеется лишь как уже говорилось (4.9) подсознательное стремление делить всех окружающих на «своих», привычных, и «чужих», заметно отличавшихся от «своих».

Если этих «чужих» легко объединить по этническому или любому другому признаку, так, чтобы за ними закрепилось в мозгу соответствующее броское название: «демократы», «москали», «жиды», «хохлы», «хазары», «коммуняки», «масоны», «буржуи», «черножопые…» и так далее, готова и при первом же подходящем случае сорвется с языка соответствующая ассоциация, причем, часто даже у вполне прилично воспитанных людей. Например, как мы уже отметили однажды, такой конфуз очень часто происходит «по пьяной лавочке». Опять-таки, этнос здесь вовсе не причина агрессии, а предлог для нее.

Однако, кое-какие факты указывают на то, что у некоторых параноидальных индивидов ксенофобия (этническая ненависть) в ее крайних формах, подобно герпетофобии (патологической змеебоязни) — один из симптомов их наследственного психического заболевания.

Люди, страдающие этим недугом, могут сегодня всей душой ненавидеть «армяшек», завтра — «коммуняк», послезавтра — «жидюг и дерьмократов» или, может, «москалей», «хохлов», кого — это совершенно неважно. Патология проявляется в другом: в постоянной навязчивой идее, что все дурное в этом мире — козни единого, всесильного и вездесущего врага, как бы он там ни назывался, хоть — чертом!

Разболелся зуб у такого психопата. Кто виноват? Враги: подсыпают в пасту особый зубной яд. Испортилась канализация? Опять все тот же враг, его происки! Спорить с такими личностями бесполезно. Им надо лечиться, а не заниматься политикой.

Да не поймут нас здесь превратно. Человек редко может догадаться сам, что не вполне душевно здоров. Кто из соотечественников старшего поколения не помнит, что писали когда-то наши газеты о гибели американского министра Форрестола. Кажется, он скончался

от рака печени, но, если верить нашей тогдашней прессе, бросился с высотки, вопя: «Русские идут!!!».

К сожалению, в трудные времена число людей с аналогичным «задвигом» резко возрастает. Среди них полно политиков, публицистов, писателей. Это особенно опасно для общества, поскольку они как бы заражают своим бредом окружающих.

Ведь массы очень часто идут за теми, кто громче всех вопит и больше других обещает. Мы уже говорили о роли психопатов и истериков в политике. Таким чуточку «тронутым» особенно везет на общественном поприще, прежде всего потому, что они ни не ведают сомнений в собственной правоте. Их патологическая самоуверенность привлекает к ним массу менее в себе уверенных (как то и положено нормальному человеку), но по каким-то причинам озлобившихся или просто развлекающих себя политикой людей. Так возникают партии радикалов, возглавляемые, попросту говоря, сумасшедшими.

Итак, в плохие, кризисные времена резко возрастает «общественный спрос» на разного рода демагогов, одержимых этнической враждой. В спокойные годы эдаких «чокнутых» обходили бы за версту. На их кликушество никто не обращал бы внимания. Иное дело — голод, неуверенность в завтрашнем дне. Социальные беды — очень плохие советчики!

Что еще способствует в такие тревожные времена политической карьере сумасшедших? Среди них, надо отдать справедливость, попадаются очень волевые и мужественные люди.

Что для маньяка собственная судьба или жизнь близких? Кстати, таковых у политических экстремистов чаще всего и нет. «Пророкам», мечтающим спасти человечество с помощью «железа и крови», не до семьи. «Мессии» — люди одинокие или, если даже и женаты, брак их чаще всего смахивает на фиктивный. Не будем переходить на личности. Известно, впрочем, что высок среди них и процент людей с половыми извращениями.

Обратим внимание читателя еще и на следующую, уже отмеченную нами (4.6) закономерность. Среди кликуш- ксенофобов, воюющих со всем иноземным, вплоть до названия булок — «французские» и крупы — «гречневая», исступленных расистов, патологических ненавистников и разоблачителей «заговора инородцев», очень большой процент, как правило, составляют сами же ассимилировавшиеся инородцы, полукровки и квартероны, скрывающие от всех свою «нечистокровность» как стыдную венерическую болезнь. Кое-какие примеры уже приведены выше (4.6). Автором панарабской ультранационалистической программы «Возрождение арабского Востока» («Эль Баас») был Мишель Афляк, ливанский христианин и нечистокровный араб. Кемаль Ататюрк — «отец турок» по происхождению был испанцем, потомком натурализовавшихся в Турции каталонцев. В «Союзе Русского Народа» в начале XX века подвизались деятели с фамилиями Пуришкевич, Рачковский, Нилус, Лазоверт. Не очень-то благополучно в данном отношении обстоят дела и у многих наших современных ультрапатриотов.

Как уже говорилось, мы полагаем, что у подобных сеятелей ненависти происходит «задвиг» на почве комплекса неполноценности (см. 4.6). Известно же, что некоторые из тех, кому «медведь наступил на ухо» одержимы желанием петь и танцевать!

9.3. Нагнетание ненависти

Я не рожден, чтоб три раза
Смотреть по-разному в глаза
Еще двусмысленней, чем песнь,
Тупое слово «враг».
(Б. Пастернак, «Высокая болезнь»)

В наши дни животные — единственное связующее звено между людьми…
(Ю. Даниель, «Говорит Москва»)

Гудели станки Ростсельмаша,
Фабричные пели гудки
Великая партия наша
Троцкистов брала за грудки
Мне было в те годы семнадцать,
От зрелости был я далек,
Во многом не мог разобраться,
Удар соразмерить не мог.
И, может быть, пел я и громче,
Но не был спокоен и смел:
Того, пожалев, не прикончил,
Другого добить не сумел.
(Оттуда же)

А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.
(Евангелие от Матф. Гл. 5. 44)

Мы уже писали о том, что отрицательные эмоции побуждают к агрессии. Когда у человека случается горе, он испытывает чувство отчаянья, ему ничего не стоит вообразить, что его беды подстроил какой-то злобный враг, все это, мол, чьи-то козни. Начинается поиск «козлов отпущения» (см. 3.4).

Как это происходит у отдельного человека? Допустим, у некоего Ивана Ивановича беда за бедой: ушла жена, похоронил сестру, на медосмотре врачи заметили нехорошее затемнение в легком.

Иван Иванович собрался, было, на службу, но, едва вышел из подъезда, подумал: «Я забыл погасить газ, чайник выкипает…» Возвращается: газ выключен. Снова спустился на лифте, вышел, прошел с квартал: «Эх, а свет-то я не выключил, везде горит…» Снова возвращается, выключает, спускается опять, а в мозгу сверлит: «Опоздаю, опоздаю, опоздаю…» Прибыв на службу с опозданием на 15 минут, Иван Иванович вглядывается в лица сослуживцев: «Настучат или не настучат начальству?»

В конце концов, Иван Иванович слышит: у него за спиной засмеялись. Так оно и есть. Только смех не имеет никакого отношения к Ивану Ивановичу. Ему, однако, это невдомек: «Ну, чего злорадствуете? Сволочи! Идите, бегите в отдел кадров!» Все это, конечно, в повышенных тонах. Из кабинета выходит удивленный начальник, но Ивана Ивановича уже ничем не пронять. С искаженным от ненависти лицом он кричит, срывая голос, проклинает всех сослуживцев, поносит их последними словами. Кончиться подобная история может весьма трагически для Ивана Ивановича. Но куда как трагичнее, когда в такое же состояние исступления впадает целая нация.

Когда дела идут плохо у целого народа — цены растут, в экономике разруха, миллионами людей овладевает уверенность, что кто-то все это нарочно подстроил, какой-то злобный враг, желающий сгубить всю нацию. Кто же он? Существует или выдуман? Не стоит и гадать. Жизнь не укладывается в схему, придуманную политиками. Одно, однако, из главных их умений: внушать массам, что все неустройство в стране, все плохое, что случается в ней, все несчастные случаи, преступления и стихийные бедствия — неспроста, а подстроены, вызваны кознями врагов.

«Образ врага», рисуемый пропагандой, бросает солдат в атаку под перекрестный огонь противника, а мирных граждан побуждает врываться в квартиры к соседям и выкидывать их в окна или вешать на балконных перилах, разбивать о стены головы грудных младенцев, выкалывать глаза старикам, насиловать двенадцатилетних девочек, а потом сжигать их заживо. Все это творилось в Сумгаите, Баку, Фергане, Таджикистане, стало повседневностью в распавшейся Югославии и завтра может начаться, например, в Москве, если удастся добиться своего остервенелым пропагандистам.

Когда-то все дети у нас учили стишок:

Я маленькая девочка
Танцую и пою
Я Сталина не видела,
Но я его люблю.

Вот так же точно в тридцатые годы мы не видели «беляков», «буржуев», «империалистов», «троцкистов», «фашистов», но ненавидели их всеми фибрами души.

Как воспитывается массовая ненависть? Об этом прекрасно в «1984» Дж. Оруэлла. Правда, у нас до войны не было телевизоров, что делает этот роман-антиутопию, в какой-то мере, «воспоминанием о будущем». Все так похоже на бывшее некогда у нас, но в то же время совсем другое:

И вот из большого телеэкрана в стене вырвался отвратительный вой и скрежет словно запустили какую-то чудовищную не смазанную машину. От этого звука вставали дыбом волосы и ломило зубы. Ненависть началась. Как всегда, на экране появился враг народа Эммануэль Гольдстейн. Зрители зашикали. Маленькая женщина с рыжеватыми волосами взвизгнула от страха и омерзения. Гольдстейн отступник и ренегат, когда-то, давным-давно (так давно, что никто уже не помнил, когда) был одним из руководителей партии, почти равным самому Старшему Брату, а потом встал на путь контрреволюции… Ненависть началась каких-нибудь тридцать секунд назад, а половина зрителей уже не могла удержать яростных восклицаний. Невыносимо было видеть это самодовольное овечье лицо… и за ним — устрашающую мощь евразийских войск, кроме того, при виде Гольдстейна и даже при мысли о нем страх и гнев козникали рефлекторно…

…Ко второй минуте ненависть перешла в исступление. Люди вскакивали с мест и кричали во все горло, чтобы заглушить переносимый блеющий голос Гольдстейна… Темноволосая девица позади Уинстона закричала: «Подлец! Подлец! Подлец!» — а потом схватила тяжелый словарь новояза и запустила им в экран…

В годы войны новым объектом нашей ненависти стали, конечно, немцы и их союзники…

Русский воин, юноша одетый в справедливую шинель бойца,
Ты запомнить должен все приметы этого звериного лица!
«А каков он из себя? Какого роста?
Черномазый, рыжий ли, Бог весть. Как узнаю?»
— Это сделать просто:
Бей ЛЮБОГО: это он и есть!
(М. Алигер, «Зоя»)

Мы все тогда так думали и чувствовали и, конечно, для этого были веские основания. Но вот в конце Отечественной войны в «Правде» вдруг появилась инспирированная Сталиным статья «Товарищ Эренбург ошибается». Пришла пора напомнить, что не все немцы одинаковы. Менялась политика и быстро поменялось отношение масс. Когда летом 1944 года по Москве прогнали толпу немецких военнопленных, никаких проявлений массовой ненависти не было и в помине.

Началась «холодная война» и вся пропагандистская машина сосредоточила огонь на «гнилом Западе», «империалистах», «янки», а также их агентуре внутри страны — агентах ЦРУ, «сионистах и буржуазных националистах», «морганистах-вейсманистах», «безродных космополитах» и так далее.

Как веревочка не вьется,
Говорит мудрец-народ:
Все равно она совьется,
Все равно конец придет.
В небесах под небосводом,

На земле и на воде,
Не дадим шпионам ходу,
Переловим их везде…
Бомбы будут, бомбы есть
Не волнуйтесь, Ваша честь,
Ибо входит в наши планы
Защищать родные страны…
А наука, вот так штука,
Постаралась, ого-го, Для народа своего!
(С. Михалков, в газетах начала пятидесятых)

Собственно, ничего противоречащего здравому смыслу в этих бесталанных виршах и тысячах других подобных им не было. Шпионов и так никто не любил. Но сделать объектом массовой ненависти Запад, Америку, несмотря на титанические усилия пропаганды, так, пожалуй, и не удалось. Не повторилось то горение ненавистью, воодушевление ею, которым массы были буквально одержимы в первые годы революции и затем в ежовщину или в 1942-43 годах.

Сталин еще был жив, его все еще боготворили, но какой-то надлом идеологии уже произошел, не ощущалось исступленной ненависти народных масс к кому бы-то ни было.

Что препятствовало этому? Люди невольно сравнивали новых врагов с гитлеровцами и ощущали, по-видимому, интуитивно: повторения 1941 года не будет. Не ждали новых освенцимов и бухенвальдов.

Зато тихо-тихо, еще задолго до XX съезда, по стране уже расползлись слухи об ужасах нашего ГУЛАГа. Воины же, вернувшиеся с Запада, из оккупированных вражеских стран, делились своим удивлением с родными и знакомыми. Оказывается, там, в проклятом капиталистическом мире, где в каждой нише по нищему, простые люди живут гораздо богаче нас.

Страх последствий пребывания миллионов советских людей на Западе, охвативший тогда наши власти предержащие, был более, чем обоснован! Пропаганда в послевоенные годы перестаралась и достигла обратного результата. Громадной части наших сограждан начало, на полном серьезе, казаться, что рай находится вовсе не на небе, а везде за границами соцлагеря. От последствий этих иллюзий мы не можем отделаться по сей день.

Что бунтуете Вы, право,
Перед Вами же стена!«-»Да, стена-то, но гнилая:
Ткни — провалится она…
(Е. Евтушенко, «Братская ГЭС»)

Появилась массовая вера в то, что для скачка из царства нищеты и бесправия в царство благоденствия и свободы вполне достаточно «отменить» диктатуру КПСС и декларировать «права человека». Рухнет гнилой режим «застоя» и мы сразу же начнем жить не хуже западных немцев или американцев! Собственно, эта перемена общественного сознания уже в какой-то мере подготовила социально-экономическую катастрофу последующих лет и то разочарование масс, которое чревато новым социальным взрывом.

Сложилась парадоксальная ситуация. В последние годы, в условиях беспрецендентного в нашей стране политического плюрализма, впервые после кровавых лет войн и террора, массы опять одержимы чувством ненависти, формируется новый образ общественного врага. Если спросить сейчас человека толпы, есть ли у нашего народа злобный и коварный враг, виновный в нашем теперешнем развале, экономическом и политическом, приблизительно, каждый четвертый (что совсем не мало) уверенно что-то ответит.

Какими последствиями чревата это для нашего ближайшего будущего? Страшно заглядывать в завтрашний день. Есть ли он вообще у нашей страны? Если мы преуспеем в дальнейшем разжигании разновсяческой вражды, никакого будущего у нас, конечно, нет.

Два типичных диалога. Оба воспроизводим, по возможности, дословно без всяких комментариев.

Первый — в подмосковной электричке с мужчиной лет шестидесяти, по его словам, «как и все порядочные люди, патриотом». Речь заходит о взрыве в Нью-Йоркском торговом центре.

— Так, вы уверены, что этот теракт — святое дело?

— Да, конечно. У нас полтора миллиона сирот. Их родители умерли от голода, подстроенного янки. Пусть их дети ответят за это!

— Господь Бог, уничтожая Содом, пощадил Лота, его дочерей и жену. Вы считаете, что в США нет ни одного праведника?

— Нет, у них все виноваты. Они потребляют сорок мировых ресурсов, а производят менее процента мировой продукции. Это не нация, а сборище паразитов.

— Там триста миллионов человек. Я встречал очень порядочных людей среди американцев«.

— Вас обманули лицемеры. Как вы можете их защищать? Или, — понизив грозно голос, — у вас есть для этого особые основания? Тогда все понятно.

— Принцип коллективной ответственности абсурден. Любой народ — статистика, собрание самых разных людей. Виноват тот, кто что-то совершил.

— У них любой виноват. Они убили моего отца.

— Как?

— Его задавили в очереди в магазине.

— Где?

— В Москве.

— А причем здесь Америка? — То есть как «причем»? Они довели нас до голода, развалили нашу страну. Горбачев, Ельцин — их агенты влияния. Везде их агенты. Они устроили Чернобыль. Расплата скоро придет. У них тоже есть АЭС…

— Сталин в конце войны инспирировал статьи в центральной прессе, отвергающие принцип коллективной ответственности для немцев. Наши солдаты в Германии, рискуя своей жизнью, спасали немецких детей.

— Немцы не так виноваты перед Россией как янки.

— Неужели Вы считаете, что следует уничтожить поголовно все население США?

— Да и, вот увидите, так оно и будет. Что они дали мировой культуре? Ничего, кроме жевательной резинки«.

— А их писатели, Хэмингуэй, Джек Лондон?..

— Как Вы считаете, почему у нас «демократы» пропагандируют Джека Лондона и других американских писателей? Думаете, им за это не заплатили?… Америка и вообще Запад еще дождутся… Наш народ терпелив, но, если уж бьет, то наповал. Они дождутся ядерной зимы!

— Но ведь от нее пострадает и Россия, у нас тоже все погибнут…

— Глупости. Терпеть больше невозможно! Сперва разделаемся с их агентурой у нас внутри. В Советском Союзе миллионы их агентов, но все уже себя выявили, мы их знаем наперечет. Не уцелеет из них, поверьте, ни один. Только в одной Москве миллиона два уже заработали свой смертный приговор. А сколько в Литве, на Украине…

— Вы не преувеличиваете?

— Скажите откровенно: сколько вам заплатили?

— А почему вы решили, что мне кто-то платит?

— Ваши взгляды об этом говорят. Всех таких как вы будем сразу вешать. А, если Запад попробует вмешаться, хлопнем дверью так, что на всей Земле вообще ничего не останется.

Вторая беседа летом 1992 года в поезде Москва-Мурманск. Собеседник, по его словам, «ученый из Прибалтики», мужчина лет тридцати пяти. По-русски говорит с сильным акцентом.

— А я бы на месте нашего правительства организовал убийство наших русских.

— То есть как Вас понимать?

— Буквально, но не всех, а, так, человек двухсот. Тогда остальные побегут.

— Каких-то конкретных людей или кого попало?

— Кого попало. Ваши все, кто живет у нас — оккупанты.

— Но ведь многие родились у вас и голосовали за вашу независимость, защищали вместе с коренным населением ваш парламент…

— Какое это имеет значение? У нас другая культура. Мы — европейцы.

— Семнадцатого января 1991 года семьсот тысяч москвичей протестовали против убийств у вильнюсского телецентра, несли флаги прибалтийских республик. И вы даже не чувствуете благодарности за это?

— Нам не интересно, что происходит в чужих государствах. Может, в тот день и в ЮАР была какая-нибудь демонстрация. Нам-то какое дело?

— А что Вы в таком случае делаете в России?

— Командировка.

— И у вас нет ни одного русского приятели, друга?

— Вы убили у нас каждого третьего!

— Кто «вы»? Я, например, не убивал.

— С вами невозможно разговаривать. Вы, вероятно, подосланный провокатор…

Оба диалога требуют ответа на один и тот же вопрос, вероятно, самый актуальный в наши дни. Что довело людей XX века до такой степени одичания?

В ветхозаветном «Второзаконии», написанном за тысячу с лишним лет до нашей эры, сказано: Отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление. («Второзаконие», Гл. 24, 16). А в нашем массовом сознании сейчас прочно укоренился отвергнутый еще в библейские времена принцип коллективной ответственности целых народов, государств, классов и социальных групп. Как он сформировался? Объяснить все одним лишь действием подстрекающей пропаганды невозможно. Ведь пропагандисты сами — часть народа. Их идеи рождаются не на голом месте. Необходим соответствующий эмоциональный фон: крайне угнетенное состояние психики, отчаянье, то, что психиатры называют «раздражительная слабость» — ослабленный самоконтроль за мыслями и подозрениями. Внутреннее «Я» человека не возражает на самые нелепые и абсурдные обвинения, зарождающиеся в его душе.

Мы уже отметили раньше, что и в норме человек, частенько, разыгрывает в мозгу, в фантазии, разного рода мифические конфликты. Любой человек в душе — мифотворец, но предпочитает об этом помалкивать: сам понимает всю нелепость своих выдумок. Однако, стоит случиться беде, общественному неустройству, и мифотворчество словно срывается с цепи, особенно, после хорошей выпивки. Одни болтают и пишут. Другие верят и повторяют, добавляя что-то от себя. Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее верят. Это наблюдение Геббельса, гитлеровского министра пропаганды, вполне соответствует действительности.

Как пропагандисты формируют «Образ врага»? Основные их приемы сводятся, пожалуй, к следующему.

1. Всячески обыгрывается подсознательное стремление людей выискивать единую фактически несуществующую причину у всех случающихся в стране негативных явлений, несчастных случаев и стихийных бедствий, — дескать, «любое лыко в строку».

Освободили цены, не позаботившись предварительно создать конкуренцию. Идиотизм? Некомпетентность? Нет, сознательное вредительство по заданию ЦРУ!

Авиа-, железнодорожные, морские катастрофы, взрывы на шахтах, эпидемии, ограбления банков, лесные пожары, землетрясения — все, все тоже подстроено ЦРУ с помощью жидомасонов! Сомневаетесь? Не верите? Значит, вы сами один из них и место Вам на виселице! Чернобыль? Диверсия ЦРУ! Отомстим США! — Так рассуждает сегодня московский или питерский «патриот». А его киевский или рижский коллега все точно те же события (даже землетрясения!) объясняет «рукой Москвы», кознями московского КГБ «и

тоже захочет вас повесить или зарезать, если вы хотя бы робко начнете возражать!

2. «Врагам» щедро раздаются ярлыки. Они прилипают к жертвам травли как банный лист к известной части тела. Агент влияния, Оккупационное правительство, Лакей янки, Мондиалист (кто это такие, никто толком не знает, но звучит как страшное обвинение), Жидомасоны — тоже звучит ужасно, но непонятно, о ком речь. Впрочем вполне достаточно, чтобы укокошить, не разбирая деталей. Самым страшным обвинением в последнее время стало Демократ. Это, естественно, в среде московских и питерских «патриотов». В Киеве или Риге, Таллине все наоборот и ярлыки совсем другие. Там готовятся воевать с «Москвой» и — отсюда все остальное…

3. Используют этническую вражду, о которой мы так много уже писали.

Пропагандисты, как мы уже только что отметили, умело используют ее, например, на карикатурах, придавая политическим противникам явные признаки чужого этноса, даже, если фактически для этого оснований нет.

В пропагандистских статьях Сергея Борисовича, вроде бы невзначай, превращают в «Сергея Боруховича», Ивана Ивановича Иванова делают «Иваном Исламбековичем Ивановым-Вайнштейном», у Петра Петровича «находят» тетушку Хаю Аршаковну, а у кого-то отыскивают и прадедушек-инородцев. За сим дело не станет!

Все враждебные политические партии объявляют состоящими сплошь из инородцев, а, если там, и правда, затесался хоть один инородец, его ославляют руководителем, кукловодом, прочих же — марионетками, лакеями. Зато имена и облик дружественных инородцев переиначивают под «своих». Так, одна питерская газета регулярно величает Гитлера «Адольфом Алоисовичем» либо просто любовно «Адиком», о Альфреде Розенберге пишет: Человек истинно русской культуры, а свастику называет: Поморский русский крест Осолонь.

Сейчас у нас изданы громадным тиражом и усиленно распространяются «Сионские протоколы», литературный подлог, состряпанный в 1901 году в Париже русскими резидентами Головинским и Манусевичем-Мануйловым по заданию их шефа генерала Рачковского. Фальшивка была изготовлена для дискредитации подвизавшегося тогда при русском дворе французского шарлатана Филиппа и сперва написана на французском языке, так как генерал пытался выдать этот текст за документ, выкраденный им из масонских архивов. Однако петербургский адресат, С. А. Нилус, мечтавший спихнуть Филиппа и занять его место, нашел французский язык «Протоколов» неудовлетворительным (русские полицейские владели им куда как хуже, чем французские масоны!). Поэтому он опубликовал русский перевод, что ему, однако, не помогло пролезть в придворные чудодеи. Это место было уготовано Григорию Распутину.

4. Используют врожденное отвращение людей к ночным и подземным тварям, к змеям, крысам, подсознательный интерес толпы ко всему загадочному и таинственному. Вот она причина мифов о каких-то тайных заговорах то ли «Всемирного союза жидомасонов», не существующего в природе, то ли какой-то вездесущей и всесильной мафии, то ли ЦРУ, либо КГБ и КПСС. Отсюда же россказни о подземных городах, где тусуются вымышленные заговорщики, о несуществующем, якобы изобретенном извергами-учеными психотронном и этническом оружии, о каких-то ночных подпольных собраниях «Врагов народа», о их связях с бесовскими потусторонними силами.

5. Неприятие нами, в большинстве, социального неравенства. Оно, действительно, колет глаза, тем более, когда не основано на каких-то личных заслугах. Скорее уж, — продукт качеств, которые мы привыкли считать пороками: алчности, стяжательства, хитрости и так далее. Пропаганда умело представляет противника низким существом, погрязшим в роскоши и обогащающимся нечестными способами.

Что ни день, политических врагов изображают то разъезжающими по свету в белых «мерседесах», то обжирающимися икрой и опивающимися экзотическими ликерами на светских раутах и презентациях, то проводящими ночи в постелях кинозвезд и королев красоты, то вкладывающими новые миллионы на личные счета в швейцарский банк.

Эти сообщения умело перемежают с рассказами об интеллигентных старушках, просящих кусочек хлеба у входа в московскую булочную! Все делается для того, чтобы пробудить у социальных «низов» жгучую зависть и ненависть к «верхам».

Ешь ананасы,
Рябчиков жуй,
День твой последний
Приходит, буржуй!

Стоит почитать любую оппозиционную газету, послушать почти любое выступление на Съездах народных депутатов, чтобы обзавестись массой примеров того как куется ненависть, подводится под нее социальная база. «Наши» — всегда нищие (даже, если это генеральный директор «Алисы»!). «Враг» — всегда миллионер!

6. Оскорбленное и попранное родовое чувство. Демагогам необходимо знать кое-что о национальных святынях и культурно-исторических памятниках страны, чтобы сообщать от времени до времени, какие из них осквернил или разрушил «враг»! Такие сообщения норовят приурочить к знаменательным датам и по сему случаю подобрать памятник, действительно, нуждающийся в ремонте.

При крайней необходимости, святыню, действительно, можно, например, заляпать краской, чтобы потом приписать это деяние врагу.

7. Есть для разжигания ненависти и более сильнодействующее средство: враг-инородец соблазняет, похищает и насилует наших женщин. Такие сообщения снабжают рядом подробностей. 8. Но и это не предел. Коронный номер: сообщения о похищениях и убийствах детей. Такие преступления, действительно, совершаются иногда сексуальными маньяками и алчными негодяями в любом городе и любой стране, но разжигающая пропаганда связывает все с политикой, измышляет, что убийства совершены национальным врагом с ритуальной целью или для продажи и пересадки органов.

В 1911 году в Киеве затеялось знаменитое дело М. Бейлиса. Приказчика кирпичного завода (еврея) обвинили в том, что он для «получения христианской крови», якобы запекаемой евреями в их пасхальный пресный хлеб-мацу, зверски убил христианского отрока Андрея Ющинского. Правая пресса подняла вой: «Доколе мы будем терпеть?!» Призывали к погромам евреев и революционеров, которые все, мол, заодно. На суде, однако, вскрылось, что подлинный убийца — мачеха Вера Чеберяк с сообщником, содержательница воровской «малины». Мотивом послужил страх доноса. Бейлиса оправдал суд присяжных.

9. Ощущение осажденной крепости. Пропаганда вбивает людям в головы, что враг повсюду. Он, а не Бог всевышний, вездесущ, незрим, бесплотен, проникает в каждую щель.

Разагитированным людям начинает казаться, что все чиновники-казнокрады, карманные воры, пьяницы и хулиганы, грабители и убийцы, нерадивые работники, бесчестные спекулянты, короче, вся мерзость окружающего мира заодно, объединена паутиной какого-то единого политического заговора. За всем этим заговором стоит единое зарубежное организующее начало — управляющий центр всех мировых демонических сил. Для одних это ЦРУ, для других какие-то загадочные «сионские мудрецы», для третьих «Лубянка, КГБ, Москва». Прием этот не нов…

В результате, многие люди, действительно, начинают ощущать себя в осажденной крепости. Вокруг — враги.

Цены опять подскочили? Ясно, подстроили… Эпидемия? Неспроста: кто накидал микробов в водопровод…Погиб известный певец? Убили политические враги! Крушение поезда? Террористы…

10. Такая духовная атмосфера как бы подталкивает отдельных психопатов, неуравновешенных людей, а то и целые организации фанатиков-экстремистов на разного рода провокации типа поджога Рейхстага (27 февраля 1933 года) или совершенного за несколько лет до того убийства популярного немецкого певца-патриота Хорста Весселя. Копящийся заряд ненависти, в конце концов, взрывается, как это произошло в Германии и у

нас в тридцатые-сороковые годы.

Итак, пропагандисты лезут из кожи вон, чтобы доказать существование единого, незримого и вездесущего врага рода человеческого. Кто же больше всего подходит на эту роль?

Для разных народов на протяжении последнего столетия функцию дьявола по плоти выполняли разнообразные «актеры». Интересный объект — тайная всемирная организация, что созвучно тяге толпы ко всему таинственному и загадочному, лучше всего несуществующая, так как несуществующий враг неуязвим, следовательно, им легко запугивать народ и нагнетать в стране атмосферу ненависти как угодно долго. Сейчас такую функцию выполняют загадочные «жидомасоны».

Конечно, масонство играло весьма заметную, причем, скорее, положительную роль в культурной жизни Европы XVII–XIX веков. Среди членов масонских лож были такие великие люди как Гайдн, Моцарт, Гете, многие другие выдающиеся писатели, ученые, Радищев, Новиков, большинство декабристов. Однако, если бы не смехотворные эзотерические ритуалы и церемонии, оно едва ли привлекло бы к себе в XX веке явно нездоровый интерес широкой публики.

Программа «вольных каменщиков» напыщена, архаична, состоит, практически, из одних благих пожеланий и в нашем неромантическом столетии масонские ложи сохранились только в немногих странах (Италия, Франция, Скандинавия и так далее), где тоже отнюдь не процветают. Только покров тайны, за которым прячется нечто совершенно несерьезное, вроде игры взрослых людей в «зарницу», позволили лгунам-журналистам сделать из этой полумертвой «мухи» гигантского «слона» и пугать им легковерных людей. О евреях, как «врагах», мы особо распространяться не видим смысла: слишком много и так написано. Очевидно, что этот народ кажется опасным потому, что существует в диаспоре, преимущественно в городах, где на протяжении веков, не имея прав на землевладение, занимался торговлей и финансовыми операциями, а также в связи с тем, что погромы, черта оседлости, разного рода ограничения в правах в царской России побудили многих евреев вступить в ряды революционных партий, позже передравшихся между собой. Белым это дало основание считать, что все евреи большевики. Красные же, напротив, утверждали, что большинство евреев меньшевики и эсеры или, позже, члены всевозможных антисталинских оппозиций. Уже в конце тридцатых годов ВКП(б) почти полностью очистилась от евреев. В Политбюро остался один Л. М. Каганович, серая личность, которую, однако, ныне изображают какой-то демонической фигурой, руководившей самим И. Сталиным!

Показательно, что в западноукраинском общественном сознании в наши дни место, занятое в России «жидомасонами», прочно удежрживают «москали». То же самое в Прибалтике, а также в Молдове. В Грузии же роль черта во плоти приписывают всем живущим в ее границах негрузинам: абхазам, осетинам и пр., а также, конечно, тоже толкуют о «руке Москвы».

Для многих жителей Средней Азии «черти» — все выходцы из Европы — христиане. В Армении и Азербайджане, взаимно, враги-соседи. В Иране все буквально помешались на «агентах ЦРУ» и тайных безбожниках.

Эскалация ненависти в наши дни — глобальный процесс. Когда заряд ненависти достигает критической черты, провокаторы поджигают бикфордов шнур. Как писал И. Эренбург в «Хулио Хуренито», провокатор — повитуха истории.

Приведем несколько исторических примеров.

В 416 году до нашей эры войсками Афинского союза, воевавшего со Спартой, командовал талантливый стратег Алкивиад. Завистники повредили в Афинах множество герм — каменных столбов с изображением бога Гермеса. Это святотатство приписали Алкивиаду, который, якобы, также пародировал религиозную церемонию — Элевсинские мистерии. Перепуганный и взбешенный полководец перебежал к противнику, что для Афин обернулось катастрофой.

Все, что здесь сказано о «Протоколах», известно давным-давно. Ведь еще в 1923 году

в Париже был опубликован труд выдающегося русского историка и кадетского общественного деятеля П. М. Милюкова «Правда о «Сионских протоколах» — литературный подлог» (изд-во «Франко-русская печать»), переведенный потом на многие языки. Однако, не даром же И. Ильф писал в своем дневнике: Даже пожилого читателя наших газет ничего не стоит убедить в том, что детей приносят аисты. В годы первой мировой войны западные газеты, издаваемые в Китае, раскричались о том, что немцы, якобы, варят мыло из трупов своих солдат. Для китайцев такое отношение к мертвым — чудовищное святотатство. Возмущенное пекинское правительство объявило войну Германии!

Провокациями века были поджог Рейхстага, артобстрел «финнами» наших войск у села Майнила 25 ноября 1939 года с нашей же стороны — предлог для нашего нападения на Финляндию; «Операция Глейвиц», — перед нападением Германии на Польшу и, конечно, убийство С. М. Кирова. Ответом на это убийство, стала чудовищная волна массового террора, прозванная потом «Ежовщиной». В народе распространилась частушка:

Огурчики, помидорчики,
Сталин Кирова убил
В коридорчике!

В наши дни можно каждый день ждать повторения подобного же рода событий. Напомним. Перед Сумгаитским погромом в 1988 году центральные средства массовой информации распространили «утку» об убийстве азербайджанских детей армянами. Перед Ферганским погромом 1989 году местная пресса сообщила, что турки-месхетинцы, якобы, вырезали узбекский детский сад. В городе на ряде руководящих должностей узбеков заменили турками, а потом подняли крик: «инородцы вытесняют нас, занимают наши места. Перед кровавыми событиями у Вильнюсского телецентра по Прибалтике прокатилась волна таинственных взрывов вблизи военных учреждений (никто не пострадал), а также актов вандализма на кладбищах советских воинов. 23 февраля 1992 и 1 мая 1993 года в Москве ОМОН жестоко расправился с демонстрациями непримиримой оппозиции. Это послужило поводами для нагнетания ненависти.

9.4. Образ «большого брата»

Тема, освещенная в нашей «антикультовской» литературе несравненно полнее, чем проблема «врага». Само название этого раздела мы позаимствовали у Дж. Оруэлла. Он достаточно глубоко и обстоятельно проанализировал этот психологический феномен. Многое можно прочитать в работах у А. Авторханова, в многочисленных воспоминаниях наших политиков и писателей, трудах историков. Психологические корни «культа личности» анализируют и древнеримские историки, писавшие словно для нашего века: Корнелий Тацит в своих «Анналах» и Гай Светоний Транквилл в «Жизни двенадцати цезарей». А все-таки, один аспект остался совершенно неосвещенным. Тот, который в нашей компетенции.

Как заставить миллионы людей испытывать истерическую любовь к совершенно незнакомой им особи мужского пола, которую они от времени до времени лицезреют на картинках, слышат по радио или видят по телику?

Японский императорский гимн былых лет.

Выдем в горы — трупы в кустах,
Выдем в море — трупы в волнах.
Все умрем за Хирохито
Без оглядки примем смерть!

Это были не пустые слова! Так точно они и поступали. А император Хирохито, зоолог по профессии, преспокойно пережил войну и занимался, в основном, кроме положенных

церемоний, тщательным изучением систематики морских низших животных гидроидных полипов. Обнаружил несколько новых видов!

У наших до человеческих предков ничего похожего на наш культ и в помине не было. У них вождь сохранял власть, пока был на виду и мог в любой момент подтвердить свой статут ударами или укусами.

Не надо, чтобы любили. Лишь бы боялись — принцип древнеримских диктаторов. Но вот что удивительно. Любили, обожали, боготворили. И кого…?!

Б. Пастернак в «Докторе Живаго», прологе, писал: Ненавижу Рим, в котором безграмотные императоры кормили рыбу мясом цивилизованных рабов. И, подобно тому, как Греция стала Римом, наше просвещение кончило нашей революцией…

Один из нас (Ю. А. Л.) — свидетель похорон И. Сталина. В толпе большинство плакали. Искренне. Вполне разумный молодой человек, в будущем известный диссидент и затем эмигрант, порывался в те дни покончить с собой. Многие, многие грядущие диссиденты-правозащитники рыдали как осиротевшие дети. Это были искренние слезы, возможно, куда более искренние, чем разоблачительные речи после XX съезда…

…И я обращаюсь к правительству нашему с просьбой:
Удвойте, утройте у этой стены караул,
Чтоб Сталин не встал, а со Сталиным — прошлое…

(Е. Евтушенко, в «Правде» после XXII съезда КПСС)

Только единицы тогда вполне отдавали себе отчет в происходящем и втихаря праздновали! Утром того дня одна старая интеллигентная женщина, впрочем, тоже разрыдалась вполне искренне, хотя, вроде бы, понимала все.

— Ну, а вы-то почему плачете?

— Мне горько, что до этого дня не дожил мой друг сердца.

Что же это за такой феномен святой простоты? Почему аллилую вождю пели даже приговоренные на краю расстрельной ямы? «Он» не знает… Тысячи умерли от чекистской пули с криком «Слава Сталину! Сталин!» С этим криком бросались на фашистские доты, шли в штыковую атаку, умирали на гитлеровских виселицах, захлебывались кровью в гестаповских и гебистских пыточных камерах…

Между тем сам Вождь ни разу не осмелился даже приблизиться к фронту, первые недели войны пребывал в ступоре на своей кунцевской даче, даже не принимая у себя членов Политбюро, сохранивших ему полную верность. Когда же они пришли к нему, в первый момент сдрейфил: решил, что арестовывают. С Л. Берией, Деканозовым и еще кем-то он обсуждал вопрос: не предложить ли Гитлеру сепаратный мир типа Брестского: в обмен на территорию? Хотел передать такое предложение с болгарским послом…

Стыдно признаться, но нам даже в этой связи вспоминаются обезьяны — проклятие нашей профессии! Когда в клетку к мартышкам подкинули змею, больше всех перепугался вожак. Это у них в порядке вещей. Вожак — молодец против овец, а против молодца — сам овца.

Потрясающее впечатление на всю страну произвела речь вождя 3 июля 1941 года, первая после начала войны. Помнится как сейчас. Дорогие братья и сестры, к вас обращаюсь я, друзья мои… Голос вождя дрожал, зубы выбивали мелкую дрожь о край стакана и этот постыдный звук слышала вся страна! Как реагировали? Сочувствовали: «Бедный, ему сейчас тяжело как никому…» Злорадствовали сравнительно немногие. Те, кто желал победы Гитлеру и ждал прихода немцев. А таких среди порядочных людей было мало (если были).

Что же все-таки лежит в основе вожделюбия? Конечно, извращенное религиозное чувство. Об этом мы уже писали. К тому же у людей есть еще и особый феномен: если за богохульство в малейших его проявлениях — тюрьма, пытки и расстрел, это удивительным образом способствует религиозной экзальтации. К истинной вере такое чувство, конечно, отношения не имеет. Скорее уж, ее извращение, но в жизни так оно и есть. Человек сам гонит от себя опасные сомнения и мысли, опасаясь выболтать не то даже во сне. Эти мысли

он замещает «антимыслями» — противоположностью. Хочется сказать о вожде «изверг». Человек делает титанические усилия именно, чтобы не хотелось. Он переделывает свое «я». Об этом как раз у Оруэлла в «1984».

В общем, речь идет о глубокой патологии мысли, скованной ночным страхом. Ведь при каждом шуме ночного лифта или стуке в дверь мелькает мысль: «Они пришли за мной!»

Так перевоспитывают себя лидеры второго и ниже порядков, а вся остальная масса как стадо баранов или пчелиный рой бездумно подражает и привыкает автоматически выкрикивать нужные лозунги. Этому мог бы обучиться и попугай. Но все-таки. О любви народной. — Анекдоты сталинских лет: Человек, идя по улице: «Гад, сволочь»… Его тут же арестовывают и тащат в НКВД. Следователь:

— Гражданин, кого вы имели в виду?

— Себя. Выходя из квартиры, забыл взять ключи, а дверь захлопнул и теперь не знаю, как попаду обратно.

— Вы свободны. Можете идти.

Человек выходит из кабинета следователя. Потом вдруг возвращается:

— Простите, а кого вы имели в виду?

Другой: Человек приходит сам в НКВД, попадает на прием к следователю.

— В чем дело?

— У меня улетел попугай.

— Обращайтесь не к нам, а в бюро находок.

— Но я пришел предупредить, что не разделяю его политические взгляды!

Третий: Сталин потерял свою трубку и утром сообщает об этом по телефону Берии. Вечером опять звонит, что нашел. Берия в ответ:

— Поздно, товарищ Сталин. Все виновные уже арестованы и во всем признались.

Кто-то ведь сочинял такие десятками! А давали за анекдот десять лет по статье 58 УК СССР. «За что сидишь?» — «Не знаю». «А сколько дали?» «Десять». «Врешь: за «не знаю» больше восьми не дают!» Мы полагаем, что в условиях величайшей опасности, страшных кар за хулу на земного Бога, эти анекдоты весьма типичны. Люди боялись, но не могли удержаться именно потому, что очень страшно: типичное поведение верующих богохульников.

Однако, вернемся к этологии. Давно пора. Во многих этологических учебниках приводится схема: какие зрительные образы вызывают у нас чувство нежности, так сказать, материнское чувство, а какие — нет?

Например, вот такой зрительный ряд. Слева профили большелобого, большеглазого дитяти лет шести с милыми губками, большеглазой милой киски с большим лобиком и коротким носиком-пуговкой, большелобого и большеглазого тушканчика с маленькими ушками и маленьким носом, большелобой глазастой болонки с короткими ушками, большелобой короткоклювой и большеглазой птички-пеночки. Справа профили носатого мужчины восточного типа, длинномордой зубатой гиены с выдающимся носом и маленькими глазами, длинномордого старого зайца с маленькими глазками и большими ушами (видны резцы), борзой или немецкой овчарки длинномордых псов, длинноносого аиста или клювастого дятла.

Желание «сюсюкать», нежничать вызывают, конечно только те профили, что слева. Дело в особой эмоциональной реакции на зрительный образ ребенка. Она у нас врожденная и все, похожее на дитя, стимулирует эту характерную реакцию нежности: «Моя кисынька, моя птичка, малышка ты моя дорогая, пупсик…»

Такие чувства подчас вызывают даже кругленькие кактусы: опять повторим, что инстинкт слеп.

Но вот уже другой вариант: десятки человеческих лиц. Из них одни с молодецкой растительностью под верхней губой и доброй всезнающей улыбкой, а другие — голые как пятка. Каких выберете в старшие братья-покровители? Пусть строгие, но мужественные и отважные, которые, когда надо, защитят. Добавьте сюда костюм: полувоенный френч,

ремень с бляхой, сапоги или жилет, пиджак, галстук, штиблеты, котелок или широкополая шляпа? Ну, конечно же, инстинкт подскажет выбрать «усатиков» в военном костюме, если только этнический типаж не слишком чужой, причем волосы, предпочтительно темные: лучше видны шевелюра и усы. Шевелюру желательно стричь по-военному: прилично. Мы уже писали об этом. И темные очки не помешают. Впрочем, как когда. Очки хороши светлоглазым и не умеющим вперять свой взор в глядящих на портрет.

Третий вариант. Снова лица: голые и обросшие бородой, желательно, все-таки — черной, если не седой. Мудрый мужественный взор и одеяние патриарха или, по вкусу — военное. Бороды «козлиные» как у Троцкого, Калинина или «лопатой», как у Маркса-Энгельса, Бакунина, Кастро. Кого выберем в «папаши»-«патриархи»? Ясное дело: «лопатобородых». Вот вам и четыре «типовых» варианта вождя:

1. «Чудо-ребенок», по-детски живой, не приспособленный к житейской прозе и далекий от нее, но гениальный. В речи — детские элементы: картавость, но все-таки признаки пола налицо: бородка, усики. Кумир студентов — мудрый профессор. У поляков есть такой нарицательный тип «профессор Елютек» с зонтиком — очаровашка, милейшая личность с журнальных обложек, герой рассказов. А ведь сей образ еще кого-то напоминает, «дорогие товарищи»? Не припомнили? …

> Человечий, ленинский огромный лоб.
> За него дрожу как за зеницу глаза,
> Чтоб конфетной не был красотой оболган.
> Голосует сердце.
> Я писать обязан…

2. «Большой брат» — старший, чудесный, смелый, строгий… Брат и отец в одном лице!

Прототипы: «вождь народов» и немецкий фюрер.

3. «Патриарх», «мудрец», «пророк», «папаша», «батя», мудрый отец и наставник: — Маркс, Энгельс, Кастро, Хо Ши Мин. Ну, а как же быть с Мао? — У китайцев иной этнический типаж. Облик тучного будды или мудрого даоса, хотя, судя по китайским изображениям мудрых духов и философов, борода (длинными прядями вниз) не помешала бы. Та же проблема с Ким Ир Сеном на старости лет.

4. Особое обстоятельство с глубокими историческими корнями. На Руси испокон веков, а ныне — особливо непопулярны богатенькие, самодовольные, сытые, мечтающие погреть руки на политической карьере и не умеющие это хорошенько замаскировать до своего воцарения (а где таких любят?) Чтимы же страдальцы, облаченные во власяницу и вериги, бедные, гонимые, обиженные («пострадал за правду»), выбившиеся из социальных низов, ну, и, конечно, по облику «свои», «наши». Из сего получается еще один имидж вождя, пожалуй, самый проходной у нас ныне на фоне безудержно ворующих и друг друга в воровстве обвиняющих политиков: «святой мученик с русской иконы».

Естественно, таковому подходит вид аскета, соответствующие шевелюра, борода и весьма скромное одеяние. Это — некая своеобразная разновидность третьего варианта: не «отец» и даже не «патриарх», а «отче» («просвети и благослови нас грешных, указуй светлый путь!»). Литературные прототипы, пожалуй, старец Зосима из «Карамазовых» и с виду святообразный Лука из «На дне».

Особо следует подчеркнуть: и во внешности, и в поведении идеального «кандидата в вожди» ничто не должно будит подсознательное чувство зависти!

Очень важные изменения внес телевизор. У истериков, по-видимому, перспектив поубавилось. Вблизи они выглядят отвратительно. Зато увеличились шансы внешне спокойных, рассудительных и улыбчивых проповедников, неколебимо уверенных, однако, в собственной правоте.

Итак, мы, пожалуй, внесли свою этологическую лепту во внешний облик вождя, высокочтимого и любимого: земные боги! «Бог»-сыночек «Земной, разумеется. Не сочтите за богохульную параллель. С обликом Иисуса — ничего общего! «Бог»-старший брат и отец

в одном лице. «Бог»-патриарх, наконец, «святой мученик», «пророк».

Есть еще, похоже, один вариант, при котором внешность отходит на задний план. «Бог-фетиш», «Бог-тотем». Тут уже все держится на одном символе. Японский император — символ нации и народа. Суть в титуле и всякий его носитель — земное божество.

Конечно, возможен и вариант: «Богиня-мать», «матушка», но в тоталитарных странах у власти, как правило, мужчины. Если бы в Испании победили красные, была бы «мать» и у испанского народа: Долорес Ибаррури. Наших-то русских цариц: двух Екатерин, Елизавету и Анну, всегда верноподданные звали «матушками»! А в Англии у Елизаветы I был иной имидж: «Королева-дева», хотя, как известно нравы у этой королевы были далеко не девичьи. Имиджем «матушки» пользовалась королева Виктория. Нынешняя Елизавета II, скорее уж, «королева-тотем». Она умный и скромный человек, ничего особенного из себя не строит.

Итак, совет нашим грядущим фюрерам: выбирайте имидж, глубокоуважаемые господа, учитывая все вышесказанное. При сем — с верноподданническим приветом и нижайшими поклонами от этологов!

9.5. Волки площадей

Может быть, читатель догадался: название этого параграфа — от стихотворения Марины Цветаевой, написанного весной 1939 г. Гитлеровцы вступили в Прагу, догорает гражданская война в Испании, а из радиоприемников доносятся лающий голос фюрера, грохот маршей и вопли ликующих толп на площадях немецких городов. Вся Европа замерла в тревожном ожидании: кто следующий? Политики западных демократических государств ведут себя как кролики в террариуме с удавом.

О, черная гора, затмившая весь свет!
Пора-пора-пора
Творцу вернуть билет.
Отказываюсь — быть
В бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей Отказываюсь — выть
С акулами равнин
Отказываюсь плыть
Вниз — по течению спин…

Тридцать первого августа 1941 года она вернет-таки этот «билет»: повесится в Елабуге. А «волки площадей» не уймутся. Они и сегодня воют, но теперь к их услугам новое электронное средство: телевизор. Как обеспечить массовую поддержку очередным завываниям?

> Доколе подлый враг будет топтать исконные земли нашего Отечества?!.. Ни шагу… Умрем как один за… Миллионы вражеских шпионов, агентов влияния и диверсантов… Вперед к сияющим вершинам!..
>
> Подлые агрессоры…
>
> Вражеское окружение…
>
> Вмешательство в наши внутренние дела под предлогом так называемых «прав человека»…
>
> Победа или смерть!..

Один из действенных способов захвата и удержания власти — создать видимость массовой поддержки еще задолго до того как она появилась, с помощью подставных и наемных крикунов. Используется инстинкт подражания, хорошо известный, например, голубятникам. Взлетела большая стая, — глянь; и чужие голубки к ней пристали! У латышей по этому поводу есть поговорка: Куда двое, туда и третий. Мы уже писали и об этом нашем

инстинкте, но в другой связи: «Сила авторитета», «Чахотинская наука побеждать»…

Вождь произносит речь. В «нужных» местах, заранее отрепетированных, подставные сторонники устраивают аплодисменты, переходящие в овацию, «стихийные» выкрики с мест хором: «Правильно!»… «Позор!» и так далее. Если речь произносится в зале, все «подсадные утки», а за ними инстинктивно и прочие встают и начинают издавать ликующие или гневные (какие прикажут) клики. Помните, как это происходило однажды на Съезде народных депутатов СССР, когда все вместе и сообща оплевали академика А. Д. Сахарова?

В последние десятилетия эпохи «развитого социализма» «подсадных уток» живых все больше подменяла электронная запись, включаемая в соответствующие моменты: восторженные вопли и овации, доносящиеся из громкоговорителей.

Уже Гитлер, да и наши вожди в былые годы отлично владели аналогичным приемом, хотя обходились без телевидения, а традиция «подсадных уток» и того старше. Еще древнегреческие демагоги понимали в ней толк. Римский император Нерон, мнивший себя великим артистом, аж из Александрии в Рим доставлял на свои выступления присяжных хлопальщиков, спецрейс организовывал.

Короче говоря. Дорогой читатель, если ты пристрастился ходить на митинги и слушать вопли очередного гениального спасителя отечества, (ей Богу, мы никого конкретно при этом не имеем в виду, ведь имя им — легион), подумай, приглядись, как говорится к окружающей обстановке, вслушайся в шум толпы. Не управляют ли тобой как, извини за выражение, бараном, загоняемым в стойло или на бойню? А ты, бедолага, еще при этом веришь, что сделал свой выбор вполне сознательно и даже творишь историю!?

Извините за фамильярность, товарищи и господа. Нервы и у авторов сдают. Не даром, между прочим, в западных странах политика — занятие, в основном, богатых людей, отпрысков весьма состоятельных семейств. Ведь «подсадные утки» в ходу и там. Это не только хлопальщики, но и, конечно, пресса, чья поддержка покупается…

Да что нам «дикий Запад» с его «продажной демократией». Там где ее, проклятой, нет, все того проще. Не ликующих можно просто расстрелять, избить или даже напоить касторкой, привязав к фонарному столбу, как то любили делать итальянские фашисты. Самое характерное при этом: люди очень быстро перевоспитываются. Поняв, что отсутствие восторга и обожания опасно для жизни, очень многие начинают уверять себя, что ликуют вполне искренне. Так уж устроен человек. Во времена крепостного права была у наших полицейских исправников, вроде, такая поговорочка: Поротая задница сама кнута просит. Наше недавнее прошлое, да и не только наше, подтверждает, к сожалению, что это, действительно, так. Стоит присмотреться к лицам людей на кадрах наших кинохроник конца тридцатых годов. Завод. Громадный митинг. Пасти у всех раскрыты, глаза выпучены, на лбу пот. Каждый орет и думает: «Заметили ли соседи, что я ору еще громче, чем они?» — Известно, что недостаточно старавшихся выполнять этот священный гражданский долг, сажали буквально пачками: стукачи шныряли в каждой толпе. Что орали? Хором требовали смертной казни очередным «врагам народа».

В записках современников разных революций XVII–XX веков поражает всегда одна и та же смена настроений уличной толпы. Меняются и ее, так сказать, поведенческие стратегии. Сперва, как правило, в митинговых толпах царят солидарность, жертвенность и энтузиазм. Люди готовы рисковать жизнью «за свободу» и охотно делятся друг с другом последним. Они ощущают себя активными участниками исторических событий. Словами Ф. Тютчева:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир…
(«Цицерон», 1830 г.)

Все друг другу братья! Речь, разумеется о столичной толпе. Это она своими глотками и

руками творит историю.

Но вот, Ура — революция победила! Людьми на непродолжительный срок овладевает радостная эйфория. Мы на все это нагляделись на московских улицах после 21 августа 1991 года. Пляски, уличные шествия со знаменами и транспарантами, низвержение вражеских идолов…

Однако проходят недели, месяцы и житейская проза все больше напоминает о себе длинными очередями и ростом цен — слишком хорошо нам всем сейчас знакомой экономической разрухой, этой вечной и неизменной спутницей революций, а также постыдной грызней политиков. Тут уж настроение народа резко меняется. Не напрасны ли жертвы?… За что боролись? Нас опять обманули! Так размышляют и чувствуют миллионы людей.

Вскоре уже многие принимаются вспоминать с сожалением да еще при этом и приукрашивать «счастливую» дореволюционную жизнь, когда в магазинах все было и почти даром, никого не страшил завтрашний день, порядок был, с преступностью боролись и так далее, и так далее. Словом, затевается вселенский плач по прошлогоднему снегу. Не правда ли, занятие тоже нам хорошо знакомое?

Как раз в это время и начинается охота на ведьм, пересуды на тему кто виноват?! То и дело по городу проносятся слухи о инородцах, кабатчиках, лавочниках и спекулянтах, якобы, нарочно припрятавших товары, о предателях, отравляющих колодцы и хлеб, об иностранных агентах, устраивающих взрывы и поджоги, о провокаторах и наступающих интервентах. Оппозиция, и правда, организуется. Возникает опасность контрреволюционного переворота. Революционное правительство ощущает перемену настроения масс. Оно пугается не меньше, чем свергнутые прежние властители боялись предшествующих бунтарских настроений народа.

Вот тут-то дело революции, даже, возможно, и не сознавая того, часто, (по крайней мере, в былых революциях, включая российские), спасали демагоги. Их деятельность, собственно, начиналась еще в предреволюционный период, но на этом начальном этапе после переворота приобретала особенно истерический характер. Они без устали бесновались на городских площадях.

При этом обнаруживается следующая общая закономерность.

В любой революции толпу буквально завораживает поток слов, простейших словосочетаний и ярлыков с, образно говоря, «светлой» и «черной» аурой. Слова эти нередко произносились хором, ритмически зачитывались наподобие молитвы, сопровождались, опять-таки, ритмически жестами. Речи чередовали со стихами и песнями, в которых навязчиво, из раза в раз, массам вдалбливали одну и ту же «идею»: разделения людей на «наших» — светлых, хороших, и «чужих» — темных и плохих. Внушали необходимость умереть за «народную свободу и ее революционных вождей, а также за революционный «тотем»: знамя революционной партии, ее гимн и прочие подобного рода символы. Так было у нас в 1917–1991 г. Так было в КНР во время культурной революции.

Ради интереса взгляните в собрание сочинений Ильича, просмотрите статьи, написанные им вскоре после Октябрьского переворота. В едином словесном ряду, подобно гвоздям, в головы читателей вбиваются словесные штампы и ярлыки со «светлой аурой»: революционный, прогрессивный, рабочий, трудовой, передовой, свободолюбивый, демократический, красный, пролетарский, марксистский, классовый, советский, народный и так далее и тому подобное.

В противопоставляемом ряду — слова с «черной аурой»: архиреакционный, буржуазный, антинародный, оппортунистический, социал-предательский, антисоветский, белогвардейский, черносотенный, поповский, соглашательский, раскольнический, эксплуататорский, контрреволюционный, махровый, монархистский, угнетательский, вредительский, двурушнический и иже с ними.

На «полную катушку» используются суффиксы: «-нщина» («поповщина») и «енец» («отщепенец»).

В тысячах фраз встречается слово «борьба» — «борьбы», «борьбу», «борьбою». Недаром простые люди, читая тогдашние листовки и газеты, отплевываясь, говорили: Борьба с борьбой борьбуется…

Большевики придумали сотни словесных штампов и ярлыков: поджигатель войны (украли у Гитлера), подлые наймиты западных спецслужб, кровавая гидра мирового империализма, оголтелые враги народа (украли у якобинцев), изменники родины, буржуазные националисты, подкулачники, буржуазные интеллигентики, буржуазно-профессорская братия, безродные космополиты, морганисты-вейсманисты, охвостье (в самых разных словосочетаниях: империалистическое, сионистское, кулацкое, социал-фашистское и так далее); отродье (в тех же и других комбинациях); уверенной поступью, строители светлого завтра, ум, честь и совесть, трудовой почин, трудовая вахта, героические будни, и другие официальные лица, с чувством глубокого удовлетворения (шестое чувство советского человека).

В сущности, родился новый язык, вернее, жаргон, сплошь состоящий из штампов. Не даром в анекдоте брежневских времен секретарь райкома, заполняя анкету, на вопрос: «Какими языками владеете?» — отвечает:

— Тремя: партийным, матерным, русским со словарем.

Массовый жертвенный экстаз во время всех революций нагнетали, конечно, революционные стихи и песни. Вспомните:

Бога нет,
Царя не надо,
Губернатора убьем…
Смело мы в бой пойдем за власть советов
И как один умрем в борьбе за это!..
Ты, конек мой родной, передай, дорогой,
Что я честно погиб за рабочих…
Товарищ, товарищ,
Скажи ты моей маме,
Что сын ее погиб на войне…
Наших товарищей юные очи
Будет ли вид эшафота пугать…

Следует отметить, что если в начале революции стихи и песни зовут умереть «за народ», спустя всего несколько лет, рекомендуется умирать за вождей:

Если ты ранен в тяжелом бою,
Если у гибели ты на краю,
Рану зажми,
Слезы утри,
Имя вождя
Вслух повтори (С. Стальский)

В бой за Родину,
В бой за Сталина,
Боевая честь нам дорога.
Кони сытые
Бьют копытами:
Встретим мы
По-сталински врага…
Громя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут моторы в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал даст приказ «Вперед!»

Артиллеристы,
Сталин дал приказ,
Артиллеристы, зовет отчизна вас…
Нам Сталин дал стальные руки-крылья,
А, вместо сердца, пламенны мотор…
Сталин — наше знамя боевое…
Нас вырастил Сталин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил…
А вот уже пример из несколько иного, нацистского жанра:
Мы все разметем и разрушим,
Огонь и погибель неся.
Сегодня Германия — наша,
А завтра — Вселенная вся!
— Многого захотели!

Не будем, однако, иронизировать. Эпоха была такая. Не следует забывать, что под подобного рода песни и стихи люди, действительно, шли на смерть со слезами искренней веры на глазах… и героически погибали. Поэтому любая, даже скрытая, ирония была бы кощунством. Что поделаешь? Так уж устроена человеческая душа!

Все, кто помнит первые годы Великой отечественной, наверняка, согласятся с тем, что ни одна из наших песен тех лет не сравнится по своему призывному действию со «Вставай, страна огромная!» И сейчас, когда она звучит в фильмах и звукозаписях, слезы невольно навертываются на глаза…

Как два различных полюса
Во всем различны мы.
За светлый мир мы боремся
Они — за царство тьмы.
Дадим отпор губителям
Всех пламенных идей
Убийцам и грабителям
Мучителям людей… …
Тупой фашистской гадине
Загоним пулю в лоб
Исчадью человечества
Сколотим прочный гроб!
Пусть ярость благородная
Вскипает как волна,
Идет война народная
Священная война!

(Песня сочинена в 1916 году, но позже переделана и обнародована другими авторами под их фамилией в начале войны 1941–1945 годов).

Все бьет по подсознанию, обеспечивая максимальный психологический эффект: и слова, проникающие в душу, и мелодия в ритме солдатского шага, и четко выдержанный ряд противоставлений: «мы светлые, а они темные». Прекрасная песня!

Да и, действительно, так все оно и было. Тогда справедливость и Бог были с нами. Пересматривать тут нечего. Однако, тем более жутко слышать эту песню, ныне звучащую на московских улицах с кощунственно измененными словами. Маршируют под нее молодцы в черных мундирах в ремнях, портупеях, с красной свастикой на левом рукаве. А песня нагнетает экстаз, зовет к массовым убийствам, теперь уже не захватчиков, топчущих нашу землю, а наших же безоружных сограждан.

О чем воют сейчас «волки» наших площадей? — Они опять внушают массам ощущение осажденной крепости, круговой обороны. Создан новый «Образ врага». Людей призывают к разрушениям и убийствам, но поможет ли новая резня покончить с

экономическим кризисом? Здесь мы уже заговорили не как этологи, а просто как российские граждане.

9.6. Верой и правдой

(идеология как насущная потребность)

Красная площадь. Тревожная зима 1992–1993 годов. У Васильевского спуска большая толпа под трехцветными флагами. Почти сплошь старики-пенсионеры, пожилые женщины, много ветеранов Отечественной войны при орденах. Все встревожены. Некоторые с заплаканными красными глазами. Восьмидесятилетний художник говорит:

— Не хотел бы дожить до дня, когда они вернутся и начнут сводить счеты. У них в списках миллионы. Будут ходить прямо по квартирам, убивать. Сами об этом пишут.

В «Дне» от 7-13 марта снимок: автоматчики гонят по Москве тысячи пленных немцев: Подпись: «Так же пойдут и демократы». Газета ходит по рукам. Кто-то вспоминает: в одном предыдущем номере говорили: «Тысячи шляп полетят вместе с головами…» События за кремлевской стеной все понимают однозначно: «Хотят вернуть сталинское время и развязать войну». Периодически с трибуны что-то выкрикивает оратор. Толпа вслед за ним скандирует «Ельцин!». «Россия!».

С противоположной стороны, из-за милицейского кордона откликаются: «Иуды!» Там — краснознаменная толпа с портретами Сталина и Ленина хором затягивает: «Сталин — отец, Ельцин — подлец!!!!»

— Сволочи, коммуняки, мало им 74 лет… — бормочет старый рабочий.

— А много их«- возражает другой.

— Чего удивляться. Мы пришли по доброй воле, а им платят из партийных денег по пять тысяч за демонстрацию.

— Неужели все — платно?

— Нет, там еще-кучка старых идиотов и палачей, кто расстреливал, пытал, доносил и тоскуют по старой профессии.

— А рабочих там нет?

— Ни одного. Рабочий класс — с нами. С ними мафиози-сынки секретарей райкомов. Гляньте «комки» у метро. пусты! Вся эта сволочь за них!

А что на той стороне? Там дружно скандируют: «Сталин!!!» Кто-то кричит:

— В следующий раз готовьте бутылки с бензином. Будем жечь демократов! Они все вооружены.

— А много их там, вроде… — мрачно говорит один пенсионер-рабочий другому.

— Чего ты хочешь, — отвечает второй. — Мы пришли по доброй воле, за идею, а у них там платят по сорок долларов за участие в митинге. Одни коммерсанты, сионисты и мафиози да эти также, как их,… хазары. Агенты Хазарии, засланные сюда с оружием янки…

— Какой Хазарии?

— А ты не слыхал? — главный враг Советского Союза еще со времен царя Петра и Александра Невского. На прошлом митинге объясняли…

— Вот суки. В кровь их бить… Русь продают… Хазария…

Что за люди такие? Кажется, и объяснять-то нечего. А подойдите ближе, заговорите. И в этой толпе оказывается, довольно много душевных, отзывчивых, глубоко верующих людей. Вера бескорыстная, чистая. Правда, не в Бога небесного, а в Ленина, Сталина, большевиков-патриотов и… величие русской нации.

Вера, даже такая, возвышает человека над толпой равнодушных и тупых. Хоть во что-то же верить надо. И не след оскорблять веру, пока не появляется у верующих в земные божества реальная возможность исправлять человечество с помощью автоматных очередей, виселиц и газовых камер.

Старый инженер-коммунист спрашивает молодых торговцев из «комков»:

— Вы ребята, за кого: демократов или «наших»?

«Нас, папаня, политика не интересует. Вы довели страну до ручки, вы и расхлебывайте. А нам все равно, кто будет. При любом строе не пропадем, не разоримся. А так, мы за порядок. Пусть какого-нибудь генерала поставят, чтобы за лишнее слово сразу к стенке. Тогда только и начнется человеческая жизнь. Выборы, гласность — дерьмо. Надо бы давно с этим кончать. Главное — «бабки», «капуста». Будут деньги — будет все…

— «Держава», «Родина?»

— Да ты, папаня, отсюда вали. Тебе пенсию государство платит? Топай, его защищай… А мы на это все… положили.

Кто симпатичнее? Эти молодые самодовольные мордастые типы или беседующий с ними старый коммунист из числа сторонников Анпилова? Те же размышления навевает телевизор.

По многим программам — рок, прыжки, голые женские зады, подвиги полицейских, автоматные очереди, лужи крови. инопланетные роботы. И вдруг, словно окно в мир иной, — фильм ретро «Жила была девочка» — о чистых и честных людях, о мужественной и доброй школьнице, которая выходила ребенка погибших при бомбежке соседей, об отце этого ребенка, случайно нашедшем сына, об ужасах ленинградской блокады. Только человек без сердца не ощутит громадный контраст не в пользу фильмов наших дней.

Опять, выходит, уж в который раз, мы противоречим себе. Высмеиваем демагогию, пишем о чудовищном тщеславии и болезненной подозрительности тиранов. И вдруг простые житейские примеры ставят нас в тупик. Где же правда, если, несмотря на все ужасное, что мы знаем о тридцатых-пятидесятых годах, современники той эпохи кое в чем нам кажутся сверхлюдьми? Суть их преимущества — в вере. Не лицемерной, выражающейся в соблюдении обрядов, а той, воинствующей, которая опаляет всю душу человека целиком, заставляет его ощущать себя только орудием, средством для достижения великой надличностной цели…

Я — пролетарская пушка:
Стреляю туда и сюда…
…Я — ассенизатор и водовоз,
Революцией мобилизованный
И призванный…
…Я хату оставил,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать…

Суть же веры такого рода — в словах. «Слова, слова, слова…» Власть слов, власть идей, какой бы она ни была, все-таки возвышает человека! Иной раз, пообщаешься с современными нашими барышниками, и невольно подумаешь: Лучше уж со Сталиным или даже с Гитлером в сердце, чем «без царя» и в сердце, и в голове. Человек, лишенный всякой веры, жалок и безнравственен. Фанатик ограничен и безжалостен. Однако, фанатичная вера возвышает человеческие личности до небывалых высот, особенно же, — в годины величайших испытаний, когда целые народы пребывают на грани жизни и смерти.

Коммунизм к тому же, мы не боимся это утверждать и в наши дни, имел ряд огромных преимуществ перед нацизмом. Большевики официально провозглашали гуманистические лозунги, не имеющие правда, ничего общего с истинными целями красных вождей. Слововластие, логократия, — одна из главных социальных проблем XX века.

Цивилизация, как мы уже говорили, буквально держится на словах. Без них нет ни власти, ни политики, ни религии, общество рушится… Слова значат так много в нашей жизни, что с их помощью можно без особых проблем черное превращать в белое, одно выдавать за другое.

В нашей стране издавна были не в диковинку самозванцы. Григорий Отрепьев, царевич Петруша, Тушинский вор, Пугачев, княжна Тараканова… Но все это были только отдельные люди, выдававшие себя не за тех, кем они являлись на самом деле. В нашем веке в политических самозванцев превращаются целые партии. Одни из них выступают от имени всей нации. Другие объявляют себя сознательным авангардом рабочего класса. Судят же обычно по словам, а не по делам. Целый ряд террористических групп, убивающих людей по всему миру. действуют от имени, например, «обиженных и угнетенных», «мирового пролетариата», «мусульман». Наши народники в прошлом веке тоже объявили себя защитниками интересов крестьянства, которое о них ничего не знало да и не желало знать.

> …Уважаешь ли ты мужика?
> Но Поток возражает:
> Какого?
> — Мужика вообще,
> Что страданьем велик! — Отвечает Поток:
> Есть мужик и мужик.
> Если он не пропьет урожаю,
> Я за то мужика уважаю.
> — Феодал! -
> Закричал на него "патриот",
> Знай, что только в народе спасенье!
> Возражает Поток: Я ведь тоже — народ.
> Почему ж для меня — исключение?
> — Ты народ, да не тот.
> Править ныне призван только черный народ.
> То по-старому всякий был равен,
> А теперь только он полноправен…
>
> ***(А. К. Толстой, «Поток-богатырь»)***

Эта поэтическая сатира, написанная вскоре после отмены крепостного права, прекрасно отражает состояние тогдашних революционных умов в России.

В повести японского писателя Б. Оэ «И тогда объяли меня воды до самой души моей» группа молодых японских террористов — безжалостных убийц, начинают свои нелегальные радиопередачи с цитат из «Братьев Карамазовых», а себя считают, вполне искренне, «посланцами душ синих китов и деревьев». С таким же основанием святейшая инквизиция действовала от имени Господа, а чекисты считали себя защитниками пролетариата. И наша теперешняя «Память» объявляет себя единственным защитником интересов всего многомиллионного русского народа. Сейчас у нас в стране, вероятно, уже не менее нескольких сот организаций, действующих от имени «всей русской нации».

Насколько такие заявления впечатляют, вопреки очевидности, можно судить по отношению высших слоев интеллигенции, нашей и западной, к убийцам-террористам, палачам и тиранам в начале-середине нашего «просвещенного» века. …Человек, среди толпы народа

> Застреливший императорского посла,
> Подошел пожать мне руку,
> Поблагодарить за мои стихи…
>
> ***(Н. Гумилев, «Мои читатели»)***

История — не вымышленная. По рассказам современников, дело происходило в конце 1919 или начале 1920 года, когда Гумилев, наведался в Москву, в кафе гостиницы «Метрополь». За одним из столиков там восседал и декламировал стихи Гумилева Яков Григорьевич Блюмкин, известный левоэсеровский террорист, позже чекист и большевик. Блюмкин прославился тем, что в июле 1918 года участвовал в убийстве немецкого посла

Мирбаха, после чего был подозрительно быстро прощен большевиками, повышен в чекистских чинах, заслан резидентом в Монголию и затем в Турцию и, наконец, в 1930 году расстрелян за попытку вывезти из СССР для передачи троцкистам дореволюционный архивный компромат на И. Сталина.

Гумилев, которого самого в 1922 году расстреляли большевики, спросил:

— Много вы помните моих стихов?

— Все, — без ложной скромности ответил Блюмкин и подошел представиться, пожать руку.

Гумилев произнес приблизительно такую речь (цитируем по устным рассказам очевидцев):

— Мне лестно, что герой, известный террорист столь высокого мнения о моих стихах! Эпизод, очень типичный. Как это ни странно, убийцы ни в чем не повинных людей на «идейной» почве в широком кругу высокообразованных интеллектуалов были тогда окружены каким-то нимбом жертвенности и героизма. Это преклонение перед террористами началось еще в прошлом веке, во времена «Земли и воли». Мало кто из так называемого прогрессивного круга тех далеких лет задумывался над тем, что при почти каждом теракте гибнут за компанию с «тиранами и сатрапами» совершенно невинные люди. То, что так озадачивало царя Александра II, в лагере его политических противников не беспокоило никого!.

Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» у громадного слоя тогдашних «передовых» читателей вызывал только возмущение и чувство брезгливости. Достоевского кляли как «реакционера», «ренегата, пресмыкающегося перед держимордами», «шовиниста»… Печально все это вспоминать, но очень уж перекликается с более поздними временами.

Я. Г. Блюмкин, поэт-имажинист, был вхож во многие дома московских и питерских художников, поэтов и артистов. Как писателя и героя весьма чтили и Б. Ропшина-Савинкова, до парижской эмиграции также террориста, но из правых эсеров, не переметнувшихся к большевикам. Позже Савинков угодил в сети ГПУ (1922), и каялся. А когда перестал быть нужен, его выкинули в окно шестого этажа, выходящее во внутренний двор здания ГПУ на Лубянке.

Не наше дело углубляться в исторические детали, но важна общая закономерность. У значительной части творческой интеллигенции последних полутора веков, как нашей, так и западной, в крайней форме проявляется тяга к людям и идеям, которые ведут человечество по крови и дерьму в утопический рай. Ведут под дулами, приставленными к затылку, под охраной немецких овчарок.

Считать это случайностью никак нельзя. Почти исключительно за такие идеи и за таких вождей всегда готовы добровольно пожертвовать своей жизнью миллионы. Но даже единицы не согласятся жертвовать собой за такие «глупости» как высокий уровень жизни, стабильная экономика, демократия и «права человека», исправление экологической обстановки в своей стране. Невольно напрашивается перефразировка известного изречения о народах и правительствах: Каждая цивилизация обретает тот конец, которого она заслуживает.

Невозможно перечислить даже самых выдающихся из числа тех западных интеллектуалов, которые в годы они боготворили Сталина или же Гитлера и Муссолини. Первых, в общем-то, было несравненно больше, что, надо признать, объясняется большим умом и искусством общения нашего вождя. Природа наделила его в избытке талантом, при желании, очаровывать людей.

Очевидцы вспоминают, впрочем, что и Гитлер, когда хотел, обладал громадным личным обаянием и шармом, был изысканно вежлив, внимателен к собеседнику, красноречив. Приблизительно то же рассказывают и о Муссолини, но до всесторонне одаренного Сталина им обоим было, все-таки, далеко.

Тем более, всем троим было далеко до В.И. Ленина с его потрясающе быстрой реакцией на самую суть слов собеседника, внешней скромностью, громадной

убежденностью в своей правоте, железной (хотя бы для неподготовленных к спору) логикой выдвигаемых аргументов и подавляющей эрудицией.

Бернард Шоу и известная английская общественная деятельница леди Астор в разные годы оба восхваляли до небес то Сталина, то итальянского дуче и нацистского фюрера, то снова Сталина. Нацистские идеи вдохновляли Кнута Гамсуна в последние годы его жизни, американского поэта Эзру Паунда, талантливых французских писателей Ф. Селина и М. Деа, но, что любопытно, почти никого из маломальски крупных немецких литераторов и вообще интеллигентов. Почти все они после 1933 года покинули Германию, но подавляющее большинство симпатизировало вовсе не демократии, а русскому большевизму. В числе таких «красных» Бертольд Брехт, А. Зегерс, В. Бредель. К «розовым» вполне можно отнести даже Томаса Манна и его брата Генриха, С. Цвейга.

Леон Фейхтвангер умудрился написать панегирик Сталину в связи с показательными процессами 1937 года. Побывав на них, этот писатель всячески пытался внушить себе и читателям, что все там честно, без «липы», хотя обвиняемые словно по заказу, каялись в таких чудовищных и нелепых преступлениях, что, казалось бы, сомнение должно закрасться в душу любого беспристрастного психически нормального человека!

Герберт Уэллс писал с величайшим пиитетом об обоих великих вождях русской революции на основании личных впечатлений. Впечатления эти были более чем положительные, но коммунистом этот писатель все-таки не стал.

Другое дело — целый сонм выдающихся писателей, артистов и художников Франции. Ромэн Роллан, Леон Муссинак, Луи Арагон, Жак Садуль, Пабло Пикассо и многие, многие другие. Жан Поль Сартр периодами боготворил Советский Союз и Сталина, а после XX съезда КПСС предал анафеме Хрущева и стал убежденным маоистом. Сартр открыто сочувствовал также немецким красным террористам из банды Майенгоф-Бадера, которых посетил в тюрьме. Аналогичную эволюцию проделали и многие другие французские левые. Некоторые из них слюбились потом с иранскими хомейнистами и даже, как бывший коммунист Ж.П. Гароди, приняли ислам.

Вот этот последний факт кажется нам особенно важным. Для многих идеи обретают притягательную силу только в том случае, если они, действительно, требуют кровавых жертв и призывают к жертвенной смерти. Как много общего с красными и нацистами у воинствующих мусульман с их обычаем чуть что объявлять джихад — священную войну, на которой опять-таки действует все тот же принцип коллективной ответственности: Любой неверный виноват. Убийство любого неверного угодно Аллаху.

Как известно, этот принцип в настоящее время отвергается большинством мусульманских священнослужителей, но он вдохновляет молодежь некоторых мусульманских стран, в том числе террористов. Таким образом, мы возвращаемся все к той же проблеме агрессии и инстинктивной этнической вражды, преобразованной в межконфессионную ненависть.

Притягательная сила политических и религиозных идей, в значительной мере, определяется тем, насколько они могут служить благовидным предлогом для раскрепощения внутреннего заряда агрессии. Именно это — главное в политических идеях. Все остальное, к сожалению, второстепенно. Для многих ищущих и мятущихся душ, томимых «духовной жаждою», такой предлог необходим как воздух, как хлеб насущный. Они изобретают его, так как органически не могут существовать и творить без обжигающих ощущений коллективной ненависти и соучастия в борьбе.

Характерно, что в хладнокровной Англии коммунизм и нацизм сыскали себе меньше адептов, чем в более темпераментных странах: Ирландии, Франции, Италии и Испании.

В настоящее время, поскольку первая из этих двух идеологий утратила свою популярность, возможно, временно, во всем мире усилилось нацистское движение. Если вновь возродится коммунистическая идеология, нацизм снова пойдет на спад. Однако, обе они едины в том, что побуждают к насилию, раскрепощают инстинкт агрессии.

Идеология, притягательная как предлог для раскрепощения агрессии, но не

призывающая к насилию, пока не изобретена и, на горе человечеству ее едва ли удастся изобрести. Ведь это все одно, что хищный зверь, питающийся травой! Разве что, в идеологию удастся превратить воинствующее антинасилие. Однако же, воинствующее — это опять, неизбежно, — прибегающее к насилию и нежизнеспособное без него! Фашизм и нацизм едва ли можно победить силой убеждения.

По этому поводу, уж в который раз, процитируем В. Р. Дольника: Среди многих нелепых запретов, существовавших в нашей стране, была запрещена и тема агрессивности. Человека — нацело, а животных — наполовину. Почему в стране, официальная идеология которой исповедовала классовую ненависть и беспощадную борьбу, та же идеология неохотно позволяла научно-популярные статьи об агрессивности синиц или мышей — уму непостижимо.

Действительно же достижения этологии в понимании природы агрессивности как раз и нужно знать всем. И дело не только в том, что человек — весьма агрессивное существо, а в том, что агрессивность подчиняется своим законам, весьма своеобразным и непредсказуемым. Не зная их, можно наломать много дров. Эти законы влияют не только на поведение каждого человека, включая политиков и военных, но и на поведение общества и государства. Когда государство попадает во власть инстинктов, созданных естественным отбором для стада наподобие павианьего, и к тому же обзаводится атомным оружием, это очень опасно. А, если таких государств окажется несколько, будущее мира может повиснуть на волоске.

9.7. От логократии (диктатуры слов) к диктатуре партократов

В начале перестройки у нас шутили: Товарищ, верь, пройдет она, пройдет она, эпоха гласности, и Комитет Госбезопасности запишет наши имена. А ныне мы оказались на обломках слововластья и имена наши давно записаны. Слова начинают утрачивать миросозидающий смысл. И стоим мы перед выбором: то ли податься резко назад, то ли ползти по-черепашьи вперед, в позавчерашний день западного человечества. И обе перспективы нас не устраивают. Власть слов — нечто сугубо человеческое. Здесь параллели с бессловесными тварями не получаются и наши этологические знания мало что помогают объяснить.

Что такое «слововластье»? По нашему мнению, это — та система, которая согревала наши души аж целых семьдесят три года и как мы, с непривычки, будем обходиться без нее, пока совершенно непонятно.

> Дар напрасный, дар случайный,
> Жизнь, зачем ты мне дана
> И зачем судьбою тайной
> Ты на смерть обречена?

Советскому человеку ответить на этот вопрос было нетрудно: Мы рождены, чтоб сказку сделать былью…

Пятого марта 1993 года на нью-йоркских улицах корреспонденты радио «Свобода» вздумали опрашивать прохожих: «Кем был Иосиф Сталин?» — Громадному большинству это имя вообще ничего не говорило. Некоторые старики отвечали: «Вроде, в юности слыхал, да не припомню по какому поводу». На вопросы: «Кто такие были Гитлер, Эйнштейн и Шекспир?» там тоже бы, вероятно, мало кто ответил вразумительно.

А средняя месячная зарплата в США, между прочим, в пятьдесят раз выше, чем у нас, таких умных и образованных! И Нобелевских лауреатов там во много раз больше. Нашим ученым, по мнению американцев, не хватает не только финансов, но и целеустремленности: мы разбрасываемся. Так, например, любой наш биолог или физик, по всей вероятности, читал Г. Уэллса и Р. Брэдбери. А некоторые наши маститые американские коллеги впервые услышали оба эти имени от нас и не смущались, а, напротив, нас же тем корили: зря, мол,

теряете время на то, что не главное в вашей быстролетной жизни.

Ныне многие наши интеллигенты с болью и тревогой размышляют: Ну, допустим, построим мы даже рыночный «Рай». Все будут сыты, довольны, но внуки наши на вопрос: «Кто такие Пушкин, Достоевский, Толстой?» — ответят: «Не знаю, может, в школе и зубрили, да позабыл». Зачем же мы тогда разоблачали «культ», ругали тоталитарную систему, стояли, безоружные против танков в «живом кольце» у Белого дома? Все было напрасно.

Не скроем: и нам, авторам этой книги, тоже не чужды подобные сомнения.

В некоторых американских столовых для неимущих, если верить писателю Курту Воннегуту, висит плакат: Если ты такой умный, то почему ты беден? А мы раньше были такие умные (в кавычках или без?) что воображали будто Не в деньгах счастье, а в чем-то совсем другом. В чем, правда, каждый отвечал по-своему…

…И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.
Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье как братьев наших меньших
Никогда не бил по голове…

О чем вечно забывают революционеры и реформаторы всех мастей? Угадайте. Ну, конечно же, о том, что человек ко всему привыкает, кроме… перемен. У китайцев даже поговорка есть: "Не дай Бог родиться в эпоху перемен". Полная противоположность тютчевскому: "блажен, кто посетил сей мир…"

И вот еще, о чем они забывают. Человек страдает только от тех лишений, о которых он информирован. Писал же, например, Фердинанд Лассаль, что батакуды ни чуточки не страдают от отсутствия мыла потому, что не слыхали о его существовании.

Живут себе на нашей планете два очень похожих друг на друга человека. Живут в одинаковых квартирах, питаются одинаково, одинаково одеты. Но один считает себя нищим потому, что живет по соседству с миллионером или, по крайней мере, телевизор каждый день показывает ему как ест, спит и развлекается миллионер. Второй же двойник живет по соседству с нищими и не обзавелся телевизором. Поэтому он наслаждается жизнью и ставит себя всем в пример.

Так точно ощущают себя и целые народы. У «железного занавеса» и Берлинской стены были, выходит, не только недостатки, но и большие достоинства! Все погубили потоки импортной информации. Не зря их так панически боялась советская власть!

К тому же одно и то же явление воспринимается совершенно по-разному в зависимости от его названия. Внушай каждый день народу, что он самый свободный и счастливый на нашей планете, и люди, пожалуй, действительно почувствуют себя самыми счастливыми.

Надо только предусмотрительно уничтожать, всех, кто может в этом усомниться. Как раз этим-то и занимались и Сталин, и Полпот. Оба были умными людьми и прекрасно понимали, что делают. Главное — общее благо. Пусть погибнут единицы ради счастья миллионов. «Единиц», правда, было миллионы, но оставшихся, уцелевших оказывалось все равно неизмеримо больше. Их душевное спокойствие, конечно же, выигрывало от того, что они знали не более, чем положено знать простому человеку в государстве победившего социализма.

Можно ли было построить коммунизм: с каждого — по его способностям, каждому — по его потребностям? Наверняка, можно, но только, не приближая возможности к потребностям, а, вовсе наоборот, приближая потребности к возможностям, сводя их к биологическому минимуму. С этой точки зрения, даже Сталин, пожалуй, был не в пример Полпоту, недопустимо либерален.

В «Хулио Хуренито» есть изъятая из последних изданий глава «О пользе обыкновенной палки». В ней приводится диалог международного авантюриста, уроженца

Мексики Хулио Хуренито с Ильичом в 1918 году. Хуренито спрашивает Ленина: почему тот не запретил до сих пор науку, образование, искусство? — Вождь революции отвечает, что занят, в основном, экономикой и политикой. Вопросами же науки, просвещения и искусства в Советском правительстве ведают народные комиссары: товарищи Кржыжановский и Луначарский. Хулио Хуренито таким ответом сильно раздосадован: Товарищ Ленин, Вы не учли, что наука, образование и искусство — Везувий, который изливает свою лаву на любые Помпеи, как капиталистические, так и социалистические.

Дж. Оруэлл в этом вопросе тоже идет достаточно далеко. В его «1984» тоталитарное правительство уделяет громадное внимание разработке нового языка «Новояза». Язык этот так беден выразительными возможностями, что на нем просто невозможно сформулировать оппозиционную мысль потому же, почему не нашлось бы соответствующих сигналов в жестовом «языке», которому обучали шимпанзе.

Тоталитарный социализм при надлежащей последовательности вождей и правда мог стать путем в земной Рай, но не для людей, таких, какими мы их знаем, а для их хорошо перевоспитанных потомков очень похожих на пчел или муравьев. Почему же мечта на стала явью, все загнило на корню и рухнуло? Те, кто запланировал наш марш в «светлое коммунистическое завтра», не предусмотрели целый ряд препятствующих обстоятельств. Два главных препятствия, на наш взгляд, следующие.

1. Задержка научно-технического прогресса в отсутствии его главной движущей силы: свободного рынка, конкуренции. Однако, не следует забывать, что существует, кроме внутреннего, еще и внешний рынок, на котором конкуренция сохраняется даже при социализме. Важен и такой движущий стимул как гонка вооружений. Мы производили плохие брюки, неуклюжие чемоданы, несовершенные компьютеры для гражданских целей, но оказались первыми в космосе и в военном авиастроении.

2. Неизмеримо серьезнее вторая проблема. Петр Кропоткин и другие критики державного социализма еще в прошлом веке, а за ними вслед также и Милован Джилас указывали на то, что централизованное распределение материальных благ породит армию чиновников, которые, пользуясь своим положением, обязательно начнут втихаря обогащаться. Постепенно чиновники-партократы переродятся в новый эксплуататорский класс. Их обогащение будет происходить нелегально, но при тоталитарном режиме критика «снизу» невозможна. Партократы-хапуги рано или поздно сосредоточат в своих руках и политическую власть, и громадные материальные ценности. Они обеспечат себе полную монополию и в духовной жизни страны.

В какой-то момент их начнет тяготить лицемерная эгалитарная идеология, возбраняющая личное обогащение. «Теневикам» с партбилетом, завидующим западным богачам, приспичит легализоваться, выйти из тени на свет. Таким образом, никто иной как сами же партократы — естественный и неизбежный могильщик любой социалистической системы советского образца. Это они, а вовсе не ЦРУ и мифические жидомасоны, реставрируют ныне капитализм во всех странах бывшего соцлагеря, кроме КНДР и Кубы, чей крах тоже не за горами.

Многие наши «честные» коммунисты, проклинающие сейчас Горбачева и Ельцина, забыли, что писали марксистские корифеи о роли личности в истории! Причем здесь конкретные политики нескольких последних лет? Достаточно чуть-чуть знать историю XX века, чтобы понять: марксисты-ленинцы, идя к власти в ряде государств четырех континентов, везде и всюду создали системы, изначально обреченные на самоуничтожение!

Помнится, к пятидесятой годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции народ у нас шутил: Ученые открыли новый трансурановый элемент таблицы Менделеева: «Капеэсэсий» с периодом полураспада пятьдесят. Как в воду смотрели!

После самопереименования партократов в «демократов», почти везде в бывшем соцлагере установилась совершенно новая общественно-политическая формация. Это пока, конечно, вовсе не либеральная демократия западного типа, а нечто, скорее, заслуживающее названия «Криминократия»: циничная диктатура партократов и дельцов теневой экономики

во втором эшелоне власти: в парламентах и на местах.

На первых порах, как всегда бывает, «революцию» партократов поддержали городские «низы», в особенности же, либеральная интеллигенция. Интеллигентам мнилось, что теперь, наконец-то, мы построим общество с «человеческим лицом». Сейчас они переживают трагическое крушение своих иллюзий. В некоторых постсоциалистических странах партократия не сумела удержаться у власти. Ее хотя бы частично заменили люди иной формации: новая элита, выходцы из среды либеральной интеллигенции и пролетариата. А в СНГ и в Румынии все пошло словно по заранее предусмотренному сценарию.

Вспоминается басня И. А. Крылова «Крестьянин и змея». Змея приползает к крестьянину: давай, мол, дружить. Я полиняла, сменила кожу и теперь уже мы будем «не разлей вода». А крестьянин ей:

Хоть ты, сестра, и в новой коже,
Но сердце у тебя все то же…

Кто «заказывал у нас музыку» в былые десятилетия, тот и сегодня заказывает ее. Правящий слой остался прежний. Сменились только вывески и отдельные люди на самом верху, но их власть слаба.

Однако, так на самом деле, а, почитай газеты наших оппозиционеров — тех же партократов, но опоздавших к первому дележу, и, оказывается, мы оккупированы. А посему единственное, что нас спасет, это диктатура, на сей раз, правда, не большевистская, как прежде, а опирающаяся на так называемый «национальный капитал». Сталина опять объявляют Богом, но, мало-по-малу, у нас начинают обожествлять и Гитлера.

Почему? Что не учли, не поняли «прорабы перестройки?»

1. Громадную роль зависти как социально-политического феномена. Многим людям, естественно, режут глаза все углубляющиеся социальные контрасты. Обогащение одних при обнищании других. Путь к обогащению — не трудолюбие, не талант, не знания, во всяком случае, на первых стадиях накопления капитала, а алчность и стяжательство — два порока, которые нас в течение семидесяти трех лет учили считать гнуснейшими. Это отношение к барышникам нам внушали «слуги народа» с двойной моралью: вчера «идейные» коммунисты-теневики, сегодня — миллионеры в оппозиции и завтра — диктаторы!

2. Из всех свобод человек, выросший в нашем обществе, пожалуй, больше всего ценит свободу от ответственности за собственную судьбу и судьбу своих близких. «Пусть начальство думает». Мы не любим принимать судьбоносные решения, нам ненавистен риск не в игре, а в суровой и повседневной борьбе за выживание.

Иной раз, даже в казарме или тюрьме наш человек ощущает себя более свободным, чем на воле, где приходится заниматься таким отвратным делом как забота о хлебе насущном! Целых семьдесят три года о нас заботились, за нас решали и думали. Этот срок более чем достаточен для того, чтобы человек, лишившийся опеки тоталитарного государства, ощущал себя «голым среди волков».

Хотим назад, в стойло! Тут уже, по-видимому, уместна и этологическая параллель. Многие люди, продержав какое-то время птицу в клетке, выпускают ее затем на волю и радуются за нее. Ах, какая губительная ошибка! Эта птица, скорее всего, обречена. Она обычно погибает гораздо раньше, чем снова обучается отыскивать пищу и спасаться от хищников. В точно таком же положении оказались ныне и мы. Это ужасно, отвратительно, но факт, с которым необходимо считаться. Никакие демократические свободы нам, конечно, не смогут заменить то блаженное состояние беззаботности, которого мы лишились.

В древности считали выгодным освобождать старых и больных рабов. Рабы, побыв какое-то время на свободе, молили хозяев: «возьмите нас обратно!» Когда у нас отменили крепостное право, это тоже обернулось трагедией для многих крестьян.

Порвалась цепь великая
Порвалась и ударила

Одним концом-по барину,
Другим — по мужику…

Все мы помним наизусть эти некрасовские строчки еще со школьных лет, но, что когда-нибудь подобное стрясется и с нами самими, нам, конечно, и в голову не приходило!

3. В застойные годы все мы, простые смертные, привыкли не слишком-то лезть из кожи вон в рабочее время, но, тем не менее, вполне регулярно получали, хоть маленькую, но достаточную для прокормления зарплату. Мы делали вид, что работаем, а государство делало вид, что нам платит. И, по сути дела, это была, пожалуй, даже и не зарплата, а почти пожизненная пенсия, нечто совершенно немыслимое при капитализме.

Простите нас, если вы лично составляете исключение, глубокоуважаемый читатель, но, согласитесь: свобода от необходимости прилежно трудиться — это ведь тоже «свобода», да еще какая! Миллионы людей не только у нас, но и на «диком Западе» охотно бы променяли на одну эту «свободу» все остальные, так называемые демократические свободы, вместе взятые, да и на западный высокий уровень жизни впридачу. Зачем человеку бытовой комфорт, если усталость мешает им наслаждаться? Так чувствует и рассуждает сейчас, по крайней мере, каждый третий из наших соотечественников — мужчин, которым при «застое» не приходилось, в отличие от женщин, выстаивать в очередях! Добавьте еще сюда неведомый нам прежде страх безработицы.

Итак, значительная часть наших небогатых соотечественников мечтает о сталинском режиме.

Но хочет ли туда возвратиться наша всесильная криминократия? Нет, ей мил тот порядок, который бы позволил новой «национальной» буржуазии обогащаться любыми способами, не рискуя при этом угодить за решетку или схлопотать зуботычину от взбунтовавшегося пролетария. Иными словами, всякие там демократические свободы криминократии тоже абсолютно не нужны. На черта ей свобода слова, собраний и забастовок?! Напротив, желательна полная тишина «внизу». Но — при экономической свободе и вполне прозрачных госграницах. Нужен очень мощный карательный аппарат, уничтожающий всех, кто требует социальной справедливости и может внушить опасные вольнодумные мысли «простонародью». Весьма нежелательно присутствие в стране интеллигентных людей с их постоянными претензиями на власть и стремлением к свободомыслию. Весьма милы сердцу мракобесие и невежество народных масс. Ведь словами повара Смурого из горьковского «В людях»:

Темный человек — что бык.
Его хоть в ярмо, хоть на мясо,
он только хвостом мотает.

Как называется режим, соответствующий таким мечтам криминократов? Это мы проходили еще в средней школе. Он называется ФАШИЗМОМ.

Для чего криминократам этническая вражда, которую они везде, где могут, стараются разжечь, посеять? Во-первых, чтобы сцементировать и держать в постоянном страхе общество. «Образ врага» необходим. Как иначе оправдать трудности грядущего очередного «переходного периода» и террор? Во-вторых, криминократы хотят защитить себя от чужеэтнической конкуренции. Им вполне хватит единокровных и зарубежных конкурентов, но потребуется, наверное, и холодная война. Для этого может пригодиться лозунг панславизма. Ведь обычная мания фашистов: империя, мировое господство.

Оправдает ли наша, не дай Бог, грядущая фашистская диктатура надежды и чаяния масс простых людей? Смотря в чем. Свободу от необходимости думать собственными мозгами им, конечно, обеспечат. Но фашизм сулит самые крайние формы эксплуатации трудящихся, немыслимые в условиях как «развитого социализма», так и уж, тем более, капиталистической демократии с ее профсоюзным движением. Для криминократов рабочий или крестьянин — скотина, живое орудие личного обогащения и не более того.

Ох, если бы это своевременно поняли наши массы! Но ведь, пожалуй, не поймут, пока не позволят одеть на себя ярмо. Недавно довелось слышать разговор: Что такое национал-коммунизм? Это высшая стадия национал-социализма.

Очень характерны в этом отношении события в Китае. Там компартия полностью сохраняет свои командные позиции, но официально объявленный новый курс: переход к так называемому «социалистическому рынку». Фактически речь идет о реставрации капитализма, но при постепенном превращении самих партократов в класс миллионеров-предпринимателей. Тщательно оберегаются от критики прошлые периоды коммунистической диктатуры, стоят на своих пьедесталах бронзовые Мао. К ним добавляются все новые памятники «Великому кормчему китайского пролетариата».

Однако, это — только внешние формы. Внутренняя сущность строя качественно изменилась. В настоящее время КНР далеко обогнала нас на пути экономических реформ, направленных на превращение страны в капиталистическое индустриальное государство. Экономика на подъеме, жизненный уровень населения растет, но гражданскими свободами и не пахнет, а коммунисты как были, так и остаются правящим классом. Нет ни малейших сомнений в том, что наши коммунисты мечтали о точно таком же плавном переходе, но при сохранении их командных позиций. Бестолковость и непоследовательность помешала им осуществить этот план. К тому же партократам на местах захотелось, избавившись от опеки центра, лично насладиться полнотой власти, рукопожатиями американского президента и салютом наций, что способствовало распаду страны. Теперь они винят во всем несуществующих масонов и собираются с силами.

Некоторые читатели возразят: «как же в таком случае понять разброд в рядах наших ‚бывших‘? Одни из них за "демократов", другие — за "социализм", третьи — за "порядок, империю и национальных предпринимателей?" — Люди — не роботы. Существуют общие тенденции. Далеко не все партократы путались с "теневой экономикой" и злоупотребляли своим служебным положением. Огульные обвинения всех представителей этой социальной группы так же преступны, как и любые другие огульные обвинения. Каждая личность живет и действует сама по себе. В заключение подчеркнем еще один аспект нашей социальной психологии.

В прошлом веке наука породила веру в возможность реорганизации общества на каких-то рациональных началах. Рабовладельческий строй, феодализм и капитализм, никто не изобретал. Эти три общественные формации — продукт естественного развития общества. Другое дело — социализм. Его в теперешнем самообреченном виде задумали и попытались осуществить на практике марксисты-ленинцы. Грубых логических ошибок в их теоретических построениях, вроде бы, и не было. Однако, были, как теперь мы видим, гигантские просчеты — неизбежный результат неполного, несовершенного знания. "Все решили на бумаге, но забыли пр овраги".

Губительный путь теоретизирования, основанного на, вроде бы, очевидных, но фактически абсурдных предпосылках, мы позволим себе проиллюстрировать следующей притчей.

В неком царстве группа экологов, отколовшихся от движения "зеленых", выдвинула новую социально-политическую программу. Вот она вкратце.

> Производителями кислорода и органического вещества на нашей планете являются зеленые организмы — растения. Значит, и политическая власть должна принадлежать растениям. Даешь диктатуру растений!

Возражавших, что, дескать, растения ничем не могут сами управлять, эти теоретики закидали цитатами из произведений поэтов: Некрасова ("Идет, грядет зеленый шум…"), Н. Гумилева ("Я знаю, что деревьям, а не нам дано величие совершенной жизни. На ласковой земле-сестре звездам мы — на чужбине, а они в отчизне…") и даже В. Шекспира ("Когда Бирнамский лес пойдет на Донбиган…").

Общая идея словесного потока сводилась к тому, что, если культуру растений поднять

до должного уровня, не составит проблемы вывести из зеленой массы необходимые управляющие кадры и постепенно заменить ими людей. Нужны агитация, пропаганда…

В качестве доказательства назывались многочисленные труды по физиологии, биохимии и генетике растений, — однозначные свидетельства того что без реакций фотосинтеза и ответственного за нее растительного пигмента-хлорофилла немыслима жизнь на земле. Логика этих доказательств многим, далеким от экологии людям начала казаться неопровержимой.

Правда, и оппоненты не унимались: «Как же Вы говорите от имени растений, если сами не принадлежите к их числу?» — На такие инсинуации идеологи новой партии «Продуктовиков» (так себя они назвали потому, что экологи относят растения к «продуцентам» — создателям органического вещества, а животных считают «консумментами» — т. е. «потребителями») — отвечали совершенно ясно и недвусмысленно: «Мы — растения».

Вождь и главный идеолог «продуктовиков» выбрал себе по этому поводу партийный псевдоним: «Зеленин». Зеленин, между прочим, уверял, что его мать — липа, а отец — дуб! И в это многие поверили!

Никто так ожесточенно не нападал на «продуктовиков» как их бывшие единомышленники _ «зеленые». Продуктовики, не оставаясь в долгу, с издевкой называли «Зеленых» «Друзьями природы». Зеленин написал о них разгромную статьию «Кто такие «Друзья природы» и как они воюют против «Продуктовиков?». Число приверженцев партии «Продуктовиков» неукоснительно расло. И неудивительно. Ведь они всем все обещали. Всем, кроме проклятых «консумментов», чье иго собирались збросить при первом удобном случае.

Люди, по простоте душевной, не очень-то задумывались о том, кто, собственно, такие, «консумменты» и как будет сбрасываться их «иго». Одно все признавали. Программа продуктовиков, не в пример другим партийным программам, имеет глубоко продуманную научную основу! И зеленое знамя «Продуктовиков» с их партийным символом-структурной формулой молекулы хлорофилла, очень многим импонировало. Красиво! Тысячи людей с громадным удовольствием пели хором гимн этой партии, выходя на демонстрации и митинги:

Здравствуй, красивый,
Здравствуй, счастливый,
Здравствуй, веселый,
Зеленый наш дом!
Песни во славу
Зеленого друга
Мы совмещаем
С упорным трудом!» Слава! Слава!!

(Когда-то это был гимн юннатов).

Короче говоря, случай представился. В царстве совершилась революция. В стране пришло к власти недееспособное Временное правительство. Жизненный уровень, как всегда бывает при революциях, резко понизился. Деньги стали использовать для обклейки стен вместо обоев, а взбунтовавшиеся солдаты столичного гарнизона при поддержке отряда зеленогвардейцев свергли «Временных».

Новое правительство возглавил Зеленин. Начались реформы. Перво-наперво, страшные репрессии обрушились на вегетарианцев и «Зеленых». В анкетах всем пришлось писать: «Были ли у Вас родственники-вегетерианцы?» Самих вегетерианцев пустили в расход, а их родичей спровадили в лагеря.

Затем принялись улучшать положение растений. Было запрещено жать хлеб, косить сено, пасти скот, который вообще за его травоядность собрались, было, извести под корень. Но тут «из-за происков затаившихся "Зеленых", "Вегетерианцев", а также иностранных

агентов» в стране началась ужасная голодуха.

Повсюду вспыхнули голодные бунты. Тогда Зеленин решил ввести «Новую экономическую политику». По сути, она состояла в том, чтобы все уцелевшее оставить до лучших времен таким, каким оно было до революции.

Однако, Зеленин скончался, а новые вожди вскоре снова начали куролесить. И все, пожалуй, могло кончиться полным вымиранием, если бы законы «Продуктовиков», действительно, соблюдались.

Людей сажали и пускали в расход пачками, но, все равно, творились дивные дела. Так, во всем государстве было строго запрещено есть салат и другую зеленую пищу. Однако, министры нового правительства, заходя в ресторан, подмигивали официанту: «Нам, пожалуйста, рагу из зайца и жареного оленя«. После этого им приносили из задней комнаты в мелкой тарелке что-то ярко зеленое, прикрытое бумажной салфеткой.

Лиха беда начало. Вскоре начались такие перемены, что оставалось только пожимать плечами и чесать затылок. Например, одним из первых своих декретов «продуктовики» под страхом расстрела запретили рубить лес. И вот именно при них страна вышла на первое место в мире по экспорту древесины. Правительство, назвавшее себя «органом диктатуры растений», создало «большую химию», смертоносную для растительных организмов. С помощью дефолиантов оно принялось уничтожать растительный покров на громадных территориях, где построило бесчисленные военные заводы.

Это строительство, как уверяли продуктовики, необходимо для того, чтобы защитить «Государство победившего фотосинтеза» от возможной агрессии «врагов растений — консумментов». В газетах непрерывно публиковались коллективные письма то осин, то рябин, то папоротников. В этих письмах растения выражали свою безграничную благодарность «нашему родному и любимому правительству за отеческую заботу о фотосинтезе».

В одной газетной передовице сообщалось, что при новом государственном строе осины перестали дрожать. В другой писали, что папоротник от радости зацвел.

В конце концов, вождям партии продуктовиков чертовски надоело называть себя растениями, щеголять по этому поводу в зеленых френчах и все время твердить, что они выражают интересы «зеленой массы». Они переименовали себя в «Партии хозяев» и принялись открыто делать то, что раньше творили исподтишка.

Памятники Зеленину было велено снести. «Во всем плохом, — поклялись бывшие продуктовики, — что творилось в нашем государстве от начала нашего правления и по сей день, виноваты не мы, а вегетарианцы и иностранные шпионы. Сам Зеленин, как "выяснилось" вдруг был одним из таких шпионов, а также и вегетарианцем со стороны бабушки».

Уже дописав эту притчу, мы сообразили, что она — литературный плагиат. Ведь очень похожие события происходили на «Скотской ферме» Дж. Оруэлла.

9.8. Веймарская Россия?

После поражения Германии в первой мировой войне там возникла Веймарская республика — обнищавшее и слабое государство, раздираемое политическими распрями и насквозь пронизанное коррупцией. В этом государстве резко обострилось социальное неравенство, свирепствовали инфляция, безработица, а средний уровень жизни был, пожалуй, не выше, чем ныне в нашей стране. Миллионы людей искали отдохновения от уродств повседневного быта в сексе, мистике и, разумеется, в политике. Голодные толпы, затаив дыхание, внимали речам разного рода пророков и народный витий. То и дело на городских площадях собирались многотысячные митинги. Люди орали, вопили, размахивали транспарантами и флагами, а мимо них в шикарных автомобилях проносились самодовольные хозяева новой жизни — быстро разбогатевшие выскочки, продажные политиканы, иностранцы, пользующиеся громадным преимуществом доллара и других

западных валют перед немецкой маркой. С утра до вечера дорожал даже трамвайный билет. В продовольственных магазинах не помещались очереди за хлебом, мясом, молоком. Резко возросла смертность, в особенности детская. Жесток был тот мир. Невероятно усилились хулиганство и преступность, пьянство и наркомания.

Чего доброго читатель удивится:- Полноте, уж не о теперешней ли России речь?

Нет, ей-Богу же, о тогдашней Германии. Страна проиграла тяжелую многолетнюю войну, к которой готовилась многие десятки лет. Победители заставили новое немецкое правительство подписать грабительский Версальский мир. Выплачивались репарации. Некоторые промышленные области были оккупированы французами. Колонии были потеряны.

Через несколько месяцев после капитуляции Германии один безвестный капрал, чуть не потерявший зрение от горчичного газа, кавалер двух железных крестов писал: Итак, все напрасно. Впустую жертвы и лишения, голод и жажда; бесконечные часы, когда мы, подавив трепет сердца, выполняли наши обязанности; напрасной оказалась и смерть двух миллионов… Во имя чего… А что сказать о тех, кто был там, в тылу? Ничтожные выродки и преступники… В те ночи ненависть душила меня, ненависть ко всем, кто ответственен за происшедшее. Вскоре я понял свое предназначение в мире.

Капрала звали Адольф Гитлер.

Сколько наших соотечественников испытывают в данный момент те же чувства? Правда, напрасных жертв у нас намного больше. И срок испытаний куда длиннее — семьдесят лет. Громадная волна возмущения поднимается в душах и ищет выхода. Кто виноват? Где те «ничтожные выродки и преступники», которые свершив это, остались безнаказанными и благоденствуют? Как найти их и покарать? Таковы, несомненно, настроения миллионов, но пока их все-таки меньшинство. И у них нет талантливого, волевого вождя гитлеровского типа. А если появится? Что в таком случае ждет Россию?

В нашей стране уже создана и легально существует нацистская партия со своими периодическими изданиями, украшенными свастикой. У этой партии, как и у немецких наци в конце двадцатых-начале тридцатых годов, имеются свои штурмовые отряды во многих городах. У штурмовиков черная униформа — копия гитлеровской. Они проводят занятия по боевой подготовке и хорошо вооружены. Массовым тиражом издаются труды Гитлера и других «классиков национал-социализма».

В ряде домов столичной интеллигенции все больше входит в моду хвалить Адольфа Гитлера. — Он, говорят, поднял на небывалую высоту свой народ и боролся за интересы всех арийских наций Европы, включая славян. Возражать бесполезно, если тридцать миллионов соотечественников и десять миллионов немцев, погибших в годы второй мировой — не аргумент. В нацистской прессе открыто восхваляются лагеря смерти и газовые камеры.

Историк-эмигрант В. Пруссаков — пожалуй первый отечественный автор, попытавшийся беспристрастно (если не с сочувствием) осветить идеологию немецких нацистов. (В. Пруссаков. «Оккультный мессия и его рейх» М. Молодая гвардия. 1992) пишет:.

Вряд ли кто-нибудь будет отрицать тот факт, что нацистская партия без особого труда нашла путь к умам и сердцам очень многих немцев. Чувство ненависти, затаившееся в их подсознании искало выхода наружу, и Гитлер вполне умело направил его по вполне определенному пути. Будучи прирожденным психологом, он отлично понимал, что ненависть — лучший цемент для объединения и сплочения масс. Люди склонны более четко определять неприятное им, вызывающее злобу и раздражение, чем то, что нравится, что настраивает на положительные эмоции…

А нацисты вне всякого сомнения могли точно сформулировать то, что ненавидят. Они упорно отказывались смириться с военным поражением Германии в первой мировой войне и утверждали, что в падении империи повинны евреи, нанесшие удар в спину. Они ненавидели веймарский договор… Веймарскую республику…. скуку гражданской жизни… интеллектуализм и материализм коммунистов. Но больше всего они ненавидели евреев,

считая, что те виноваты во всех несчастьях, обрушившихся на Германию. Как случалось и раньше со многими народами, оказавшимися в тяжелых условиях, немцы мечтали о чудесном избавлении, ждали спасителя…

С помощью магии разговорного слова, которой он владел в совершенстве, Гитлер сумел выразить чувство ненависти, переполнявшее сердца его соотечественников. Он сумел выразить их затаенные желания и надежды. Фюрер отлично знал, кому и что следует обещать…

По его собственным словам, он явился в мир, чтобы освободить арийцев от «грязной и дегенеративной химеры, называемой совестью и моралью; от нелепых требований свободы и личной независимости, переносить которые могут лишь считанные единицы.

Судя по популярности Гитлера, немецкий народ, издерганный экономическими неурядицами и "разгулом демократии" в Веймарской республике, с чувством громадного облегчения и восторга воспринял приход новой цивилизации, избавляющей простого человека от неприятного чувства ответственности за собственную судьбу. Люди, еще вчера погруженные в мелкие личные заботы, сегодня ощущали себя участниками великих дел и свершений».

Житейские неудачи не только побуждают человека к поиску врагов, но и усиливают в нем мистическое чувство (смотри 8.1). Нацисты, в отличие от большевиков, очень умело играли именно на этом чувстве. Они внушали немецкому народу, что Гитлер мессия, ниспослан свыше и одарен сверхчеловеческой интуицией. Они вбивали в головы своим соотечественникам, что расовому врагу германской нации приспешничают духи тьмы, страшные демонические силы. На вооружение были взяты оккультные науки: черная и белая магия, астрология. При гитлеровской верхушке подвизались экстрасенсы, ясновидцы и колдуны.

Коричневая пропаганда вполне целенаправленно стремилась воздействовать на подсознательные сферы человеческой психики. С успехом будили свойственный человеку инстинкт следования за марширующей толпой, врожденное чувство этнической вражды, заложенное в генной памяти людей (смотри 9.1) отвращение к темноте, подполью, крысам, паукам и змеям, завораживающее действие на толпу маршевой музыки и огня — костров, факелов.

Был снят и непрерывно демонстрировался фильм «Крысы». В нем кадры, изображающие этих мерзких человеку тварей, умело перемежались с показом внешне отталкивающих представителей «низших рас», специально подобранных для этой цели в лагерях смерти. Широко использовали мультипликацию и комбинированную съемку. Немцев уверяли, что их национальный враг — вовсе не люди, а существа какого-то иного биологического вида, гораздо дальше отстоящие от человека в психологическом отношении, чем обезьяна, лошадь или собака.

В то же время всей немецкой нации старались привить комплекс «осажденной крепости». На каждом шагу висел плакат: «Тсс! Враг подслушивает!» Внушалось и ощущение безнаказанности. Дескать, убивайте, убивайте как можно больше — фюрер берет всю полноту ответственности на себя!

Вот они причины, почему гитлеровцы с таким надменным хладнокровием истребляли миллионы ни в чем не повинных мирных людей и в том числе детей. Палачам ведь мнилось, что их жертвы и не люди вовсе, а вредная нечисть вроде крыс или тараканов.

Вместе с тем, у солдат воспитывали языческий культ героической смерти на поле боя.

Какие перспективы ожидали покоренные народы в случае победы гитлеризма? Для славян, которых не намеревались поголовно истребить, — самый примитивный жизненный стандарт, статут государственных крепостных и обучение в объеме только начальной школы. Гитлер рекомендовал транслировать им на рабочие места «веселую музыку, ибо она помогает работе».

Причины озверения значительной части немецкого народа в Третьем рейхе — психологическая проблема, очень актуальная везде, где будущее неопределенно, то есть…

повсеместно в нынешнее время.

Наш век — ядерный. Мы, в отличие от Германии тридцатых годов, исчерпали значительную часть природных ресурсов и стоим на пороге экологической катастрофы. Страна наша испокон веков — полиэтническая. Уже по одним этим причинам воцарение нацистов у нас повлечет за собой, неизбежно, не только террор и геноцид, но и войну, сперва — гражданскую, а затем — и мировую в крайне невыгодных нам исходных условиях. Конечным результатом может стать только полный разгром.

Гитлер оставил завещание, в котором не только призвал европейские народы блюсти расовую чистоту, но и дал исторический прогноз, на грядущие десятилетия. Подъем национально-освободительного движения, холодная война Востока с Западом — это уже сбылось. Еще предрекалось, что если Россия под влиянием обстоятельств отречется от марксизма, то только лишь для того, чтобы в ней возобладал «панславизм в самом свирепом и ненасытном виде».

Неужели, сбудется?

Одному из авторов этой книги недавно довелось побывать в Кельне. Там он заметил на книжной полке семнадцатилетней дочери профессора Кельнского университета множество книг о нацистских зверствах и ужасах Второй мировой войны.

— Зачем вы, такая юная, читаете о страшных вещах? Что вам это дает?

— Мой дед был дважды ранен на Восточном фронте, многие родственники погибли от бомбежек. Наш национальный долг — помнить, чтобы не повторить ошибки старшего поколения.

Нашу молодежь, как и восточно-немецкую, воспитывали иначе. Она не помнит ничего…

На этой фразе можно бы и кончить разговор о нацизме, но не позволяет тема книги. Что представляет собой нацизм с этологической точки зрения?

На наш взгляд, жестко-иерархическое общество, в котором раскрепощена агрессия в одной, вполне определенной форме этнической вражды. Этническая вражда стабилизирует такое тоталитарное общество до тех пор, пока окончательно не уничтожен ее объект. Если бы нацистам удалось достигнуть своей цели: добиться мирового господства, оно бы рано или поздно утратило стабильность, так как цементирующим фактором была ненависть к общему врагу. Как и у нас после смерти Сталина, неизбежно начался бы процесс деидеологизации и распада.

Скорее всего, первым толчками послужило бы развенчание культа личности Гитлера вскоре после его смерти новым, по всей вероятности, коллективным (см. 10.2.) руководством. Далее последовал бы столь хорошо знакомый нам период гниения, застоя и коррупции. Гитлеровская империя, созданная ценой громадных жертв, вскоре развалилась бы на дерущиеся между собой куски. Пангерманский нацизм сменили бы региональные шовинизмы баварцев, пруссаков, саксонцев и так далее или же еще вдруг возобладал бы воскресший большевизм.

Почему именно он? Да потому, что «свято место пусто не бывает»: в условиях экономического кризиса на смену одной агрессивной идеологии обычно приходит другая, также воинствующая, но еще не успевшая себя осрамить.

В любом обществе всегда есть какой-то процент сверхагрессивных параноидальных маргиналов. Им органически необходим предлог для коллективной агрессии, общий враг. В обществе расовой ненависти, очистившемся от «низших рас», таким предлогом вполне могла бы стать классовая борьба.

Таким образом, немецкий народ, чего доброго, угодил бы «из огня да в полымя». Именно такая опасность грозит сейчас нам. Причем вполне понятно, почему, на сей раз, сердца многих воспламеняют уже не идеи Маркса-Ленина-Сталина, а расовое учение Гитлера.

9.9. Не кричи: «Волки!»

Уважаемый читатель! Этот текст, чистая публицистика уже почти без этологии. Он был написан весной 1993, когда газеты каждый день стращали грядущим военно-фашистским переворотом и авторы, что уж греха таить, заразились паническими настроениями.

Ныне, в начале 1994 года, после трагических событий у Белого дома и провала демократов на декабрьских выборах в Государственную думу, картина стала еще более неутешительной, но страху, как ни странно, поубавилось: так уж устроен человек. Ко всему мы привыкаем, кроме перемен. Опасность в этом отношении не составляет исключения. В результате, возникло сомнение: не стоит ли выкинуть сей параграф из книги? Посомневавшись, мы решили все-таки его оставить. Ведь совершенно не ясно, что ожидает нашу страну и весь мир в ближайшие годы, учитывая развивающийся повсюду и свирепствующий у нас экономический и духовный кризис.

Итак, пожалуй ни одна перемена настроений масс в годы революций не поражает так как эта. Чисто ребяческий восторг и стремление собираться громадными толпами по любому поводу через несколько месяцев или лет сменяют поразительное равнодушие к общественной жизни, полная апатия.

В 1814 году союзников, вступивших в Париж, поразила такая апатия французов. Людям, перебесившимся в годы революции, а затем отученным от собственной инициативы в годы железной наполеоновской диктатуры, было все равно, кто ими правит. Возмущался наш поэт и партизан Денис Давыдов. Зло иронизировал Байрон: У них теперь войдет в традицию сдавать город, будут это делать ежегодно… Лермонтов позже писал об отношении французов к Наполеону:

> Как рабы ему вы изменили,
> Как женщина вы предали его…

Перед окончательным разгромом гитлеровской Германии победителей точно так же удивляло поведение мирного немецкого населения. Все всячески изъявляли покорность, вывешивали на окнах белые флаги, каждый думал только о личном спасении, женщины безропотно отдавались иностранным оккупантам. Ни о каких партизанах и речи не было. И это «белокурые бестии»? И это «раса господ»?

Похоже, удивляться не следовало. Проявилась общая закономерность. Вполне можно себе представить и такой ход событий.

В столице переворот. К власти пришли тираны-заговорщики, готовые вешать людей тысячами на балконных перилах собственных квартир, сотни и сотни тысяч вот-вот безропотно побредут в ГУЛАГи или к ближайшим рвам. На столичных площадях установлены виселицы… А народ в провинции или на столичных окраинах еще живет при прежней власти. И ему абсолютно все равно. Пусть все эти ужасные сцены показывает телевизор. Пускай с его экрана еще звучат отчаянные призывы к населению: «Очнитесь, вспомните, что вы — люди, гибнет Родина!» Папаша — отец семейства с двумя великовозрастными сынками кривится на экран: «Как, еще не надоело? Гибнет? Ну, и … с ней». А ведь еще несколько месяцев (лет?) назад этих троих мужчин было не узнать! Вскипали революционным энтузиазмом из-за совершеннейших пустяков! Носились как угорелые с митинга на митинг, надрывались: «свобода!» Куда все это делось? Устали, надоело, ушло в песок.

К сожалению, революционная толпа подобна разбрыкавшемуся коню. Узду сняли — конь с непривычки какое-то время пребывает в состоянии повышенной возбудимости, а потом безропотно дает себя опять взнуздать.

Жалкая кучка людей, еще сохранивших способность жить не только своими личными интересами, тщетно взывают к массам. Бессмысленны человеческие слова. Ни на кого не действуют реальные, трезвые предупреждения. Телезрители выключают «политику», зевают от нее, переключаются на развлекательные программы. А еще не поздно спасти страну.

Массовые протесты, забастовки еще могут предотвратить катастрофу. Армия под их впечатлением еще может перейти на сторону народа. Проходит несколько суток и поздно.

Тирания и мракобесие воцаряются окончательно и бесповоротно, страна упустила свой последний и единственный шанс встать с колен. Впереди миллионы мученических смертей, уничтожение всех основ нормальной человеческой жизни и национальной культуры, пропаганда, ведущая к одичанию, и, наконец, все то, чем обычно кончает фашизм: бойня, длительная и бессмысленная. Война с соседями, типа идущей сейчас в Югославии. Межэтнические войны и геноцид, наконец, тотальная война и полный, ужасающий разгром. Гибель нации.

О ком этот реквием? Конечно же, о нас. Вот оно то, что ожидает нас, если мы будем небдительны и пассивны. Снова повторится национальная катастрофа, однажды уже разразившаяся и предсказанная, как водится у нас на Руси, поэтами, в том числе Максимилианом Волошиным:

…Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посады и хлеба,
Разорила древнее жилище
И пошла поруганной и нищей,
И рабой последнего раба… («Святая Русь»)
Разве я плачу о тех, кто умер?
Плачу о тех, кому долго жить… («Бойня»)

Ощущение усталости и безразличия масс ясно отразилось в стихах Раисы Идельсон (1894–1972), написанных в Петрограде всего через несколько дней после Октябрьской революции.

В дни жуткие осенних похорон
В полях туман крадется из оврагов,
А в небе, как обрывки черных флагов,
Кружатся стаи вещие ворон.
К нам смерти весть спешит
Со всех сторон
Ее косы бесшумной вижу взлеты
В сырых, тоской изъеденных ночах,
В людских чертах, погашенных заботой
И в опадающих листах,
Покрытых ржавой позолотой.
И знаю я, что больше нет весне
В истлевший мир возврата.
Все то, что пело и цвело когда-то,
НАВЕК застынет в непробудном сне.
Нам о последней не забыть весне.
В огне знамен, своих сестер победней,
Для нас она была последней
Так флаги черные вещают в вышине.

Как все повторяется! Точно такое же давящее ощущение безысходности испытывают многие люди ныне, зимой 1993–1994 года.

Что такое деполитизация масс вскоре после революции? Результат привыкания к повторяющимся без всякого толка взрывам политических страстей. Как в притче про пастушка, кричавшего: «Волки!». Несколько раз люди прибежали на помощь зря: слух о волках был ложный. В конце концов, волки появляются именно тогда, когда уже все перестали верить в их существование.

И, главное, не разбогатев сразу же после революции, а, наоборот, ощутив ухудшение

своей жизни, люди уже не боятся волков. Никто не может взять в толк, что лучше уж терпеть мерзость экономической разрухи и всеобщей коррупции, чем допустить к власти тиранов типа Гитлера, Иди Амина или Полпота. Все перестают верить в реальность существования рвущихся к власти извергов и убийц.

Глава 10. Человек и государство

10.1. О происхождении экономических отношений и государства

(по В.Р. Дольнику)

Во второй из своих только что опубликованных статей В. Р. Дольник пишет: Обращаясь к нашему вероятному генетическому багажу, мы убеждаемся, что в нем есть наследство, доставшееся нам от прямоходящих стадных обезьян африканской саванны. Что эти программы поведения срабатывают, задавая определенную направленность некоторым сторонам нашего поведения ограничивая возможности свободного выбора. Что слепое или полуслепое следование им приводит к тому, что человек легко реанимирует автократические или геронтократические (олигархия) иерархии, вплоть до весьма обширных, в которых большинство может не знать друг друга в лицо. И что эти структуры легко милитаризируются и ищут повода для вооруженных конфликтов (кому мало уроков прошлого, посмотрите, как распадаются социалистические страны). Понимать это далеко не бесполезно не только для того, чтобы лучше понять историю, современниками и участниками которой мы стали. Главное — это урок на будущее. Осведомленный человек не станет надеяться на спасительность стихийного прихода к власти сильной личности. Он заранее знает, какой «порядок» эта личность наведет. Не может он надеяться и на то, что, авось, все само собой образуется. Ведь он знает, что образуется худший сценарий. Наконец, он не увлечется призывами ни нацистов, ни религиозных фундаменталистов, ни анархистов, ни коммунистов. Ибо первые и вторые откровенно исповедуют жесткую иерархию, построенную на соответствующих инстинктах, а третьи и четвертые неизбежно отдают общество в полную власть тех самых биологических инстинктов, существование которых они столь яро отрицают в теории.

Наше общество, как нас тому учили еще в средней школе, плод длительного самопроизвольного развития производительных сил (орудия и средства производства) и производственных отношений. Каково же происхождение именно этих отношений? Когда и почему они возникли в эволюции нашего вида?

У животных, по В. Р. Дольнику, наблюдаются следующие шесть способов присвоения чужого добра.

1. Грабеж — простейший и самый распространенный способ. Сильный отбирает у слабого, в том числе у собрата по виду.

2. «Добровольные» приношения индивидам, стоящим выше на иерархической лестнице. Эти приношения доминанту от низших особей часто наблюдаются, например, в стаде павианов. Дарят раньше, чем у доминанта появляется намерение отобрать силой, чтобы избежать наказания. Таким образом, это аналог дани или налога.

3. Попрошайничество такое же распространенное явление как и грабеж. Домашние кошки и собаки постоянно демонстрируют эту форму поведения, равно как и многие животные в зоопарке. В природе попрошайничать умеет громадное большинство высших животных: млекопитающих и птиц. Детеныши с помощью особых поз и голосовых сигналов выпрашивают у родителей, а низшие по рангу особи, пользуясь обычно подобными же позами и звуками, клянчат у высших по рангу.

4. Самое настоящее, подобное нашему человеческому, воровство. Низший по рангу

крадет у зазевавшегося высшего, стараясь действовать скрытно и быстро. Поймают — достанется на орехи, но не пойман, не вор.

5. Обмен, описанный, например, у врановых птиц и обезьян. К сожалению, уже у животных в ходу при этом унаследованный нами принцип: не обманешь, не продашь. Существует, как ни странно, целый ряд инстинктивных программ обжуливания. Например, один из партнеров предлагает нечто для обмена, извлекши из-за щеки, но в самый последний момент хватает свое заодно с чужим и пускается наутек.

6. Захват самого источника благ, например, плодового дерева или кормушки по праву доминанта и далее их распределение как средство подтверждения своей власти в иерархической группе. Доминанты, собирающие дань или завладевшие источником пищи, делятся ее излишками, которые все равно не в состоянии сожрать, со своими самками, детенышами и теми из особей низшего ранга, которые особенно усердно лизоблюдничают и попрошайничают.

На стаде павианов в вольере ставили эксперименты.

Поставили в вольер несколько (по числу особей) хорошо закрывающихся сундуков. Доминант быстро научился гноить в сундуках излишки пищи и, завладев всеми сундуками, перестал делиться ею с прочими обезьянами.

Поместили в вольер пару автоматов: один при многократных нажатиях рычага выбрасывал жетон; из второго, бросив в него такой жетон, можно было получить порцию пищи. Обезьяны быстро обучились обоим операциям и разделились на две группы по типу поведения. Одни тотчас же проедали свою «зарплату». Другие копили жетоны за щекой и очень экономно их тратили. Однако, доминант, не делавший ни того, ни другого, а просто обиравший остальных, вскоре сообразил, что проще отбирать не пищу, а жетоны. Он копил их у себя за щеками в большом количестве, отбирая у экономных обезьян. В результате, те тоже отказались от трудовых сбережений и начали, точно как мы сейчас, немедленно тратить все ими заработанное.

Археологические изыскания последних десятилетий опровергли былые предположения, будто люди уже сотни тысяч лет тому назад использовали для охоты собак и владели огнем. Период так называемых великих загонных охот длился сравнительно недолго в неолите (порядка 15–12 тыс. лет до нас) и далеко не все группы современного человечества через него прошли в своей истории. До того же люди, слепые в темноте, питались, помимо растительной пищи, главным образом, брошенными тушами, которые быстро растаскивали и поедали, конкурируя с шакалами и прочими пожирателями падали, а также опасаясь хищников, которые в любой момент могли вернуться к своей недоеденной добыче.

Так пишет В. Р. Дольник, очевидно, разделяя упомянутую выше гипотезу трупоядного происхождения человека. Нам эта гипотеза кое в чем кажется неубедительной. В частности, кое-какие уже владевшие огнем неолитические культуры северной Евразии, например, так называемая костенковская, оставили явные свидетельства охоты на крупных млекопитающих, мамонтов и других, вымерших более 20–30 тысяч лет назад, что подтверждено радиоуглеродным методом.

Оставив, впрочем, этот спор специалистам, продолжим излагать гипотезу Дольника. Некоторый избыток материальных благ мог, как он считает, впервые появиться только в растениеводческих культурах, когда они впервые возникли на Ближнем Востоке, в Индии и так далее. Тогда-то по-видимому, и начали создаваться первые государства, исходно не рабовладельческие, а весьма своеобразные: государства-дворцы, государства-закрома. Что это было? Громадное, хорошо укрепленное и охраняемое здание с обширными складскими помещениями и иерархически организованными армиями воинов и чиновников, обирающих местное сельское население, одноязычное с владыками или чужеплеменное, завоеванное.

Во главе стояли, по всей вероятности, военные старшины, группа вождей или номинально наследственный правитель-военачальник. Чиновники занимались учетом и распределением дани, большую часть которой просто бессмысленно гноили в закромах, о чем убедительно свидетельствуют находки археологов.

В некоторых государствах подобного типа, существовавших сравнительно недавно, например, на Крите (около 1,7 тысяч лет до нашей эры), уже имелась письменность. Расшифровка показала: все документы касаются дани, поступающей во дворец, где и сколько взято, сколько и кому распределено. Надо полагать, что дающим дань внушалось: мы собираем ее для вашего же блага, как ваши защитники и наставники.

Поразительно, что такого типа иерархические общества, напоминающие стадо павианов с сундуками, а также нашу командно-иерархическую систему, возникли совершенно независимо друг от друга в разные времена и на разных континентах, включая доколумбовы цивилизации Южной Америки. Следовательно, это не случайный исторический тупик, а закономерно появляющийся начальный этап развития государственности, предшествующий многим рабовладельческим деспотиям.

Человеку свойственно организовываться в иерархические пирамиды, которые в процессе стихийного развития всегда и везде проходят через подобный начальный этап. Это один из бесчисленных примеров процесса самоорганизации, наблюдающихся в природе.

Появление ледяных кристаллов на оконном стекле, развитие многоклеточного организма из оплодотворенной яйцеклетки, рождение галактик, звезд и планетных систем, эволюция иерархических структур в человеческом обществе, органическая эволюция и научно-технический прогресс — все это процессы одного порядка для ученых, занимающихся синергетикой — особой, недавно появившейся наукой о закономерностях процессов самоорганизации (самопроизвольного возникновения упорядоченности из хаоса).

Общество развивается по особым вполне объективным законам, о существовании которых люди прошлого не подозревали и не задумывались. Однако Аристотель уже в IV веке до нашей эры высказал глубокую мысль: Человек — животное политическое. Здесь «политическое» от первичного греческого смысла: «полис» — «город, селение». Иными словами, человек — животное градостроящее.

Где бы люди ни жили, к какой бы расе они ни принадлежали, рано или поздно в процессе исторического развития они начинают создавать села и затем города с их неизбежно возникающими иерархическими структурами. Аисты при аналогичном подходе к их социальному поведению — существа «семейные», сурки и бобры — «колониальные», а муравьи — «общественные» и так далее.

Марксисты предприняли первую в истории человечества попытку взглянуть на экономические отношения как на объект не только научного анализа (что неоднократно предпринимали и до них), но и кардинально переделать их в соответствии с разработанной научной теорией. При этом, однако, не учли (и не могли), что социология в прошлом веке едва достигла младенческого уровня. Медицина пребывала на таком лет триста назад, когда существовало только одно быстродействующее средство от любых болезней: кровопускание, а посему исцеление в те века разумнее уж было поручать природе, компенсаторным процессам в самом организме, нежели врачам.

Нет ничего удивительного в том, что вместо задуманного земного рая Ленин со товарищи смог создать «кровопусканием» только некое подобие древнего государства-дворца с нерадивыми, жуликоватыми чиновниками, распределяющими блага и не заинтересованными в качестве своего труда вороватыми государственными крепостными.

Законы самоорганизации изменить нельзя. Разрушив до основания предшествующую социальную систему, большевики тем самым запустили новый процесс социальной эволюции от исходной точки создания «государства-закрома», то есть командно-административной системы. К чему неизбежно приводят дальнейшее стихийное развитие такого государства — анахронизма в XX веке — мы получили сомнительное удовольствие испытать на собственной шкуре. Можно не сомневаться в том, что любые попытки создать «государство разума» (и не обязательно социалистическое) путем разрушения до основания всех предшествующих властных структур и впредь будут неизбежно вызывать возврат к экономическим отношениям типа: «павианы+сундуки». Выходит, законы истмата сыграли очень злую шутку со своими первооткрывателями.

Все получилось у них точно как в рассказе английского писателя Джеймса Джекобса «Обезьянья лапа». К бедным старикам, супружеской паре, пришел на постой солдат. Платить ему было нечем, но вместо денег он отдал им жутковатый сувенир из Индии: сушеную обезьяню лапу — она, мол, волшебная, загадаете три желания, сбудутся. Старикам позарез нужны были сто фунтов стерлингов. Загадали. Вскоре к ним явились из фирмы, в которой работал их единственный сын. Он погиб по вине фирмы и вот — единовременное пособие, как раз сто фунтов! Вторым желанием стало: пусть сын вернется. Третьим — чтобы он как можно скорее исчез окончательно (слишком уж кошмарным был вернувшийся призрак). К сожалению, второе желание стариков очень уж напоминает нынешние мечты части наших сограждан о воскресении товарища Сталина!

10.2. Цикл тирания — олигархия — демократия — снова тирания

(по В.Р. Дольнику)

В истории западной цивилизации громадную роль сыграл исторический пример древнегреческих городов-государств, особенно-древних Афин, где реформаторы Солон (избран архонтом в 594 году до нашей эры) и Клисфен (509–507 годы до нашей эры) ввели в обиход и законодательство новое понятие: гражданин полиса — свободный человек, которого нельзя обратить в рабство за неуплату долгов. Все граждане равны перед законом и наделены равными гражданскими правами, а также обязанностями, за неисполнение которых полагается кара. Часть магистратов (государственных должностей) избираются народным собранием (голосование было открытым). Прочие назначаются жеребьевкой, дабы большинство не во всем диктовало свою волю меньшинству.

Землю отдавали в собственность желающим ее обрабатывать, но наделами, не превышающими возможности одной большой семьи. Их не разрешали дробить. Периодически на народном собрании устраивали «суд черепков» («остраконов»). В большие сосуды граждане бросали черепки с именем человека, подозреваемого во властолюбии (потенциального тирана). Древние греки прекрасно знали: тирана куда легче посадить себе на шею, чем оттуда скинуть. Поэтому ярких и настырных политических деятелей попросту изгоняли из Афин на несколько лет — подвергали остракизму, порой незаслуженно.

В Спарте приблизительно тогда же общественную жизнь реформировал Ликург. Спартанские обычаи и законы после его реформ широко известны: уравниловка в жизни и быту (даже питались вместе, одинаково) и полное подчинение интересов личности интересам государства. Человек — ничто, государство — все! Вся земля разделена на девять тысяч неделимых участков-клеров. На каждом одна семья спартиатов живет за счет труда илотов — государственных рабов. Долг спартиата — непрерывное участие в войнах и военно-спортивных упражнениях, а также государственных делах. Правят номинальные цари (их двое) и совет архонтов (старейшин).

Спарта периода расцвета представляла собой военный лагерь кучки рабовладельцев, постоянно живущих в условиях жестокой казарменной дисциплины и, благодаря тому, управляющихся с превосходящими их по численности и постоянно замышляющими бунт илотами — местным покоренным, иноязычным населением. Торговля, ремесло и искусство считались в Спарте занятиями, недостойными гражданина. Это презрение к производительному труду было свойственно в дальнейшем и римским патрициям.

История вынесла приговор: спартанское общество постепенно расслоилось (подобно нашему социалистическому) и сгнило на корню. Ликурговы законы исчезли вместе с ним. А вот законы Солона, в особенности та их часть, которая касается гражданства, вновь и вновь возрождались в разные века в более или менее преображенном виде. Они явное повлияли на государственное устройство республиканского Рима, законодательство средневековых городов-республик, голландских Генеральных Штатов, швейцарских кантонов и, далее, на

все демократические конституции XVIII–XIX веков, начиная с американской «Декларации прав человека и гражданина».

Еще в древнегреческих городах-республиках, однако, подметили: и демократический строй нестабилен. Рано или поздно находится какой-нибудь демагог или военачальник, которому не мытьем так катаньем удается стать тираном, очень часто пожизненным. Тирания сопряжена с кровавыми репрессиями, держится благодаря террору. Поэтому смерть тирана редко ведет к его замене новым тираном.

Собственные его приближенные на злом опыте усваивают: первое, что делают тираны, — это спешат разделаться со своими былыми соратниками. Поэтому, не доверяя друг другу, наследники тирана устанавливают коллективное руководство (олигархию), причем, преимущественно, бездарных стариков. Ведь тираны не терпят вблизи себя маломальски талантливых и молодых людей.

В результате бесталанности и свар олигархической верхушки ее власть недолговечна. Она рушится, разлагается изнутри, уступая место снова демократии.

В демократическом обществе с помощью зычных глоток, завидущих глаз и загребущих рук к кормушкам, оттирая прочих, прорываются демагоги, честолюбивые стратеги и жулики. Так демократия легко может перерасти в «охлократию» («власть худших»). От охлократии до новой тирании или олигархии — уже один шаг.

Три режима более или менее регулярно сменяют друг друга. В период усиления Афин и созданного ими союза городов тиранов в Греции очень часто свергали внешней интервенцией. Однако этому всячески противодействовала Спарта, тоже создавшая свою коалицию и, в конце концов, победившая Афины в Пелепонесской войне.

Разные варианты государственного устройства в античном обществе обстоятельно рассмотрел Платон в своем фундаментальном труде «Государство». Уже он, свидетель разгрома Афин антидемократической Спартой с ее союзниками, не очень-то жаловал демократию, в особенности ее разгул, но все же еще худшего мнения был о тирании. Наилучшим вариантом он считал стабильное рабовладельческое государство, управляемое потомственной аристократией и магистратами, выдвигаемыми через многоступенчатые выборы.

Аристотелю, наставнику Александра Македонского, довелось жить в чуть более позднюю эпоху заката греческой демократии. Поэтому он очень хорошо рассмотрел именно ее слабые стороны. Она виделась ему переходным тупиковым этапом истории. Идеалом же представлялся мощный просвещенный монарх. Как никак, законы престолонаследия, если они скрупулезно соблюдаются (что бывает не часто), избавляют общество от революционных потрясений и гражданских войн.

В те далекие времена демократическое общество, действительно, не могло быть стабильным в большом рабовладельческом государстве с его профессиональной армией. Это ясно видно на примере республиканского Рима с его насквозь пронизанными коррупцией представительными органами и вечными гражданскими смутами.

В.Р. Дольник подчеркивает, что демократия — форма общественных отношений, абсолютно немыслимая (в отличие от тирании и олигархии) у каких-либо существ, не обладающих членораздельной речью. Мало того, это, в отличие от прочих типов государственных структур нечто порожденное отнюдь не стихией самоорганизации, а человеческим интеллектом, подобно гончарному кругу, ветряку или паровой машине.

Выходит, в данном отношении демократия сродни марксистско-ленинской модели социализма. Однако, с одним принципиальным отличием. Изобретение Солона, его предшественников и продолжателей, не в пример социалистической утопии, кое-где выдержало испытание временем.

Современные политологи считают, что особую стабильность демократии нынешнего западного типа придали:

1. Разделение государственной власти на три взаимно автономные ветви: исполнительную, законодательную и судебную.

2. Средства связи и массовой информации («четвертая власть»)

3. Существование, помимо центральной представительной власти, местных также демократически избранных муниципальных властей.

4. Вековой западный опыт парламентаризма, независимого суда, рыночной экономики и профсоюзного движения («пятая власть»).

С кибернетической точки зрения, разные демократически избранные органы власти функционируют в обществе как обратные связи, стабилизирующие его.

10.3. Еще немного о причинах нашего краха

Марксистско-ленинская модель, по многим показанным в этой книге причинам, равно как и другим, чисто экономическим, не выдержала испытания временем совершенно не случайно. Крах, некоторые причины которого мы уже обсудили выше (9.7), был абсолютно неизбежен еще и потому, что марксисты не имели ни малейшего понятия о закономерностях процессов самоорганизации (кибернетике, синергетике) и «неисправимых» особенностях психики человека, определяемых его эволюционным происхождением.

У муравьев и термитов, будь они мыслящими существами, вероятно, удалось бы построить социализм и коммунизм. Но для превращения человека в муравья не хватило бы и миллионов лет. Марксисты мечтали построить «государство разума», основанное на высокогуманном принципе: с каждого по способностям, каждому по потребностям

В результате же, они, как уже было сказано, разрушив прежние общественные структуры, вернулись к первобытному варианту «государство-дворец», заведомо обреченному на саморазрушение в современном технологическом обществе. У них получились государственные структуры, которые обирают производителей материальных благ, дабы потом таковые распределять, делая это бестолково и нечестно.

Тем самым основным побудительным мотивом труда на совесть в социалистическом обществе стал страх наказания (внеэкономическое принуждение). Уже это одно сделало необходимыми террор и соответствующий аппарат принуждения. Однако, одним голым насилием нельзя обеспечить должную производительность даже физического труда. Это доказала история еще древних рабовладельческих государств.

Тем паче, то же самое касается труда умственного, творческого, а он был совершенно необходим большевикам для военно-политического противостояния западу. В результате, им уже вскоре после прихода к власти пришлось скрепя сердце отказаться от первоначально задуманной модели строго уравнительного распределения. Этот первый компромисс повлек за собой цепочку других. Сразу же возродилось социальное неравенство в его крайних докапиталистических формах.

Гонка вооружений, конкуренция с западом сделала невозможной полную информационную изоляцию от него. Информационный поток с запада посеял неверие и скепсис в умах. Наше общество окончательно деидеологизировалось уже вскоре после смерти Сталина. Его уцелевшие после ежовщины и прочих чисток наследники поспешили разоблачить «культ» и прекратить массовый террор потому, что очень хотели помереть в своих постелях. Однако, прекращение массового террора устранило единственную реальную преграду для беспредельной коррупции правящей верхушки, этой неизлечимой болезни командно-административных систем. В то же время безумная аграрная политика коммунистов обескрестьянила страну.

Обращение с государственной собственностью как к такой, которую используют как свою, личную, а берегут как чужую, стало нормой поведения советского человека. В сочетании с непрерывно растущими аппетитами военно-промышленного комплекса, раковой опухоли советской экономики, это предопределило дальнейший политико-экономический и идеологический крах.

В то же время трагедия наша в том, что общество созданного у нас распределительного типа плохо поддается переделке. Оно — как глубокая яма: свалиться легко, а выбраться

чрезвычайно трудно. Просто «отменить социализм» декретом, к сожалению, невозможно. Скачок сразу в современный «развитой капитализм» западного образца по ряду причин (см. выше) не представляется возможным. Нам, в лучшем случае, предстоит длительный и мучительный процесс полной реорганизации нашей нынешней, все еще полусоциалистической системы.

10.4. От двух типов поведения человека к двум типам государственных структур?

Напомним: мы предполагаем, что существует эволюционно-историческая преемственность между двойственностью форм социального поведения у ряда животных и аналогичным явлением у человека. Во всяком случае, сходство, прямо-таки бросается в глаза. И саранча, и лемминги, и крысы, и мы то живем оседло (причем в оседлом состоянии люди, как, например и крысы, проявляют склонность к групповой охране территории и межклональной агрессии), то сбиваемся в большие стаи, которые покидают обжитую территорию в поисках, так сказать, лучшей жизни. Как пишет историк Л. Н. Гумилев: Судьбы народов лесостепной зоны Евразии решали дожди и зеленая трава. («В поисках вымышленного царства», М., Изд-во «Крышников, Комаров и Ко», 1992).

Психология кочевника во многом отличается от психологии оседлого человека, в особенности, во время дальних захватнических походов. Известно, что в таких походах степняки обычно перемещались вместе со стадами коней, верблюдов и так далее. При этом мотивы похода, в какой-то мере были всегда экологические. Так, мечтой воинов Чингисхана и Батыя, кроме простого грабежа, были еще и тучные пастбища. Не даром они по пути безжалостно уничтожали все очаги земледельческой цивилизации. Подобное же, вероятно, происходило и во времена великих переселений. Непримиримая ненависть оседлых земледельцев к их извечным врагам — номадам нашла отражение в священной книге древних иранцев «Авесте» (VII–VI век до нашей эры). В Книге «Иисус Навин» «Ветхого Завета» повествуется о столь же непримиримой ненависти сынов Израилевых, тогда еще кочевников вроде современных бедуинов, к оседлому земледельческому населению Земли Обетованной.

> И предали заклятию все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и воинов, и овец, и ослов, все истребили мечом
> ***(«Иисус Навин», Гл. VI, 20)***

> И взяли его, и поразили его мечом, и царя его, и все города его, И все дышащее, что находилось в нем; никого не оставил, кто уцелел бы, как поступил он и с Еглоном; предал заклятию его и все дышащее, что находилось в нем
> ***(«Иисус Навин», Гл. X, 37).***

Характерно, что, помимо людей, истреблялись волы — тягловые животные, необходимые для пахоты, ослы и овцы, но среди убитых тварей не упоминаются лошади и верблюды. Едва ли это случайно. Вероятно, и дома, и оросительные каналы разрушали. Зачем все это было кочевникам, привыкшим питаться «подножным кормом»? Нам, возможно, возразят: в Моисеевых заповедях очень много о волах, кому отвечать, если вол забодает человека, и прочее. «Иисус Навин» написан позже, в другую историческую эпоху. Вероятно, только еще позже, по мере привыкания к оседлой жизни, у израильтян снова появилось земледелие, напрочь забытое в годы скитаний. С ним возникли и новые потребности.

Двойственность форм социального поведения человека отразилась на общественно-политических традициях разных народов, характере создаваемых ими государственных структур, идеологиях и религиях. Многие западные государства с античных времен и до

наших дней, кое в чем отличаются от государств Африки, Ближнего Востока и Средней Азии, в особенности же от держав основанных кочевыми народами, а также от древних так называемых восточных деспотий.

В обществах «западного» типа подданный подчинен вышестоящему, потому, что оседло живет на его земле. Понятия подданства, гражданского долга и служения отечеству неотделимы от верности земле, где покоится прах предков и стоят алтари отечественной религии. Вырабатывается почвенническая идеология. Отношения господства и подчинения на всех уровнях базируются на иерархии территориальной собственности. Наиболее наглядно это проявилось в средневековой христианской Европе где издревле жили оседлые земледельцы, смешавшиеся, правда, кое-где с пришлыми кочевниками.

Какой характер носили здесь государственные структуры?

И в античные времена, и в средневековье монарх — крупнейший землевладелец.

В карликовом античном государстве — сперва чисто земледельческом, позже включающем поселения городского типа, полис, — все свободные люди, кроме царя или тирана, имеют меньшие земельные наделы в пределах царства или, позже, города-республики. Эти наделы как бы входят в общую территорию государства. Экспансия города-государства, к примеру, Рима, усложняет иерархию: доминирующий полис подчиняет себе прочие, не лишая их определенных элементов внутренней автономии. На этом же принципе строились и некоторые государства древнего Востока: шумеров, древних китайцев (союз городов Шан), финикийцев и так далее.

В средневековой Европе и Японии иерархия была сложней. Так, в Европе королю подчинялись герцоги и бароны, живущие в пожалованных им или его предками родовых поместьях (феодах) больших и весьма автономных. Ниже рангом — вассалы (ленники) крупных феодалов — рыцари, с меньшими родовыми поместьями. Землю обрабатывали крепостные крестьяне имеющие карликовый надел, причем феодал был обязан защищать их от соседей и мог продать или уступить только вместе с землей.

Такая государственная структура образовалась в результате территориально-иерархического поведения людей, живущих оседло. На ее основе развились позже абсолютные монархии западного типа с родовой аристократией и свободными фермерами или не ахти как угнетенными крепостными. Еще позже из таких монархий эволюционировали современные западные демократии.

Совершенно иное дело — номадические сообщества древних арийцев, — скифов, древних тюрок, гуннов, татаро-монгол, древних евреев (до образования ими царства в «Земле обетованной»), древних арабов и так далее. В этих сообществах земельная собственность и связанная с нею иерархия не играли существенной роли. В первоначальном «архетипическом» варианте номадическое общество не имело постоянной территории, земельных наделов. Существовала лишь некоторая зона кочевий с расплывчатыми границами или даже без них.

Возглавляли мигрирующие орды наследственные или выборные племенные вожди, которым могла подчиняться военно-иерархическая властная структура. Простейший вариант — «стадо» с одним вожаком. Очень часто «вожак» требует слепого подчинения: за малейшее ослушание — смерть. Так, к примеру, командовал Моисей своим народом, о чем можно прочитать в Книге «Исход» Ветхого Завета. Ничуть не либеральнее вели себя Аттила или Чингисхан.

От номадических общин произошли государства типа Золотой Орды. По словам Л. Н. Гумилева: Орда — это народ-войско. Считать командиров войсковых соединений за аристократов неправильно по одному тому, что должности они получают за выслугу, а за проступки могут быть разжалованы. Древность рода у всех монголов была одинакова… Демократией эту систему тоже не назовешь, так как массы связаны железной воинской дисциплиной. И какая же это олигархия, если высшая власть принадлежит хану. Но, если это монархия, то весьма сомнительная, потому что хан всего лишь пожизненный президент, выбираемый всем войском, с настроением которого он должен считаться. Нельзя назвать эту

систему и тиранией, потому что судебная власть — Яса — была отделена от исполнительной ханской… Хан мог требовать выполнения законов, но вынужден был и сам с ними считаться (Л. Н. Гумилев «В поисках вымышленного царства», М., Изд-во «Тов. Клышников, Комаров и Ко», 1992) Там же далее: Дворянства не было, а крепостными были все.

Восточные деспотии возникали, в основном, в засушливых зонах, где не прожить без оросительных каналов. Чтобы заставить сотни тысяч людей трудиться на ирригационных работах, необходимо было превратить их в государственных рабов. Все или подавляющее большинство были равны в нищете и бесправии. Всем распоряжался «вожак». Естественно, до наших дней простейшая первичная структура: «одно стадо — один вожак» мало где уцелела в первозданном виде. Однако, определенные элементы сохранились в отношениях «личность-государство», а также в «системе ценностей», в религии и так далее.

Монотеизм или «генотеизм» (богов, возможно, много, но в данном народе — один, ведущий свой народ как пастырь стадо) — религии, по-видимому, не случайно появившиеся впервые именно у кочевых народов: у древних евреев (иудаизм) и позже, у древних арабов (ислам). Иной характер носили верования древних египтян, греков и римлян с их сонмами богов без единого «начальника» (древние египтяне) или под весьма либеральным общим руководством (Зевс, Юпитер). Религии древних, несомненно, отражали общественную структуру: На Олимпе и на небе все — как на Земле.

А до чего же сложная иерархическая организация виделась как на небе, так и в преисподней средневековому христианину! От первичной идеи единобожия и святой Троицы в те времена не оставалось и следа. Огромную роль приобрел полуязыческий культ местных святых.

И в средневековом Китае загробные власти представлялись точной копией земных: те же местные управы-ямыни в тех же самых территориальных округах, та же многоступенчатая иерархия загробных бюрократов. Те же экзамены на мандаринские чины.

В обществе территориально-иерархического типа складывается специфическая система ценностей, органически чуждых номадам. Связь между людьми, принадлежащими к одной и той же гражданской общине, — писал еще Цицерон в первом веке до нашей эры, — особенно крепка, поскольку сограждан объединяет многое: форум, святилища, портики, улицы, законы, права и обязанности, совместно принимаемые решения, участие в выборах, а, сверх всего этого еще и привычки, дружеские и родственные связи, дела, предпринимаемые сообща, и выгоды из них проистекающие.

По словам римского историка первого века Веллейя Патеркула, По побуждению Августа, самые видные мужи старались украшать город…

Почвеннические традиции складываются веками и так же многие века может формироваться психология людей орды либо восточных деспотий.

Нелегко построить стабильное общество, основанное на каких-то выборных, законных началах там, где люди, значительный их процент, фаталистически относятся к своей судьбе и ее нежданным переменам, вызываемым прихотями владык, а из всех свобод больше всего ценят свободу от ответственности за собственную судьбу, а также — от необходимости слишком прилежно трудиться в рабочее время: «Работа — не волк. В лес не убежит».

В почвенническом мировосприятии громадную роль играет отношение к собственности и праву ее наследования. «Мой дом — моя крепость» — ощущение, воспитываемое веками. Ему не место там, где в сознании громадного большинства собственность издревле делили на дарованную (барином, царем, начальником), ворованную и казенную (монаршую, господскую, монастырскую), т. е. в сознании подневольных крестьян — «ничью».

Эту «ничью» собственность всегда стремились использовать как свою, а беречь как чужую.

Всего-то каких-нибудь полтора века тому назад крепостные души у нас выводили на выселки, перебрасывали из деревеньки в деревеньку, проигрывали в карты, разлучая семьи и отрывая мужичков от отчей земли… Не успела еще забыться поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». А тут уже и колхозы подоспели.

П. Я. Чаадаев, словно отвечая Цицерону, пишет в первом своем «Философическом письме»: …Мы все имеем вид путешественников. Ни у кого нет определенной сферы существования, ни для чего не выработано хороших привычек, ни для чего нет правил; нет даже домашнего очага; нет ничего прочного, ничего постоянного: все протекает, все уходит, не оставляя следа ни вне, ни внутри нас. В своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками и даже больше, нежели те кочевники, которые пасут свои стада в наших степях, ибо они сильнее привязаны к своим пустыням, чем мы к нашим городам… Не только ныне, но и в прошлом веке заезжих иностранцев удивляли непролазная грязь и кучи мусора на наших улицах, запущенный вид многих домов, давно немытые оконные стекла.

Социальная справедливость? — Это в государстве восточно-деспотического или номадического происхождения, когда у всех «маленьких людей» все поровну (идеал Шарикова) и начальство казнит-милует по-божески. А без строгого начальника — мудрого и справедливого монарха — никак нельзя… Все решает монарх. Он за все и в ответе. Выборы? Ишь чего захотели! Суд присяжных, законы, свобода слова? Да кому это все нужно?! Сколь многие наши соотечественники именно так понимали социальную справедливость в прошлые века и понимают ее сейчас. В этом наше общество, конечно же, резко отличается от западного.

К. Л. Леонтьев, философ-русофил (не путать со славянофилами) семидесятых годов прошлого века цитировал одного турецкого пашу: Верьте мне, Россия будет до тех пор сильна, пока у вас нет конституции… у вас государственные люди всегда как-то очень умны. Пожалуй, никогда не будет конституции, и это для нас, турок, довольно страшно! Сам Леонтьев был глубоко убежден, что для Русской цивилизации, уходящей корнями в Византию, противопоказаны любые формы гражданской жизни и политической свободы. «Мещанский прогресс» неизбежно подорвет русскую мощь.

Для силы России необходим византинизм. Тот, кто потрясает авторитет византинизма, подкапывается сам, может быть, и не понимая того, под основы русского государства.

Этим идеям вторит и наш современник Л. Н. Гумилев. По его мнению, Московская государственность, в отличие от Киевской, Новгородской и Полоцкой, изначально строилась на теократическом принципе, хотя князья и позже цари были светскими владыками. Страну цементировала вера, а московский светский трон виделся также и центром мирового православия законным преемником рухнувшей Византии. Мы еси Третий Рим, а Четвертому не бывать.

Политически Московская держава зародилась по Л.А. Гумилеву, из взаимовыгодного союза татаро-монгольского улуса Джучи, Джанибека, Бердибека, Узбека со стратегически удачно расположенным княжеством Ивана Калиты и его наследников. Византийская идея о божественной природе власти исключает даже и мысль о какой-либо иной ее форме, кроме самодержавия. Выборы и парламент на святой Руси? — Святотатство!

Мы сегодня поем тебе славу
И поем ее неспроста,
Основатель великой державы,
Князь московский Иван Калита:
Был ты видом очень противен,
Подл сердцем,
Но не в этом суть.
Исторически прогрессивен
Оказался твой жизненный путь….

(Н. Коржавин, «Иван Калита»)

Октябрьская революция семнадцатого года, отвергнув принцип: Православие — самодержавие — народность, в рамках совершенно новой идеологии сохранила, однако, традиционные для России отношения общества с властью. Значительная часть российской

общественности и ныне не приемлет любые формы государственности в Москве, кроме, так или иначе величающего себя самодержавия. В общественном сознании прочно укоренилась идея, что править нами может, опираясь на общественную поддержку, только отец нации, которого, подобно настоящему отцу, никто никогда не выбирал.

Правитель хорош, если он, богоподобно, казнит и милует с высокого трона, не испрашивая совета у простых смертных. Если вождь советуется с подданными и подсчитывает голоса сторонников вместо того, чтобы казнить непокорных, то он тряпка, а не правитель! Какой же это вождь? Такого у нас ненавидят, свергают, проклинают за все грехи и промашки мелких и мельчайших исполнителей, даже за мусор, не убранный нерадивым дворником, или за сломанный лифт.

Общество наше, не ощущая над собой карающую монаршую десницу, испокон веков впадало в саморазрушительную анархию. Злосчастные свидетельства тому — смутное время, волна крестьянских бунтов и народнический террор после 1861 года, 1905 год, послефевральский разгул семнадцатого и, наконец, несколько напоминающие его наши дни. Увы, но факт: «воля» издревле понималась на Руси, главным образом, как вседозволенность.

Не слышно шума городского,
На Спасской башне тишина
И больше нету часового.
Гуляй, ребята, без вина….
Отпирайте этажи,
Нынче будут грабежи.
Отпирайте погреба.
Гуляет нынче голытьба…
(А. Блок, «Двенадцать»)

Живи сейчас Чаадаев, не преминул бы меланхолически посетовать, что былины да песни слагали у нас почти исключительно о трех владыках: Грозном, Петре и Сталине. Выходит, лишь они удостоились быть героями народного мифа о строгом, но справедливом царе-батюшке! Бояр казнил, а простой народ жалел. Спуску никому не давал, но все по справедливости. А без строгости своевольничает у нас народ и начальство ворует…

…Ты милосердия, холоп, не проси!
Нет милосердных царей на Руси.
Русь, что корабль:
Впереди — океан.
Кормчий, гляди,
Чтоб корабль не потоп
«Правду ль реку?» —
Вопрошает Иоанн, «Бог разберет» —
Отвечает холоп…
(Д. Самойлов, «Иоанн»)

Мудра поговорка: Что русскому здорово, то немцу смерть. В разных странах исторически сложились свои представления о справедливом устройстве общества. Непонимание этого чревато самыми трагическими последствиями. Но и мириться с нашей спецификой нельзя. Против восстают здравый смысл и совесть. Существует же какая-то разумная середина между отжившими свой век крайностями византинизма и отказом от собственных национальных традиций. Многовековой спор между нашими западниками и славянофилами лишен исторической перспективы. Пора, в конце концов, прийти к взаимоприемлемому компромиссу.

10.5. Красное колесо

В любом учебнике этологии можно прочитать, что агрессивность проходит по стадиям и редко случается переход от самой начальной к конечной стадии. Сфера агрессии (борьбы, состязания) большинства животных объединяет подчиненные ей сферы — запугивание, преследование и кусание.

А как это выглядит в современном человеческом обществе?

В своем повседневном поведении люди стремятся достичь, по меньшей мере, двух целей: максимального соответствия любой изменчивой среде (то же касается и относительно стабильной среды «развитого» капитализма) и минимального риска в каждом конкретном случае. Это — при условии, что правительство не лишает нас элементарных «этологических прав».

Обозреватель одной из еженедельных московских телевизионных программ попытался выделить четыре стадии недовольства народа правительством. По его словам, если экономическая ситуация продолжит ухудшаться, большинство из нас, независимо от своего желания, пройдет через ряд последовательных поведенческих фаз.

Первая — фаза самосохранения и охраны собственной семьи, «запасайся, чем можешь». Человек, отвлекаясь от политики, усиленно «вкалывает» на участке или «упаковывает» холодильник.

Вторая — фаза «гадкого начальства», поиск ближайшего источника раздражения — руководство предприятия, завода, института и так далее. Недовольство не приобретает политической окраски в виде требований. Это удел третьей и четвертой фазы.

Третья — фаза первоначального устрашения и предупреждения. Люди бросают вызов высшему руководству в весьма закамуфлированной форме. Лозунги типа: «Примите меры!», «Не тяните с реформами», «Немедленно начинайте преобразования!»

Четвертая — фаза резкого недовольства (конфликта). Возможны акты открытого неповиновения, забастовки либо даже вооруженные действия.

До третьей и четвертой фаз дело, естественно, доходит только там, где за проявления недовольства не сажают и не расстреливают. В этом, очевидно, причина «несвергаемости» тиранов и, очень часто, трагического конца приходящих им на смену более умеренных правительств.

Революции никогда не начинаются как непосредственная реакция на массовые репрессии и обнищание. Народ, как правило, покорно терпит любые бесчинства тиранов. От активных действий в период тирании людей обычно удерживает инстинкт самосохранения. Этого еще мало. Чудовищные преступления владык часто вызывают, как мы уже говорили, не гнев народа, а, наоборот, прилив верноподданнического восторга. Причина тому животный страх в сочетании с особым «иерархическим» чувством.

Опять сказывается «обезьянье наследство». Особь, внушающая страх, распоряжаясь судьбами миллионов как совхозный ветеринар скотиной (считает нужным, промывает желудок или производит искусственное оплодотворение, находит целесообразным, шлет на живодерню), воспринимается как доминант, вожак, или даже, более того, сверхдоминант, божество!

Вот в чем причина того, что об Иване Грозном у нас долго вспоминали с благоговением. По той же причине популярность И. Сталина была невероятно высока при его жизни и резко возрастает в последние годы, несмотря на бесчисленные обличения. Николай I начал правление с жестоких расправ над декабристами (1825), а затем (1830) — над участниками Бельведерского восстания в Польше. Он упрямо отказывался до самой смерти отменить крепостное право, позор и бич тогдашней России. Тем не менее, народ безропотно терпел, а интеллигентско-дворянская оппозиция, хотя и существовала, не представляла ни малейшей опасности для властей предержащих.

Либерализация режима, как правило, начинается «сверху». При этом недовольство народа правительством, проводящим либеральные реформы, проявляется всегда и везде. Каждое следующее послабление только больше озлобляет. Когда же правительство, наконец, поняв, что дальнейшая либерализация вызовет революционный взрыв, пытается «дать

задний ход», этот роковой взрыв как раз и происходит!

Все развивается по более или менее повторяющемуся сценарию:

Некто (обычно новый и неопытный хозяин) открывает долго перед тем запертую дверь псарни и кидает «бедненьким собачкам» пару сосисок, а потом, когда свора с грозным рычанием и лаем вырывается на волю, замахивается на нее палкой: «кыш, проклятые!» — и бросается бежать.

Проиллюстрируем это «кыш, проклятые!» несколькими примерами. В Англии времен Генриха VIII и Елизаветы I никто не осмелился бы открыто критиковать правительство. Головы рубили почем зря даже лордам и герцогам. Зато какие ушаты грязи лила парламентская оппозиция на слабовольных властителей Якова I и его сына Карла I (1625–1649), особенно в период самопровозглашенного Долгого парламента! Король сам (хотя и скрепя сердце) созвал парламент, а потом от него же сбежал и затеял с ним войну.

Точно так же во Франции. Мало у кого хватало мужества препираться с Людовиками XIV и XV. Больно уж эти препирательства худо кончалось. То ли дело несчастный Людовик XVI (1774–1792). Ведь именно при нем министры Тюрго и затем Неккер осуществили ряд либеральных реформ. Были проведены муниципальные выборы, а позже и созван парламент, ослабла цензура, значительно вольготнее почувствовали себя крестьяне. Фактически, они почти избавились от крепостной зависимости, но… без земли (знакомая история!) Началось общественное брожение, и короля погубила попытка забрать с перепугу назад ряд ранее сделанных им больших уступок. В России гнев и ненависть разных слоев общества навлек на себя наследник «Николая Палкина» (при котором никто и пикнуть не смел) царь-освободитель Александр II. За все вполне разумные но непоследовательные, запоздалые и редко доводившиеся до конца реформы его высмеивали и проклинали: за земства, за половинчатое освобождение крестьян, за суд присяжных, за ослабление цензуры. Правительство начало огрызаться все более ожесточенно. Развязкой стало трагическое покушение 1 марта 1881 года. Царь как раз ехал на встречу с премьером Лорис-Меликовым. Предполагалось обсудить проект первой российской конституции.

Нет нужды напоминать читателю обстоятельства нашей более поздней истории. 1905 год.

Царь испугался — издал канифест:
«Мертвым — свобода, живых — под арест»…
Царь, подобно Муцию Сцеволе,
Дал нам конституцию по собственной (?) воле.
Власть свою убавил —
«Не пищите только»,
А себе оставил монопольку:
Пусть российский наш народ
Свой последний грош пропьет…

В одной листовке, написанной перед падением Порт-Артура, Бог Саваоф, беседуя с ангелом, сообщившим ему, что-де «бьют Россию японцы косые» отвечает такой сентенцией:

Отправляйся на землю, гонец,
И скажи там царю Николаю, что,
Покуда на нем самодержца венец,
С ним сношений иметь не желаю!

Но вот, наконец-то, восходит она, долгожданная «звезда пленительного счастья» революция победила, страна «просыпается ото сна» и что же делает по такому случаю взбудораженный народ? Он бурно радуется «победе над черными силами реакции» и по сему поводу больше митингует, чем работает, а также пребывает в постоянном ожидании свежих новостей, слухов, сенсаций.

На какое-то время лозунг: «хлеба и сенсаций» делается главным лозунгом революционно настроенных масс. Все ждут от революции немедленного улучшения материальных условий жизни. Опьянение свободой выражается, главным образом, в том, что люди всячески поносят и разоблачают предшествующий режим, крушат его символы и памятники, переименовывают улицы и площади.

Тысячи дотоле скромных и убогих личностей обнаруживают вдруг у себя новое призвание: быть народными трибунами. Они бегают как угорелые с митинга на митинг, без устали повторяя: Раньше все было плохо, а теперь пойдет отлично, так как власть принадлежит народу. Речи народных витий толпа встречает овациями и революционными песнями в хоровом исполнении.

Однако, именно в таких условиях всегда, как правило, назревает и первое разочарование масс. Вдруг выясняется, что, несмотря на победу революции, жизнь, в сущности, если и меняется, то только к худшему. Цены и очереди растут и кому-то их рост выгоден. Лучше всех это время охарактеризовал, наверное В. Маяковский, отражая настроение народа после февральской революции:

В этом голодном году врали:
«Свобода народа
Эра,
Эпоха
Заря
И — зря.
Где закон,
Чтоб землю
Выдать к лету?
— НЕТУ!.. …
Власть к богатым
Рыло воротит
Чего ж подчиняться ей?
БЕЙ!

Разочарование порождает гнев. Волна народного гнева обычно сметает вождей, пришедших к власти сразу же после революции: правдоискателей, либеральных краснобаев и примазавшихся деятелей прошлого режима.

Их сменяют исступленные фанатики и честолюбцы(истерики, параноики-см. выше), готовые абсолютно на все, включая массовые казни. В среде таких новых правителей по любому, даже вздорному поводу вспыхивают распри, кончающиеся головорубкой. В конце концов, по трупам единомышленников к верховной власти прорываются самые волевые, хитрые и беспринципные. Перед такими вождями толпа уцелевших революционеров, быстро смекнув «что к чему», начинает угодничать, лебезить. Поэтому, чем больше жестокостей совершает новое правительство, тем выше, увы, делается его популярность. Примером тому может служить головокружительная карьера таких «друзей народа» как Оливер Кромвель, Максимилиан Робеспьер и И.В. Сталин.

Немецкий социал-демократ Фердинанд Лассаль в статье «О природе конституции», написанной еще в середине прошлого века, утверждал, что власть как до, так и после революции фактически находится в руках тех общественных сил, которые владеют пушками, то есть могут при желании свергнуть любое правительство. «Пушки» здесь не следует понимать буквально. Это в наши дни и аппарат госбезопасности, и профсоюзы тех отраслей (шахтеры, транспорт и так далее), которые могут своей забастовкой парализовать экономику страны, и директора военно-промышленного комплекса, и армейское командование, и пресса, радио, телевидение, средства связи и банки.

Революционному правительству, на первых порах, ничего другого не остается как лавировать, задабривая те группировки, от которых оно зависит, в ущерб интересам

остального народа. Оно стремится избавиться от этой зависимости и сделать своей единственной социальной опорой им же самим созданный карательно-бюрократический аппарат.

Мао, вслед за Лассалем, тоже говорил: «Винтовка рождает власть».

Таким образом, после революции через какое-то время обычно начинается массовый террор и то порождаемое им состояние умов, которое питает «культ личности». Люди, обезумев от страха, раболепствуют перед властью и предают друг друга, теряя в обоих этих занятиях всякое чувство меры. Исчезают вековые понятия добра и зла. Дети доносят на родителей и жены на мужей. Боги земные возносятся выше богов небесных.

Однако, массовое сумасшествие не может длиться бесконечно долго. Ведь главными жертвами террора делаются сами революционеры, их правящая верхушка. Еще раз напомним слова Дантона: Революция, подобно Урану, пожирает своих детей. Поэтому сами же приспешники диктатора стремятся при первой возможности покончить с массовым террором, о чем уже говорилось выше. В Англии он прекратился сразу же после смерти Кромвеля (1658). Во Франции — после дворцового переворота 9 термидора (27 июля) 1794 года, у нас — после кончины И. Сталина 2 марта 1953 года, в КНР после смерти Великого Кормчего Мао 9 сентября 1976 года. Таким образом, это — общее правило.

Само собой понятно, что с окончанием террора начинается новый период «раскрутки гаек» со всеми вытекающими отсюда также охарактеризованными выше последствиями. Послабления «сверху» опять раскрепощают массовое недовольство «внизу». Нарастает анархия и, спустя какое-то время, появляется угроза нового повторения всего кровавого цикла.

В Англии после Кромвеля все ограничилось брожением, длившимся еще около тридцати лет, во Франции после термидорианского переворота последовали наполеоновские войны и затем три новых революции. Чем кончится дело у нас и в Китае, пока еще совершенно не ясно.

Как этологи мы обращаем внимание читателей на то, что все перечисленные фазы, суть, этапы коллективного агрессивного поведения людей.

«Красное колесо» — так, как известно, назвал А. И. Солженицын ту злосчастную круговерть исторических событий, из которой мы, по-видимому, не смогли выпутаться и по сей день. «Красное колесо» закрутилось после первой русской революции или, скорее, гораздо раньше, еще с восстания декабристов.

Те, кто воображают, будто революции к нам занесла какая-то инородческая бацилла в конце Первой мировой войны, конечно, не смогут ответить на следующий вопрос. Как объяснить в таком случае тот факт, что большевистские времена предсказаны почти полтора века назад в пророческих «Бесах» Ф. М. Достоевского, а также в сатирических поэмах А.К. Толстого «Поток богатырь», «Сон Попова» и «Баллада с тенденцией»?

Они-социалисты,
Честнейшие меж всеми,
И на руку нечисты
По строгой лишь системе…
Не пойте даром, струны,
Уймите праздный ропот.
Российская коммуна.
Прими мой первый опыт.

Легко трактовать события, когда они в прошлом. Гораздо труднее занять правильную позицию, оказавшись их современником. Не следует забывать, что с середины прошлого века, задолго до Февральской революции лучшая часть российской интеллигенции активно боролась с самодержавием или, по крайней мере, резко осуждала царский режим и сочувствовала революционерам. К тому, несомненно, имелось много вполне объективных причин. Не мешало бы о них помнить и сегодня!

Революции начинаются только там, где подавляющее большинство недовольно существующим режимом, а правительство по каким-то причинам не решается или не в силах пойти на крайние меры. Одним словом, «верхи не могут, а низы не хотят».

10.6. Человечества сон золотой…

Господа, если к правде святой,
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой.
Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше Солнце забыло,
Завтра целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь…

Золотой век. Почему о нем с такой ностальгической тоской вспоминали античные писатели? Они верили, что этот век когда-то был, когда еще не существовало ни частной собственности, ни государства. Другим, как Кампанелле, Томасу Мору, утопическим социалистам XIX века и потом уже марксистам всех мастей, а также, отметим, членам некоторых христианских сект и конфессий, например «Свидетелям Иеговы», этот же век виделся и ныне видится в более или менее отдаленном будущем.

В чем общие черты разных таких «воспоминаний о будущем»?

В них всегда люди не имеют излишков личной земельной собственности и прочих источников нетрудовых доходов. Материальные блага распределяются поровну. Труд — добровольный предмет гордости и геройства. Часто даже право на элементарную личную собственность и, якобы, закрепощающие человека семейные узы ставится под вопрос. (К религиям это не относится, иеговисты — за единобрачие.)

Что лежит в основе стремления человека к в принципе невозможному фактическому равенству? А ведь именно к такому равенству стремятся не только примитивные «шариковы». Помните, в «Собачьем сердце» М. Булгакова очеловеченный пес предлагал все поделить? Дело обстоит куда серьезнее.

В прошлом Ю. А. Л. приходилось немало общаться с представителями малых северных и дальневосточный народов — чукчами, гольдами и другими. Общая их черта — органическое отвращение к собственности, любым ее видам, неистребимая, глубокая убежденность, что человек должен все, что у него есть, делить поровну с ближними, в первую очередь — с соседями. У них уже был «коммунизм» до прихода русских — все общее, даже лодки с моторами и никаких паспортов, прописок и властей. Слушались шамана, он их наставлял и лечил. Не было и «дурной воды» (водки, самогона), до которой северяне крайне падки — они пьянеют быстрее европейцев.

В комнате аспирантского общежития жил аспирант-гольд, добрый и неглупый человек, по специальности филолог. В комнате, где его поселили, начали вдруг твориться чудеса. Кто-то лезет в карман и говорит с возмущением:

— Меня обокрали! Только вчера в кармане было шестнадцать рублей, а сегодня — четыре.

Тут же другой удивляется:

— Вчера, помнится, был у меня рубль. Как это сегодня вдруг стало четыре? Непонятно, откуда взялась трешка…

Вызвали коменданта, милицию. Через неделю гольд объявил своим трем соседям:

— Вы невоспитуемы. Я пытался вас исправить, но куда там! Неужели вам не стыдно так жить — у одного соседа в кармане целых шестнадцать рублей, а у второго всего один. И это называется «будущие ученые»!

Себе он ничего не брал, между прочим. но из аспирантуры его исключили.

Свидетельствует ли этот пример о том, что в нашей генной памяти заложена модель

первобытного коммунизма?

— И да, и нет.

Малые северные народности не только задержались в своем историческом развитии, но и обрели особые формы социальных отношений, связанные с очень суровыми условиями жизни в Заполярье. Поэтому было бы рискованно утверждать, что и у предков современных западных людей некогда существовали точно такие же братские отношения как у чукчей, ненцев или нивхов.

В.Р. Дольник пишет: Первобытный коммунизм — выдумка кабинетных ученых XIX века. В действительности рабовладельческому государству предшествовали родовые общественные структуры с их жесткой иерархией: правление старейшин, военных вождей и шаманов, а того раньше — жестокие иерархическими отношения «обезьяньего типа». Хорош «золотой век»!

Реальным, однако, является инстинкт уравнительного распределения, к которому человек стремится до тех пор, пока не взлезает на вершину иерархической лестницы. Напомним читателю, что и обезьяньи субдоминанты вечно бунтуют, пытаясь свергнуть «ненавистных» им иерархов, но, добившись своей цели, сами становятся точно такими же иерархами.

Полного социального равенства (общества без иерархии) не было, пожалуй, никогда ни у людей, ни у их предков. Вечным же был, однако, бунт субдоминант, их яростный протест против привилегий доминанта. «Почему ему, а не мне?! Чем я хуже?! Пусть уж лучше все поровну!

Как известно, добившись привилегий, почти никто почему-то не продолжает протестовать: «С какой стати мне, а не им?! Чем они хуже?!» В этом уж марксисты, точно, правы: Бытие определяет сознание!

Чтобы убедиться в только что сказанном, нет нужды погружаться в глубины человеческой предыстории. Достаточно сравнить поведение многих наших «друзей народа» до и после августовских событий. Почему сейчас им всем, вроде бы, расхотелось разоблачать «сладкую жизнь» там, «наверху»? Таких как академик Сахаров ведь считанные единицы.

Какая же, однако, форма собственности была у наших отдаленных пращуров?

Конечно, род владел сообща своим убежищем, например, пещерой и прилежащим к ней участком земли. Собственность была общеродовой. Но поровну ли ее делили? Вероятно, нет. Иерархи, как бы они там ни назывались, распределяли ее по своему усмотрению. Равенство было, но, как на «Скотской ферме» Дж. Оруэлла: одни были «более равны, чем другие».

Таким образом, реальность — не миф о золотом веке первобытного коммунизма, а нечто совсем иное: заложенный в нас инстинкт уравнительного распределения. Он унаследован нами от предков и дает себя знать, пока мы находимся в низу иерархической пирамиды. Как на беду, этот инстинкт, однако, глохнет по мере нашего восхождения на ее вершину.

И собаки, и волки, и обезьяны в своих стаях вечно пытаются урвать кусок, не меньший, чем у соседа. Все они приходят в отчаянье и ярость, если сосед, равный по рангу, получил нечто такое, что им не досталось. Это ведь и есть стремление к равенству (см. гл.3). Но, увы, когда к нему таким образом стремится в равной мере вся стая, сильным, задиристым, нахальным, а иногда и умным достается гораздо больше, чем всем прочим. Одни получают больше, работая локтями, другие — подлизываясь к доминантной особи, а третьи, просто-напросто, воруя.

Так было еще до появления человека, на том стоим и ныне, но, осознав хотя бы, что это несправедливо. Инстинкт уравнительного распределения, по-видимому, очень стар. Это как бы изнанка зависти, о которой мы уже писали.

Словом подытожим: никакого первобытного коммунизма никогда не было. Однако, само стремление к уравнительному распределению материальных благ в пределах

небольшого коллектива и его групповая собственность на землю — инстинкт, генетически заложенный в нас естественным отбором, а вовсе не измышление философов и политиков.

В пользу такого предположения говорит то, что общества с уравнительным распределением благ то и дело возникали в разные исторические эпохи, на разных континентах и у различных народов.

Только что мы поминали Спарту после реформ Ликурга. У спартиатов, живших за счет труда илотов, все, что можно поделить, делили, и правда, поровну. Денежное обращение было строго ограничено и в качестве обменной единицы использовали здоровенные железные болванки — специально для того, чтобы их неудобно было носить с собой, копить.

В Иудее во II–I веке до нашей эры существовали ессейские (особая секта иудаизма) общины или, вернее сказать, коммуны с уравнительным распределением.

Государство инков в Перу во многом напоминало Спарту. Там царило централизованное распределение типа «государство-дворец». Всем, кроме живших в невообразимой роскоши владык и их придворных, полагался более или менее равный паек.

Общей собственностью братии было имущество многих монастырских общин, христианских и буддийских.

Уравнительное распределение практиковалось в некоторых рыцарских орденах с соответствующим уставом в средневековой Европе, а также в кое-каких общинах воинов в исламских странах, в военных общинах монгол и некоторых других степных завоевателей в первый период после появления; в пиратской республике на Мадагаскаре (конец XVII века); в иезуитских «редукциях» в Парагвае (XVIII век), но, правда, только для полурабов-индейцев, а не для белых пастырей; в деревенских общинах древних германцев и славян, в недолговечных фаланстерах Оуэна; в чаяновских и толстовских сельскохозяйственных коммунах, наших ТОЗах, коммунах и колхозах первых послереволюционных лет до принудительной коллективизации.

Тот же устав хотя бы частично уравнительного распределения заведен в нынешних общинах «Новой альтернативы» в Западной Европе и в израильских кибуцах, в «колхозах» норвежских рыбаков.

Кое-какие элементы такого распределения некогда существовали и в наших деревенских общинах, особенно старообрядческих, поморских.

Мы сознательно привели этот длинный, но далеко не полный список, перепутав века и страны. Идея в том, что общины с уравнительным распределением материальных благ (на радость анархо-синдикалистам) возникали совершенно независимо друг от друга в разных странах, на разных континентах и в разные века.

Как правило, они существовали не особенно долго, хотя иногда это были все-таки целые столетия. Некоторые монастырские общины сохранялись на протяжении трехсот и более лет. И наши народники мечтали о чем-то похожем, намереваясь сохранить и социализировать «мир» — наши деревенские общины, начавшие быстро расслаиваться после отмены крепостного права.

По мнению авторов, это — очень интересный материал для размышлений всем тем, кто все еще в нашем растерявшемся мире продолжает размышлять о «вечных идеалах добра и справедливости».

10.7. Можно ли дважды войти в одну и ту же реку?

Никто не разрушал общинную собственность целенаправленно. Эволюция человеческой цивилизации с ее переходами от одной формации к другой — не продукт чьих-то измышлении и выдумок. Это — объективный природный или, как говорят, стихийный процесс. Никто при общинно-родовом строе (еще раз подчеркнем: равенства при нем не было, существовала жесткая иерархия) или в «государствах-дворцах» не обещал человечеству «светлое рабовладельческое завтра», а потом не предрекал, что грядет феодализм. Никто при феодализме не придумывал капиталистическую модель общества, не

пытался где с помощью буржуазных революций, а где через постепенную эволюцию производительных сил и производственных отношений, реализовать эту модель на практике. Все шло само по себе. Только социалистическая формация была намеренно сконструирована, но оказалась нежизнеспособным выкидышем. Эволюция — сложная штука.

Большевики считали все «ячейки элементарного социализма» пустой и утопической затеей. Единственного своего предшественника они видели в Парижской коммуне 1871 года, а мечталось им о чем-то совсем другом: Даешь общемировую коммуну! Ни больше, ни меньше! Коллективная собственность — вся планета, со всеми ее природными ресурсами, орудиями и средствами производства. Владелец — мировой пролетариат. Управляющий орган — сознательный авангард, пирамида высшего руководства коммунистической партии, на вершине которой — один диктатор или совсем небольшая группа людей.

Эта модель общества казалась большевикам научно-обоснованной и вполне жизнеспособной. Она воплотилась в послеоктябрьской системе военного коммунизма и привела к самым ужасным последствиям. Только после Кронштадского восстания 1921 года Ленин, наконец, спохватился и попытался скомандовать: «Право руля!» Был декларирован НЭП, но поздно. Все пошло по пути сверхмонополии, больной всеми неизлечимыми недугами, перечисленными самим же Лениным в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Эта «Вавилонская башня» была обречена на разрушение с момента закладки первого камня.

Семьдесят три года мы развивались, идя, на нашу, выходит, беду, по совершенно особому пути. Создали экономику, принципиально отличающуюся от западной, причем крайне неэффективную. Сейчас мы завалены обломками рухнувшего колосса. Наша историческая задача — выжить, выбраться из-под них.

А может, продолжим эксперименты?

Почему бы, например, не попробовать сделать шаг в прошлое?

Ведь древле все было лучше и дешевле.

К сожалению, из такой затеи ничего не выйдет. Не удастся ни нам, ни кому бы то ни было, доказать несостоятельность уже упомянутой нам однажды идеи Гераклита, что «нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Ведь заодно с древнегреческим философом в таком случае пришлось бы опровергнуть всех современных ученых, занимающихся эволюционными процессами — биологической эволюцией, развитием языков, технологий, культур (см. в главе 2 о правиле Л. Долло). Они в один голос утверждают: эволюция, подобно шахматной пешке, не может ходить назад. Теория вероятностей мешает. Не могут тысячи независимо поменявшихся признаков снова повторить бывшую в прежние времена устойчивую комбинацию. Невозможно и подстегнуть эволюцию, заставить ее проистекать намного быстрее, чем она идет.

Кое-кто сейчас кричит:

— Назад ко временам Николая Второго!

— Назад к Ленину!

— Назад к Сталину!..-

— Назад к Брежневу!..

Безнадежно. Поезд ушел. Назад не получится.

Емеля из русской сказки заклинает:

— По щучьему веленью, по моему хотенью, стань, Россия, завтра вторыми США!«И такой номер не пройдет. Не бывает ничего сразу.

Однако же, из этого всего, конечно, не следует, что на развитие общества вообще невозможно влиять. Бывают ведь, как все мы знаем, даже экономические «чудеса» (вспомним Германию и Японию).

Как это ни грустно, такие чудеса едва ли возможны в обществе, пока еще не очень-то умеющем сдерживать свои саморазрушительные инстинкты и живущем по законам иерархической стаи. Для современной технологической цивилизации равно неприемлемы

как номадический, так и территориально- агрессивный стереотип.

Предстоит же нам в любом случае брести все-таки только вперед, причем далеко не семимильными шагами. И не дай Бог повторить на этом крестном пути взлет и падение Третьего Рейха. Наша задача сейчас может быть лишь одна — сглаживать, осторожно подправлять идущий стихийный процесс, стараясь его сделать как можно менее кровавым и мучительным.

История доказывает: подобно всем другим эволюционирующим системам, человеческий социум обладает способностью к самоорганизации. Он способен к стихийному поиску наиболее благоприятных исходов из, казалось бы, самых тупиковых ситуаций. Этот поиск, к прискорбию, осуществляется медленно, методом так называемых «проб и ошибок».

Люди еще в доисторические времена приспособились жить, например, в ужасных условиях похолодания (наступивших ледниковых периодов). Позже они стихийно находили выход из исторических катастроф и кризисов, погубивших, отнюдь не случайно, сперва первобытно-общинный родовой строй, затем-«государств-дворцов», кое-где рабовладельческий, затем феодальный… И катастрофы эти были не вызваны чьей-то злой волей, а неизбежны: все, рождающееся в нашем мире, включая общественные формации, таит в себе будущие противоречия — залог грядущей гибели.

Итак, мы переживаем сейчас очередную социальную катастрофу. Наша система рухнула, погибла. Воскресить ее невозможно. Но достаточно оглянуться по сторонам, чтобы удостовериться: наше общество и не думает погибать вместе с ней. Очевидные доказательства нашей неистребимой воли к жизни: цветы и книги, которыми торгуют в любом переходе московского метро, улыбки на многих лицах, нарядный и сытый вид громадного большинства людей в городской толпе. Да, не боимся утверждать, что сытый. Слухи о нашей голодной смерти, если по-честному, дорогие читатели, пока-то (зима 1993-94) ведь слегка преувеличены!

Те, кто который раз зовут Русь к топору, закрывают на все это глаза. Их такое положение дел решительно не устраивает. Повторяя за П. А. Столыпиным, можно сказать: им нужны великие потрясения (все еще не угомонились). Нам же, господа, нужна великая Россия.

Наша судьба сейчас в наших руках. Подадимся лихим подговорам, погибнем. Не подадимся, кое-как, в конце концов, выкарабкаемся, если, конечно, будем обуздывать собственные агрессивные побуждения. В этой же борьбе с собственным «Я» нам как раз и может стать подспорьем некоторое знание этологии. Оно облегчит нам самокритичный взгляд на самих себя как бы со стороны.

10.8. Так что же нам делать?

Итак, по Дольнику, тоталитарные режимы XX века — плод стихийной самоорганизации. К тоталитаризму современное технологическое общество приходит неизбежно, если процесс его развития пущен, так сказать, на самотек. Демократия же — достижение человеческого интеллекта. Чтобы она не переродилась в тиранию, олигархию или не привела к анархии, о ее сохранности надо постоянно заботиться как об экзотическом комнатном растении, высаженном в открытый грунт. Постараемся разобраться в вопросе: неужели это действительно так?

Любое общество — продукт шаткого равновесия в системе, клокочущей от внутренних противоречий. Это и постоянная борьба за лидерство в многочисленных иерархических структурах, и конкурентные отношения между такими структурами, и антагонизм интересов разных социальных групп, включая милую сердцу всех марксистов классовую борьбу. Классовую ли только, впрочем? Как трактовать с классовых позиций столь частые конфликты, например, между профсоюзами, выражающими интересы разных отраслей? Сюда же следует причислить идеологические споры, далеко не всегда имеющие классовую основу, межэтнические, межконфессиональные и возрастные конфликты, борьбу «зеленых»

против разрушителей природной среды.

В наши дни все эти конфликты уподобляются дракам на спасательном плоту с ограниченным запасом пресной воды и пищи. Природные ресурсы убывают. Численность же населения земли неукоснительно растет. В этих условиях над человечеством все больше нависает угроза глобального эколого-сырьевого кризиса и войны всех со всеми за последний кусок хлеба, последний глоток чистой воды.

Только открытое объединенное мировое сообщество, которое, опираясь на науку, прогнозирует и, насколько это возможно, планирует пути своего дальнейшего развития, могло бы дать человечеству какой-то шанс на выживание в грядущем XXI веке.

Известный этнограф Леви Стросс писал: Двадцать первый век будет веком гуманитарных наук или же его вообще не будет. Мы склонны считать, что веку грядущему не быть, если большого шага вперед не сделают также политэкономия, экология и этология человека. Вооруженные конфликты и политико-экономический разброд разных государств современного мира — недопустимая роскошь для человечества в теперешнем его положении. Между тем, багаж средств тушения конфликтов в наши дни совершенно ничтожен и никак не соответствует требованиям времени.

К величайшему сожалению, мало что в этом отношении пока могут предложить, в частности, те же этологи. Так, В. Р. Дольник приводит пример «белой вороны» среди обезьян — карликовых шимпанзе (особый вид или подвид). У этих миролюбивых животных чрезвычайно развиты такие ритуалы как обмен улыбками и взаимные объятия. В группах карликовых шимпанзе иерархия существует, но проявляется слабо, не сопряжена с физической борьбой за ранг и не мешает дружескому общению. Мы упоминали северные народы с их высокой внутриплеменной этикой. Оба примера, однако, едва ли указывают путь из эволюционного тупика нам, современным цивилизованным людям с иным генетическим и культурно-историческим багажом. Если уж на то пошло, еще более поучительный, но бесполезный для нас пример — бесконфликтные внутриколониальные взаимоотношения муравьев, существ и вовсе нам генетически чуждых.

У Дольника же упоминается всем известный опыт американцев, перенятый и западноевропейцами: культ дружеской улыбки. Дежурная белозубая (заслуга дантистов!) улыбка, и правда, работает как довольно эффективный «конфликтогаситель». Американцы внушают своим детям: всегда улыбайтесь и вас будут все любить. Однако же, при всем при том никак не скажешь, что в той же Америке «все всех любят». Зато, это уж точно, недолюбливают неулыбающихся по причине дурного настроения или же скверных передних зубов. Сетовал же поэт И. Бродский вскоре после своего переезда в США:

> Для них я, сберегающий во рту
> Развалины почище Парфенона,
> Шпион, лазутчик, пятая колонна
> Гнилой цивилизации…

Тем более уж, не улыбками дипломатов надлежит гасить вооруженные конфликты. Требуются какие-то иные, несравненно более кардинальные средства.

Дольник же отмечает, что не только у людей, но даже и у шимпанзе попадаются как исключение сильные и вполне способные постоять за себя индивиды, которым, тем не менее, наплевать на свой социальный ранг. Они просто не играют в эти игры, что, конечно, весьма похвально, но едва ли поможет удержать от бесчинств все озверевшее человечество. И у нас, и у шимпанзе случается, наконец, покровительственная дружба взрослых и сильных с юными, начинающими свой жизненный путь. Прекрасно, ну и что? Куда ведь чаще наблюдается противоположное: вражда поколений.

Этологи любят приводить такие примеры, чтобы проиллюстрировать множественность поведенческих программ человека. Действительно, множественность создает условия для выбора. Помимо агрессии у нас, как мы уже рассказали, существуют врожденные программы альтруистического поведения. Не скроем, нам, авторам, не кажется, что на основе этого

можно создать панацею от пороков погрязшего в них человеческого рода, принять кардинальное решение. А на какой, мы сами не знаем, поскольку это пока не известно науке. По крайней мере, надеемся, что это будет все-таки не поголовная принудительная накачка людей психотропными препаратами, подавляющими агрессивность. И не хирургия на живых мозгах. И не генная инженерия. Наконец, упаси Боже, не селекция в гитлеровском понимании этого слова.

Больше у нас надежд на воспитание, воздействие на механизмы импринтинга — раннего запечатления информации, столь свойственного человеку. Помните? Мы рассказывали о потрясающих, хотя и печальных последствиях такого запечатления у людей, воспитанных животными с раннего возраста (2.2). Пример северных народов и детей, воспитанных в семьях, где не бывает уродующих психику ребенка конфликтов между родителями, — тому наглядный пример.

И все-таки, социоэтология человека, конечно, только малая часть всего того, в чем надлежит разобраться людям, чтобы общество наше не рухнуло в пропасть в самом ближайшем будущем. Природа-то ведь, а мы-ее часть, никаких факультетов не кончала, в отличие от ученых, на их беду. Ни одну научную проблему, связанную с выживанием человечества, нельзя решить, оперируя багажом знаний, накопленных только какой-то одной отраслью науки, будь то хоть экономика, хоть медицина, история, синергетика, экология и правоведение.

В том то и вся беда, что нужен громадный объем комплексных знаний, энциклопедический охват информации из сразу многих и, на первый взгляд, никак между собою не связанных областей. Вместе с тем, то, что некогда было возможно для Аристотеля или Леонардо да Винчи, ныне уже недоступно ни одной, даже самой одаренной личности. Все современные ученые — жертвы более или менее узкой специализации. По нашему предположению, здесь на помощь человечеству могут прийти не столь уж, как знает читатель, нами любимые компьютеры.

Марксизм был первой, но, надеемся, не последней попыткой реорганизации человечества на разумных, рациональных началах, исходя из научных знаний. Провал коммунистического эксперимента был предрешен несовершенным уровнем знаний в прошлом веке и вовсе не служит доказательством бесперспективности всех дальнейших попыток такой реорганизации. Конечно, преступное безумие осуществлять ее теми варварскими методами, какими пользовались большевики. Но и вполне полагаться на стихию дальнейшего развития человечества нельзя. Уже сейчас очевидно, что она неумолимо влечет нас туда, куда привела многих животных былых геологических эпох, например, динозавров, то есть к вымиранию.

Наука не остановилась в своем прогрессе. Если в прошлом она служила, главным образом, для удовлетворения нашего любопытства и житейским потребностям или, чаще, порокам (война, вздорные прихоти), то ныне настал момент трагического выбора.

Вполне вероятно, что в ближайшем будущем общественный спрос на фундаментальную науку (а прикладные области — только около нее и сами не могут развиваться) сойдет на нет. По нашему глубокому убеждению, род людской, продолжая развиваться совершенно стихийно, быстро придет тогда к своему концу. Мы и так уже долгожители по сравнению со многими другими биологическими видами (2.1). Пора и честь знать.

Альтернатива: через науку — к самопознанию, столь глубокому, что, наконец-то, сыщется какой-то путь и способ удержаться на краю пропасти, реорганизовав общество на началах разумного гуманизма.

В начале перестройки один наш крупный политик тех лет, человек далеко за пятьдесят, вдруг как-то «выдал» (цитируем по памяти, не дословно): Почитали мне немного из Достоевского. И тогда я понял: самое главное — человек. По меньшей мере удивительно, что это было осознано так поздно. Ведь, казалось бы, что еще, окромя людей, может существовать для нас при общественном служении в этом бренном мире?!

Подведем итог.

Современное потребительское общество в его теперешнем разобщенном виде бездумно разрушает среду своего обитания. Оно транжирит природные ресурсы и воюет по всяческим вздорным поводам, не зная, да и не желая знать ничего о себе. Это общество вечного противоборства эгоистических интересов и непрерывной погони за сиюминутными радостями нуждается в каких-то научно обоснованных формах интеграции и централизованного управления в глобальных масштабах. Что это будет за интеграция и какие именно механизмы управления послужат ей основой, пока предсказать невозможно. Такой путь решения проблем, стоящих перед человечеством, необходимо упорно искать. Мы надеемся, что он будет найден совместными усилиями ученых разных специальностей, всей мировой наукой. В этом последняя надежда человечества, растерявшего свои золотые сны.

Глава 11. «Рефлекс свободы» и этология счастья

11.1. «Рефлекс свободы»

Стремление к свободе. Есть ли у него врожденная основа? И. Якименко из Новосибирска рассказывает о таком эксперименте. Крыс посадили в громадную клетку с убежищами, вкусной пищей, питьем, всеми «жизненными благами» крысиного «рая». В конце концов, крысам надоело жить в «раю». Они прогрызли дырку в деревянном днище клетки и все до одной удрали!

Крысе вживляют электроды в центр удовольствия и мозговой центр неприятных ощущений. Раздражать и тот, и другой она может сама, нажимая на один из двух рычагов. Далеко не все время она стимулирует центр удовольствия. Жизнь без неприятных ощущений приедается даже крысе.

На заснеженной вершине горы в центре Африки, лежит вмерзший в лед труп леопарда. Что заставило его прийти сюда, поднимаясь по голым склонам и безжизненным ледникам? Этот вопрос интересовал Э. Хемингуэя в «Снегах Килиманджаро», но ответа он так и не нашел.

Этологи лишь предполагают: одна из главных потребностей подвижных организмов — непрерывный поиск новых мест заселения методом «проб и ошибок» (2.4). К тому же животные, так же как и люди, нетерпимо относятся к ограничению пространства. При первой же возможности они стремятся выйти за его пределы. И. П. Павлов называл такое поведение «рефлексом свободы», последовательно придерживаясь своей терминологии.

Человек не терпит и других ограничений, в частности, на получение и распространение информации, запрет свободного обмена ею. На подобного рода обмене издревле держится, как мы уже писали, цивилизация. Он обеспечивает все остальные формы обмена и коллективные действия, любого типа прогресс и развитие.

Однажды Марк Твен попытался выяснить религиозные убеждения муравьев. Были построены крошечные копии христианского храма, иудейской синагоги, мусульманской мечети. Учитывая время (конец XIX века) и место исследований, можно простить экспериментатору отсутствие в этом опыте здания ЦК КПСС. В христианский собор положили кусок сахара. Прочие культовые сооружения загрузили солью и горчицей. Муравьи отдали явное предпочтение христианству. Однако, едва сахар перенесли в мечеть, как все они безоговорочно приняли ислам. Марку Твену казалось, что эта милая шутка прямо отвечает на вопрос, почему люди предпочитают те или иные религиозные конфессии и политические партии.

Не будем осуждать писателя «задним числом». Так же мыслили очень многие его просвещенные современники. Таков был век. Однако, человеческие существа непредсказуемее муравьев. Как известно, миллионы людей с радостью отдавали и отдают жизнь за веру. Этому бесспорному факту вовсе не противоречит то, что некоторые вожди с

еще большей готовностью жертвовали чужими жизнями: истребляли неверных, еретиков, инакомыслящих, посылали на бойню целые армии, отсиживаясь в глубоком тылу.

В настоящее время человечество расколото как бы на две половины. Лишь какая-то часть его живет в условиях демократии, политической стабильности и относительного материального достатка. Другая часть, большая, прозябает в условиях нищеты, нестабильности, постоянной угрозы то анархии и гражданской войны, то тирании. Однако, ничто не говорит о стремлении «неблагополучной части» мирового сообщества всегда и везде следовать примеру «благополучных» стран. Скорее уж, наоборот. Для многих куда притягательнее так называемые «высокие идеалы», обрекающие массы людей на лишения и жертвенную смерть.

Наглядный пример — нынешняя ситуация в Югославии и Перу, Исламская революция в Иране, усиление исламских фундаменталистов во многих арабских странах, беснования праворадикальных фанатиков в западной Европе и национал-большевиков в бывшем СССР. Таким образом, рискованно утверждать, что историческое будущее за теми поведенческими стратегиями, которые открывают человечеству путь к жизненным благам, комфорту, демократическим свободам.

Из поколения в поколение многие люди, поставленные перед выбором: все эти блага и напоследок смерть в своей кровати от старости или болезни либо же лишения, риск и в финале — гибель на поле боя, в застенке или на эшафоте, избирали совершенно добровольно именно второй, трагически вариант жизненного пути, жертвовали собой «за идеи»!

Отрекитесь, ревели,
Но из горящих глоток
Только три слова:
Да здравствует коммунизм!..
Лучше умереть стоя, чем жить на коленях…
Гвозди бы делать из этих людей.
Крепче бы не было в мире гвоздей!..
Я хату покинул пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать…
Покуда ночь над миром не распростерла тень,
А летом отступает пред ней не рано день,
Вели сраженье вормсцы как рыцарям к лицу,
Пришел от их мечей конец не одному бойцу…
Воскликнул Хаген:
Витязь, коль жажда вас томит,
Не погнушайтесь крови тех, кто в бою убит.
Она в подобном пекле полезней, чем вино,
А здесь других напитков не сыщешь все равно…
— Доколе, протопоп, будет мука сия?
— До самой смерти, попадья.

Уж какой тут сахар! С точки зрения этологии, Марк Твен положительно не прав. Пчела, отдавая жизнь за улей, не знает, что такое смерть. Человек это хорошо себе представляет.

Тем не менее, известно, что во время массовых расстрелов, проводившихся гитлеровцами, люди всегда стремились пробиться в первую очередь. Никто не хотел остаться в хвосте. Уходящие успокаивали оставшихся: «Не бойтесь: пять минут и готово».

В. В. Гроссман в романе «Жизнь и судьба» пишет по этому поводу: Нужно задуматься над тем, что должен пережить и испытать человек, чтобы дойти до счастливого сознания скорой казни. Об этом следует задуматься многим людям, особенно тем, кто склонен поучать, как следует бороться в условиях, о которых, по счастливому случаю, этот пустой учитель не имеет представления. Претерпевает ли природа человека изменения, становится

ли она другой в котле тоталитарного насилия? Теряет ли человек присущее ему стремление быть свободным? В ответе этом судьба человечества и судьба тоталитарного государства. Изменение самой природы человека сулит всемирное и вечное торжество диктатуры государства. В неизменности человеческого стремления к свободе приговор тоталитарному государству. Природное стремление к свободе неистребимо. Его можно подавить, но нельзя уничтожить. Тоталитаризм не может отказаться от насилия. Отказавшись от насилия, тоталитаризм гибнет. Вечное, непрекращающееся, прямое или замаскированное сверхнасилие есть основа тоталитаризма. Человек добровольно не откажется от свободы. В этом выводе свет нашего времени, свет будущего.

Откажется — не откажется? Смотря какой человек. У каждого найдется свой ответ на этот вопрос. По-разному ответит на него и «среднестатистическая» личность в разные века и в различных странах.

Вспоминаются такие нигде не опубликованные случаи, рассказанные Ю. А. Л. лет тридцать назад биологом Р. В. Дермидонтовым о своем отце, Вадиме Ростиславовиче, орнитологе.

В 1919 году его с другими пленными колчаковскими офицерами везли куда-то в теплушке. Вдруг поезд остановился. Охранники начали по списку вызывать на расстрел. Когда крикнули «Дермидонтов», в вагоне нашелся еще один с такой же фамилией:

— У вас дети есть? — спросил тот.

— Сын.

— А у меня никого.

Тот, второй, пошел, а В. Р. уцелел.

В 1940 году в Большой зоологической аудитории старого здания МГУ на Моховой собрали биологическую общественность города, чтобы облить грязью недавно арестованного академика Н.И. Вавилова. Немало бывших учеников и друзей великого биолога подобострастно аплодировали И.И. Презенту и другим ораторам вещавшим о вредительстве и антисоветской деятельности Вавилова. Вдруг в середине зала встал Дермидонтов, закурил трубку и, демонстративно медленно пройдя к выходу, изо всей силы хлопнул дверью. Ночью он написал стихотворение:

Мне намеками звучали речи.
Было трудно уходить во тьму.
Я искал разгадок в каждой встрече
И сводил все счеты к одному.
Рассветало, в утреннем тумане
Тени серые мерещились в окне,
Лоскуты бумаги на диване
И подошв шуршанье в тишине.
Все свершилось. Не было загадок.
Все пришло гудок и тишина.
И шуршание обойных складок,
И душа разрытая до дна.
Улеглись минутные волненья.
Я готов. Так проще:
Роща, снег.
Улиц пробудившихся виденье,
И трамваев дребезжащий бег.

(публикуется впервые. К сожалению, нам ничего не известно о судьбе сына Дермидонтова.

Утром за ним пришли. Действительно, был обыск. Его увели. Он исчез навсегда. Осталась вдова с двумя детьми. И недописанное стихотворение:

Полюбив душой четвероногих,
Сам готов я встать на четвереньки.
Не боюсь я судий ваших строгих.
Четырьмя пойду считать ступеньки.

Эту историю рассказали одному достаточно известному математику. Тот глубоко возмутился: разве можно ради красивого жеста жертвовать жизнью четырех человек — жены, детей и своей собственной? Это глубоко безнравственный поступок. Галилей отрекся и продолжал спокойно работать. Неужели было бы лучше, если бы он не захотел каяться и его сожгли?

Предоставляем читателям возможность подумать, какая из этих двух нравственных позиций им больше по душе. Авторы склонны считать, что духовная свобода и стремление к ней, так же как и желание «лечь костьми» за ту или иную идею — нечто такое, что не нуждается в научных определениях.

Пускай они, в принципе, даже и возможны. Все равно лучше — помолчать. По крайней мере, обе позиции — и В. Дермидонтова, и того математика, который его критиковал, — глубоко человеческие. Всяческие аналогии с животными, рассуждения о павловском «рефлексе свободы», этологические термины и тому подобное были бы здесь прямо-таки непристойны и не к месту. Да простит нам читатель столь явное противоречие со всем сказанным выше! Как говаривал аббат Куаньяр в одноименном произведении Анатоля Франса: Большая последовательность — признак низменных и ограниченных натур.

11.2. Этология счастья

Из всех разделов нашей книги этот короче всех, что вполне естественно. Что нового скажешь на тему, которой посвящены бесчисленные тома?

Как стать счастливым или сделать счастливыми других, если над каждым «витает ангел смерти», всех, кроме рано умерших, ждет мучительная старость, столь многим не везет на жизненном поприще, сколь часто люди родятся или делаются инвалидами, сиротеют в детстве, становятся нищими, попадают за решетку и прочее?

Не будем повторять за буддистами очевидное, но трудно достижимое счастье или, вернее, отсутствие страданий — в свободе от любых желаний.

Попробуем, однако, сформулировать лишь то главное, что могут ответить этологи, руководствуясь своими профессиональными знаниями на вопросы: что такое счастье и как стать счастливым.

Как читатели уже знают, в мозгу человека и животных имеются так называемые центры «удовольствия» и «неудовольствия». Как выразился по этому поводу американский физиолог Г. Мэгун, рай и ад человека находятся у него в мозгу.

Мы, однако, ответим совсем иначе.

Счастье человека, в основном, за рамками его биологического «Я».

Тот, кто сосредоточен на своих личных вожделениях, болячках, желаниях и прихотях, опасениях за свой драгоценный организм, на заботах о собственном комфорте, кто шевелит мозгами только тогда, когда это вызывается суровой житейской необходимостью что-то достать, заиметь, избежать какой-то опасности — тому не может долго улыбаться счастье, если человек этот имеет хотя бы какое-то подобие живой человеческой души.

Ясно же, что рано или поздно очередное желание не сбудется, в организме что-нибудь подпортится, откажут силы. Человек, сосредоточенный на себе, — раб внешних обстоятельств. (Впрочем, не исключено, что человек, сосредоточенный на внешних обстоятельствах, тоже может являться их рабом. Или, скажем, рабом своего желудка. Рабство — дело тонкое.)

Только «парение духа», бескорыстный интерес к тому, что вне нас вершится и с нами

не окончится, а также соучастие, сердцем душей, в жизни других людей и общества в целом несет освобождение от страха за себя и жалости к себе. (Впрочем, может принести страх за других и жалость к ним, а счастья вовсе не гарантирует.)

В книге «По ком звонит колокол» есть такой завершающий эпизод.

Ранен интербригадовец Роберт Джордэн. Шансов на спасение — никаких. Сейчас подойдут фашисты и добьют. Но осталась еще последняя боевая задача: хоть ненадолго задержать их продвижение — в руках у раненого ручной пулемет. А душа его как бы устремляется вдаль. Мысленно он следует за уцелевшей частью партизанского отряда, с которой ушла его возлюбленная. Он с ними, он с ними, он с ними — и это освобождает его от страха смерти.

В лесу и в поле дух человека раскрепощает любовное созерцание вечной природы, а в моменты смертельной опасности — глубокое осознание того, что бренное человеческое «я» — всего лишь часть чего-то неизмеримо более значительного и вневременного.

Счастье человека в его духовной жизни, в творческих озарениях и тех волевых импульсах, которые позволяют ему, «идя босиком по битому стеклу», преодолевать, на первый взгляд, совершенно непреодолимые препятствия.

Нет более жалких людей чем те, которые ненасытны в своих желаниях обрести нечто сугубо материальное, «земное», полностью отдав свою душу во власть слепых инстинктов. Трагедия этих личностей в постоянном противоборстве духовного и животного начал в их сознании.

Если животное начало полностью одолевает духовное, источниками непрерывных страданий оказываются то зависть и злоба, то неудовлетворенная физиологическая потребность, то недомогания организма, то ревность, то страх, то чувство одиночества.

Мы слишком много знаем и понимаем о себе, чтобы ощущать себя счастливыми, оставаясь скотами в душе.

В «Фаусте» одухотворенный, но, на свою беду, не свободный от земных страстей Фауст говорит самодовольному научному педанту Вагеру:

Тебе знакомо лишь одно стремление.
Знать множество — несчастье для людей.
Но две души живут в груди моей,
Друг другу чуждые
И жаждут разделения.
Одной из них мила земля
И то, что люди любят в мире.
Другой — небесные поля,
Где духи носятся в эфире…
Вот он в чем, корень страданий!

Для того, чтобы жить одними эмоциями, не контролируемыми разумом, мы чересчур умны, слишком хорошо информированы о грозящих нам превратностях судьбы и о ее неотвратимом финале. Но освободиться полностью от этих эмоций нам не позволяет само устройство нашего мозга, такое же, во многом, как и у других высших животных, лишенных речи и способности к самоанализу. Отсюда — постоянно изводящий нас страх за себя и близких. Отсюда же и изжигающие душу желания чем-то обладать, отхватить себе кусок побольше, оттолкнув от кормушки соседа, занять его конуру, завладеть его «самкой».

Чем самокритичнее и как бы отстраненнее мы воспринимаем эти наши эмоциональные «взбрыки», чем больше мозг наш сосредоточен на чем-то таком, что нельзя ни украсть, ни потерять, ни растратить, ни сносить, ни проиграть, ни обрести в результате нарушения функций нашего недолговечного организма, тем в большей степени знакомо нам ощущение подлинного счастья, чисто человеческого и совершенно неведомого всем прочим живым существам.

Подведем итог.

Счастье — ощущение, испытываемое человеком в наибольшей степени в двух его состояниях: чисто животном и полностью свободном от всех «скотских вожделений».

Обе крайности довольно редки. Вторая — состояние мудрой отрешенности, буддисты зовут ее нирваной, очень трудно достижима. Это блаженное всепонимание, до которого возвышаются, разве что, считанные единицы.

К первой форме счастья, общей у нас с животными, порою приближаются почти все на какие-то краткие мгновения. Однако же, слава Богу, постоянно в скотском состоянии пребывают лишь немногие из нас. Почти у любого есть мгновения, когда его дух возносится над животным «я» (которого, кстати, в самоосознанной форме даже у высших «бессловесных» тварей, по-видимому, нет.)

Когда умирал Платон, которого мы уже несколько раз упоминали, он возблагодарил своего «Гения» (то есть судьбу) за то, что рожден был не животным, а человеком, не варваром, а эллином и оказался современником — учеником Сократа.

Возблагодарим же и мы судьбу, наперекор всем страданиям, происходящим от наличия у нас речи и интеллекта, за то, что способны не только чувствовать и желать, но и отвлеченно мыслить…

> На свете счастья нет, Но есть покой и воля…
> Но не хочу,
> О, други, умирать,
> Я жить хочу,
> Чтоб мыслить и страдать…

Заключение

Зачем мы написали эту книгу?

В заключение авторы сами себе задают этот вопрос. Отвечаем: чтобы предупредить многих далеких от этологии читателей — наше поведение само по себе опасно. Сознание слишком плохо контролирует инстинкты в экстремальных ситуациях.

Даже величайшие умы, не говоря уже о простых людях, часто руководствуются иррациональными мотивами, имеющими врожденную основу. Анатоль Франс говорил: Государство подобно человеку. Некоторые свои самые необходимые функции оно вынуждено скрывать. Перефразируя, можно сказать, что человеческая личность подобна государству. Во многих государствах творческая интеллигенция — служанка скудоумной и малограмотной правящей верхушки. Не так ли наше собственное сознание выискивает средства достижения целей, запрограммированных эмоциональными центрами нашего мозга (по этологической терминологии «центрами мотивации»)? Сознание в его высшей форме свойственно только человеку, а эти центры у нас — такие же, как и у других животных, созданы природой слишком давно и не рассчитаны на современную человеческую цивилизацию.

Громадное несоответствие между эмоциями человека, целевой программой его действий, и интеллектом, применяемым для достижения цели, поставили человечество на грань катастрофы. Наша цивилизация ведет себя как умнейшая вычислительная машина, управляемая пятилетним ребенком. Большую тревогу за судьбу человечества высказывал по этому поводу не только К. Лоренц, но и другой его великий соотечественник Зигмунд Фрейд.

Одним из чувств, не контролируемых разумом и в последние годы буквально

захлестнувших мир, является этническая вражда. Мы о ней и ее извращениях уже достаточно много рассказали. Чем особенно опасно это чувство? Оно порождает принцип огульной, коллективной вины.

Право на жизнь и ее блага определяют исходя не из личных качеств человеческого индивида, а руководствуясь анкетными данными. За статистическое преобладание людей той или иной расы, национальности, приговаривают к смерти целые города. Как с нравственной позиции оценить бомбы, взрываемые в магазинах и общественном транспорте, убийства заложников, в том числе стариков, женщин и детей? Существует ли какое-то оправдание для таких чудовищные преступлений, как геноцид, этнические чистки?

Это — риторические вопросы. Слишком уж многие наши соотечественники, хотя, слава Богу, пока — меньшинство, на подобные вопросы отвечают твердо и уверенно:

— Приветствуем и одобряем, если только те жертвы — инородцы или иноверцы. В противном случае осуждаем, как преступление против человечества.

Рассуждения, основанные на такой двойной морали, распространились сейчас повсюду. Об этом свидетельствует наблюдаемый год от года рост числа террористических актов, вооруженных конфликтов и погромов — массовых убийств, совершаемых на почве этнической или религиозной нетерпимости.

Артур Шопенгауэр писал: Самая дешевая гордость — это гордость национальная… В национальном характере мало хороших черт, ведь субъектом является толпа. Сто с лишним лет назад за такие мысли еще не объявляли иностранными «агентами влияния», не подвергали травле за космополитизм, не искали и не придумывали инородческих прабабушек и прадедушек.

И, по словам К. Лоренца, …всякое эмоциональное возбуждение тормозит разумное действие… ни к одной эмоции это не относится в такой степени, как к коллективной этнической вражде.

Мы понимаем, насколько бессмысленно обращаться на страницах этой книги к профессиональным поджигателям расовой, национальной, религиозной и классовой ненависти, к исповедующим соответствующие взгляды писателям, публицистам, политикам. Но задумаемся, сколько лет просуществует еще цивилизация на нашей планете, если мы не опомнимся, наконец, не примем какие-то меры к предотвращению глобальной экологической катастрофы? Это, в самом лучшем случае, несколько десятилетий. Не верите? Об этом много сейчас пишут. Только читать некому, в головах совсем другое…

Есть ли хоть какая-то надежда, что столь модные сейчас апокалиптические пророчества о близком конце света все-таки не сбудутся? Если по-честному, то очень малая. Уточним. Для этого нам всем, белым, желтым и черным, правым и левым и даже тем, кто к ближайшей годовщине «Великой Октябрьской» собирается возвратить России ее «исконные» земли: Финляндию и Польшу, Калифорнию и Аляску, необходимо срочно поумнеть и договориться о «правилах» поведения.

Предотвратить глобальную экологическую катастрофу и вселенский сырьевой кризис наша цивилизация смогла бы, разве что, в условиях как политико-экономического, так и экологического единства. Для этого пришлось бы объединить усилия с развитыми странами Запада, а также Японией, Китаем, странами Третьего мира, народами всех континентов. Однако, современные идеологические и геополитические реалии вряд ли позволят это сделать. Не существует пока и вполне разработанных научных подходов к такой грандиозной задаче как борьба человечества с деградацией биосферы.

Воистину, близок Страшный Суд. Тем не менее, наша книга посвящена куда более частному вопросу. Чтобы остановить процесс сползания нашей страны к новому периоду массовых репрессий, истребления самых талантливых, нестандартных и умных, надо не только объединиться и искать способы торможения социальных взрывов, но и больше знать о механизмах антиобщественного поведения людей.

Мы не претендуем на общий охват столь широкой проблемы, как стратегия выживания человечества в XXI веке. Мы рассматривали, главным образом, наиболее явные аналогии

между закономерностями культурной и биологической эволюции, или же между проявлениями взаимной агрессивности у людей и врожденными формами агрессивного поведения животных. Порой эти параллели и аналогии носят нелестный для человечества характер, и авторам не хотелось бы из-за констатации научных фактов оказаться «зачисленными» в ряды воинствующих безбожников либо какой-то политической группировки. Научные факты — вне религий и партий. Впрочем, отсюда, конечно же, не следует, что мы абсолютно аполитичны.

Самым разумным общественным строем нам, несомненно, представляется демократия, несмотря на ее многочисленные недостатки. Земной Рай, в принципе, построить невозможно. Это все равно, что «вечный двигатель». Но после всего что пережила наша страна за последние семьдесят пять лет, страшно даже подумать, куда нас может завести новый крестовый поход против «гидры мирового плюрализма».

Кое-кто считает, что демократия нам вовек противопоказана потому, что она — не в российских традициях. Трудно воспринять такую логику. В настоящее время благами демократии уверенно пользуются не только японцы, у которых демократических традиций не больше, чем у русских, но и жители Океании, а также того Новогвинейского берега, на который некогда высаживался Миклухо-Маклай. Уровень жизни даже там в последние годы выше, чем у нас. Трудно поверить, что народ Рублева, Пушкина, Достоевского, Толстого, Менделеева и Павлова все еще не дорос до уровня правосознания фиджийцев и современных папуасов.

Все те несчастья и беды, которые свалились на нас на протяжении последних лет — плод не демократии, как сейчас думают многие, а того, что ей предшествовало в СССР и ранее в Российской империи на протяжении многих веков.

Могут возразить:

— Значит, вы за безработицу, и тот постоянный страх остаться без места, который отравляет жизнь западным людям? Может быть, вам неизвестно, что этот страх, доводящий иных до бессонницы, во сто крат унизительнее, например, тех умеренных ограничений свободы, которые существовали у нас при Брежневе? Что же вы, не бывали на Западе, не видели, как маленький человек вынужден там лебезить и пресмыкаться перед своим боссом? Вас восхищает западная массовая культура: комиксы, порношоу, идиотские телепрограммы, пошлость и бездуховность западных фильмов, которые заполонили наши кинотеатры? Вас не пугает американизация нашей культуры? Рынок не совместим с высоким искусством. В условиях западной гонки невозможно ни истинное служение музам, ни самоуглубленное, неторопливое проникновение в тайны природы! В Америке процветает культ насилия!..

Мы сами можем, поднатужившись, придумать много таких и подобных им возражений.

Однако, демократия старше капитализма. Она существовала и в древнегреческих полисах, и в военных общинах некоторых степных кочевников раннего средневековья, и в нашем Новгороде. Единственная альтернатива демократии в наше время — тирания. Неизбежные ее спутники — нищета, ложь, террор, кровавая борьба за власть. Спрашивать, зачем нужна демократия так же глупо, как интересоваться, зачем нужны канализация и водопровод.

Единственное, но громадное преимущество демократии — при ней властителей, ущемляющих интересы своих подданных, могут больше не избирать. Закон, а не произвол отдельных личностей должен управлять общественным поведением людей. Обществу надлежит быть открытым и правовым. Власть следует доверять не демагогам и популистам, а профессионалам, понимающим, что они делают. У. Черчилль говорил: Демократический строй плох, но лучше всех остальных, пока известных. История подтверждает, что это именно так.

Что бы нам хотелось пожелать и посоветовать нашим читателям в заключение?

Понимания, что в современном обществе особенно опасно давать волю таким эмоциям, как агрессия и связанное с ней желание выместить злобу на ближних, доисторические инстинкты этнической ненависти и такие ее «извращения», как враждебное отношение

молодежи к старшему поколению, межпартийная и классовая вражда, сопряженная с делением общества на противостоящие друг другу лагеря, формирование «образа врага». Людей разделяют, по больше части, не убеждения, а заблуждения. С человеком любых политических взглядов можно нормально общаться и совместно искать выход из теперешней тяжелой ситуации.

Многим мерещится, что все противники — исчадия ада, кровожадные чудовища или алчные похотливые скоты, одержимые неуемной жаждой власти и стяжательства. Этим вымышленным врагам мы приписываем тысячу пороков и тяжких грехов, в том числе такие, как желание разрушить страну по заданию иностранных разведок или по собственному злому умыслу. Относитесь самокритично к таким своим измышлениям. Не верьте себе, когда на вас находит ощущение, будто вы в осажденной крепости. Главный наш враг — мы сами.

Думайте о том, что прочитали в этой книге, и пытайтесь путем самоанализа выбраться из духовного тупика, в который загоняет нас «тяжелая обезьянья наследственность». Да здравствуют разум и гражданский мир! Такова наша точка зрения. Однако же, уверены ли мы, что все, написанное в этой книге справедливо? Нет, конечно. А если бы мы были уверены на сто процентов во всем, что мы думаем и пишем, нам, пожалуй, расставшись с биологией, следовало бы заняться политикой в этом «безумном, безумном мире». И однако, тем не менее, говоря словами Лоренца, мы …искренне убеждены, что в ближайшем будущем очень многое, может быть даже большинство, все сказанное здесь о внутривидовой агрессии и об опасности, вытекающей для человечества из нее, будут принимать за самоочевидные и даже банальные истины.

Литература

1. Вагнер В.А. Возникновение и развитие психических способностей (Этюды по сравнительной психологии). Вып.3. От рефлексов до инстинктов высшего типа у человека и их значение в жизни последнего. Ленинград, «Начатки знаний», 1925.

2. Дольник В. Р. Этологические экскурсии по тайным садам гуманитариев.

Часть 1. Агрессия, доминирование и иерархия — начало всех начал. «Природа», 1, 1993, стр. 472–485.

Часть 2. Природа власти. «Природа», 1993, стр. 73–86.

Часть 3. Прогулка по истории с учебником этологии. «Природа», 1993, стр. 63–71.

3. Дольник В.Р. Кто создал творца? «Знание-сила», 1, 1993, стр. 72–82.

4. Дубинин Н.П. Что такое человек. М., «Мысль», 1983.

5. Дьюсбери Д. Поведение животных сравнительные аспекты.; М., Мир, 1981.

6. Лоренц К. Кольцо царя Соломона. М., Мир, 1970.

7. Лоренц К. Человек находит друга. М., Мир, 1971.

8. Мак-Фарленд Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция.; М., Мир, 1988.

9. Поведение животных и человека: сходство и различия. Сборник научных трудов. Пущино, 1989.

10. Тинберген Н. Осы, птицы, люди. М., Мир, 1970.

11. Хайнд Р. Поведение животных. М., Мир, 1975.

12. Чайлахян Л.М. Истоки происхождения психики или сознания. Пущино, 1992.

13. Lorenz K. Das sogenannte Bose: zur Naturgeschichte der Agression. Wien, 1963.

14. Lorenz K. Uber Tierisches und Menschliches Verhalten. Ges. Abh. Bd 1–2, Munchen, 1966.

15. Lorenz K. Behind the mirror. Pergamon, L. N. Y., 1977.

16. Tinbergen N. The study of instinct. Oxford, 1951.